

СТАЙН

Авторы, которые
напрягут нас до предела,
чтобы подарить только
ОДНО
СТРАХ.

ЛУЧШАЯ ПОКРЫТА - ТОЛЬКО В СТОЛИИ
БОГАТЫЯ ДЕНЬКА - ТОЛЬКО

Annotation

Повести, собранные в этом сборнике, станут кошмаром наяву для самого искушенного читателя. Загадочные несчастные случаи, смертельно опасные тайны, жуткие разоблачения - невероятный коктейль самых зловещих историй для читателей от автора бестселлеров Р.Л.Стайна. Начните читать и почувствуйте ледяной душу ужас и потусторонний страх...

- [Роберт Лоуренс Стайн](#)
 - [Лучшая подруга](#)
 - [Лучшие друзья — навсегда](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)

- [Глава 27](#)
- [Поцелуй убийцы](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Глава 27](#)
 - [Глава 28](#)
 - [Глава 29](#)
 - [Глава 30](#)
- [Богатая девочка](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)

- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Побег](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
-

Роберт Лоуренс Стайн
Лучшая подруга. Поцелуй убийцы.
Богатая девочка. Побег

Лучшая подруга

Лучшие друзья — навсегда

Дверь спальни настежь распахнулась. Бека уронила свое вязание. Лайла села. Триш вскочила на ноги.

Три подруги с удивлением уставились на незнакомку с копной длинных темно-рыжих волос, так внезапно появившуюся в комнате.

— Бека! — закричала она, бросаясь обнимать девушку. — Ах, Бека, Бека! Я так рада тебя видеть! Не могу в это поверить! Просто не могу поверить! Это ты, Бека? Неужели это ты?!

От изумления Бека открыла рот. Слова застряли в горле.

«Кто эта девушка? — пыталась понять Бека. — Я никогда не видела ее раньше!»

Глава 1

— Ну перестань! Ты делаешь мне больно!

Эрик Фрейзер отпустил Беку Норвуд.

— Извини, я не хотел, — он покраснел и отвернулся, разглядывая заснеженное ветровое стекло. Бека отодвигалась все дальше и дальше от него, пока ее плечо не уперлось в дверцу машины. Девушка поправила воротник пальто. «Зачем я сижу здесь и целуюсь с ним? — подумала она. — По-моему, нам давно пора расстаться».

Снег падал большими влажными хлопьями. Стекла машины были уже почти запорошены. «Кажется, что ты внутри эскимосской хижины», — подумала Бека, поежившись.

Эрик снова начал придвигаться к Беке, его темные глаза искали ее взгляд. Бека жестом остановила его.

— Нам нужно поговорить, — сказала она, стараясь унять предательскую дрожь в голосе.

— Поговорить? — он почему-то усмехнулся. Он всегда усмехается невпопад. О, как же она ненавидела эту усмешку!

Эрик обнял девушку за плечи и попытался прижать ее к себе.

— Не надо, пожалуйста, — молила Бека, стараясь выскользнуть из его рук.

Эрик сделал обиженный вид.

— Так о чем же ты хочешь поговорить?

Бека принялась грызть ногти. Вредная привычка. Нервы. «Ну вот, опять начинается», — подумала она. Желудок сжался, в горле пересохло.

Бека всегда нервничала в присутствии Эрика. Они познакомились в сентябре, когда начались занятия в школе. Уже больше трех месяцев. Но Бека никогда не чувствовала себя спокойно рядом с ним.

Он всегда был таким... несчастным.

Бека перестала грызть ногти, обхватила руками колени.

— Я думаю, нам нужно о многом поговорить.

В припаркованной возле леса машине было холодно, мотор отключен, печка не работала. Беке снова стало зябко.

Эрик закатил глаза.

— Почему ты все время хочешь поговорить?

В его голосе слышалось нетерпение, даже гнев.

— Почему ты никогда не хочешь разговаривать со мной? — спросила Бека дрожащим голосом. Внутри у нее все сжалось. «Только не плачь, — уговаривала она себя, кусая губы. — Это не конец света. Ты просто расстаешься с этим парнем. Не так уж давно вы и познакомились».

Эрик демонстративно отвернулся от Беки, сжал руль обеими руками.

— Чем ты недовольна? — спросил он. — Сама же захотела приехать сюда.

— Я знаю.

— Тогда почему ты такая сердитая? Я извинился, что слишком крепко обнял тебя. Я не нарочно.

Он небрежно взъерошил рукой свои темно-русые волосы.

У Беки сильно колотилось сердце. Сиденье машины казалось ей жутко неудобным.

На улице свирепо выл ветер, швыряя мокрые комья снега на ветровое стекло. «Не смей плакать, — снова сказала она себе. — Будь хладнокровной. Хоть один раз в жизни прояви выдержку».

— Мне кажется, нам не следует больше встречаться.

«Вот и все. Я сделала это».

— Что?

Бека повернулась, чтобы увидеть выражение его лица.

— Ты меня слышал.

Эрик усмехнулся. Снова эта гадкая неуместная усмешка. Эрик машинально водил пальцами по окружности руля.

— Думаю, мы должны расстаться, — прибавила Бека

дрогнувшим голосом. «Не реви!»

— Хорошо, — сказал он. — Нет проблем.

Его лицо стало непроницаемым. Абсолютно никакого выражения. Беке вдруг захотелось объяснить ему все.

— Эрик, ты замечательный парень, но...

Он жестом попросил ее замолчать.

— Я же сказал, нет проблем. Я отвезу тебя домой, Бека.

Эрик поднял воротник кожаной летной куртки, повернул ключ зажигания. Машина долго не заводилась. «По-моему, наши отношения его мало волнуют, — подумала Бека. — У тебя расшатались нервы. Ты постоянно нервничаешь», — твердила она себе. Только бы сердце перестало биться так сильно. Бека чувствовала, как на виске пульсировала жилка.

Эрик включил дворники. Они сметали с ветрового стекла нападавшие снежинки, позволяя ночной темноте проникать внутрь салона. Горящие фары образовывали впереди тоннель света.

— Прости меня... — снова сказала Бека.

— Нет проблем, — повторил Эрик. Его нога нажала на педаль, и машина плавно выехала на дорогу.

«Что он заладил одно и то же», — думала Бека. Эрик совсем не казался расстроенным, скорее немного разочарованным. Девушка догадывалась, что расставание пройдет легко. Но не так! Она не хотела этого молчаливого противостояния. В течение нескольких недель их знакомства они постоянно боролись друг с другом. Куда бы они ни шли, что бы они ни делали, каждый отстаивал свои интересы.

Это была одна из причин для расставания с Эриком. Другой причиной был Билл Плентер. Бека смотрела на тихо падающий снег и думала о Билле. «Где он сейчас? Чем занимается? А не заехать ли мне к нему домой в Старую деревню прямо сейчас. Заглянуть на огонек, рассказать про разрыв с Эриком».

Нет. Это бессмысленно. Глупая идея. Родители убьют ее, если заподозрят, что она опять встречается с Биллом. Как они были рады, с каким облегчением вздохнули, когда она бросила Билла и познакомилась с Эриком!

Откровенно говоря, Эрик не очень нравился Беке. Он такой инфантильный, постоянно провоцирует ссоры, хихикает некстати, распускает руки. Мысли Беки опять возвращались к Биллу.

Девушка украдкой посмотрела на Эрика. Он вел машину, внимательно следя за дорогой. В свете фар кружился сумасшедший рой снежинок.

— Не сердись на меня, — мягко сказала Бека.

— Я и не сержусь, — ответил он, пожав плечами.

Этот жест показался Беке слишком безразличным. Она рассердилась не на шутку. «Не очень-то он и расстроился, — подумала она. — По-моему, он тоже хотел расстаться и рад, что все так произошло».

Она ожидала любой реакции, но не этого. Просто пожал плечами, словно несколько недель, которые они провели вместе, ничего для него не значили. В эту минуту все их отношения превратились в пустоту.

Бека расстроилась. «Ну почему я принимаю все так близко к сердцу?» — спрашивала она себя.

Когда машина свернула на Фиар-стрит и остановилась у ее дома, Бека дрожала от холода и нервного напряжения. Она толкнула дверцу. Поток холодного воздуха ворвался в машину.

— Встретимся в школе, — бодро сказал он. — Не переживай.

«Ему на меня наплевать», — с горечью подумала Бека.

Девушка захлопнула дверцу машины. Эрик сразу же дал задний ход и умчался прочь, пока она разыскивала в кармане ключи. Мысли Беки кружились в голове, как падающий снег. «В таком состоянии я не могу пойти домой. Нужно немного развеяться». В связке она обнаружила ключ от машины родителей. «Поеду к Биллу. Нет, лучше просто покатаюсь по городу. Постараюсь успокоиться».

Бека направилась к гаражу. Под ногами хрустел свежий снег. Девушка старалась открыть раздвижную дверь как можно тише, чтобы не слышали родители.

Через некоторое время она выехала на улицу с потушенными фарами и понеслась вниз по Фиар-стрит, колеса машины утопали в снегу.

«Какой мягкий, уютный снег, — думала девушка, включая фары. — Я только покатаюсь по городу, а затем вернусь».

Сердце все еще билось часто, внутреннее напряжение не спадало. «Почему я так расстроилась из-за разрыва с Эриком?» — думала она, сворачивая на Миллроуд.

«Сейчас, когда все позади, я нервничаю еще больше». Все это не имело смысла. «Прими жизнь такой, какова она есть, девочка, — сказала она себе. — Черная полоса закончится».

«Мне нужно позвонить Биллу, кстати, Триш и Лайле тоже. Как они удивятся, когда узнают, что я все-таки рассталась с Эриком».

«Во всяком случае больше, чем Эрик», — с досадой подумала Бека. Она вспомнила, как он пожал плечами, это невыносимое выражение безразличия на его лице. «Да кому он нужен?» — обиженно подумала девушка.

Погруженная в свои мысли, Бека вовремя не заметила светофора на перекрестке. Когда красные рекламные огни Корсики замелькали в ветровом стекле, было уже слишком поздно. Хотя в последний момент Бека успела нажать на тормоз, ее машина врезалась в другую.

Услышав скрежет металла и звон разбитого стекла, Бека закрыла глаза.

Глава 2

— Не могу поверить, что у тебя нет ни одной царапины! — воскликнула Триш.

— Я ехала не очень быстро, — ответила Бека. — Все из-за снега. У нашей машины нет серьезных повреждений, только одна фара разбилась.

— Тебе повезло, — сказала Лайла.

— Вряд ли можно назвать это везением, — объясняла подругам Бека. — Отец жутко рассердился, что я взяла машину без разрешения.

Девушки сочувственно заохали.

Субботнее утро следующего дня порадовало хорошей погодой. Голубое небо, ярко-белый свежавыпавший снег.

Бека и две ее подруги уютно устроились в спальне. Старый радиатор у окна время от времени тихонько шипел.

Бека, в безразмерном синем шерстяном пуловере и черных леггинсах, сидела на своей кровати, прислонившись спиной к стене и скрестив ноги. Спицы быстро-быстро мелькали в ее руках, на коленях лежал клубок оливковой пряжи.

— Скорее всего я не закончу этот свитер к Рождеству, — пробормотала Бека.

— А для кого этот подарок? — спросила Лайла, подняв голову. Девушка лежала на животе на ворсистом мягком ковре, лениво листая страницы старого журнала.

— Для моей кузины. Ой! — вскрикнула Бека. — Я уколола палец, — она сосредоточенно рассматривала маленькую ярко-алую каплю крови, выступившую из ранки.

— Свитер может запачкаться!

Бека отбросила вязание в сторону и принялась искать на туалетном столике бумажный носовой платок.

— Я вяжу, чтобы успокоить нервы, но сегодня что-то не работается, — сказала она подругам, прижимая к пальцу носовой

платок. — Мы с моей кузиной Рейчел вяжем друг другу свитера. Подарок к Рождеству. У Рейчел свитера получаются отличными, с маленькими ровными петлями, со сложными узорами, а мои... — ее голос стал грустным.

— Не бери в голову, — сказала Лайла, закрыв журнал, и перевернулась на спину, заложив руки за голову. На девушке был темно-бордовый с белым спортивный свитер и потертые джинсы, вытянутые на коленях.

— Тебе нужен пластырь, — сочувственно сказала Триш, оторвавшись от созерцания зимнего пейзажа за окном.

— И как же я буду вязать с заклеенным пальцем? — возразила Бека.

— Плохо! — отшутилась Триш. Она улыбнулась, обнажив ортопедические скобки на зубах, которые носила уже год. Триш была круглолицей невысокой девушкой в сером тренировочном костюме. Рыжие волосы, жизнерадостное смешливое лицо.

— Потрясающая стрижка, — подала голос Лайла.

— Да, впечатляет! — с энтузиазмом подхватила Триш.

Бека придирчиво посмотрела в зеркале на туалетном столике.

— По-моему, слишком коротко, — сказала она неуверенно.

— Ничего ты не понимаешь! — объявила Триш.

Впервые Бека увидела ультрамодную короткую стрижку у одной фотомодели из журнала «Семнадцать». Модель внешне была очень похожа на Беку — блондинка с миндалевидными зелеными глазами, высокими скулами, нежной белой кожей и даже маленькой ямочкой на подбородке. Словом, Беке крупно повезло, она остригла почти все свои волосы и теперь щеголяла в своей новой шикарной прическе.

— Я похожа на мальчика! — сказала Бека.

— Ты прекрасно выглядишь! — убеждала ее Триш.

— Хватит напрашиваться на комплименты! — воскликнула Лайла, закатив глаза. — Ты выглядишь потрясающе, и ты это знаешь.

— Я тебе завидую, — откликнулась Триш, сидя на подоконнике. — Представь, как бы выглядело мое круглое лицо с такой короткой стрижкой. Как шар для боулинга с ножками!

— Лучше уж быть похожей на шар для боулинга, чем на аиста, — проворчала Лайла.

На самом деле девушка втайне гордилась своим высоким ростом, но не упускала случая посмеяться над собой.

Бека сняла с пальца повязку.

— Кажется, все в порядке.

Она перешагнула через лежавшую на полу девушку и снова взялась за вязание.

— Тебе нравится этот цвет? — спросила она Лайлу.

— Да, потрясающе! Не сравнить с цветом свитера кухни, правда?

Триш засмеялась.

— Оставь ее в покое, — сказала Бека, нахмурившись. — Кстати, моя шея немного побаливает после вчерашнего.

— Ну и ночка у тебя была! — Триш покачала головой. — Сначала расставание с Эриком, а после — разбитая машина!

Лайла улыбнулась.

— Складно говоришь, Триш. Тебе следует стать писателем.

— Эрик совсем не казался расстроенным, — проворчала Бека, стараясь вспомнить рисунок орнамента.

— Расскажи поподробнее, — попросила Триш, усаживаясь поудобнее на краешке кровати. — Нам очень интересно.

— Я уже все рассказала. Я поссорилась с Эриком. Сказала ему, что нам стоит расстаться. А он сидел как истукан и не сказал не слова! Такой холодный! Холоднее его я никого никогда не встречала!

— И он не разрыдался, умоляя тебя дать ему еще один шанс? — спросила Триш. Подружки расхохотались.

— Могу себе представить картину. Бедный Эрик!

— Нет, слез не было. Ничего не было. Он только пожал плечами. Вот так. Очень неприятно.

— Может, он был в шоке и не мог говорить? — предположила Лайла.

— Да-да, именно так и было, — ядовито заметила Бека. — Вам достаточно? — Она перестала вязать.

— Шарф и рассказ были закончены одновременно? — поинтересовалась Триш.

— Это рукав, — пояснила Бека.

— Один или два?

— Один, конечно.

— Тогда он уже достаточно длинный, — сказала Триш.

Девушки опять весело рассмеялись.

Бека начинала понемногу приходить в себя, чувствовать себя спокойнее.

— Ты рассказала Эрику о Билле? — спросила Лайла, медленно выполняя на ковре наклоны вперед.

— Нет, разумеется! — ответила Бека.

— Это бы вызвало более бурную реакцию, — вставила Триш.

— Т-с-с, тише! — Бека приложила палец к губам. — У моей мамы это тоже может вызвать бурную реакцию! Осторожней, я думаю, мама сейчас здесь, наверху, убирается в комнате для гостей.

Триш и Лайла насторожились. Триш встала и закрыла дверь.

— Теперь она подумает, что мы здесь секретничаем, — нахмурилась Бека, сосредоточенно считая петли.

— Кстати, почему твоя мама так настроена против Билла? — спросила Лайла, понизив голос до шепота, хотя дверь была плотно закрыта.

— Разве ты не помнишь тот случай в школе в прошлом году? — нахмурилась Бека.

— Но он же был не виноват! — воскликнула Лайла. — Это были те хулиганы Мики Вейкли и Клэй Паркер! Они ворвались в здание школы и все разрисовали краской из баллончиков.

— Но Билл был с ними, — грустно сказала Бека. — Он ничего не делал, только присутствовал при погроме.

— Неудачно выбрал место и время, — покачала головой Триш.

— Но Мики и Клэй... — начала Лайла, но Бека не дала ей договорить.

— Билла тоже временно исключили из школы, разве ты не помнишь? А мои родители помнят. Слишком хорошо помнят! После исключения Билла мне запретили встречаться с ним, звонить ему и все такое прочее.

— Помню, — сочувственно сказала Триш. — Ты тогда чуть с ума не сошла!

— Мы думали, ты заболела, — прибавила Лайла, продолжая делать упражнения. — Вы тогда жутко поссорились.

— Да, — сказала Бека, сверкнув зелеными глазами. — Но это было в прошлом году. Сейчас все по-другому, надеюсь. Билл очень изменился и больше не общается с Мики и Клэем. Он хороший парень и...

Прежде чем Бека успела закончить фразу, дверь комнаты распахнулась. От неожиданности Бека уронила вязание, Лайла села на ковре, а Триш вскочила на ноги. Все трое удивленно посмотрели на девицу с копной темно-рыжих волос, так неожиданно ворвавшуюся в комнату.

— Привет! — закричала она, обводя взглядом застывших от изумления девушек. Больше всех ее интересовала Бека.

— Бека! — Перешагнув через Лайлу, незнакомка устремилась к Беке и крепко обняла девушку.

— Ах, Бека, Бека! Я так рада тебя видеть! — кричала она визгливым голосом.

Бека безуспешно пыталась освободиться из цепких объятий незваной гостьи.

— Не могу в это поверить! — орала девица. — Просто не могу в это поверить! Бека, это ты? В самом деле, это — ТЫ?

От неожиданности Бека лишилась дара речи. «Кто такая эта девушка? — терялась в догадках Бека. — Я никогда не видела ее раньше!»

Глава 3

— Глазам своим не верю!

Девушка наконец отпустила Беку и, небрежным жестом отбросив назад свои волосы, принялась снимать пальто.

— До сих пор не могу поверить, что я здесь!

Бека выбралась из кровати и чуть было не споткнулась о сидящую на полу Лайлу. Девушка все еще не могла прийти в себя.

«Неужели я ее знаю?» Бека внимательно разглядывала лицо незваной гостьи, пытаясь обнаружить в своей памяти знакомые черты.

«Видела ли я ее раньше?»

Незнакомка была почти одного роста с Бекой, только немного полнее. Отнюдь не красавица. Очень эффектны были только темно-рыжие волосы, каскадом спадающие на плечи, большие серые глаза и губы, обведенные темной помадой. На ней был ярко-оранжевый свитер, совсем не гармонирующий с цветом волос, и зеленая мини-юбка. На ногах — черные колготки.

От внимания Беки не ускользнули и сжатые в кулаки руки. Слишком большие руки, непропорционально большие для ее тела.

— Дверь внизу была открыта, и я вошла, — выпалила девушка. — Представь себе, мы переехали, и теперь я живу по соседству. Поразительное совпадение, не так ли?

«Кто она?» Бека напряженно рылась в своей памяти. Она заметила слезы в уголках больших серых глаз. «Какая она сентиментальная! — подумала Бека. — Так разволновалась из-за нашей встречи. Так обрадовалась. Я должна ее знать. Должна!»

Бека обернулась к Триш, ища поддержки. Но Триш ответила удивленным взглядом. Лайла тоже с недоумением рассматривала девушку.

— О, Бека, ты совсем не изменилась! — закричала девушка и ринулась вперед, снова захватывая Беку в свои цепкие объятия.

— Ты тоже, — едва дыша пропищала Бека, взглядом умоляя

Лайлу прийти ей на помощь.

— Привет, меня зовут Лайла Бревнер, — сказала Лайла, когда девица отпустила Беку. — Не думаю, что мы встречались раньше. А это Триш, Триш Уолтерс, — представила Лайла подругу. Триш уже успела занять свое обычное место у окна.

— Привет, — Триш неловко улыбнулась. Серебряные скобки на зубах блеснули в оконном свете.

Девица отвернулась от Беки, словно впервые увидела, что в комнате еще кто-то есть.

— Я помню вас обеих, — заявила она, вытирая слезы своими большими руками. — Я — Хани Перкинс.

— Кто? — изумленно спросила Бека, внимательно разглядывая ее лицо. — Разве я знаю Хани Перкинс? Может быть, здесь какая-то ошибка, недоразумение?

Хани снова обратилась к Беке, ее улыбка стала еще шире.

— Не могу в это поверить! Просто не могу. Представляешь, мы теперь соседи. Забавно, не правда ли?

— Да, — сказала Бека с напускным воодушевлением. — Это очень здорово!

— Чудесно! — воскликнула Хани, пристально глядя на Беку. — Извини, но я до сих пор не могу прийти в себя.

— Я тоже, — ответила Бека. «Почему я никак не могу ее вспомнить? Неужели я схожу с ума?»

— Ты учишься в школе Шейдисайда? — спросила Триш, сидя у окна.

— Ну надо же! — Хани не отводила от Беки глаз.

«И долго она будет так смотреть на меня? — Бека чувствовала себя неловко. — Словно я похожа на мороженое, которое она собирается съесть».

— Ты училась в нашей школе раньше? — поинтересовалась Лайла.

Но Хани, казалось, не слышала вопросов девушек. Все ее внимание было сосредоточено на Беке.

— В самом деле, это ты, — снова сказала Хани.

— Да, это я! — Бека начинала терять терпение. «Я больше не могу! Кто она такая и что она хочет?»

Глаза Хани снова наполнились слезами. Затем она все-таки повернулась к Лайле и Триш.

— Извините, что я такая эмоциональная, — сказала она, покачивая головой. — Но мы с Бекой были самыми лучшими подругами в третьем и четвертом классах. И мне до сих пор не верится, что я вернулась.

Она шагнула вперед и снова крепко обняла Беку.

«Самыми лучшими подругами? — лихорадочно соображала Бека. — Что-то не могу припомнить лучшую подругу по имени Хани. Моей лучшей подругой в четвертом классе была Дина Мартисон»,

Продолжая широко улыбаться Беке, Хани поправила обеими руками свои пышные рыжие волосы.

— Это невероятно! Немыслимо! Поразительно!

Бека снова присела на краешек своей кровати и предложила Хани стул рядом с туалетным столиком.

— Я так взволнованна, не знаю, смогу ли я сидеть, — сказала Хани, однако быстро переставила стул поближе к Беке и уселась на него, скрестив ноги и постукивая по ковру носком теннисной туфли.

— Так куда ты переехала после четвертого класса? — спросила Лайла. Она по-турецки сидела на полу, прислонившись спиной к Бекиной кровати.

Хани пропустила вопрос мимо ушей. Она снова переключила свое внимание на Беку.

— Когда я узнала, что мы переезжаем на Фиар-стрит, я сразу подумала: «Неужели Бека живет там до сих пор?» Теперь я точно знаю: ты здесь, в том же самом доме.

— Да, этот старый дом нравится моим родителям. — Бека обменялась взглядом с Триш.

— Потрясающе! Теперь мы близкие соседи! — ликовала Хани.

— А где вы жили раньше? — спросила Триш.

— Теперь нас только двое, мой папа и я, — продолжала Хани, обращаясь непосредственно к Беке. — Мама умерла в прошлом году. Такой удар для нас обоих! Было очень тяжело.

«Почему Хани игнорирует Триш и Лайлу? — удивилась Бека. — Она что, не слышит их вопросов?»

Хани поставила стул напротив Беки, словно другие девушки не участвовали в разговоре.

— Вот одна из причин, почему я так рада, что встретила тебя, Бека, — продолжала Хани. Взгляд огромных серых глаз впивался в Беку, гипнотизировал ее. — Все снова будет так, как в старые добрые времена. Мы снова будем лучшими подругами.

Бека вдруг почувствовала себя виноватой. В жизни Хани она занимает особое место, Хани очень дорожит их дружбой, а Бека даже не может вспомнить, где они встречались раньше.

«Хорошая же я подруга! — стыдила себя Бека. — Может быть, со мной что-то не так?»

Триш снова заговорила, а Хани снова сделала вид, что не заметила этого.

— Расскажи мне о себе, — попросила она Беку. — Нам нужно наверстать все эти годы.

— Рассказ едва ли получится длинным, — неохотно начала она.

Внезапно в дверях появилась мать Беки.

— Как у вас дела? — спросила она девушек. Ее глаза переходили с одного лица на другое.

— Миссис Норвуд! — взвизгнула Хани. Она вскочила со стула и бросилась обнимать маму Беки.

Миссис Норвуд удивленно посмотрела на свою дочь.

— Как хорошо увидеть вас снова! Вы чудесно выглядите! — закричала Хани.

— Спасибо, — озадаченно пробормотала мама Беки. — Ты тоже, дорогая...

— Мы теперь соседи, — вцепившись в запястье миссис Норвуд, продолжала Хани. — Удивительно, не правда ли?

— Да, думаю, это так... — неуверенно ответила мама Беки. — Это очень мило. — Мама извинилась и поспешно ретировалась из комнаты.

Хани снова повернулась к Беке.

— У тебя такая чудесная мама! Всегда опрятная, ухоженная.

— Да, она такая, — согласилась Бека.

Она видела, что мама тоже не узнала Хани. Беке стало легче, она больше не чувствовала себя такой виноватой.

Но все не так просто.

— Она постарела, — заявила Хани, перестав улыбаться. — Ей следует красить волосы.

— Мама всегда красит волосы, — возразила Бека. — Только в последнее время она была очень занята и...

— Мне тоже не мешало бы покраситься, — Лайла провела рукой по своим темно-русым волосам, собранным в конский хвост. — Такой неинтересный цвет. Но мама сказала, что убьет меня, если я сделаю что-нибудь со своими волосами.

— Твои волосы, по крайней мере, прямые, — посетовала Триш.

— Какая милая брошка! Что это такое? — игнорируя реплики Лайлы и Триш, Хани схватила брошь на туалетном столике Беки.

— Это попугай, — объяснила Бека, делая шаг в сторону Хани. — Ее подарил мне Билл... парень, с которым я раньше встречалась. Я очень люблю птиц.

— Ты всегда любила животных, — сказала Хани, поднимая брошь к глазам, чтобы лучше рассмотреть ее. — Помнишь, как мы однажды нашли раненую птицу? Ты принесла ее домой и постаралась вылечить. Помнишь, как горько мы плакали, когда птица умерла.

«Нет, — подумала Бека, — я не помню».

— Да, — сказала она вслух, — я это помню.

— Можно померить? — попросила Хани, прикладывая брошь к своему оранжевому свитеру. — Она из пластика?

— Нет, это эмаль, — сказала Бека.

— Ты всегда была стильной. — Хани вертелась перед

зеркалом. — Знала все модные новинки. Всегда потрясающе выглядела. Мне очень нравится твоя стрижка. Как будто она придумана специально для тебя.

— Спасибо, — сказала Бека, украдкой взглянув на Триш, которая рассматривала пейзаж за окном.

Хани любовалась брошкой-попугаем, на ее лице играла довольная улыбка.

— Кажется, опять пойдет снег, — задумчиво сказала Триш. — Смотри, как потемнело.

— Не слишком радостный прогноз. — Лайла встала, потягиваясь. — Мы как раз сегодня собирались заехать к моему кузену. Дороги такие скользкие!

— Держу пари, что в этом году на Рождество будет снег, — сказала Триш.

— Мой свитер, я никогда его не закончу! — пожаловалась Бека.

— А если купить свитер в магазине и сказать, что его связала ты? — предложила Лайла.

— Он будет слишком хорошим, — сказала Бека.

— А ты купи плохой! — парировала Лайла.

Бека и Триш засмеялись.

Хани, казалось, не слышала их разговора. Она рассматривала плакаты над кроватью Беки.

— Мне очень нравится твоя комната, Бека. Она маленькая, но очень уютная. Здесь есть все необходимое. У тебя хороший вкус.

— Спасибо. — Бека почувствовала себя неловко.

— Мне бы очень хотелось иметь такую комнату... — задумчиво произнесла Хани. — Даже плакаты я бы оставила те же.

— Они мне уже надоели, — сказала Бека.

— В самом деле? А можно я тогда возьму их себе? — спросила она. — Конечно, если они тебе больше не нужны.

Бека не собиралась сейчас снимать плакаты, она сказала это для поддержания разговора. Но Хани пристально и требовательно смотрела на нее, ожидая ответа.

— Хорошо, я согласна, — Бека пожала плечами.

— Отлично! Тебе незачем снимать их прямо сейчас. Я еще не распаковала коробки в моей комнате, — сказала Хани. — Я возьму их в другой раз. Ведь мы собираемся видеться часто, не так ли?

Бека не ответила. Она сердито посмотрела на плакаты.

«На самом деле я совсем не собиралась снимать их. Просто я не смогла отказать Хани. Почему я согласилась отдать ей плакаты?»

Хани взглянула на часы на туалетном столике Беки.

— Ой, мне пора! — она была сильно взволнована. — Я так надеюсь, что мы опять станем лучшими подругами! — крикнула Хани на прощанье. — Как тогда, в детстве.

Она снова крепко обняла Беку и выбежала из комнаты.

Бека, Лайла и Триш молчали, прислушиваясь к тяжелым шагам Хани на лестнице. Когда хлопнула входная дверь, все трое заговорили одновременно.

— Что все это значит? — спросила Триш.

— Она, кажется, не заметила, что Триш и я тоже были в этой комнате! — воскликнула Лайла. — Ушла, не попрощавшись!

— Кто она? — Бека легла на ковер рядом с Лайлой. — Неужели я сошла с ума?

— Она твоя лучшая подруга, Бека, — усмехнулась Лайла. — Как ты могла забыть свою лучшую подругу?

Триш засмеялась, уткнувшись лицом в диванные подушки.

— А вы ее помните? — спросила Бека.

Лайла и Триш дружно качали головами.

— Почему мы должны ее помнить? — сказала Триш. — Она — твоя самая-самая лучшая подруга!

Триш и Лайла снова покатались со смеху.

Бека не разделяла их веселья. Она отняла у Триш подушку и крепко прижала ее к груди.

— А что, если она права? Что, если мы на самом деле когда-то были лучшими подругами? Неужели я такое чудовище, что смогла

забыть это?

— Прими это как факт. Ты — чудовище! — объявила Триш.

Они с Лайлой нашли шутку забавной и весело расхохотались.

Бека запустила в Триш подушкой. Она промахнулась, и подушка мягко отскочила от окна.

— Скорее всего нас ты тоже забудешь! — заявила Лайла.

— Кого, кого забудет? — веселилась Триш.

Последовал новый взрыв хохота.

— Хватит, — уговаривала подруг Бека. — Это серьезно! Хани была так счастлива видеть меня, вы сами в этом убедились. А я стояла как дура с открытым ртом и не знала, что делать.

— Я раньше никогда ее не видела, — сказала Триш. — Разве мы не учились вместе в четвертом классе? И нашей любимой учительницей была мисс Мартин?

— Да, — сказала Бека.

— Я тоже это помню, — подтвердила Лайла. — Кстати, что случилось с мисс Мартин?

— Уехала. Потом, наверное, родила ребенка, вышла замуж.

— Ты хотела сказать: вышла замуж и родила ребенка, — поправила Лайла.

— Какая разница! — нетерпеливо отмахнулась Бека.

— Тогда почему мы совсем не помним Хани Перкинс? — спросила Лайла. — У тебя есть фотография нашего класса?

— Четвертого класса? — Бека покачала головой. — Я так не думаю. Хотя нет, постой.

Она подошла к письменному столу у стены, наклонилась и выдвинула нижний ящик.

Бека достала картонную коробку и принялась тщательно перебирать фотографии. Вскоре она держала в руках фотографию четвертого класса. Триш и Лайла склонились над ней и принялись внимательно ее изучать.

— Вот она! — сказала Триш, показывая пальцем на лицо в

правом верхнем углу. — Это должна быть она. Те же волосы.

Как только Триш убрала палец, все сразу вспомнили Хани.

— Да, правильно, это она! — воскликнула Бека. — Все считали ее ведьмой.

— Она и в самом деле была ведьмой, — подтвердила Триш. — Всегда очень спокойная. Молчунья. Когда однажды мисс Мартин вызвала ее к доске, Хани разыграла приступ удушья. Ты помнишь? Она сильно побледнела, изо рта пошла пена.

— Никто не любил ее, — прибавила Лайла, пристально глядя на фотографию. — Кстати, Бека, у тебя симпатичная челка! — воскликнула Лайла, найдя Беку на снимке. Бека сидела в первом ряду.

— Ты всегда была стильной! — передразнила Триш.

Бека толкнула ее в бок и снова посмотрела на неулыбающееся лицо Хани.

— Еще тогда Хани могла расплакаться без видимой причины, — вспомнила Бека.

— Да, она была жутко пугливой, — согласилась Триш.

— У нее совсем не было друзей, — прибавила Лайла.

— Тогда почему она утверждает, что мы с ней были лучшие подруги?

— Она может нафантазировать себе любую жизнь! — сказала Триш.

— Послушай, тебе повезло: у тебя появилась новая поклонница! — дразнила Лайла.

— Да, — прибавила Триш, — новая самая лучшая подруга!

Бека нахмурилась.

— Я так не думаю.

Она убрала фотографию в коробку и снова задвинула нижний ящик стола. Девушки еще немного поговорили о Хани, вспоминая, какой странной и нелюдистой девочкой она была.

— Хани уехала из города, не закончив четвертый класс, — вспомнила Лайла. — Она сидела за соседней партой. И вот однажды

ее парта оказалась пустой.

— Мне пора, — стала прощаться Триш. — Встретимся позже, Бека, было очень интересно.

Она направилась к двери, Лайла последовала за ней.

— Подожди, давай пойдем вместе. Я позвоню тебе, Бека.

Но Бека не ответила подругам.

— Моя брошь! — сказала она.

Лайла и Триш обернулись. Бека удивленно смотрела на туалетный столик.

— В чем дело?

— Моя брошка с попугаем! — закричала Бека. — Она исчезла!

Глава 4

— Ты думаешь, ее взяла Хани? — спросила Лайла. — Кажется, я видела, как она положила брошь на туалетный столик.

— Но сейчас ее там нет! — пробормотала огорченная Бека. Девушка ползала по ковру, надеясь отыскать любимое украшение. Лайла и Триш охотно присоединились к ней.

— На письменном столе ее нет, — сообщила Триш.

— Посмотри под столом, может быть, она упала? — сказала Лайла.

— Эта брошь мне очень дорога, — сказала Бека, пытаясь заглянуть под туалетный столик. — Это единственный подарок Билла, мое самое любимое украшение.

— И она очень стильная, не забывай, — усмехнулась Триш, передразнивая Хани.

— Очень смешно! — Бека снова встала на ноги. — Она украла брошь! Хани украла мою брошь!

— Она не украла ее, — сказала Триш из-под кровати. — Скорей всего она просто забыла ее снять.

— Я уверена, что она взяла ее ненарочно, — подтвердила Лайла.

— Если я потеряю эту брошь, я очень сильно расстроюсь! — взволнованно сказала Бека, пытаясь уже в который раз обнаружить брошь на туалетном столике.

— Нужно сходить к Хани домой и спросить ее про брошь, — предложила Триш, выбираясь из-под кровати. — Скорее всего брошь сейчас на ее оранжевом свитере.

— Этот гадкий свитер! — Лайла поморщилась.

— Почему тебе так не понравился свитер? По-моему, он вполне симпатичный, — сказала Триш.

— В нем Хани очень похожа на тыкву, — задумчиво произнесла Бека, продолжая поиски.

— Почему ты ее защищаешь? — набросилась Лайла на Триш. — Можно подумать, что именно ты — ее лучшая подруга.

— Я сейчас пойду к соседям за моей брошью, — сказала Бека. — Вы идете со мной?

— Зачем? — спросила Триш.

— Я пойду домой, — сказала Лайла, взглянув на часы. — Поговорим позже.

Триш и Лайла быстро спустились по лестнице. Бека поискала брошь еще некоторое время, пока окончательно не убедилась, что в комнате ее нет.

За окном снова шел снег. Большие хлопья медленно падали на землю, словно перья большой белой птицы.

— Пойду к соседям и спрошу Хани про брошь, — наконец решила Бека. Она достала из чулана свою куртку и уже собиралась выскользнуть за дверь, как вдруг зазвонил телефон.

Аппарат стоял на письменном столе Беки. Она бросилась назад в комнату, но было уже поздно. Звонок прозвенел только один раз. Возможно, мама взяла трубку на первом этаже.

Не снимая куртки, Бека ждала. Несколько секунд спустя снизу раздался мамин голос, в котором явно слышалось неодобрение:

— Бека, это тебя! Это Билл. Почему он звонит тебе, Бека? Ты же знаешь, мы запретили тебе общаться с ним!

— Я знаю, мама! — сердито закричала Бека, — Избавь меня от нравоучений, хорошо?

Она взяла трубку, прислушалась к удаляющимся шагам матери и только тогда поздоровалась с Биллом.

— Привет, Билл, как дела?

— Привет, Бека, нормально.

Его голос казался таким далеким. Много помех. «Скорей всего он звонит из города», — решила Бека.

— Твоя мама не слишком любезна, — сказал он,

— Просто она очень удивилась, что ты позвонил, — солгала Бека.

— Она всегда меня недолюбливала. Мне кажется, это из-за серьги в ухе.

— Она с этим смирилась, — сказала Бека. — А почему мы все время говорим о моей матери?

Он рассмеялся:

— Побей меня!

Беке нравился голос Билла. Нежный, бархатный, музыкальный.

— А что, если нам встретиться сегодня?

— Где? — Бека понизила голос до шепота, хотя ее матери поблизости не было.

— Встречаемся на обычном месте.

— Лучше не надо, — уклончиво осветила девушка.

— Почему? Это из-за твоей мамы?

— И папы тоже, — отшутилась Бека. — Как ты мог забыть? Он тоже тебя недолюбливает.

— Значит, встречаемся? — лукаво спросил Билл.

Бека обожала его чувство юмора. Даже когда в жизни Билла наступила черная полоса, когда его исключили из школы, он был способен шутить по поводу этого события.

— Нет, лучше не надо, — прошептала Бека. — Я бы очень хотела, но...

— Это означает «да»?

— Нет, я имею в виду...

— Постарайся уйти тайком! — настаивал Билл. — Подожди, пока родители уснут, и незаметно выскользни за дверь.

— Билл, ты же знаешь, мои родители ложатся поздно, — ответила Бека, покачав головой. Внезапно ее охватило неприятное предчувствие. — Мама, ты слушаешь наш разговор по другому телефону? — спросила она громко. И сразу услышала характерный щелчок. На первом этаже повесили трубку.

— Да уж, забавно!

— Мне кажется, тебе стоит поговорить со своими родителями. — По голосу Билла Бека поняла, что задето его самолюбие. — Скажи им, что теперь я — хороший парень.

— Я как раз собиралась это сделать, — виновато сказала Бека. — Просто не могла найти подходящий момент, — и поспешно добавила: — Я уверена, Билл, они все поймут. У тебя еще есть шанс.

— Да, конечно, — горько усмехнулся Билл. — Так ты собираешься встретиться со мной сегодня, Бека? Да или нет?

Бека долго не могла решиться.

— Не стоит. По крайней мере не сегодня, — сказала она.

— Ладно, но учти: я очень занят! — пошутил Билл.

Бека усмехнулась:

— Очень смешно!

— А я всегда смешной, — парировал Билл.

— Да, ты выглядишь смешным.

— Это твоя шутка?

Бека услышала на лестнице шаги матери.

— Мне пора. Пока, Билл, до встречи.

Девушка быстро повесила трубку.

Бека бежала вниз по лестнице с развевающейся курткой за спиной, как вдруг внезапно появившаяся мама преградила ей путь.

— Что хотел Билл? — спросила она, нахмурившись.

— Он просто хотел поздороваться со мной.

Бека стояла на нижней ступеньке лестницы.

— Ты знаешь, как мы, твой папа и я, относимся к этому парню, Бека.

— Да, я знаю, мама, но сейчас Билл совершенно изменился, он...

— Чего можно ожидать от него, особенно после того, что произошло с тобой?

В серых глазах миссис Норвуд появилось то отстраненное выражение, какое бывало всегда, когда она думала о чем-нибудь плохом.

— Ты была так расстроена тогда, доченька. Места себе не находила. Мы с папой не хотим, чтобы это повторилось снова.

— Мама, — начала Бека, но сдержала свой порыв.

— Куда ты идешь так поздно? Скоро ужин. — Мама только сейчас заметила куртку.

— Я не собираюсь тайком бежать на свидание с Биллом, если ты это хотела узнать, — дерзко заметила девушка.

— Бека!

— Я только зайду к соседям. Скоро вернусь, — Бека отстранила свою мать и, хлопнув дверью, выбежала на улицу.

Под ногами свежий снег. Девушка подняла голову и посмотрела на небо. Холодные снежинки таяли на ее разгоряченных щеках.

Заботливость мамы раздражала, просто бесила девушку. Какое ей дело до того, что Бека хочет встретиться с Биллом?

— Когда же, наконец, она прекратит вмешиваться в мою жизнь? — громко закричала она. — Когда? — Бека обращалась к небу.

Вместо ответа на ее язык упала снежинка.

Бека опустила голову, накинула капюшон и направилась по заснеженному двору к дому Хани. Дом пустовал в течение нескольких месяцев. Чтобы сократить путь, Бека перелезла через живую изгородь, разделяющую дворы соседей. В снегу торчали высокие стебли сорняков на давно не стриженном газоне.

«Хорошо, что теперь в этом доме кто-то живет», — подумала девушка.

Вид заброшенного дома всегда вызывал у Беки неприятные ощущения.

Перейдя через заснеженную дорогу, Бека остановилась прямо перед домом. Она подняла голову и... застыла от изумления.

Глава 5

Дом пустовал. Это было ясно с первого взгляда.

Бека вздрогнула.

Хани солгала.

Порыв холодного ветра гнал по двору поземку. Голые деревья качались и скрипели, словно молчаливые стражи, охраняющие этот дом.

Пустой темный дом.

Бека переводила взгляд от одного окна к другому, надеясь разглядеть хоть маленький огонек, хоть малейший признак жизни. Но старый дом с заснеженной крышей и свисающими над крыльцом сосульками выглядел таким же безлюдным и запущенным, каким он был все эти месяцы.

— Этого не может быть! — сказала Бека вслух.

Девушка начала нерешительно подниматься по обледенелым ступенькам крыльца и вдруг увидела такое, отчего по спине побежали мурашки...

Бека вздрогнула от ужаса.

На снегу виднелись следы. Старые следы, почти запорошенные снегом. Снегопад начался после обеда.

На первой ступеньке Бека поскользнулась, но сумела удержать равновесие, вцепившись в железную водосточную трубу рядом с верандой. Она пересекла маленькое квадратное крыльцо и громко постучала в дверь.

Тишина.

Спустившись с крыльца, девушка заглянула в окно гостиной.

Где же вещи новых жильцов? Слишком темно, чтобы что-нибудь разглядеть.

Бека постучала снова. Она попыталась позвонить в дверь, но кнопка звонка примерзла и не работала.

Тишина.

Подул ветер, на крыльце взметнулась поземка.

Дрожа от холода и страха, Бека повернула назад, стараясь осторожно ступать по обледенелым ступеням. Домой она возвращалась бегом. В голове кружилось множество вопросов, словно снежинки, потревоженные порывом ветра: «Где сейчас Хани? Почему она появилась так внезапно и солгала, что живет по соседству? Где моя брошь с попугаем?»

Должно же быть какое-нибудь логическое объяснение всему этому, правда?

Правда?

— Ты видела Мери Харвурд, когда она выходила из чулана с Дэвидом Меткафом? На ее шее было большое темно-красное пятно, — Лайла покачала головой и захихикала.

Бека остановилась и посмотрела на подругу.

— Ты думаешь, это след поцелуя?

Лайла закатила глаза.

— Мери утверждает, что это комариный укус. Ну не глупо ли? Комар в декабре!

Девушки засмеялись и пошли дальше.

День был погожий, солнце ярко светило. Чуть подтаявший снег блестел как серебро. Занятия в школе только что закончились, и девушки решили немного прогуляться пешком.

— А как относится к этому мать Мери? — спросила Бека, перекидывая свой рюкзачок с одного плеча на другое, чтобы поправить капюшон куртки. — Разве она не знает, что за штука эта Мери?

— Понятия не имеет! — насмешливо ответила Лайла. — Ее мать живет словно на другой планете. Билли Гарпер сказал Лизе Блум, что когда они с Мери занимались сама знаешь чем в субботу, в комнату вошла мама с подносом и спросила, не желает ли кто полакомиться домашней помадкой!

Эта история очень рассмешила подружек.

— Вот это здорово! — воскликнула Бека. — А моя мама контролирует все мои телефонные звонки!

— Кстати о звонках, — Лайла перестала смеяться. — Есть новости о Билле?

Бека покачала головой.

— Нет. Наверное, он разозлился на меня, что я не могла незаметно уйти из дома и встретиться с ним.

Девушки перешли улицу. Бека едва поспевала за широкими шагами Лайлы.

Сзади слышался гудок. Девушки оглянулись. К ним приближался автофургон с детьми из их школы. Он остановился на перекрестке. Окно кабины водителя открылось, оттуда высунулась голова Рики Шорра.

— Хотите покататься?

— Нет мест, — ответила Бека, показывая на кучу-малу в салоне автомобиля.

— Можешь устроиться на моих коленях, — пошутил Рики.

В машине слышался дружный смех.

— Лучше уж я пойду домой босиком! — не осталась в долгу Бека.

Подруги повернулись спиной к шутнику и продолжили свой путь. Фургон с грохотом покатил по дороге.

— Друзья Рики считают его отчаянным парнем, — сказала Бека.

— С каких это пор у него появились друзья?

— Как только он начал ездить в школу на этом фургоне.

— Ты все-таки сказала своим родителям, что хочешь снова встречаться с Биллом?

Бека покачала головой:

— Я не готова к третьей мировой войне.

— Ты собираешься встречаться с ним тайком?

— Нет... Может быть... Не знаю, не могу решиться...

— Какая ты нерешительная! — усмехнулась Лайла. Она остановилась и помахала рукой мужчине и женщине на противоположной стороне улицы. Мужчина стоял на лестнице и

прикреплял гирлянду рождественских фонариков на крыше своего дома. Внизу его жена помогала распутывать провод.

— Андерсоны по-настоящему готовятся к Рождеству, — тихо сказала Лайла. — Посмотри на эти фонарики! Их дом похож на казино в Лас-Вегасе! Представляешь, какой счет они получают за электричество?

— По крайней мере я смогу увидеть Билла на рождественской вечеринке у Триш, — вздохнула Бека.

— А он придет?

— Конечно. По-моему, проще сказать, кто туда не придет! Триш, похоже, решила пригласить на свою вечеринку всех подряд!

— Ты уже купила платье? — спросила Лайла, на ходу поддавая носком ботинка кусочек ледышки.

— У меня есть потрясающая юбка, — оживилась Бека. — Очень короткая и очень блестящая. Серебряная. Я собираюсь надеть ее в паре с облегающим черным костюмом.

— А мне не идут облегающие костюмы, — посетовала Лайла. — Я в них выгляжу как палка!

— Не могу поверить, что твой высокий рост тебя не устраивает, — сказала Бека. — Я могла бы убить кого-нибудь, чтобы быть такой же высокой, как и ты!

— Нет, не смогла бы!

— Ладно, почти такой же высокой, как ты!

Девушки рассмеялись. Затем они попрощались, пообещав позвонить друг другу позже. Бека долго смотрела вслед Лайле. Девушка шла к своему дому по заснеженной улице. Длинные волосы, собранные в конский хвост, были выпущены из голубой вязаной шапочки.

Бека повернулась и направилась на Фиар-стрит, думая о Билле и о вечеринке у Триш.

— Есть кто-нибудь дома? — крикнула она, входя на кухню и закрывая за собой дверь. В кухне было тепло и пахло корицей.

Ответа не последовало. Бека прошла через прихожую и направилась к лестнице на второй этаж, чтобы оставить рюкзачок с

книгами в своей комнате. Вдруг она остановилась и прислушалась. Голоса наверху.

Голоса в ее комнате.

Это ее мама? С кем же она говорит?

Бека поднялась еще на две ступеньки и остановилась. Спрятавшись за вешалкой, девушка заглянула в свою комнату.

Дверь была полуоткрыта. Горел свет. Сквозь щель в двери Беке была видна часть ее кровати.

Кто-то ходил по комнате и разговаривал.

Кто же это мог быть?

Бека вышла из-за вешалки и заглянула внутрь.

Хани!

Стоя в полумраке коридора, Бека увидела, как Хани раскладывает какую-то одежду на ее кровати.

«Мою одежду! — догадалась Бека. — Что здесь происходит? Хани стоит в моей комнате и вынимает одежду из моего шкафа».

Теперь Хани исчезла из вида.

Бека слышала ее голос, но не могла разобрать слов.

Когда Бека снова увидела Хани, то сразу же узнала юбку. Ту самую серебряную юбку, которую она специально купила для вечеринки у Триш.

«Она носит мою юбку!»

Бека вцепилась в прутья вешалки обеими руками. Не веря своим глазам, она смотрела на происходящее в ее собственной комнате сквозь дверной проем.

«Она носит мою юбку!»

А также голубую шелковую блузку, которую родители подарили Беке на день рождения.

Хани снова пропала из поля зрения. Но Бека слышала, как со скрипом открываются ящики ее комода.

«Что она там делает? Почему она находится в моей комнате, примеряет мою лучшую одежду? И с кем, — недоумевала Бека, — с

кем это она разговаривает?»

Глава 6

— Хани!

С бешено колотящимся сердцем Бека влетела в свою комнату.

— А, привет, — Хани перестала опустошать комод, на ее лице показалась широкая улыбка. — Вот ты и дома.

Бека уставилась на нее во все глаза, лишившись дара речи. В комнате царил жуткий беспорядок. Бека увидела, что Хани вынула из шкафа большую часть одежды и стопками сложила ее на кровати.

— Я... не знала, я не думала, что... — мямлила Бека, чувствуя, как ее лицо становится пунцовым.

— Твоя мама разрешила мне подождать тебя здесь, — сказала Хани небрежно. Она повернулась к Беке спиной и принялась закрывать ящики комода.

— Моя мама? Она дома?

— Нет, думаю, миссис Норвуд куда-то вышла.

— Тогда с кем же ты сейчас разговаривала? — спросила Бека, направляясь к своей кровати.

— Разве? — на лице Хани было явное замешательство. Она тряхнула головой, отбросив назад копну своих темно-рыжих волос.

— Я слышала, как ты с кем-то разговаривала! — настаивала Бека, разглядывая пустой шкаф для одежды.

— Нет. Это не я, — ответила Хани, улыбаясь. — Я здесь одна.

— Но... — Бека только сейчас поняла, что держит в руках свой школьный рюкзак. Она опустила его на пол и ногой задвинула под кровать.

— О, Бека, как мне нравится твоя одежда! — воскликнула Хани. Она крутилась перед зеркалом, рассматривая себя со всех сторон в серебряной юбке и голубой шелковой блузке. — У тебя всегда был потрясающий вкус! Даже когда мы были маленькими девочками, ты всегда знала, какую одежду стоит носить.

— Но, Хани...

— Невероятная юбка! — воскликнула Хани, не давая Беке возможности вставить хоть слово. Она еще немного покрасовалась перед зеркалом, затем подошла к Беке так близко, что девушка почувствовала сладкий запах жевательной резинки в ее дыхании. Беке стало неловко, и она отступила на шаг назад.

— Я купила эту юбку совсем недавно. Я даже ни разу не надевала ее, — сказала Бека упавшим голосом, не скрывая своего раздражения.

— А где ты ее купила? — защebetала Хани. — Конечно, не в нашем магазине. Ты не могла купить эту юбку в одном из этих гадких маленьких магазинчиков. Где, Бека? Ты должна мне сказать. Эта юбка такая сексуальная!

— В маленьком магазине в Старой Деревне, Петерманн, если не ошибаюсь, — пробормотала Бека.

«Это похоже на кошмарный сон! Это не может происходить наяву!» — в отчаянии думала она.

Хани, казалось, не замечала деликатных намеков девушки. Она снова направилась к зеркалу полюбоваться своим отражением в красивой одежде.

— Мне кажется, эта блузка сюда не совсем подходит. Что еще можно носить с этой юбкой?

— Не знаю, — сказала Бека. — Я собиралась надеть эту юбку на Рождество.

— Представляешь, — радостно закричала Хани, — у нас почти один размер. Мы можем вместе носить одежду, как тогда, в детстве!

— В самом деле? — Бека не знала, что сказать.

— У нас всегда была одежда на двоих. Мы часто менялись. Даже джинсами, даже носками. Это было так интересно, так увлекательно! — с воодушевлением рассказывала Хани. — Иногда мы даже не знали, чья это одежда. Мы были как сестры-близнецы.

«Как я могла забыть такое? — удивлялась Бека. — Все это так похоже на правду. Хани кажется такой искренней. Не думаю, что она умышленно говорит неправду. Может быть, она живет в мире своих фантазий?»

— Мне идет эта прическа? — спросила Хани, закрутив свои

густые темно-рыжие волосы в жгут и уложив их валиком на затылке.

— Да, хорошо, — вяло откликнулась Бека.

— Ты даже не смотришь! — обиделась Хани. — Посмотри. А вот так? Или так?

Она опустила руки, и волосы дождем рассыпались по плечам.

— Будет неплохо, если ты соберешь их в хвост сзади и подвяжешь широкой лентой.

— Ты права! — радостно закричала Хани. — Ты всегда знаешь, что посоветовать в таком случае! Ты такая замечательная, Бека! — И Хани снова бросилась обнимать Беку. Девушка едва дышала.

— Не могу поверить, что мы снова лучшие подруги! — сказала Хани, высвобождая Беку из своих цепких объятий. — Я так счастлива, Бека, а ты?

— Я тоже, — Бека старалась казаться счастливой. Она уже смирилась с присутствием незваной гостьи в своей комнате и хотела задать ей несколько очень важных вопросов.

— Хани, я заходила в соседний дом в субботу вечером, — Бека внимательно вглядывалась в лицо Хани, надеясь прочитать ее мысли. — Но в доме было темно и пусто.

Хани перестала улыбаться. Она отбросила со лба прядь темно-рыжих волос.

— Я знаю. Мой отец не смог включить отопление. В этом старом доме было жутко холодно, и нам пришлось уехать. Я так радовалась из-за переезда, но нам с отцом пришлось проводить выходные в переполненном мотеле!

— О, какая досада! — сказала Бека, продолжая изучать лицо собеседницы. — Сейчас, надеюсь, все в порядке?

— В конце концов мы вызвали газовщика и тогда окончательно переехали, — сказала Хани. — Только сегодня я ходила в школу, и у меня не было времени разобрать вещи.

Бека начала нервно грызть ногти. «Можно ли ей верить? — думала она. — По-моему, я ей верю. Нет причин не верить в эту историю, она кажется абсолютно правдоподобной».

— У тебя есть ленты? — спросила Хани, играя со своими

волосами. — Хочу попробовать сделать прическу по твоему совету.

— В верхнем ящике комода есть какие-то ленты, но не думаю, что они подходящего цвета. — Бека сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться.

— Еще один вопрос.

— Да?

Бека кашлянула.

— Помнишь ту брошь с попугаем? Из эмали. Которую ты примеряла? Не могла ли ты случайно унести ее домой в субботу?

Хани смутилась, но ненадолго. Вместо ответа она кинулась к Беке, двумя руками ухватила ее за горло и начала душить.

Глава 7

Бека в ужасе смотрела на руки Хани, вцепившиеся в ее горло. Задыхаясь, она извивалась всем телом, старалась вырваться из всех сил.

«Она задушит меня! Не могу дышать!»

Внезапно Хани ослабила хватку и отпустила Беку. Бека согнулась пополам, сжав руками колени. Она ловила ртом воздух, пытаясь восстановить дыхание.

Хани весело смеялась.

— Я выиграла! — торжествовала она. — На этот раз я победила!

— Ты... — Бека пыталась говорить, но изо рта вылетали только болезненные хрипы. Наконец она с трудом выдавила: — Ты душила меня! — Бека не узнала своего голоса.

Хани перестала смеяться.

— Эй, Бека, ты что, не помнишь нашу игру?

— Нет! — Бека закашлялась. Горло болело, дыхание было хриплым и тяжелым, сердце билось как сумасшедшее.

— Мы обычно делали всякие гадости друг другу, — заявила Хани, тряхнув головой. — Мы всегда любили буйные игры, разве ты не помнишь, Бека?

Бека не ответила. Тяжело дыша, она подошла к зеркалу. На шее виднелась широкая ярко-красная полоса.

— Ты сделала мне больно! — сердито сказала Бека, обращаясь к отражению Хани в зеркале.

Хани больше не улыбалась. Она надула губы, покрашенные темной помадой.

— Ты забыла нашу игру, — сказала она тоненьким голоском.

Бека осторожно пощупала свою шею. Порывшись в туалетном столике, она достала флакон с косметическим молочком. Повернувшись к Хани спиной, Бека тщательно втирала густую белую жидкость в поврежденную кожу.

— Мы всегда шокировали друг друга, — между тем продолжала Хани. — Помнишь, как в третьем классе ты задрала мне платье в автобусе, полном бойскаутов? Это было хуже всего. Самая худшая шутка! Не думаю, что когда-нибудь смогу расквитаться с тобой за это. О, как все было интересно, Бека! Веселые времена, помнишь?

«Я ничего не помню, — подумала несчастная Бека. — Мне кажется, она сочиняет все это на ходу. Что же происходит?»

— Послушай, Хани, — сказала Бека. Чтобы дрожь в руках не бросалась в глаза, она крепко сжала край туалетного столика. — Ты случайно не взяла брошь с попугаем? Да или нет?

— Конечно, я взяла ее, — спокойно ответила Хани, — но не случайно.

От удивления Бека резко повернулась:

— Что все это значит?

Хани вскинула голову, отбросив волосы назад.

— Ты сама отдала ее мне, разве не так?

— Что? — от удивления Бека открыла рот. — Я... что?

— Ты дала брошь мне, — без тени сомнения повторила Хани.

— Но я...

— Это было очень мило с твоей стороны, — сказала Хани с чарующей улыбкой.

— Нет, Хани, подожди, — Бека чувствовала биение пульса в висках. — Ты попросила померить брошь и...

— И затем ты сказала, что раз она мне так нравится, я могу оставить ее у себя. — Вместо улыбки на лице Хани появилось обиженное выражение с надутыми губками. — Ты сама так сказала, Бека!

— Хани! — Бека поняла, что девушка расстроилась по-настоящему. У Хани дрожали плечи, она была готова расплакаться.

— Спроси своих подруг, — оправдывалась Хани. — Спроси тех двух девушек, они скажут тебе. Они видели, как ты отдала эту брошь мне. Правда.

Бека не знала, что ей делать. Она видела, что Хани близка к

истерике. Еще этого не хватало! Бека надеялась вернуть брошь, но без бурных сцен. А больше всего ей хотелось выставить из дома Хани раз и навсегда!

— Ты отдала брошь мне, — сказала Хани нежно-вкрадчивым голосом. — И теперь эта брошь — самая дорогая для меня вещь. Я буду хранить ее как сокровище, Бека!

— Я рада, что она тебе так нравится, — пробормотала Бека.

Хани не скрывала торжествующей улыбки. Всего несколько секунд назад она была готова расплакаться и устроить истерику, а теперь бесцеремонно плюхнулась на кровать, прямо на одну из лучших блузок Беки.

— Ты не хочешь помочь мне убрать всю эту одежду в шкаф? — спросила Бека, собирая в стопку несколько пар джинсов и брюк.

«А потом я постараюсь отделаться от нее и позвоню Биллу», — подумала она.

— Да, конечно! — Хани энергично вскочила с кровати. — Мне не удалось померить все эти вещи. Но у нас еще впереди много времени, не так ли?

— Да, да, — безучастно ответила Бека, складывая джинсы на полку.

Хани снова сидела на кровати. Она и не собиралась помогать Беке.

— Посмотри, я посадила пятно на твою блузку! — Она поднесла блузку ближе к свету. — Что бы это могло быть? — Хани пристально посмотрела на Беку. — Может, стоит сполоснуть холодной водой?

— Не надо, — поспешно сказала Бека. — Я и раньше надевала эту блузку и приготовила ее в стирку.

— Не стоит, — возразила Хани. Она остановилась в дверях, — Вот что мы сделаем: я отнесу эту блузку домой и выведу пятно. Затем я постираю ее и верну как новую.

— Оставь ее, — сказала Бека, но Хани все-таки прихватила блузку.

Хани не помогала Беке убирать одежду в шкаф. Она сняла нарядную серебряную юбку и снова натянула потрепанные джинсы.

— Какая интересная игра! — воскликнула Хани.

Бека не ответила. Она молча повесила юбку в шкаф.

— Ты не против, если я попрошу классного руководителя посадить нас за одну парту? — Хани снова села на кровать.

— Нет проблем, — ответила Бека, пожав плечами.

— Как в старые добрые времена, — обрадовалась Хани. — Мы будем вместе ходить в школу каждое утро. Как раньше.

— Иногда папа подвозит меня, — сухо сказала Бека, задвигая ящики комода.

— Потрясающе! — воскликнула Хани. — Это будет так здорово!

— А в хорошую погоду я езжу в школу на велосипеде, — прибавила Бека. — Это очень полезно.

— Да, мне тоже нужен велосипед, — задумчиво произнесла Хани. — Дай мне покататься на твоём, и я точно буду знать, какой велосипед нужен мне.

— Куда ты переехала из Шейдисайда? — перевела разговор Бека.

— В Северные Штаты, — уклончиво ответила Хани. — Это было так тяжело, и совсем не хотелось уезжать. Прежде всего мне жаль было расставаться с тобой, моя самая лучшая подруга. Я до сих пор помню тот ужасный день, хотя мне было тогда всего девять лет!

— Да, я тоже, — Беке стало не по себе. «Не помню, чтобы я с ней общалась в девять лет!»

— Мы, две девочки, сидим на обочине тротуара, обняв друг друга за плечи. Мы плачем и плачем. Мы тогда чуть не выплакали глаза. Это было ужасно. Ты помнишь?

— Да, — сказала Бека, стараясь не смотреть Хани в глаза.

— А помнишь того парня, который остановил свою машину, чтобы сфотографировать нас? Он подумал: «Какая трогательная сцена!» Когда щелкнул фотоаппарат, мы заплакали еще громче. — Хани вздохнула и откинулась на кровать, облокотившись на обе руки. — Это был худший день моей жизни. Правда, Бека, самый-самый худший!

— Мне сейчас нужно спуститься на первый этаж, — робко сказала Бека, посмотрев на дверь. — Я еще не успела поздороваться с мамой и...

— Я же тебе сказала, она ушла. — Хани не сдвинулась с места.

— Нам много задали в школе и...

— Хочешь, приходи ко мне вечером, будем делать уроки вместе, — предложила Хани. Она принялась тереть пятно на голубой шелковой блузке.

— Нет, сегодня я не могу, — сказала Бека.

— Как насчет завтрашнего вечера?

— Извини, Хани, завтра вечером я тоже не могу. — Бека говорила правду. — Я пообещала зайти к Лайле и помочь ей украшать елку.

— Как это мило, — холодно сказала Хани, опустив глаза. На ее лице появилось странное выражение. — Ты проводишь с Лайлой много времени, не так ли?

— Да, Лайла, Триш и я — хорошие друзья, — Бека теряла терпение. — У меня так много уроков помимо всего прочего, Хани, и...

Хани резко поднялась.

— Ладно. До свидания. Все было замечательно, — она улыбнулась Беке, направляясь к выходу. — Мне кажется, что мы и не расставались. Нам так много нужно сделать, о многом поговорить.

— Да, — неуверенно сказала Бека.

— Увидимся утром, — сказала Хани, спускаясь по лестнице. — Найду тебя в школе. Пока.

Бека неподвижно стояла на месте, закрыв глаза, стараясь не дышать. Она не двигалась до тех пор, пока не услышала, как с шумом хлопнула входная дверь. Хани ушла. Тогда Бека сделала глубокий вдох, затем медленный выдох и направилась к лестнице.

— Мама, ты дома? Мама?

Ответа не последовало.

— Хани была права, — подумала Бека. — Мама действительно

куда-то ушла. Отлично, я спокойно могу пообщаться с Биллом, мама не будет вмешиваться.

Бека поспешила к телефону и набрала номер Билла. Гудок прозвучал дважды, прежде чем Билл снял трубку.

— Чем ты занимаешься? — шепотом спросила Бека, хотя дома никого не было.

Билл хихикнул:

— Представь себе, делаю уроки!

Билл должен был закончить школу прошлой весной, но из-за временного исключения он пропустил много занятий и остался на второй год в выпускном классе.

— По второму кругу занятия кажутся интереснее, — сказал он полушутя-полусерьезно, — быть, на этот раз мне удастся сдать экзамены. А ты чем занимаешься?

Бека вздохнула.

— Помнишь ту девушку, о которой я тебе говорила? Хани, моя новая соседка. Она опять приходила. Вернее, она была у меня дома, когда я вернулась.

— Не думаю, что ты очень обрадовалась, — сказал Билл.

— Мне кажется, Хани слишком давит на меня. С ней все в порядке, это точно. Просто я слишком нервничаю...

— Что-то не так? — засмеялся Билл.

— Что ты имеешь в виду? — взвилась Бека.

— Ничего. Я просто дурачусь. Тебя нельзя назвать самой спокойной девушкой в мире. — Чтобы выйти из положения он быстро сменил тему разговора: — Встречаемся в субботу вечером?

Бека не решалась ответить.

— Я не знаю... Мне и в самом деле не хочется встречаться тайком.

— Но, Бека!

— Я всегда доверяла своим родителям. Не думаю, что нам стоит встречаться за их спиной.

— Тогда скажи им прямо, что идешь ко мне на свидание! — настаивал Билл.

— Я хотела, но не смогла найти подходящий момент. Наверное...

— Ты же знаешь, я не серийный убийца, — горячо убеждал Билл. — В прошлом году у меня были неприятности, но теперь все по-другому. Я не собираюсь совратить драгоценную дочь Норвудов. — Он добавил игриво: — Ну разве только чуть-чуть...

— Я понимаю, — прервала его Бека. — Просто ты не знаешь моих родителей.

— Хорошо. Мне очень хочется встретиться с тобой в субботу вечером, — продолжил Билл. — Может быть, мне стоит прийти к тебе домой и по-настоящему переубедить их?

Бека хотела ответить, но в этот момент услышала шум мотора машины, въезжающей в гараж.

— Мне пора, увидимся в школе, — поспешно сказала она и повесила трубку. Сердце бешено колотилось. Бека поспешила на первый этаж поздороваться с матерью.

Миссис Норвуд прошла на кухню, в руках у нее были две тяжелые сумки с продуктами.

— На улице такая слякоть, — пожаловалась она, поставив сумки на пол и наклоняясь, чтобы снять мокрые сапоги. — Ненавижу мокрый снег! — Она посмотрела на Беку. — Как дела? Чем занимаешься? Ты сделала уроки?

— Еще не закончила, — ответила Бека. — Я общалась с Хани.

— Хани?

— Да. Зачем ты пустила Хани в мою комнату? Ты же знаешь, как я ненавижу, когда кто-то примеряет мои вещи!

— Что? — мама опустила пакет с мукой. — О чем ты говоришь, Бека?

— Разве ты не разрешила ей подождать меня в моей комнате?

— Конечно нет! — Миссис Норвуд удивленно посмотрела на свою дочь. — Меня не было дома весь день.

Глава 8

— Мы так здорово повеселились вчера вечером! — говорила Бека Лайле. — Твой младший брат такой выдумщик!

— Встречала ли ты еще кого-нибудь, кто так мастерски разбивает елочные игрушки? — проворчала Лайла, покачав головой.

— Все равно елка выглядит чудесно, — сказала Бека. — Само дерево не очень пышное, зато украшено чудесно.

Была среда. Ясный день, слишком теплый для зимы. Небольшие островки снега виднелись повсюду на асфальте школьной стоянки велосипедов. Занятия только что закончились. Бека и Лайла с рюкзаками на плечах направлялись к своим велосипедам.

— Куда мы поедem? — спросила Лайла, помахав рукой ребятам, пытавшимся втиснуться в небольшую красную машину.

— Куда-нибудь! — радостно ответила Бека. — Я хочу просто покататься. Ехать, ехать и ехать. Мне кажется, что мои ноги окаменели за эти несколько недель.

— У меня тоже, — засмеялась Лайла. — Я так рада, что снег в конце концов растаял и мы можем снова кататься на велосипеде. Поехали по Парковой аллее к Ривер-роуд, хорошо?

Бека кивнула:

— А потом давай покатаемся наперегонки на холмах.

— Как должно быть красиво там, за рекой, — мечтательно сказала Лайла. Вдруг она остановилась. — Смотри-ка, там, на велосипедной стоянке, твоя подружка Хани!

Бека стиснула зубы:

— Ох, и «повезло» мне, что она переехала в соседний дом! Теперь ходит за мной как тень. Даже ближе!

— Почему ты не прогонишь ее? — спросила Лайла, отступая на шаг, чтобы дать дорогу красной машине, с ревом пронесшейся мимо.

— Иногда мне очень хочется сделать это, — задумчиво сказала Бека. — Но потом я понимаю, что она не такая уж плохая. Думаю,

Хани просто очень не уверена в себе.

— А кто уверен в себе? — сухо заметила Лайла.

Девушки направились к заднему ряду велосипедов. Хани рассматривала один из велосипедов, но, увидев Беку и Лайлу, сразу отошла в сторону.

— Привет, как дела? — махнула она рукой. На Хани была желтая ветровка. Волосы собраны сзади в хвост и завязаны желтой лентой.

— Здравствуй, Хани, — дружелюбно сказала Лайла.

Хани сделала вид, что не расслышала приветствия.

— Давай пойдем домой вместе, — предложила она Беке.

— Нет, мы с Лайлой собираемся покататься на велосипедах, — сказала Бека, вешая свой рюкзачок на руль. — Мы слишком засиделись дома за эти недели. Нам нужно немного размяться.

Хани нахмурилась:

— Мне тоже нужен велосипед, такой как у вас. Десять скоростей, не так ли?

— Нет, 21 скорость.

— Мне нравится твоя прическа, — одобрительно сказала Лайла.

— А вечером ты будешь дома? — спросила Хани.

— Да, конечно. Мне нужно сделать исследовательскую работу.

— Мне тоже, — сказала Хани. — Я позвоню тебе, хорошо?

— Хорошо, — ответила Бека, вытаскивая свой велосипед из стойки.

— До встречи, — сказала Хани.

Засунув руки в карманы своей желтой ветровки, Хани долго смотрела вслед удаляющимся велосипедисткам.

Выехав с территории велосипедной стоянки, девушки направились прямо на Парковую аллею. Из-под велосипедных колес вылетали брызги. Кое-где у кромки тротуара лежал тающий снег.

— Ты видела выражение лица Хани, когда ты сказала, что она не может поехать с нами? — спросила Лайла, усердно работая педалями.

Она на несколько метров опережала Беку. — У нее был такой вид, как будто ты убила ее любимого щенка!

— Хани слишком эмоциональная, — ответила Бека, склонившись корпусом на руль и стараясь нагнать подругу. — То она безумно счастлива, а в следующую минуту готова лить горячие слезы.

— Ведьма, — сказала Лайла.

Девушки проехали мимо здания школы, флаг неподвижно висел в этот безветренный день, Дальше дорога поднималась вверх, среди высоких домов с засаженными деревьями дворами, которые назывались Северные Холмы.

— У меня уже болят ноги, — пожаловалась Бека.

— Но мы еще не доехали до настоящих холмов! — ответила Лайла, прибавив скорость.

— Это я просто обленилась за последнее время, — объяснила Бека. — Все нормально!

— Мы собирались покататься на лыжах в эти каникулы. — Лайла внимательно следила за дорогой, которая становилась покатой к востоку. — Но мы можем и не поехать. Моему отцу придется отправиться в Экрон по делам.

— В Экрон? На Рождество? — закричала Бека.

— Нет, к Рождеству он обещал вернуться. Но мы тем не менее не успеем уехать.

— Досадно, — проворчала Бека. Она отпустила руль, чтобы расстегнуть молнию своей куртки.

Солнце висело над вершинами деревьев, как большой оранжевый мяч. В центре двора на противоположной стороне улицы валялась старая шляпа и растрепанная метла — все, что осталось от растаявшего снеговика.

Бека изо всех сил крутила педали, чтобы догнать подругу. Ей это удалось, и некоторое время они ехали рядом.

— Здесь начинаются холмы, — сказала Бека.

— Сначала спуск, нет проблем! — крикнула Лайла.

— Осторожней! Смотри, кое-где остался лед! — предупредила Бека.

Девушки перестали крутить педали, чтобы осторожно съехать к перекрестку с Ривер-роуд. Холм был крутым, и они начали набирать скорость.

Бека первая увидела коричневый почтовый грузовик. Рыча мотором, он мчался прямо к перекрестку.

— Внимание! — закричала Бека. Она сжала ручные тормоза и начала замедлять ход.

Лайле не удалось это сделать.

Все произошло очень быстро.

За одну секунду, может быть, даже меньше.

Бека увидела ужас на лице подруги.

— Мои тормоза! — закричала Лайла.

Продолжая набирать скорость, Лайла перелетела через руль и упала прямо на перекресток.

Бека закрыла глаза. Сначала она услышала громкий гудок машины. А затем — отвратительный хруст.

Глава 9

Солнце садилось за вершинами деревьев. Стало заметно холоднее.

Мелькающие красные огни машин скорой помощи были всюду.

Бека сидела на обочине тротуара и тупо смотрела на красные огни мигалок. В своем кружении они поочередно освещали тротуар, дорогу, разбитый велосипед Лайлы, все еще лежащий посреди перекрестка, темную лужицу крови на асфальте...

Бека слышала визгливый взволнованный голос, который что-то быстро говорил. Это был водитель грузовика, молодой парень в голубой хлопковой рубашке и черных джинсах. Его лоб был обвязан красной банданой. Отчаянно жестикулируя, водитель объяснял хмурому полицейскому офицеру, что произошло. Его голос постоянно срывался.

Бека не смотрела в его сторону. Она продолжала следить за передвижением огней мигалок скорой помощи.

Огни успокаивали. Гипнотизировали. Механически повторяющееся движение.

Всего приехали две машины скорой помощи и несколько черно-белых полицейских фургонов.

Офицеры намеревались расспросить ее о происшествии, но Бека сказала, что сейчас она не в состоянии говорить. Бека хотела просто спокойно посидеть на кромке тротуара, на холодном твердом бетоне, и посмотреть на мигающие огни.

Они все кружатся и кружатся.

Бека подняла глаза как раз в тот момент, когда врачи в белых халатах поднимали носилки в одну из машин скорой помощи.

Носилки с Лайлой.

Носилки бесшумно скользнули в заднюю дверь машины.

Бесшумно, как смерть.

Громко хлопнули дверцы.

Лайла была жива.

Полицейские офицеры сказали, что Лайла осталась жива.

Она без сознания, состояние крайне тяжелое, но она жива!

Бека закрыла глаза. Мигающие красные огни исчезли.

Зато она слышала стук падения тела. И затем — хруст.

Когда Бека снова открыла глаза, она тяжело дышала, сердце глухо стучало в груди. «Неужели я все время буду слышать эти звуки? Всякий раз, когда закрываю глаза?»

Бека не заметила, как поднялась на ноги. Она не помнила, когда и как это произошло. Но сейчас она стояла на тротуаре.

Офицер, кажется, что-то говорил по поводу шока.

Красные огни задевали ее, когда Бека нетвердой походкой направилась к перекрестку. «Огни все кружатся и кружатся. Я внутри круга. Как холодно. Очень холодно. Согреюсь ли я когда-нибудь? Этот красный свет очень холодный».

Бека подняла велосипед Лайлы. Он врезался в дорожный знак «Стоп» и по инерции доехал до перекрестка вслед за упавшей Лайлой. Груда металлолома. Сидение стало совсем плоским, как лист картона.

И тормоза...

Не может быть!

От изумления Бека открыла рот. Она уставилась на сломанный велосипед, который держала в руках. Над ней кружились мигающие красные огни. Сначала — темно, затем — красный свет, опять темнота.

Тормозной трос.

Бека увидела, что на велосипеде Лайлы не было одного тормозного троса.

Она поискала обломки на мостовой — ни одного кусочка!

— Мои тормоза! — закричала Лайла перед тем, как велосипед врезался в дорожный знак и от удара она вылетела на дорогу.

У Лайлы отсутствовал задний тормоз. Не было тормозного троса у заднего колеса.

Трос не мог порваться с обоих концов. Бека это прекрасно знала.

И он не мог отвалиться сам с обоих концов.

Значит, его сняли.

— Пропал тормозной трос заднего колеса! — закричала Бека.

Услышал ли ее кто-нибудь?

Неужели она кричала?

Или ей это только показалось?

— Тормозной трос Лайлы! Где тормозной трос Лайлы? — Может быть, она разговаривает сама с собой? Слушает ли ее хоть кто-нибудь?

Бека почувствовала, как на ее плечо опустилась рука. Добрая, покровительственная рука. Она подняла глаза и увидела лицо молодого полицейского офицера.

— Вашу подругу скоро доставят в больницу, — мягко сказал он. Внимательный взгляд ясных голубых глаз успокаивал. — Вам лучше?

— Не знаю. — Бека с трудом узнала свой голос.

— Может быть, вам тоже стоит поехать в больницу? — предложил он, не мигая, вглядываясь Беке в глаза. — Или нам лучше отвезти вас домой?

— Домой, — сказала Бека.

— Лайла до сих пор не приходит в сознание, — шептала Бека в телефонную трубку. — Моя мама только что разговаривала с ее мамой. Доктор говорит, что состояние Лайлы стабильное.

— Стабильное? Что это значит? — спросил Билл на противоположном конце провода.

Бека облокотилась о стол.

— Я не знаю. Думаю, это означает, что ей не становится хуже.

— А как у тебя дела?

— Ничего, уже лучше. Меня все еще знобит. Мама кормит меня бульоном, словно я больная.

— Ты пойдешь завтра в школу? — спросил Билл.

— Да, наверное... не знаю. — Бека громко всхлипнула. — Я до сих пор не могу в это поверить, Билл. Только вчера вечером мы так

хорошо повеселились у Лайлы дома. Наряжали новогоднюю елку. Все были так счастливы, а сейчас...

— Все будет хорошо, — успокаивал Билл. — Я верю, она поправится.

Бека изо всех сил постаралась не расплакаться.

Когда это случилось, она совсем не плакала. Ни одной слезинки.

А сейчас рыдание подступило к горлу.

— Тебе пришлось пережить шок, — сказал Билл.

— Стараюсь держать себя в руках, — ответила Бека срывающимся голосом.

— С Лайлой все будет в порядке, вот увидишь! — повторил Билл.

«Не очень-то он сам в это верит, — поняла Бека. — Он просто старается меня успокоить. Какой милый!»

— Давай пойдем куда-нибудь в субботу вечером, — предложил Билл. — Нам нужно развеяться.

— Хорошо, — согласилась Бека. Согласие само по себе сорвалось с ее губ. Бека чувствовала, что за последнее время она очень сблизилась с Биллом. Он был такой понимающий, такой заботливый. И Бека согласилась, не раздумывая.

— Ты согласна? — Билл очень удивился.

— Да. Придется уходить тайком, — сказала она. — Думаю, это будет несложно. Скажу родителям, что пойду навестить Триш.

— Пусть лучше Триш сама пригласит тебя, — беспокоился Билл.

— У меня есть своя голова на плечах! — возразила Бека.

— Знаю. Но тебе не всегда удастся незаметно уйти.

— Я все устрою, — успокоила его Бека. — Мне в самом деле очень нужно развеяться. Бедная Лайла! — Она снова проглотила слезы.

— Мы пойдем в кино. Посмотрим какую-нибудь комедию, — пообещал Билл. — Будем смеяться весь вечер, вот увидишь!

— Что-то мне не очень хочется смеяться весь вечер, — упрямилась Бека. — Мне хочется только...

Вдруг у Беки возникло чувство, что она не одна в комнате. Она обернулась к двери и вскрикнула от неожиданности.

Глава 10

— Хани! — возмутилась Бека, — И давно ты здесь стоишь? Как ты сюда вошла?

Хани с огорченным видом шагнула в комнату Беки.

— Послушай, мне пора. До встречи, — поспешно сказала Бека Биллу. Она повесила телефонную трубку и встала.

«Как долго Хани подслушивала разговор?» — думала Бека.

— Я слышала плохие новости о Лайле! — прошептала Хани. — Это ужасно!

— Да, — осторожно ответила Бека. — Как ты вошла сюда? Тебя впустила мама?

Хани кивнула, затем подбежала к Беке и крепко обняла ее.

— Вот так, вот так, — тихо бормотала она. — Ну, умница, ну успокойся...

— Хани, пожалуйста...

— Не нужно ничего говорить, — сказала Хани, не выпуская Беку из объятий. — Я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. Что тебе пришлось пережить. Поэтому я сразу прибежала к тебе. Как только услышала об этом несчастье. Я знаю, мое место сейчас здесь, рядом с тобой.

Лицо Хани выражало сочувствие и симпатию.

— Как это ужасно для тебя, Бека! Как ужасно! Я помогу тебе перенести это горе. Не стесняйся, дай волю своим эмоциям. Ведь именно для этого существуют лучшие друзья, не так ли?

Бека была рада освободиться из цепких объятий Хани. Она прошла к своей кровати и, тяжело вздохнув, села на стеганое одеяло.

— Мне и в самом деле не хочется говорить об этом, Хани.

— Конечно! Как я тебя понимаю! — ответила Хани, скрестив руки на груди. Она подошла вплотную к кровати и склонилась над Бекой.

Последовала долгая пауза.

Хани сверху смотрела на Беку, сидящую на кровати, устало опустив плечи, обхватив руками колени. Бека старалась избегать пристального взгляда Хани, сосредоточив свое внимание на вечерней темноте за окном.

— Тебе не нужно говорить об этом, — в конце концов сказала Хани. — Оказаться свидетельницей такого кошмара!

— Да, — сказала Бека с комком в горле.

— Разве Лайла не увидела грузовик? — спросила Хани.

Бека вздохнула:

— Хани, я не хочу тебя обидеть. В самом деле не хочу. Но сейчас мне очень нужно побыть одной.

Темные губы Хани округлились от удивления, но она быстро вернула своему лицу сочувственное выражение.

— Конечно, я понимаю, Бека. Ты всегда была такой. Даже когда мы были совсем маленькими. Ты всегда любила обдумывать все в одиночестве. — Хани покачала головой. — Ты была такой замкнутой.

— Да, я знаю, — сказала Бека, испытывая внезапное желание разрыдаться. Но она с трудом сдержалась.

— Ладно, я пойду домой, — продолжала Хани. — Просто я хотела сказать, что я здесь, рядом. Если понадобится, позови меня. Лайлы больше нет с тобой, и я хочу, чтобы ты знала, что есть я. Что бы ни случилось!

«Лайлы больше нет? Хани это сказала?»

— Что ты сказала? — закричала Бека.

— Я сказала, что пришла тебя успокоить.

— Нет, я слышала, что ты сказала о Лайле!

— Лайлы больше нет с тобой.

От того, как Хани произнесла эти слова, Беку бросило в озноб.

Вдруг, Бека даже не успела понять, как это произошло, горькие слезы хлынули из глаз. Плечи стали еще тяжелее.

«Нет! Нет! Я не хочу плакать!» — говорила себе Бека. И не могла остановиться. Примостившись на краешке своей кровати, она горько рыдала, закрыв лицо обеими руками.

— Вот так. Пусть все уйдет... — голос Хани вплывал в сознание Беки. Она почувствовала руки Хани, обнимающие ее плечи. Хани тоже села на кровать рядом с Бекой, обнимала ее, шептала успокаивающе: — Вот так, вот так. Пусть все пройдет. Все хорошо. Я здесь.

— Бека! — Другой голос достиг ее сознания. Голос доносился со стороны двери.

Бека вытерла глаза обеими руками и посмотрела туда. У двери стояла Триш. Удивленная и смущенная Триш.

— Бека, что случилось? — спросила она, входя в комнату.

Бека закашлялась, постаралась ответить. Но перед тем как она смогла что-либо произнести, Хани вскочила на ноги и пулей понеслась к двери.

Схватив Триш за локоть, Хани начала бесцеремонно выталкивать девушку за дверь.

— Извини, Триш, не сейчас, — сказала она твердо. — Бека хочет побыть одна.

Триш бросила на Беку беспомощный взгляд, но Хани настойчиво выдворила девушку из комнаты. Они ушли вместе, Бека слышала их затихающие шаги на лестнице. Затем она закрыла лицо руками и разрыдалась снова.

Глава 11

Бека обвила руками шею Билла и приблизила его лицо к своему. Она возвращала ему поцелуй, длинный, страстный поцелуй. Сначала Бека закрыла глаза, затем снова открыла, чтобы посмотреть на затуманенное ветровое стекло.

Ей нравился запах его кожаной куртки.

Ей нравилась мягкость его спутанных волос на затылке, которые она крепко держала своими пальцами во время поцелуя.

Билл начал потихоньку отстраняться от нее, но Бека снова нашла его губы для нового страстного поцелуя.

Она не хотела так просто отпускать его.

Машину с запотевшими стеклами, припаркованную у Риверридж, окружал ночной мрак. Бека и Билл были одни в своем собственном мире.

Здесь было тепло и уютно.

Где-то далеко внизу медленно катила свои воды река Кононотка под толстым слоем льда. А за рекой простирался город Шейдисайд, его огни мелькали сквозь кроны деревьев в эту холодную субботнюю ночь.

Высоко на горе под названием Речная скала сидели на переднем сидении маленькой машины Бека и Билл. Одни во всем мире. Далеко от людей, которые хотели разлучить их.

Прошло много времени, прежде чем Билл высвободился из рук Беки.

— Я не могу дышать, — засмеялся он.

Бека вздохнула и откинулась назад, прижавшись щекой к плечу Билла.

— Мне здесь очень нравится, — сказала она нежно, все еще ощущая вкус его губ у себя на губах.

— Не хочешь выйти и посмотреть на город внизу? — спросил Билл, проводя рукой по ее волосам, играя мягкими прядями.

— Нет. Мне не хочется двигаться, — ответила Бека. — Никогда.

Она сжала его руку, затем снова отпустила. Свободной рукой Билл бессознательно чертил круги на запотевшем стекле.

— В первый раз за все это время я могу по-настоящему расслабиться, — призналась Бека. — Всю неделю я была как сумасшедшая.

Билл повернулся к ней, его лицо было серьезным.

— Ты хочешь сказать, это из-за Лайлы?

— Из-за всего, — сказала Бека, уютно устроившись на сильном плече Билла. — Лайла, Хани, ты.

— Я?

— Нужно было незаметно уйти из дома сегодня вечером. Пришлось врать родителям. А я ненавижу это делать.

— Почему бы им прямо не сказать, что ты снова встречаешься со мной? — спросил Билл. — Мне кажется, я не такой уж и плохой парень.

Бека долго молчала. Наконец она сказала:

— Ты не знаешь моих родителей. Если они однажды вобьют себе в голову идею по поводу кого-то...

Она опустила руку и откинулась на спинку сидения.

— В конце концов им придется смириться, — сказала она, смотря в темное ветровое стекло. — После долгих споров и бурных сцен. А мне совсем не хочется скандалов. Ты понимаешь, о чем я говорю?

— Догадываюсь, — кивнул Билл. — У меня дома все по-другому, — задумчиво прибавил он. — Никогда нет скандалов, потому что всем друг на друга наплевать.

— А мои родители слишком заботливы, — нахмурилась Бека. — Иногда мне так хочется, чтобы они исчезли прочь с моих глаз. А потом еще эта Хани! — она пробормотала что-то сквозь зубы и начала нервно обводить руками руль.

— Хани — дрянь, не так ли?

— Легко сказано для нее! — горячо ответила Бека. — Я подозреваю ее в ужасных вещах. Я имею в виду тот несчастный

случаи с Лайлой. Даже не знаю, что и подумать. В ней есть что-то злобное. Она — ведьма! Она все время уверяет меня, что мы лучшие подруги. Но это не так. Мы едва знаем друг друга. Иногда мне кажется, что она придумала историю о нашей дружбе в детстве. Она сама верит в эту сказку и пытается заставить меня тоже в это поверить.

— И у нее это хорошо получается, не так ли? — выражение лица Билла было серьезным.

— Не знаю, — честно ответила Бека. — Иногда она кажется доброй и нежной. По-моему, она изо всех сил пытается быть хорошей подругой, но ее усилия слишком заметны.

— Иначе говоря, она — дрянь! — хихикнул Билл и написал слово «дрянь» пальцем на ветровом стекле.

— Не смешно! — резко сказала Бека. — После несчастного случая с Лайлой Хани звонит мне по три раза за один вечер. Куда ни повернусь — везде Хани. Смотрит на меня своими большими серыми глазами.

Билл нежно обнял девушку за плечи:

— Успокойся, ты снова заводишься!

— Не могу остановиться, — ответила Бека. Хани сводит меня с ума. Она все время пытается меня обнять, словно хочет задушить!

— Бека, пожалуйста...

— Она взяла мою лучшую голубую блузку. Ты помнишь, ту, шелковую. Взяла якобы для того, чтобы отстирать пятно. Больше я этой блузки не видела!

— Почему же ты не спросишь ее? — предложил Билл.

— Я уже спрашивала. Хани уставилась на меня невинными глазами, как будто не поняла, о чем идет речь.

— Ладно. Одного не могу понять, — сказал Билл с растущим нетерпением, — если Хани такая плохая, почему ты не расстанешься с ней как можно скорее? Почему не скажешь, что больше не хочешь быть ее подругой?

— Легко сказать! — с горечью призналась Бека. — Но трудно сделать. Ты знаешь, как я не люблю обижать людей. Не могу же я

просто сказать: «Хани, уходи прочь!»

Билл покачал головой.

— Думаю, такие крайние меры не понадобятся.

— Ты не знаешь Хани. Я очень сомневаюсь, что она прислушивается к моим словам! — закричала Бека. — Она такая настырная, так сильно стремится быть моей лучшей подругой! Каждое утро, едва я успеваю позавтракать, она уже поджидает меня на пороге, и нам приходится идти вместе в школу. В классе мы сидим за одной партой, в школьной столовой мы тоже обедаем вместе. Она даже приносит из дома такие же обеды!

Билл засмеялся.

— Не смешно! — закричала Бека и толкнула его. — Триш тоже находит это забавным. Но это не так. В этом есть что-то нездоровое!

— Ты говорила об этом со своими родителями? — Билл повернулся к ней лицом.

— Конечно, — ответила Бека. — Они думают, что Хани — милая девушка. Хани всегда подыгрывает им, хвалит их. Восклицает, как ей не хватает мамы, и что ее отец всегда в разъездах, и как бы ей хотелось иметь такую семью.

— Плохо дело! — сказал Билл.

— Да, я говорю тебе, она больная! — закричала Бека. — Но мои родители проглотили приманку. И сейчас, как только я начинаю жаловаться на Хани, они не хотят слышать об этом! Они всегда на стороне Хани!

— Успокойся, Бека, успокойся, — заботливо сказал Билл, взяв Беку за руку. — Ты вся дрожишь!

— Я не могу удержаться! — всхлипнула Бека. — Она сводит меня с ума!

— Как дела у Лайлы? — перевел разговор Билл.

— Ей уже лучше, — сказала Бека. — Я была в больнице сегодня утром. Лайла в самом деле поправляется. Даже быстрее, чем ожидали врачи. Мы мило побеседовали, но...

— В чем дело? — спросил Билл.

— Лайла сказала мне странную вещь... — Бека сделала паузу, затем продолжила: — Лайла сказала, что Хани постоянно задавала ей вопросы по поводу ее велосипеда. За день или два до несчастного случая, помнишь? Вопросы о модели велосипеда, о том, как работают тормоза, и все такое прочее.

— Правда? — Билл казался озадаченным.

— Не знаю. Все это кажется мне очень странным, — задумчиво сказала Бека. — Я не вспоминала об этом случае, пока не навестила Лайлу в больнице сегодня утром. Но в тот день Хани была на велосипедной стоянке. Она рассматривала какой-то велосипед. А потом она...

— Не хочешь ли ты сказать, что Хани сделала что-то с велосипедом Лайлы? — скептически спросил Билл.

Мимо промчалась машина. Яркий поток света ее фар внезапно ворвался в темноту салона. На мгновение Бека зажмурилась. Потом снова стало темно.

— Давай уедем отсюда, — сказала Бека. Ей стало холодно.

— Может, лучше побудем здесь еще немного, — предложил Билл, внимательно глядя на девушку. — Скажи мне, что ты думаешь о Хани?

— Ничего, — неохотно ответила Бека. — Мне не следовало это говорить. Просто я думаю об этом весь день, представляю себе Хани на велосипедной стоянке. И потом... — Бека начала вытирать рукой ветровое стекло машины. Билл привлек ее на сиденье.

— Бека, ну перестань, — неясно приговаривал он. — Ты же не думаешь, что Хани попыталась убить Лайлу, потому что Лайла — твоя подруга!

— Нет, думаю, что нет, — неуверенно сказала Бека. — Не знаю. Иногда мне мерещатся совершенно безумные вещи. Только Хани, Хани... Я такая глупая, Билл, в самом деле... — Бека зарыдала.

Билл привлек ее к себе и крепко обнял. Когда он намеревался поцеловать ее, Бека взглянула на ветровое стекло. Ее глаза удивленно расширились, когда она заметила что-то красное, мелькнувшее между деревьев.

— Билл, это она! — закричала девушка, резко вырываясь из его

объятий. — Хани! Она на улице, здесь! Она шпионит за нами! — Бека вцепилась в ручку двери.

— Подожди! — закричал Билл. — Он схватил ее, но Беке все же удалось открыть дверцу и выскочить из машины.

— Она здесь! Она выследила нас! — как безумная закричала Бека и со всех ног бросилась к дереву.

Глава 12

Бека бежала к дереву изо всех сил. Сердце бешено колотилось в груди. Она была в ярости и готова была взорваться в любую минуту.

Как Хани посмела это сделать? По какому праву она преследует Беку, отслеживает ее?

Это какое-то безумие! Просто с ума можно сойти!

Сзади Бека слышала тяжелые шаги Билла:

— Бека, подожди!

Они добежали до дерева одновременно.

— Хани! — задыхаясь, закричала Бека. Она глотнула холодный воздух... и уставилась на красный платок, висевший на низкой корявой ветке дерева.

Как она могла принять этот платок за Хани?

Билл снял платок с сучка и протянул Беке. Ей показалось, что он смеется над ней. Но лицо Билла было серьезным, участливым.

— Бека, ты в самом деле начинаешь меня беспокоить, — мягко сказал он. Билл опустил платок, затем небрежно бросил его на землю.

— Тебе обязательно нужно успокоиться, — повторил он.

— Я знаю, — ответила Бека дрожа, — но как, Билл, как? Что мне делать?

Бека проснулась и постаралась сесть. Голова была тяжелой, словно весила две тонны. Девушка в изнеможении откинулась на подушку. Она стала искать градусник, потом вдруг вспомнила, что мерила температуру десять минут назад. Почти сорок!

Кстати, который час? Она отчаянно пыталась сфокусировать взгляд на радиочасах у кровати. Скоро полдень. Сегодня понедельник.

В воскресенье вечером она чувствовала себя немного странно: ее мучило, все тело болело. Когда Бека попыталась встать с кровати в понедельник утром, она сразу поняла, что заболела.

Скорее всего это грипп. Подхватила какую-нибудь инфекцию.

— Думаю, мне придется остаться дома и полечить тебя, — сказала мама. Она поставила на кровать поднос с чаем и бутерброд с маслом.

Бека заставила себя выпить немного чая. На бутерброд она даже смотреть не могла.

— Спасибо, все хорошо, мама. Я не маленькая. — В голове гудело, словно кто-то стучал там молотком, пытаюсь выбраться наружу. — А я просто постараюсь поспать весь день.

— Вернусь домой пораньше, — сказала миссис Норвуд нахмурясь. — Пей больше жидкости, ладно? Подожди минутку, сейчас дам тебе лекарство.

Мама, казалось, не было целую вечность. Бека лежала на спине. Ей было неудобно, но не было сил поменять положение. Она смотрела в потолок, стараясь представить себе, что сейчас происходит в школе.

— Вот тебе таблетка. Запей ее соком.

Мама склонилась над Бекой, держа в руках лекарство и маленький стаканчик с соком.

— Хани заходила, — сказала мама, когда Бека с большим усилием села. — Она хотела подняться к тебе в комнату, но я сказала, что ты очень больна.

— Спасибо, — сказала Бека слабым голосом. Она запила лекарство соком и вернула стаканчик маме.

— Хани сказала, что принесет тебе уроки после школы, — сказала миссис Норвуд. — Какая внимательная и заботливая у тебя подруга.

— Кому теперь нужны эти уроки! — с горечью сказала Бека. С громким стоном она снова упала на подушку.

— Что у тебя болит? — встревожилась миссис Норвуд.

— Все, — застонала Бека.

— Тогда постарайся проспать весь день, — сказала мама, потрогав своей прохладной ладонью, горячий лоб Беки. — О! Высокая температура! Позвоню тебе позже. Постарайся больше пить. Если тебе не будет лучше завтра утром, придется вызвать доктора

Клайна.

Мама ушла.

Бека снова уставилась в потолок, затем повернулась на бок.

— Я умираю, — думала она. — Мне так плохо!

Она заснула беспокойным сном.

Около 11 часов Беку разбудил звонок матери. Пробормотав что-то в трубку, она поплелась на кухню, налила себе высокий стакан яблочного сока, затем вернулась обратно в кровать.

День прошел словно в дымке. Бека то спала, то бодрствовала, ее мучил кашель.

То она, вспотевшая, металась в жару, то ее бил озноб, и Бека подтягивала одеяло к самому подбородку.

Ей снились жуткие сны, расцвеченные яркими красками. Во снах преобладали сцены охоты.

Она отчаянно бежала от кого-то, не видя своих преследователей.

Видения следовали одно за другим.

Вот Бека и Лайла едут на одном велосипеде, а рядом бежит Хани.

Вот их уже трое на велосипеде и велосипед переворачивается.

Странные, беспокойные сны. Подряд, один за другим.

Телефонный звонок в 3.15.

Бека смогла определить источник звука только после третьего сигнала.

— Алло, — сказала она хриплым голосом, закашлявшись.

— А, ты дома? — услышала Бека знакомый голос.

— Триш?

— Не думала, что ты дома! — сказала Триш.

— Да? Почему?

— Я думала, что тебя положили в больницу. Я так волновалась! Не могла даже дожждаться прихода домой, чтобы позвонить тебе!

Комната закружилась. Крепко сжав телефонную трубку, Бека повалилась на подушку, закрыв глаза.

— Триш, почему я должна быть в больнице?

— Как? — удивилась Триш на другом конце провода. — Хани всем рассказала про твой нервный срыв.

Глава 13

У Беки сжалось горло. Внезапно ей стало очень холодно, ее бил озноб.

— Триш, что ты сказала? — спросила она срывающимся голосом.

— Когда ты не пришла в школу, я спросила у Хани, что с тобой случилось. Она сказала, что новости очень плохие — у тебя был нервный срыв.

— Что? Что она сказала?

— Да. Из-за несчастного случая с Лайлой.

Бека попыталась что-то возразить, но слова застряли у нее в горле. Она увидела, что сжимает телефонную трубку с такой силой, что побелела рука.

— Хани сказала, что у тебя сильно расшатались нервы, — продолжала Триш. — Она так об этом говорила, и я подумала, тебя положили в больницу или что-то в этом роде. Я очень беспокоюсь за тебя, Бека!

— Не могу в это поверить! — закричала Бека. — Не верю!

— Значит, у тебя не было никакого срыва?

— Триш, я подхватила инфекцию. Обычная простуда. Вот и все.

— Надо же! — удив лилась Триш.

— Зачем Хани сделала это? — возмутилась Бека. — Зачем?

— Мне кажется, она что-то перепутала, — сказала Триш. — Я так рада. Не потому, конечно, что ты простудилась, а потому, что у тебя не...

— Она что, с ума сошла? — перебила ее Бека. — Вероятно, она патологическая лгунья, иначе как это все понимать?

— Не знаю, — вздохнула Триш. — Не знаю, что и сказать. Хани — странная девушка, это точно. Послушай, Бека, у меня хорошие новости по поводу моей вечеринки.

— Какой вечеринки? — в голове Беки царил полный хаос. Ее

мысли путались.

— Но ты же знаешь, вечеринки по поводу Рождества!

— Да, да, конечно.

— К тому времени ты должна поправиться, — продолжала Триш. — Хорошие новости состоят в том, что мои родители согласились уехать. Итак, некому будет за нами присматривать, и мы сможем повеселиться на полную катушку!

— Отлично, — вяло ответила Бека, стараясь сосредоточиться.

— Это означает, что мои родители не узнают, что Билл был на вечеринке, — продолжала Триш, — и не смогут сказать твоим родителям. Ты в безопасности. Нет проблем.

— Потрясающе! — обрадовалась Бека.

— Ты совсем охрипла, подружка! Может, принести тебе что-нибудь? Куриный бульон, горячий сливочный крем?

В ответ Бека застонала.

— Я разговаривала с Лайлой вчера вечером, — продолжала Триш. — У нее довольно бодрый голос, если учесть, что ей пришлось пережить.

— Да, я была у нее вчера, — проговорила Бека. — Она и в самом деле поправляется, но не знает, когда выйдет из больницы.

— Бедняжка! — вздохнула Триш. — Теперь ей придется долго лечиться. Может быть, несколько месяцев. А потом еще восстановительные процедуры для ног. Но когда-нибудь она все-таки поправится! Мне так будет ее не хватать на вечеринке, но ведь там будешь ты, не так ли?

— Да, я там буду! — простонала Бека. — Хотя сейчас я умираю!

Она сбросила с себя простыню и одеяло. Горячее тело было покрыто липким потом. Во рту пересохло, словно он был набит ватой.

— Значит, ты еще не видела Хани сегодня? — спросила Триш.

— Каким образом? — удивилась Бека. — Я весь день пролежала в постели. Стонала и металась в жару!

— Подожди, скоро увидишь ее.

— Да? А в чем дело? — спросила Бека.

— Не хочу испортить сюрприз! — загадочно ответила Триш.

— Сюрприз? Триш?

— Мне пора, — поспешно сказала подруга. — Звони мне, если что-то понадобится. Я рада, что у тебя все в порядке. Ты знаешь, что я имею в виду.

Она повесила трубку.

Бека долго смотрела на телефон, затем поставила его на место.

Бека села. Голова кружилась. Бека взяла стакан с соком и сделала большой глоток. Сок был теплым и показался кислым на вкус.

Она встряхнула градусник и сунула его в рот.

«Я знаю, что у меня температура, — подумала Бека. — Завтра последний день занятий перед каникулами, а я не смогу пойти в школу».

Снова около сорока. Бека отложила градусник и взбила подушку. На лестнице слышались шаги.

— Привет, Бека, это я! — крикнула Хани из коридора бодрым голосом. — Дверь была открыта, и я вошла. Как ты себя чувствуешь? Я беспокоилась о тебе весь день!

Бека вздрогнула.

«Сразу спрошу ее, зачем она распространяет гадкую ложь обо мне», — решила она.

Хани появилась на пороге:

— Привет. Тебе уже лучше?

От удивления Бека открыла рот. Она во все глаза уставилась на Хани.

— Тебе нравится? — спросила Хани, поворачиваясь во все стороны, чтобы произвести большее впечатление.

Бека потеряла дар речи.

Хани прошла по комнате. Копна темно-рыжих волос на ее голове исчезла.

«Хани отрезала волосы, — медленно соображала Бека. — Она сделала себе короткую стрижку, точно такую же, как моя!»

Глава 14

Когда Хани ушла наконец домой, Бека никак не могла уснуть. С каким трудом она заставила себя съесть бутерброд с маслом и выпить чашечку чая! Потом она включила телевизор и незаметно задремала.

Дребезжащий звон телефона вывел девушку из неприятных сновидений. Голова раскалывалась, болело все тело. Снимая трубку, она посмотрела на часы у кровати: 10.33.

Кто же еще мог позвонить в такое время?

— Алло, Бека, это опять я, Хани.

— Хани, я уже сплю, — Бека со стоном приподнялась на подушке.

— О, прости. Я просто хотела позвонить еще раз.

Она уже звонила дважды за этот вечер.

— Думаю, мне немного лучше, — прошептала Бека. — Но я не знаю, пойду ли я завтра в школу или нет.

— Я не говорила об этом! — начала Хани дрожащим голосом. — Я не могу вынести мысли о том, что ты думаешь, что я говорила все эти ужасные вещи о тебе в школе.

— Хани, мы уже закончили эту тему, — сказала Бека, тяжело вздохнув. Пристроив телефонную трубку на плечо, она потянулась к тумбочке у кровати, чтобы достать стакан с соком.

— Я знаю. Прости меня, — ответила Хани. — Но я должна убедиться, веришь ли ты мне. Ты должна мне верить, Бека. Должна. Я никому не рассказывала в школе про твой нервный срыв! Это глупо. Скажи, зачем мне это делать?

— Ладно, Хани, хватит, — постаралась закончить неприятный разговор Бека, но Хани явно настаивала на его продолжении.

— Я никогда не говорила такого! — заводилась Хани. — Правда! Это Триш все придумала. Я никогда не говорила ни ей, ни кому-нибудь другому, что у тебя нервный срыв! Триш — лгунья, Бека... Ты должна верить мне!

Голова Беки была тяжелой, как чугунный котел. Она снова упала

на подушку и закрыла глаза.

— Хани, я больна. И в самом деле хочу спать. Пожалуйста...

— Только скажи, ты веришь мне? — настаивала Хани.

Бека сделала глубокий вдох:

— Хорошо, я поверю тебе.

Надо же как-то избавиться от нее!

— О, спасибо! — с благодарностью закричала Хани. — Спасибо, Бека! Я знала, что ты не согласишься в такую глупую историю. Сегодня наша встреча прошла неудачно. Наверное, тебе не понравилась моя прическа и...

— Я так не сказала, — простонала Бека, — Это был шок. Вот и все. Я не ожидала...

— Ты хочешь сказать, она тебе понравилась? — спросила Хани.

— Да, ты выглядишь потрясающе, — сказала Бека.

— Но тебе она правда понравилась? — не унималась Хани.

— Да. Чудесно, — солгала Бека. — Послушай, Хани, я действительно паршиво себя чувствую. Я пойду спать, хорошо?

— Конечно. Теперь мне все ясно. Я больше не буду тебя беспокоить, но помни, Бека, я всегда рядом, позови, если понадобится. Я позвоню тебе завтра утром. Надеюсь, ты будешь чувствовать себя достаточно хорошо, чтобы пойти в школу. Завтра последний день, ты ведь знаешь?

— Да, знаю, — сказала Бека. — Спокойной ночи. — Она повесила трубку, не дожидаясь ответа.

«Хани доводит меня до безумия», — подумала Бека.

Безумие.

Она крепко обняла подушку обеими руками.

— Что мне с ней делать?

Бека изо всех сил сжала подушку, словно в ней концентрировалась вся ее жизненная сила.

— Что мне делать?

Бека набрала номер кода, открыла дверь своего шкафчика и встала на цыпочки, чтобы достать с верхней полки общую тетрадь.

— Ой! — У Беки закружилась голова, когда она посмотрела вверх.

Она чувствовала себя слабой. По правде говоря, ей нужно было остаться в постели еще хотя бы на один день. Но Беке совершенно не хотелось пропускать последний учебный день перед рождественскими каникулами.

— О, Бека, ты здесь?

Услышав удивленный крик за спиной, Бека обернулась.

— Привет, Кари, — сказала она, положив рюкзак на колени и пытаясь запихнуть в него тетрадь.

Это была ее подруга Кари Тейлор, невысокая миловидная девушка с ярко-голубыми глазами и прямыми светлыми волосами, собранными в короткий конский хвост на одну сторону. Шкафчик Кари был рядом.

— Не думала, что ты придешь сегодня в школу, Бека, — неуверенно проговорила Кари, пристально разглядывая девушку. — Я имею в виду, я слышала...

— У меня была простуда или что-то в этом роде, — нахмурившись, сказала Бека. Учебник по математике выскользнул из рук и упал на пол.

— Сегодня мне уже лучше.

Кари вспыхнула.

— Я очень рада, — сказала она. — Я имею в виду не то, что ты болела. Просто... просто я слышала, что ты серьезно больна.

— Кто это сказал? — резко спросила Бека, наклоняясь, чтобы поднять с пола свой учебник. Голова закружилась снова.

Кари пожала плечами:

— Ребята болтают, что у тебя был нервный срыв, — она понизила голос до шепота.

Бека покачала головой.

— Нет, со мной все в порядке, правда.

— Глупая сплетня, наверное, — озадаченно сказала Кари. — Интересно, кто распускает такие слухи?

— Я знаю кто! — сказала Бека с горечью. Она застегнула молнию на рюкзаке. Прозвенел первый звонок.

Ряд одинаковых шкафчиков-сейфов тянулся во всю длину холла. Щелкали кодовые замки. Смеясь и оживленно болтая, ребята расходились по классам. Бека захлопнула свой шкафчик и пошла вниз по коридору вместе с Кари.

«Ну и лгунья же эта Хани! — думала Бека, чувствуя, как в ней закипает гнев. — Хани действительно всем рассказала, что у меня был срыв!»

Она увидела группу ребят, ожидающих открытия библиотеки. Все они, как по команде, удивленно уставились на нее. Наверное, тоже слышали эту сплетню.

— Чем собираешься заниматься на каникулах? — обратилась Бека к Кари, стараясь выкинуть Хани из головы.

— Рева Делби пригласила меня покататься на лыжах вместе с ней и ее отцом, — ответила, улыбаясь, Кари. — Они собираются уехать почти на все Рождество. Жду не дождусь, когда мы поедем. Я никогда не была в Аспене. Там должно быть жутко здорово в Рождество!

Девушки остановились перед дверью класса, где училась Кари.

— А ты что делаешь на каникулах?

— Ничего особенного, — сказала Бека. — Мы, как всегда, дома. Нужно посетить миллион родственников. А знаешь, Триш устраивает грандиозную вечеринку в субботу.

Прозвенел второй звонок.

— Да. Жаль, что придется пропустить ее. Желаю вам хорошо повеселиться! — Кари поспешила в класс.

— Я очень рада, что у тебя все в порядке, — прибавила она напоследок.

Бека прошла в противоположную сторону коридора к двери своего класса. Она быстро скользнула на свое место и бросила рюкзак на пол.

«Может быть, мне это только кажется? Или все действительно на меня смотрят? Неужели Хани рассказала всем в классе про мой нервный срыв?»

Бека повернулась лицом к Хани, сидевшей с ней за одной партой.

Шок, настоящий шок! Короткие темно-рыжие волосы Хани — точная копия ее стрижки!

«На ней моя голубая блузка, — с досадой подумала Бека. — А на воротничке — брошь с попугаем».

На коленях у Хани лежала открытая книга. Она захлопнула ее и широко улыбнулась Беке.

— Как ты себя чувствуешь, Бека, ты такая бледная...

— Не слишком хорошо, — сказала Бека, нахмурившись.

— Я же тебе говорила, что тебе следовало остаться дома, — ворчала Хани. — Я бы принесла тебе уроки. Я бы позаботилась обо всем для тебя. Обо всем!

«Что мне с ней делать?» — в отчаянии думала Бека.

Этот вопрос становился навязчивой идеей, бесконечно повторяющимся рефреном.

«Что мне делать?»

— Что мне делать, Триш? — спросила Бека. Вопрос прозвучал как мольба.

Триш вздрогнула и застегнула молнию своей куртки до самого подбородка. Она засунула руки в карманы и ускорила свой шаг, чтобы поспевать за Бекой. Ее сапоги утопали в снегу.

Был обеденный перерыв, но Беке не хотелось даже думать о еде. Вволю излив свою душу Триш, она попросила подругу прогуляться с ней на школьном дворе.

День выдался холодным и пасмурным, тяжелые тучи нависли над городом. Воздух был влажным, снег собирался пойти с минуты на минуту.

— Тебе нельзя долго находиться на улице, — сказала Триш.

— Мне нужно было выйти! — ответила Бека. — Мне становится

плохо при одной мысли о том, что я должна сидеть в столовой под пристальным взглядом Хани и пытаться проглотить бутерброд.

Девушки направились по тропинке, ведущей к школьному стадиону. На футбольном поле было тихо и пустынно. Одни из ворот были перевернуты сильным порывом ветра несколько дней назад.

— Хани разрушает мою жизнь! — простонала Бека. — Что мне делать?

— Может, нам ее убить? — предложила Триш.

Глава 15

Бека остановилась и удивленно посмотрела на подругу. Триш засмеялась.

— О, Триш, — Бека покачала головой. — Хани доставила мне столько неприятностей. Я-то поверила, что ты действительно можешь мне помочь, а у тебя на уме одни шутки!

— Да, это была шутка, — сказала Триш, поправляя рыжие кудряшки, выбившиеся из-под зеленой вязаной шапочки. — Ты действительно не в лучшей форме, Бека.

Подруги сделали круг по стадиону. Позади них простирался Шейдисайдский парк. По-зимнему голые, без листвы, деревья дрожали на ветру. Девушки свернули в сторону от парка, чтобы ветер дул им в спину, и медленно направились к школьной автостоянке.

— Зря я послушала тебя и ушла из столовой, — ворчала Триш. — Теперь я умираю от голода!

— Не очень-то ты мне помогла решить проблему с Хани, — не осталась в долгу Бека.

— Мне холодно, — Триш пропустила замечание мимо ушей. — От холодного ветра у меня совсем заоченели руки.

Вдруг Триш остановилась, увидев нечто необычное, и указала рукой на стоянку. Бека посмотрела туда и обомлела.

Там была Хани.

Она медленно шла между двумя рядами машин. Она была с парнем. Он обнимал ее за плечи. Они остановились и поцеловались.

— Глазам своим не верю! — прошептала Бека, стараясь спрятаться за спину Триш,

— Не могу разглядеть его лицо, — сказала Триш. — Они слишком далеко от нас.

Прячась за металлическую решетку футбольного поля, девушки подобрались ближе к школьной автостоянке.

— Надо же, это Эрик! — объявила Триш.

— Какой Эрик? Мой Эрик? — переспросила Бека.

— Да, — кивнула Триш.

Бека изо всех сил вцепилась в металлические прутья решетки.

— Но ты же рассталась с ним, — сказала Триш. — Я думаю, она имеет полное право...

— Триш, посмотри на нее! — гневно воскликнула Бека. — У нее моя стрижка. Длинная куртка в точности, как у меня. На ней голубая блузка, которую она взяла домой постирать, но так и не вернула. И моя брошь-попугай, эмалевая брошь, которую подарил мне Билл! И она стоит здесь, на автостоянке и целует моего парня!

— Бека!

— Все это ненормально. Ненормально!

— Бека, не кричи, успокойся, пожалуйста. Ты простудишься!

Триш схватила Беку за плечо и с тревогой посмотрела на подругу. Бека не осознавала, что кричит во весь голос. Она сделала глубокий вдох, отошла от изгороди и засунула свои замерзшие руки в карманы куртки.

— Думаю, нам пора возвращаться в школу, — сказала Триш, нахмурившись.

— Что мне делать? — снова спросила Бека, стараясь владеть своим голосом. Она снова посмотрела на стоянку.

Взявшись за руки, Хани и Эрик медленно направлялись в их сторону.

— Тебе нужно вести себя достойно, — сказала Триш, поправляя шапочку.

— Достойно? Что ты имеешь в виду? — спросила Бека.

— Просто скажи, что не хочешь больше дружить с ней.

Два больших черных дрозда с громким криком пролетели прямо над их головой.

«Как бы я сейчас хотела улететь вместе с ними!» — в отчаянии подумала девушка, глядя, как приближаются Хани и Эрик.

— Но если я скажу это Хани, кто знает, какова будет ее реакция, — проговорила Бека. — Она такая эмоциональная, просто сумасшедшая. В самом деле! Я даже думаю, что Лайла разбилась из-

за нее!

Триш с тревогой посмотрела на подругу:

— Не преувеличивай, Бека. Это паранойя. Хани может быть жуткой дрянью, может копировать тебя во всем, но если ты начнешь бросать такие безумные обвинения...

Триш не успела закончить фразу.

— Ты слишком плохо ее знаешь, — возразила Бека.

Посмотрев вперед, она заметила, что Эрик вдруг резко повернулся и зашагал по направлению к школе. Хани осталась одна. Она махнула девушкам рукой и побежала к ним навстречу.

«Эрику, должно быть, стало стыдно», — подумала Бека.

— Привет, Бека! — окликнула ее Хани. Она остановилась прямо перед Бекой, запыхавшись, с широкой улыбкой на лице.

— Привет, — без всякого энтузиазма ответила Бека.

— Что ты здесь делаешь? — спросила Хани.

— Разговариваю с Триш.

— О! — казалось, Хани впервые заметила Триш. — Привет!

Триш кивнула.

— Можно с вами?

Бека покачала головой:

— Не сейчас, Хани. Мне нужно поговорить с Триш о личных делах.

— О личных делах?

— Да, — холодно ответила Бека.

Хани открыла рот. Ее серые глаза удивленно расширились.

— Что происходит, Бека? — спросила Хани обиженным голосом. — У тебя есть что скрывать от лучшей подруги?

— Именно поэтому я разговариваю с Триш, — подчеркнуто ответила Бека.

«Вот так, — думала Бека. — По-моему, достаточно ясно. Теперь, может быть, Хани поймет намек».

Лицо Хани густо покраснело, но его выражение оставалось непроницаемым. Никаких эмоций. Она сунула руки в карманы своей длинной куртки и повернулась к Беке спиной.

— Поговорим позже! — бросила она через плечо и бегом направилась к школе.

— Это было круто! — усмехнулась Триш. — Так ей и надо! — Триш хихикнула: — Думаю, Хани получила по заслугам.

Бека даже не улыбнулась. Ее вдруг охватило внезапное чувство сожаления, смешанное со страхом.

— Мне бы не следовало быть такой грубой! — прошептала она.

— Нет, ты поступила правильно, — возразила Триш. — Ты терпела слишком долго. Это был единственный способ избавиться от нее.

— Будь осторожна, Триш! — сказала Бека, нервно кусая ногти.

— Да? Что ты имеешь в виду?

— Будь осторожна. Я знаю, это звучит глупо. Может быть, это паранойя. Но я правда думаю, что Хани очень опасна. Если она ревнует, если в самом деле она разозлится на тебя, она может попытаться что-то сделать.

Триш весело засмеялась и покачала головой:

— Остынь, Бека, успокойся! Ну что, в самом деле, она может сделать?

Глава 16

— Сама будь осторожна, не простудись, — сказала Триш, когда девушки вошли в теплое помещение школы. — Тебе нельзя пропустить мою рождественскую вечеринку.

— Я буду в порядке, — сказала Бека, которая все еще не могла согреться. — Поговорим позже, Триш. Спасибо, что согласилась погулять со мной,

Бека махнула ей рукой, затем повернулась и направилась прямо по коридору к своему шкафчику. Ей все еще нездоровилось.

— Не нужно мне было выходить на улицу в такой холод! — ругала она себя.

Бека помахала рукой знакомым ребятам, свернула за угол. Взглянув мимоходом на настенные часы, она убедилась, что до конца обеденного перерыва осталось всего десять минут.

«Отлично, — подумала Бека, — у меня еще есть время, чтобы забежать в туалет и собраться с мыслями».

Обойдя группу мальчишек, которые, весело смеясь, играли в хлопki, Бека остановилась перед своим шкафчиком. Его дверца была приоткрыта.

— Я точно помню, что запирала ее, — подумала девушка.

Она открыла дверцу и застыла от изумления.

Бека повернулась к своей соседке, Кари Тейлор, которая в этот момент открывала свой шкафчик.

— Бека, что случилось?

— Посмотри сама, — сказала Бека.

— О! Какой кошмар! — воскликнула Кари, заглядывая в шкаф, через плечо Беки. — Кто-то тут все испортил!

— Все! — с горечью подтвердила Бека.

Ее учебники, всегда аккуратно сложенные стопками на верхней полке, были грудой свалены на дне шкафа. Тетради измяты, многие страницы вырваны. Шерстяной шарф, который она хранила в этом шкафу, клубком валялся под ворохом испорченной бумаги. Повсюду

валялись карточки из картотеки ее исследовательской работы.

— Как грубо! — воскликнула Кари. — Кто мог такое натворить?

Она положила руку на дрожащее плечо Беки.

— Тебе нужно все рассказать классному руководителю!

— Да, я знаю, — ответила Бека.

Ее охватил внезапный приступ тошноты. Она заставила себя не смотреть на весь этот разгром.

— Кто мог это сделать? — повторила Кари. Вокруг уже толпились ребята.

— Я знаю, кто это сделал! — подумала Бека.

Сомнений быть не могло. Хани.

«Как это глупо, по-детски. Я задела ее чувства, а она, в отместку, испортила все мои вещи».

— А-а-а! — отчаянно закричала Бека и бросилась прочь.

— Бека, ты куда? — окликнула ее Кари.

— В туалет! — на бегу ответила Бека.

Она растолкала ватагу малышей, по какой-то причине одетых сегодня в парадную форму, и понеслась вниз по коридору. Звуки голосов эхом отзывались в ее ушах.

Скорее.

Женский туалет был в самом конце коридора.

Бека тяжело дышала.

Бледно-серый свет зимнего дня проникал внутрь туалетной комнаты сквозь высокое замерзшее окно.

У умывальника стояла Хани в своей длинной куртке.

— Ох! — вскрикнула Бека.

Хани обернулась, удивленно взглянула на нее.

— Привет. — Хани спокойно закрыла кран и взяла бумажное полотенце.

— Хани! — заорала Бека. Она чувствовала, что теряет над собой

контроль, но не могла больше сдерживаться. Она слишком долго сдерживалась. — Как ты могла!

От удивления Хани широко открыла глаза. Она перестала вытирать руки.

— Что?

— Как ты могла?

— Что, Бека, о чем ты?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я, лгунья!

Хани смяла бумажное полотенце и уронила его на пол.

— Бека, ты очень громко кричишь. — Вместо удивленного выражения на ее лице появилось озабоченное: — С тобой все в порядке?

— Нет, Хани, не в порядке! — кричала Бека, в гневе наступая на Хани. — Не в порядке, и ты прекрасно знаешь почему!

Испуганная Хани попятилась к кабинкам. Как будто защищаясь, она подняла руки.

— Как ты могла! — кричала Бека, надрывая горло. Ее руки сжались в кулаки.

Белый, мерцающий свет из окна.

Хани вздохнула. Она спокойно стояла и смотрела Беке прямо в глаза.

— Ну же, Бека, в самом деле, успокойся. Я не знаю, о чем ты говоришь. В самом деле не знаю.

— Лгунья! — негодующим тоном воскликнула Бека. — Я говорю о моем шкафчике, конечно!

— А что с ним случилось? — с невинным видом спросила Хани.

Бека вздохнула, начала было отвечать, но не могла вымолвить ни слова. От гнева она лишилась дара речи.

— Почему ты все время обижаешь меня сегодня? — спросила Хани. В уголках больших серых глаз появились слезы. Ее подбородок дрожал. — Скажи, Бека, что я сделала?

Бека изо всех сил вцепилась в холодную раковину. Она

старалась овладеть собой.

— Ты так меня сегодня обидела на улице у футбольного поля! — всхлипнула Хани, две крупные слезинки скатились по ее пылающим щекам. — А теперь ты набрасываешься на меня, орешь на меня без всякой причины. Почему, Бека?

— Не прикасайся больше к моим вещам! — выдавила Бека сквозь стиснутые зубы. — Не прикасайся!

— А! — Хани вытерла слезы руками. — Я поняла. Это все из-за Эрика. Ты видела меня с Эриком.

— Нет! — огрызнулась Бека.

— Ты злишься потому, что я сейчас встречаюсь с Эриком, — продолжала Хани. — Но в чем дело? Ты ведь рассталась с ним?

— Это не из-за Эрика! — закричала Бека. Она вся дрожала.

Бека сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Вцепившись в раковину обеими руками, она закрыла глаза. Но дрожь не прекращалась.

— Эрик здесь не причем, — повторила Бека.

— Ты дала ему отставку, — продолжала Хани, — Теперь он со мной. — Она повернулась к зеркалу и смахнула со щеки еще одну слезинку.

«Она рассматривает прическу, — с горечью подумала Бека. — Мою прическу. Она льет слезы на блузку. Мою блузку».

— Я повторяю тебе, Хани, Эрик здесь не причем. Есть другие причины.

— О чем ты говоришь? — спросила Хани, изобразив удивление.

— Обо всем остальном, — повторила Бека. — Я хочу, чтобы ноги твоей больше не было в моем доме! В моей комнате! Не смей подходить к моим друзьям!

Хани втянула голову в плечи. Она скривилась, словно от боли.

— Не смей так говорить со мной, Бека! Не смей!

Ее лицо вдруг стало злым, горящие глаза уставились на Беку:

— Я — твоя лучшая подруга. Твоя лучшая подруга!

С отчаянным криком Хани засунула руку в карман своей куртки и вытащила маленький серебристый пистолет.

— Нет, Хани, нет! Не надо! — завизжала Бека.

С искаженным от злобы лицом Хани подняла пистолет, прицелилась Беке в грудь и нажала на курок.

Глава 17

Бека дико закричала.

Поток холодной воды хлынул из дула пистолета на ее куртку.

Хани смеялась.

— Ну же, Бека, — приговаривала она. — Где же твое чувство юмора?

Тяжело дыша, Бека молча смотрела на Хани.

— Снова я выиграла! — похвасталась Хани.

Она нажала на курок серебристого водяного пистолета и послала струю воды в зеркало. На ее губах играла торжествующая усмешка.

«Почему она усмехается? — зло подумала Бека. — Разве она не слышала, что я ей сказала?»

Бека посмотрела на воду, стекавшую по зеркальной поверхности.

— Ну, давай, Бека! — повторила Хани. — Разве ты не помнишь, как мы обе всегда носили с собой водяные пистолеты. Те самые, красные, пластиковые. Помнишь? Мы всегда стреляли друг в друга, когда мисс Мартин поворачивалась к нам спиной.

— Нет, — сказала Бека.

Хани засмеялась:

— К концу дня мы были мокрые до нитки, помнишь?

— Нет! — громче повторила Бека.

— Бека, разве ты не помнишь?

— Нет! Нет! Нет! — Бека уже кричала. — Нет, Хани, этого не было! Не было! У нас не было водяных пистолетов, и мы не стреляли друг в друга!

— Нет, стреляли, — настойчиво повторила Хани, продолжая улыбаться. — Ты просто не помнишь.

— Нет! Нет! — кричала Бека, выходя из себя.

Прозвенел звонок.

Бека повернулась и выбежала из туалетной комнаты, толкнув дверь плечом. Она бежала по школьному коридору, где толпились ученики, мимо испуганных лиц, мимо знакомых, окликающих ее по имени.

Быстрее, быстрее.

Нет! Нет! Нет!

Это слово безостановочно повторялось в ее разгоряченной голове.

Бежать мимо всех этих лиц.

Бежать, пока хватит дыхания.

Как бы она хотела бежать и бежать вечно.

— Тпру-у! — вместо приветствия сказал ей Билл у двери своего дома.

Он был так удивлен, что сам открыл стеклянную дверь веранды и смотрел на бегущую девушку при желтом свете фонаря. На нем были серо-коричневая спортивная рубашка с эмблемой города и потертые джинсы. Несмотря на холод, Билл стоял босиком.

— Привет! — смущенно ответила Бека, закусив губу. — Можно войти? Я собиралась позвонить тебе, но побоялась, что мама подслушает разговор.

— Да, конечно, — Билл озадаченно почесал затылок.

Расстегивая на ходу молнию своей куртки, Бека прошла вслед за ним в узкую прихожую. В доме было жарко, почти душно, пахло чем-то печеным.

— Есть кто-нибудь дома? — спросила Бека, вглядываясь в темноту гостиной.

— Нет. Только мы да мыши, — пошутил Билл. Он взял куртку девушки, отнес ее в комнату и небрежно бросил на стул.

Затем он включил настольную лампу и усадил Беку на кушетку, застеленную темно-синим покрывалом.

— Мой отец еще не пришел с работы, — сказал Билл, усаживаясь рядом с ней. Небрежным жестом отбросил упавшие на лоб волосы. — А мама в магазине, я думаю.

Бека принялась:

— Готовится что-то вкусное?

— На ужин у нас гамбургеры, — сказал он. — Ты ужинала?

Бека кивнула:

— Да, но не очень хотелось.

Билл вытянул ноги и прилег на кровать, опершись на локоть.

— А что ты сказала своей маме?

— Иду навестить Триш. — Она вздохнула. — Мне обязательно нужно с кем-нибудь поговорить. У меня столько неприятностей, я не могу...

Билл обнял Беку за плечи. Он хотел привлечь ее к себе, но она отстранилась.

— Нет, нам нужно поговорить!

Билл послушно убрал руки.

Бека сразу же начала изливать потоки слов.

— Не знаю, что делать, Билл! Все эта Хани! Она сводит меня с ума. Да, я схожу с ума, боюсь свихнуться из-за нее! Не могу собраться с мыслями, не могу делать уроки. Ничего не могу делать!

— И что же она теперь натворила? — нахмурился Билл.

— Все! — воскликнула Бека. — Она ни на минуту не оставляет меня одну. А когда я говорю ей, чтобы она ушла, когда я прогоняю ее, она смеется мне в лицо! Словно это шутка! Словно она не принимает меня всерьез!

Билл казался озабоченным. Он пристально посмотрел на Беку.

— Во-первых, Бека, тебе нужно успокоиться, — начал он.

— Как я могу успокоиться? — пронзительно закричала она. — Ты видел ее, Билл? Она носит мою одежду. У нее моя стрижка. Она расхаживает в обнимку с Эриком. Она, она...

— В самом деле? — тихо сказал Билл, положив руку на плечо девушки. — Посмотри на себя, Бека, ты вся дрожишь. Ты сама накручиваешь себя.

— Я не сумасшедшая! — кричала Бека. — Это Хани —

сумасшедшая! Что мне делать?

Билл отсел подальше от нее. Бека знала, что он терпеть не может, когда она кричит и теряет над собой контроль. Он не знал, как поступать в таких случаях. Но Бека не могла сдержаться. Она была слишком взвинчена, ей нужно было излить свою душу, ей была нужна его помощь.

— Ты начинаешь меня беспокоить, — сказал Билл, не поднимая глаз от ковра. — Я не знаю, что и сказать.

Бека сделала глубокий вдох и задержала дыхание. Ей очень не хотелось еще и разрыдаться. Билл ненавидел слезы и истерики.

— Ты говорила со своей мамой по поводу Хани? — спросил Билл.

Бека кивнула:

— Да. Но мама думает, что я преувеличиваю. Каждый раз при ее появлении Хани разыгрывает из себя пай-девочку. Она всегда льстит моей маме и говорит, как бы она хотела стать членом нашей семьи. Мама все время твердит, что нужно дать Хани шанс, что Хани так одинока. Мама говорит, что через некоторое время у Хани появятся новые друзья, и она перестанет надоедать мне.

— Но ты сама в это не веришь, — сказал Билл, пытаясь засунуть большой палец ноги в дырку в ковре.

Бека покачала головой.

— Нет. Конечно нет — сказала она. — Мы с мамой даже чуть не поссорились из-за Хани. Знаю, с моей стороны это ребячество, но я не переношу, когда мама становится на ее сторону.

Билл молчал.

— Триш говорит, мне нужно вести себя жестче, — продолжала Бека. — Без всяких любезностей. Нужно прямо сказать Хани все, что я о ней думаю. Сказать, чтобы она больше не приходила ко мне домой и что я больше не хочу быть ее подругой.

Билл засмеялся:

— Не могу представить себе саму Триш жесткой и несговорчивой!

— Сегодня во время обеда я испробовала этот способ. Мы с

Триш гуляли по футбольному полю, а Хани тем временем обнималась с Эриком на школьной автостоянке. Затем ей вдруг захотелось присоединиться к нам с Триш. Но я сказала, что хочу побыть с Триш наедине. Я думала, что Хани поймет, что у нее есть чувство собственного достоинства...

— Кстати, — перебил ее Билл, — ты слышала о парнях, которые ворвались в школу сегодня во время обеда?

— Парни? Какие парни?

Билл пожал плечами:

— Не знаю, какие-то парни. Они бегали по коридору и громили шкафчики. Ты знаешь Гари Франта? Они порвали все его учебники и украли папку для писем. У других ребят тоже были проблемы. Просто кошмар! Потом эти парни выбежали из школы через главный вход и скрылись.

— О нет! — Бека откинулась на кушетку и уставилась в потолок.

— Что случилось? — спросил Билл. — Что-то не так?

— В моем шкафчике тоже был жуткий беспорядок, — слабым голосом сказала Бека. — Но я не знала, что это сделали уличные хулиганы. Я обвинила Хани!

Билл что-то сказал, но Бека его не слышала. Она смотрела в потолок, на серое вентиляционное отверстие в стене, ничего не видя и не слыша.

«Я обвинила Хани. Ничего удивительного, что она смотрела на меня как на сумасшедшую, там, в туалетной комнате. Естественно, она не понимала, о чем я говорю. Она сказала, что я набросилась на нее, как коршун, без всякой причины. И, кажется, Хани была права».

Билл что-то говорил, но Бека не слышала его. Он был где-то далеко, на расстоянии нескольких миль от нее, его голос казался тихим шепотом.

«Я накричала на Хани, — вспоминала Бека. — Я накричала на нее и угрожала ей. Хани попыталась превратить это в шутку. Она хотела привести меня в чувство и напугала водяным пистолетом. А я вела себя, как полная психопатка, как сумасшедшая!»

— Может быть, я несправедлива к Хани? — спросила Бека вслух.

Она посмотрела на Билла. Все сразу встало на свои места.

— Может быть... — сказал он задумчиво.

— Ты действительно так думаешь?

Беке стало стыдно. Она внезапно врывается к Биллу домой, чтобы разоблачить Хани. Она так уверена в своей правоте. Так уверена в том, что Хани была ее врагом. Что Хани решила разрушить ее жизнь.

А сейчас...

В голове Беки царил полный беспорядок.

— Хани, наверное, думает, что я сумасшедшая, что я дошла до ручки и обвиняю ее в поступках, которые она не совершала. Что я из числа тех истеричек, которые визжат и орут без всякого повода. А она была спокойна и пыталась успокоить меня. Она связалась со мной потому, что хочет быть моей лучшей подругой.

— Может быть, ты была немного несправедлива к Хани, — слова Билла прорвались сквозь туман в сознание Беки. — Она не такая уж и плохая. Хорошая девчонка, каких много...

— Что? — Бека села и удивленно уставилась на Билла: — Ты считаешь ее хорошей девчонкой?

Билл сообразил, что допустил ошибку.

— Но я же сказал, что таких девчонок много... — пробормотал он.

— Ты не должен переходить на ее сторону! — сказала Бека, чувствуя, что опять начинает выходить из себя. «Успокоиться. Победить свои эмоции. Держать себя под контролем».

— Я не защищаю ее, — поспешно ответил Билл. — Бека, послушай меня...

— Ты не должен защищать ее даже в шутку!

— Я и не делаю этого, — повторил Билл.

— Хани когда-нибудь подходила к тебе? — внезапно спросила Бека.

— Что?

— Ты слышал мой вопрос. Хани когда-нибудь подходила к тебе?

— Бывает, — тихо сказал Билл, — но очень редко.

Несколько минут спустя Бека ушла. Она была еще больше встревожена и расстроена, чем до прихода к Биллу.

Сидя на кушетке рядом с девушкой, Билл обнимал ее, целовал.

Долгие, страстные поцелуи Билла. Обычно они очень нравились Беке.

Но не сегодня.

Когда губы Билла касались ее губ, Бека закрывала глаза и думала о Хани.

Она снова видела водяной пистолет. Короткую стрижку Хани. Эмалевую брошь-попугая.

Она видела туалетную комнату, Хани, стоявшую рядом с умывальником. Удивленный взгляд на лице Хани, когда Бека начала обвинять ее.

«Уходи, Хани, — думала Бека. — Пожалуйста, уходи!»

Бека отстранилась от Билла. Его лицо было изумленным. Он попытался вернуть ее, но ему это не удалось. Бека подхватила свою куртку и поспешно выскочила за дверь.

Некоторое время Бека кружила по городу, пытаясь собраться с мыслями. Но так и не придумала ничего определенного. Она намеревалась заехать к Триш, но затем передумала.

Было около 10 часов вечера, когда Бека наконец завела машину в гараж. Холодный ветер задувал в лицо, когда она шла к черному ходу.

Бека открыла дверь кухни.

Кто-то сидел за столом спиной к двери и ждал ее.

— Ой! — сказала Бека.

Глава 18

— Мама! — закричала Бека. — Почему ты здесь сидишь?

Миссис Норвуд медленно обернулась, она не улыбалась.

— Мама, что-то случилось?

— Ты хорошо провела время? — холодно спросила миссис Норвуд. Она встала.

— Нет, — пробормотала озадаченная Бека, — Я... э-э...

— Ты была в доме у Билла? — сердито спросила миссис Норвуд. Она сурово смотрела на дочь, изучая ее лицо.

— Мама, я не понимаю... — ответила Бека. Внутри у нее все сжалось. Она машинально сняла куртку, обдумывая свое положение, стараясь понять, как много мама знает и как ей себя вести.

— Я знаю, ты снова начала встречаться с Биллом, — сказала мама голосом, лишенным всяких эмоций. — Я знаю, что ты тайком убегаешь из дома. Сегодня ты тоже была там?

— Да, — согласилась Бека. — Как ты об этом узнала? Это Триш...

— Не имеет значения! — сурово сказала миссис Норвуд.

— Ты подслушала телефонный разговор? — спросила Бека.

Мама нахмурилась.

— Я не собираюсь шпионить за тобой, — ее голос понизился до свистящего шепота. Внезапно, самообладание покинуло ее: — Ты так огорчила меня, Бека! — сказала мама. Ее подбородок дрожал. Она прикусила нижнюю губу.

— Мама, в самом деле, я...

— Тайком уходить из дома! — Миссис Норвуд закрыла глаза. — Бегать на свидания за моей спиной!

— Мне пришлось уходить тайком! — возразила Бека. — Если бы я сказала тебе, что иду к Биллу, ты все равно бы меня непустила!

Миссис Норвуд грустно покачала головой:

— Ах, Бека, Бека, однажды этот мальчик уже разбил твое сердце...

— Мама, это неправда! — закричала Бека.

Миссис Норвуд, испуганная горячностью дочери, отступила к кухонному столу.

— Извини, я не имела в виду...

— Все сейчас изменилось! — кричала Бека. Она не могла больше сдерживать свой гнев, как будто снова переживала крушение надежд.

— Билл изменился! Билл теперь совсем другой человек! Но я знаю, что ни ты, ни папа никогда не поверят в это! Вы не хотите дать Биллу шанс!

— Итак, ты тайком бегала на свидание к Биллу за нашими спинами! — Миссис Норвуд была вынуждена повысить голос, чтобы перекричать Беку.

— А тебе какое дело!

— Существуют определенные правила, и нужно им подчиняться, — спокойно сказала миссис Норвуд, овладев собой. — Вот какое мне дело. В этом доме существуют свои правила, правила порядочности. А ты нарушила их.

Миссис Норвуд посмотрела на дочь тяжелым взглядом. Она топнула ногой.

— Я хотела рассказать тебе о Билле, — запинаясь, начала Бека. — Но...

— Но ты не сделала этого, — продолжила мать.

Бека почувствовала свой промах. Теперь ей ни за что не выиграть этот спор. Мама не захочет войти в ее положение.

«Я никогда не смогу переубедить ее! — с грустью подумала Бека. — Во время спора она всегда остается спокойной, а я поддаюсь эмоциям и теряю над собой контроль».

Вот что случилось потом.

— Мама, тебе все равно когда-нибудь придется отпустить меня, — сказала Бека в свое оправдание. Она скрестила руки на груди

и сжала их изо всех сил, стараясь унять нервную дрожь.

— Отпустить?

— Сложно объяснить... — начала Бека.

— Тогда и не пытайся, — пожала плечами мама. Она сделала глубокий вдох и медленно выдохнула, не спуская с Беки глаз. Она долго молчала.

— Мама, пожалуйста...

— Слишком поздно! — отрезала миссис Норвуд. — Тебе запрещено выходить из дома.

— Что?

— Ты будешь постоянно сидеть дома.

— Но, подожди! Ты не можешь так поступить! — закричала Бека.

— Нет, могу, — твердо сказала миссис Норвуд. — Могу и сделаю это. Тебе не разрешается пользоваться машиной. Запрещено видеться с друзьями. Нельзя гулять по вечерам. До дальнейших распоряжений.

— Но, мама, сейчас рождественские каникулы! — запротестовала Бека. — У Триш вечеринка в субботу вечером!

— Тебе придется пропустить ее, — сказала миссис Норвуд. Она повернулась и быстрым шагом вышла из комнаты.

Глава 19

Бека поднялась в свою комнату и бросилась на кровать лицом вниз.

Она собиралась расплакаться. Она ждала, когда ее тело начнет сотрясаться от рыданий, и горячие слезы польются из глаз.

Но слез не было. Бека лежала, уткнувшись лицом в покрывало. Ярость душила ее, не давала ей плакать. Она злилась на свою мать. Злилась на себя. Злилась на Билла. Она рисковала слишком многим, придя к нему сегодня вечером, а он не смог ей помочь, не успокоил ее. По правде говоря, он больше расстроил ее своими недомолвками. Хани успела пообщаться и с ним.

«Спасибо, Билл, — горько думала Бека. — Большое тебе спасибо!»

Она жутко злилась на Билла. Но слез не было.

Бека повернула голову, прижалась ухом к мягкому покрывалу и уставилась в темноту.

«Что мне теперь делать?» — в отчаянии думала девушка.

Впереди были потрясающие каникулы.

Бека уже решила, в чем она пойдет на вечеринку к Триш. Короткая серебряная юбка из маленького магазинчика в Старой Деревне и блестящий облегающий черный костюм.

Приготовленная одежда висела на стуле рядом с туалетным столиком.

«Счастливого Рождества тебе, Бека!» — грустно подумала девушка. — И всем — спокойной ночи!»

Но плакать опять не хотелось.

Вдруг в комнате повеяло холодом. Неужели кто-то оставил окно открытым?

Бека села, пристально вглядываясь в темноту.

И поняла, что она не одна в комнате.

Глава 20

Дверь чулана на дюйм приоткрылась.

Темная фигура бесшумно двигалась по направлению к кровати. Она словно плыла по воздуху.

«Мне это кажется», — думала Бека, уставившись в темноту. Она потянулась к выключателю, чтобы включить настольную лампу. Чья-то рука быстро перехватила ее руку.

— Эй, кто здесь? — закричала Бека.

— Ш-ш-ш, — слышался шепот. Знакомый голос. Бека метнулась в сторону, стараясь дотянуться до лампы.

Наконец зажегся свет.

— Хани! — закричала Бека.

Выйдя из темноты, Хани хитро улыбнулась, приложив палец к губам, словно предлагая хранить молчание.

— Хани, как ты попала в дом? Что ты здесь делаешь? — громким шепотом спросила Бека.

«Этого не может быть, — думала Бека. — Хани не могла проникнуть сюда! Как ей это удалось? Неужели она живет моей жизнью?»

— Ш-ш-ш! — повторила Хани.

Бека начала медленно отодвигаться назад, пока не уперлась спиной в изголовье. Хани подошла совсем близко к кровати. Ее светлые глаза сверкали в ярком свете лампы. Черты лица исказились от волнения, дыхание было тяжелым.

— Как ты вошла в дом? — повторила Бека. Она пристально посмотрела в горящие глаза Хани, не зная, бояться ли ей или сердиться.

— Я приходила к тебе раньше, — прошептала Хани. — Твоя мама сказала, что тебя нет дома. — Ее улыбка стала еще шире.

Бека ждала продолжения.

— Твоя мама подумала, что я пошла домой, — продолжала

Хани. — Я специально громко хлопнула дверью, а затем поднялась наверх и стала ждать тебя.

— Но, Хани... — начала Бека.

— Мы так поступали, когда были детьми, — перебила ее Хани. — Помнишь тот раз, когда родители долго искали нас? Они думали, что мы на улице, но все это время мы прятались в твоём чулане на чердаке?

— У меня не было чулана на чердаке, — неуверенно прошептала Бека.

Хани пропустила это замечание мимо ушей.

— Мне пришлось долго ждать, пока ты вернулась домой, — сказала она недовольным голосом.

— Но зачем? — спросила Бека. — Зачем ты пришла сюда?

— Я хотела извиниться, — сказала она, смотря Беке прямо в глаза. Улыбка Хани начала постепенно исчезать.

— Что? Извиниться?

— Да. — Хани кивнула. Ее темно-рыжие волосы блестели при электрическом свете. — Мне очень стыдно. Это вырвалось случайно, Бека. Мне очень жаль.

— Вырвалось что?

— Про Билла, — сказала Хани, пристально глядя на Беку немигающими глазами.

Бека застонала:

— Я поняла. Теперь я все поняла! — Она шлепнула обеими руками по покрывалу.

— Бека, в самом деле...

— Ты рассказала моей маме про Билла? — сказала Бека в полный голос, забыв об осторожности. — Это сделала ты, больше никому!

Хани судорожно глотнула:

— Это вырвалось случайно.

«Теперь я все поняла, — сердито думала Бека, отвернувшись к

окну. — Я все поняла. Хани решила отомстить мне таким образом. Она отомстила мне за то, что произошло сегодня на футбольном поле и в туалете. Она рассказала моей маме про Билла».

— Я знаю, — глухо сказала Бека, продолжая упорно смотреть в окно.

— Правда! — не унималась Хани. — Я не нарочно, Я разговаривала с твоей мамой и случайно сболтнула про Билла.

— Да, да, конечно, — думала Бека. Гнев закипал внутри, готовый в любую минуту вырваться наружу.

— Прости меня, Бека. В самом деле мне очень жаль, что так вышло.

Она устремилась вперед и попыталась обнять Беку, но Бека ускользнула из ее объятий.

Хани выпрямилась. Все ее тело было напряжено, она задыхалась.

— Пожалуйста, скажи, что простила меня! — умоляла она. — Пожалуйста!

Бека молчала, стараясь не смотреть Хани в глаза.

— Пожалуйста! — молила Хани с всевозрастающим отчаянием. — Прости меня! Ведь ты можешь простить свою лучшую подругу, правда?

Бека повернулась. Ее лицо было холодным и суровым.

— Ты мне не подруга, Хани, — сказала она сквозь стиснутые зубы.

Хани отскочила назад, словно ей дали пощечину:

— Что?

— Ты не моя лучшая подруга, — дрожащим от бешенства голосом продолжала Бека. — Ты не моя лучшая подруга и ты мне вообще не подруга. Триш и Лайла — мои подруги. Мои лучшие подруги. Мои единственные подруги.

Хани задумчиво посмотрела на Беку, словно взвешивая каждое ее слово. Лицо Хани не выражало никаких эмоций.

Когда Хани наконец заговорила, ее голос звучал бодро и весело, словно она не слышала оскорбительных слов Беки.

— А, кстати, Бека, пока не забыла, — сказала она, подмигнув девушке. — Сегодня я порвала с Эриком. Так же как и ты.

Глава 21

— Бека, ты пришла!

Триш понеслась навстречу подруге, на ходу расталкивая гостей. В комнате было многолюдно. Ребята собирались небольшими группами, весело болтали, смеялись.

— Привет. Как здесь красиво! — сказала Бека, оглядываясь по сторонам.

В камине ярко горел огонь, наполняя комнату мягким оранжевым светом. С деревянной полочки свешивались большие чулки, набитые сладостями. Над камином красовался венок из сосновых веток с шишками.

В углу стояла огромная рождественская елка, ее верхушка доставала до потолка.

Белые и красные огоньки мерцали среди еловых веток, украшенных множеством красных бантов. Серебристый дождь, покрывающий елку, заставлял ее сверкать тысячью маленьких бриллиантов.

Бека огляделась в комнате и увидела много знакомых лиц. Триш в самом деле пригласила к себе на вечеринку полшколы!

— Не думала, что ты сможешь вырваться! — громко сказала Триш, стараясь перекричать гомон голосов и рев музыки, доносившейся из музыкального центра, — что-то из «Рождественского альбома» в стиле тяжелого рока.

— В последний момент вмешался папа, — улыбнулась Бека. — Он уговорил маму отпустить меня на вечеринку. Ты выглядишь потрясающе!

На Триш был зеленый свитер навыпуск с вырезом-лодочкой и черные бархатные леггинсы.

— Потрясающий свитер! — сказала Бека.

— А ты закончила свой? — спросила Триш. — Тот самый, который ты вязала для своей кухни?

— Да, конечно, — с гримасой ответила Бека. — Было достаточно

времени для вязания с тех пор, как меня посадили под домашний арест.

Бека сняла верхнюю одежду. Триш взяла ее куртку, восхищенно посмотрела на праздничный наряд Беки: серебряную юбку и черный облегающий костюм.

— Жутко красиво! — воскликнула Триш.

Бека улыбнулась и поблагодарила подругу за комплимент.

— Я складываю все пальто на кровати родителей, — прокричала Триш.

— Что это за музыка? — громко спросила Бека. — Я слышу ее впервые!

— Думаю, что-то из «Рождественского альбома» Guns'n'Roses, — смеясь, ответила Триш. — Это не моя музыка, ее принес Гари Брант.

Бека втянула носом воздух:

— М-м-м, чем это так вкусно пахнет?

— Горячий яблочный сидр, — сказала Триш. — Иди, попробуй, это там. Какой холодный ненастный вечер сегодня!

— А здесь так тепло и уютно, — продолжила Бека, разглядывая гостей. — Билл уже здесь?

— Да, кажется, я видела его в маленькой комнате с Дэвидом Меткафом и какими-то парнями.

Схватив куртку Беки, Триш упорхнула.

Бека прошла сквозь толпу через всю комнату. Она налила себе сидра, остановилась поболтать с Лайзой Блум, которая стояла в обнимку с рыжеволосым незнакомым парнем.

Кто-то поставил другой музыкальный диск. Брюс Спрингстин запел: «Санта Клаус приходит в город...»

Бека услышала, как Рики Чарр жалуется Триш, что нет пива.

— Как можно устраивать рождественскую вечеринку без пива? — не унимался он.

Кто-то спросил у Триш, где висит традиционная ветка омелы. Она указала рукой на дверь в столовую, над которой действительно

красовалась ветка. Рики отпустил грубоватую шутку по поводу поцелуев, и все захихикали.

Горя желанием поскорее увидеть Билла, Бека решительно направилась в маленькую комнату. Дина Мартисон остановила ее прямо у двери.

— Мне очень нравится твоя юбка, Бека, — сказала она, взяв девушку за плечи и поворачивая кругом. — Такая сексуальная! Я никогда не видела такой.

Бека поблагодарила Дину.

— А ты уже видела Джейд? — спросила Дина (Джейд была ее лучшей подругой). — У меня ее ключи!

— Мне кажется, она еще не пришла, — ответила Бека.

— Ты выглядишь потрясающе! — повторила Дина. — Я слышала, что ты была больна... или что-то в этом роде.

— Нет, у меня все хорошо! — сказала Бека.

Из двери комнаты показалась голова Билла.

— Поговорим позже, — сказала Бека Дине и поспешила навстречу Биллу.

— Ты меня ищешь? — спросила Бека.

— Нет, — поддразнил ее Билл, — Я искал сидр, но нашел тебя.

Бека наклонилась вперед и быстро поцеловала Билла в щеку.

— Эта ночь — наша, — сказала она. — Наша единственная ночь. Так давай не будем терять время.

Его лицо стало серьезным:

— Извини, Бека, но у меня свидание!

В первое мгновение она действительно поверила ему. Но Биллу недолго удалось сохранять серьезное выражение лица. Он засмеялся.

Бека толкнула его изо всех сил. Билл повалился назад, прямо на Дэвида Меткафа, который в этот момент выходил из комнаты. Дэвид, борец из Высшей лиги Шейдисайда, начал в шутку бороться с Биллом. Они боролись немного, пока Билл не закричал: — Дядя! — и Дэвид отпустил его.

— Хорошо выглядишь! — сказал Дэвид, смерив девушку оценивающим взглядом с головы до ног, и направился к столу с освежающими напитками.

— Кажется, Дэвиду я понравилась, — смущенно сказала Бека.

— У Дэвида изысканный вкус, — усмехнулся Билл, — Особенно ему нравятся сэндвичи с копченой колбасой.

— Очень смешно! — проворчала Бека и пошла за следующей порцией горячего сидра.

Неожиданно Билл поймал ее, повернул к себе лицом и поцеловал. Бека отпрянула от испуга. Билл усмехнулся и показал на ветку омелы, висящую прямо над их головами.

Пришли еще ребята из Шейдисайда. Кто-то снова включил музыку.

Бека и Билл танцевали, хотя в гостиной было очень мало свободного пространства, чтобы двигаться. Бека чувствовала себя счастливой.

— Это лучшая вечеринка в моей жизни! — сказала она Триш. Триш согласилась.

Некоторое время спустя Бека и Билл разделились.

— Куда он мог исчезнуть? — недоумевала девушка. Она пробиралась сквозь толпу к маленькой комнате, когда вдруг наткнулась на Хани.

— Хани! — Бека не могла скрыть своего удивления.

«Что она здесь делает? — спрашивала себя Бека. — Хани может испортить вечеринку. Триш не должна была приглашать Хани!»

Хани обняла Беку, затем отступила на шаг.

— Посмотри! — заявила она, усмехаясь и красуясь в своей одежде.

Бека испытала настоящий шок.

У Хани была не только стрижка Беки. На ней были надеты точно такая же серебряная юбка и черный облегающий костюм!

Улыбка Хани стала еще шире.

— Привет, сестричка! — радостно воскликнула она.

Глава 22

— Я нашла тот магазинчик в Старой Деревне, — сказала Хани, стараясь перекрыть музыку. — И теперь у меня такая же юбка. Я не могла поверить, что у них найдется еще одна. — Хани смотрела на Беку с лучезарной улыбкой.

Бека лишилась дара речи.

«Почему она здесь? — спрашивала она себя, чувствуя, как внутри закипает гнев. — Почему она носит мою юбку? Почему она так поступает со мной?»

— Ну, что скажешь, сестричка? — твердила Хани, — Ты ничего не сказала!

«Я не могу! — подумала Бека. — Я больше не могу! Хватит!»

— Уходи, Хани! — процедила она сквозь стиснутые зубы.

— Что? — Улыбка растаяла на лице Хани. Она наклонилась к самому лицу Беки, почти касаясь ее: — Я не расслышала, Бека, здесь очень шумно.

— Уходи! — громче повторила Бека.

— Что?

Позади Бека услышала смех. Она оглянулась и увидела двух незнакомых девчонок, показывающих на нее пальцем. Они, очевидно, обменивались комментариями по поводу одинаковой одежды Беки и Хани.

«А вечер начинался так хорошо... — печально подумала Бека. — А теперь на меня показывают пальцем, надо мной смеются. И все из-за Хани!»

Ее печаль сменилась бешенством. Бека почувствовала, что теряет над собой контроль, но ей было все равно.

— Хани, оставь меня в покое! — закричала она.

Несколько парочек перестали танцевать и с любопытством уставились на происходящее.

— Бека? пожалуйста, успокойся, — сказала Хани.

— Убирайся прочь! Оставь меня в покое! — закричала Бека. — Ты мне не лучшая подруга, Хани, ты мне вообще не подруга!

— Бека, пожалуйста! — сконфуженно умоляла Хани.

Но Бека не могла остановиться.

— Ты мне не подруга! Нет! Мои подруги — Триш и Лайла, а не ты!

— Бека, перестань!

— Ты глупо выглядишь! — кричала Бека, двумя руками показывая на наряд Хани. — Ты выглядишь грубо, жалко!

— Успокойся, Бека. На нас все смотрят!

— Уходи, Хани, и я успокоюсь. Убирайся отсюда, Хани, оставь меня в покое! Я больше не хочу тебя видеть!

Хани застыла с открытым от удивления ртом. Ее лицо было очень бледным. Она попыталась что-то сказать, но не смогла. Остановилась. Громко всхлипнула.

Вдруг ее лицо стало злым. Хани покраснела от гнева. Она резко повернулась, блеснув своей серебряной юбкой, и побежала к лестнице, бесцеремонно расталкивая гостей на своем пути.

Тяжело дыша, Бека смотрела, как она бежит вверх по лестнице. Хани обернулась, черты ее лица были искажены гневом, руки крепко сжаты в кулаки.

В комнате послышался гул голосов, нервный смех, вопросы.

— Из-за чего это произошло? — спросила какая-то девушка.

— Я слышала, что у нее нервный срыв, — сказал кто-то громким шепотом.

— Почему они одинаково одеты? — долетел до слуха Беки следующий вопрос. Ответа она не расслышала, но за ним последовал взрыв смеха.

«Шутки в мой адрес! — в отчаянии подумала Бека, чувствуя, как у нее начинают пылать щеки. — Хани превратила меня в посмешище. Все говорят обо мне. Все смеются надо мной!»

— А кто была та, другая девушка? — спросил кто-то.

— Ведьма! — услышала она ответ.

Бека поискала глазами Триш. Ей захотелось извиниться за испорченный вечер. Но Триш нигде не было видно.

Снова заиграла музыка, какая-то песня из рождественского рэпа. Ребята начали танцевать. Бека продвигалась вперед, намереваясь выйти из комнаты.

Она искала в толпе Билла.

«Куда он ушел? — недоумевала Бека. — Неужели он не слышал эту безобразную ссору с Хани? Или он не выходил из маленькой комнаты?»

Бека наткнулась глазами на Триш. Девушка стояла наверху лестницы.

«Что это она держит в руках?»

Приглядевшись, она увидела, что в руках Триш несла большой рождественский пирог в форме полена на серебряном подносе.

Бека видела, как Триш сделала первый шаг вниз.

Затем она заметила наверху Хани. Прямо за спиной Триш.

Триш сделала второй шаг.

А затем огромный пирог взлетел с подноса в воздух.

Бека не сразу поняла, что Триш падает, летит по ступенькам лестницы вниз головой.

Триш пронзительно закричала. Ужасный крик сопровождал ее падение.

Первым к подножию лестницы упал поднос, громко звякнув о деревянный пол.

А затем с отвратительным хрустом приземлилась Триш.

Глава 23

Жуткая, звенящая тишина.

Все замерли на месте, словно на фотографии. Фотографии застывшего ужаса.

Только огонь тихонько потрескивал в камине.

Кто-то пронзительно закричал, и комната снова ожила.

Бека одной из первых подбежала к подруге.

Триш упала вниз лицом, придавив рождественский пирог своим телом. Весь пол вокруг был испачкан кремовой начинкой и шоколадной пудрой.

Триш не двигалась. Ее глаза были закрыты. Ее голова была повернута под неестественным углом.

Бека закрыла лицо руками, стараясь удержать крик ужаса.

Отовсюду слышались вопросы, пугающие, страшные вопросы:

— Она дышит?

— Не трогайте ее!

— Она очнулась?

— Как она упала?

— Кто-нибудь, позвоните 911!

— Где здесь телефон?

— Дэйв уже звонит!

— Кто-нибудь, позвоните ее родителям!

— Да не трогайте же ее!

С бешено колотящимся сердцем Бека склонилась над неподвижным телом подруги.

— Триш, — позвала она, — Триш, ты меня слышишь?!

Молчание.

Бека заметила, что ее колени испачкались в липком креме из пирога, но ей было все равно.

Голова Триш лежит неправильно. Она не должна лежать под таким наклоном, это очевидно.

Беке очень захотелось взять голову подруги двумя руками и выпрямить ее. Беке захотелось перевернуть Триш на спину, посадить ее, крепко обнять.

— Триш?

Молчание.

Бека слышала, как сзади кто-то заплакал. Комната снова наполнилась гулом смущенных, испуганных голосов:

— Она упала?

— Она встанет?

— Вызовите 911!

— А ее родители дома? Где они?

Несколько ребят столпились вокруг Триш, образовали плотный кружок, переговариваясь тихими испуганными голосами.

Тихонько потрескивал огонь в камине.

Бека подняла глаза.

Наверху лестницы стояла Хани.

Хани!

Она все еще была там, на верхней площадке лестницы. Стояла, ухватившись за перила одной рукой. Хани не двигалась. Она сверху вниз смотрела на происходящее, на ее лице застыло странное выражение.

«Хани толкнула Триш», — вспыхнула страшная догадка, и неприятный холодок пробежал по спине Беки.

Да, Хани толкнула Триш.

Хани заметила, что за ней наблюдают. И тут она увидела Беку, во все глаза смотревшую на нее.

— Я хотела поймать ее! — закричала Хани. — Я пыталась! Но все произошло слишком быстро!

Ребята, столпившиеся вокруг лежащей на полу Триш, подняли головы. Хани медленно спускалась по лестнице. По ее щекам текли

слезы.

— Я просто хотела помочь ей нести поднос, — рыдала Хани. — Он был таким тяжелым! Но Триш сказала, что справится с этим сама... Потом я увидела, как Триш начала падать! Я бросилась к ней, но было уже поздно... Если бы только я успела, если бы...

«Нет! — горько подумала Бека, — Нет, ты сама толкнула ее! Ты толкнула ее. Неужели ты убила ее?»

— Она едва дышит, — как сквозь туман слышала Бека голос Дины Мартисон. Бека увидела, как Дина наклонилась над Триш, почти касаясь своим ухом ее лица.

— Значит, она дышит? — спросила какая-то девочка, стоявшая у камина.

— Да, но дыхание затруднено, словно ей тяжело дышать, — ответила Дина.

— Но где же скорая помощь? — спросил кто-то.

— Вы звонили?

— Я позвонил 911, — донесся голос Дэвида Меткафа. — Они сказали, что уже выехали. Должны быть здесь с минуты на минуту.

— Я не слышал вой сирен, — сказал кто-то.

— На улице снег, может быть у них неприятности на дороге, — предположил Дэвид.

— Вы знаете, где сейчас ее родители? — спросила какая-то девушка.

У Триш начались судороги.

Бека закричала. Со всех сторон тоже слышались крики.

Но Триш так и не открыла глаза. Дыхание девушки стало громким и прерывистым.

Вдруг Бека почувствовала, как на ее плечо легла чья-то рука. Думая, что это Билл, она обернулась.

— Хани!

— Все будет хорошо, Бека, — приблизив свое лицо, прошептала Хани. — Все будет хорошо. Я здесь.

Хани громко всхлипнула, по ее щекам текли слезы.

Бека чувствовала тяжесть ее руки на своем плече.

— У тебя еще есть подруга, — прошептала Хани. — Я здесь, я никуда не уйду. Я здесь!

— Нет! — закричала Бека.

Стоявшие поблизости ребята вздрогнули от удивления.

Бека оттолкнула Хани и вскочила на ноги.

— Нет!

«Мне нужно уйти, — думала Бека. — Уйти отсюда!»

Не разбирая дороги, она бросилась к входной двери, распахнула ее, выбежала на улицу...

И увидела двух офицеров полиции в униформе.

— Ничего себе! — сказал один из них, удивленный не меньше Беки.

— Куда вы так спешите? — поинтересовался другой.

Бека отступила назад, в прихожую.

— Я... я не знаю, — пробормотала девушка.

Все вокруг было словно в тумане. Этот туман двигался и кружился, как живой.

Страхнув с фуражек снег, полицейские прошли в комнату.

— Что здесь происходит? — спросил один из них.

Внезапно Бека почувствовала слабость и головокружение, ноги перестали ее держать. Правда была невыносимой!

— Это сделала она! — закричала Бека, трясущимся пальцем указывая на Хани. — Хани толкнула ее! Хани толкнула Триш!

Бека увидела расширившиеся от изумления глаза Хани.

Потом все вокруг стало белым. Белым, как падающий снег.

А затем, когда Бека упала, все стало черным.

Глава 24

Бека открыла глаза. Она несколько раз моргнула, чтобы привыкнуть к яркому свету.

«Где я?» — удивленно подумала девушка.

Бека попыталась сесть. Жутко болела спина, руки очень ослабли.

«Как долго я спала?» — недоумевала Бека.

Зрение сфокусировалось на знакомых предметах: платяной шкаф, туалетный столик, заставленный баночками с косметикой и разными безделушками. Грязная одежда, в беспорядке сваленная на стуле.

«Я в своей спальне, — подумала Бека. — Я дома. Но как я сюда попала?»

Где-то рядом Бека услышала приглушенные голоса. Бека пригляделась.

Доктор Клайн!

Он стоял в дверях комнаты и о чем-то разговаривал с мамой. Встревоженные и сосредоточенные лица. Оба резко обернулись, когда Бека попыталась сесть.

— Доброе утро! — с наигранной бодростью сказала мама. Она поспешила к кровати. Доктор Клайн не отставал ни на шаг.

— Утро? — промямлила Бека, — Почему утро? Какой сейчас день?

— Воскресенье! — миссис Норвуд попыталась улыбнуться, наклоняясь к дочери, внимательно разглядывая ее лицо. — Просто ты проспала... некоторое время.

— Проспала?

— Мы с папой привезли тебя домой с вечеринки, — сказала мама, прикусив нижнюю губу.

— Правильно... вечеринка, — неуверенно сказала Бека. Внезапно вернулся пережитый ужас, острый, как лезвие бритвы: — Триш, она...

— Она сломала шею, — сказала миссис Норвуд срывающимся голосом. — Но она жива.

— Ох! — вскрикнула Бека. Потолок начал медленно опрокидываться, и она устало откинулась на подушку.

— У тебя просто был шок, — сказал доктор Клайн профессионально поставленным голосом. — Сильный шок.

Бека закрыла глаза:

— Я помню, как пришла полиция, а потом...

— Ты потеряла сознание, — закончил доктор Клайн. На его узком усатом лице не было никаких эмоций. Лысая голова блестела при свете лампы на потолке. — Потрясение было слишком сильным, сомнений быть не может, и поэтому включились защитные силы твоего организма.

— Но теперь ты вне опасности, — быстро прибавила мама, кивая головой, словно стараясь убедить саму себя. — Доктор Клайн говорит, что ты скоро поправишься.

— Советую тебе хорошенько отдохнуть, — убедительным тоном сказал доктор, теребя в руках пуговицу своего темно-серого в тонкую полоску пиджака. — Полежи в постели несколько дней.

— Но я не больна! — запротестовала Бека.

Доктор Клайн хотел что-то ответить, но в это время раздался телефонный звонок. После первого сигнала миссис Норвуд сняла трубку. Она повернулась к Беке спиной и что-то тихо сказала, слишком тихо, чтобы Бека могла расслышать. Затем она повесила трубку.

— Это была Хани, — сообщила мама. — Она спрашивает, как ты себя чувствуешь. Она звонит все утро.

— Н-е-е-е-т! — издала Бека жуткий болезненный вопль.

Доктор Клайн быстро подошел к кровати. Его лицо было озабоченным:

— С тобой все в порядке? Болит что-нибудь?

— Запретите Хани звонить! — кричала Бека, вцепившись пальцами в простыню. — Я не хочу с ней разговаривать! Я не буду!

— Смотри, я повесила трубку! — сказала миссис Норвуд, указывая на телефон. Она взглядом попросила доктора Клайна подойти поближе.

— Видите ли, — начал доктор, — вы до сих пор не можете успокоиться после того, что произошло на вечеринке...

— Пусть Хани больше не звонит! — прервала его Бека.

— Хорошо, я попрошу ее не звонить, — сказала мама, вопросительно глядя на доктора.

— Никаких звонков! — заключил доктор Клайн. — Хорошая мысль, Бека. Полный отдых. Если захочешь, ты можешь спуститься на первый этаж пообедать. Иногда можешь сделать несколько упражнений, но не утомляйся, ты еще слишком слаба. Не выходи из дома, ни с кем не встречайся. Я выпишу специальные пилюли, они помогут тебе расслабиться. Мягкие транквилизаторы, — уточнил он.

— Вы думаете, что я — сумасшедшая? — слова сами сорвались с ее губ.

— Конечно нет! — немедленно возразила миссис Норвуд.

— Я думаю, тебе пришлось пережить ужасную трагедию, — задумчиво сказал доктор Клайн. — Мы, доктора, называем такие случаи мягкой формой шока. Несколько дней полного отдыха, думаю, вернут тебя к нормальной жизни.

Миссис Норвуд проводила доктора до двери.

— Я загляну к вам завтра, — сказал он. — Если что-нибудь понадобится — звоните в офис.

Бека слышала, как он спускается по лестнице.

Скоро вернулась мама, с вымученной улыбкой на лице.

— Ты поправишься, — сказала она, нежно проводя рукой по лбу своей дочери. — Не хочешь ли съесть что-нибудь? Я принесу поднос.

Бека покачала головой:

— Нет, мама, спасибо. Сейчас мне очень хочется спать.

Бека провалилась в глубокий сон. В последующие дни она пребывала в полубытии, периоды бодрствования длились недолго.

Сон был глубокий, без сновидений. Когда Бека просыпалась, она

чувствовала себя уставшей и совсем разбитой.

Однажды вечером, когда мама вошла в комнату, она обнаружила Беку сидящей на кровати. Девушка плакала. Слезы текли по ее щекам и капали на одеяло.

— Ничего уже не изменишь, — нежно сказала миссис Норвуд, положив руку на плечо дочери. — Все пройдет. Пусть эта боль уйдет, дорогая, тогда тебе станет легче.

Но Бека все плакала и плакала, пока совсем не осталось слез. Но облегчение не наступало.

На следующее утро у Беки прибавилось сил, появился аппетит, и она проглотила гигантский завтрак.

Накануне она поговорила по телефону с Триш и Лайлой. Ее подруги лежали в одном крыле главной больницы Шейдисайда, их палаты были расположены напротив друг друга по коридору. Лайле было скучно, она мечтала поскорее выписаться из больницы. Для восстановления раздробленной ноги, вероятно, понадобится долгое время. Голос Триш был слабым, девушка была в депрессии. Она сказала Беке, что совершенно не помнит, что произошло в тот вечер. Ее память зафиксировала момент, когда она стояла наверху лестницы. Затем была больница. В голосе Триш Бека слышала отчаяние.

«Что же такое мне сделать, чтобы остановить этот кошмар?» — думала Бека, чувствуя себя одинокой и беспомощной. Она пообещала навестить подруг, как только ей разрешат выходить из дома.

Ближе к вечеру, Бека лежала в кровати и читала книгу. Тихо играло радио.

Вошла мама, одетая к выходу.

— Я вернусь меньше чем через час, — сказала она, натягивая перчатку. — Ты будешь умницей, не так ли?

— Конечно, — ответила Бека, — Нет проблем.

— Как ты себя чувствуешь? — спросила миссис Норвуд. Она задавала этот вопрос двадцать раз в день.

— Я похожа на соню, — призналась Бека. — Не думала, что человек может столько спать!

Бека сказала это беспечным тоном, но мама встревожилась. Ее лицо стало серьезным.

— Для тебя это очень полезно, — сказала она, — Я скоро вернусь, ладно? А ты оставайся в постели. Постарайся снова уснуть.

— Не беспокойся обо мне, — зевая, сказала Бека.

Девушка закрыла книгу и уронила ее на пол. Она прислушалась к шагам своей матери на лестнице, затем послышался шум выезжающей из гаража машины.

Внезапно Беке стало очень грустно.

«Это все пилюли! — подумала она. — Пилюли вызывают депрессию, от них делается грустно».

«Нет! — спорила она сама с собой. — Это не пилюли, это я сама! Моя жизнь такая печальная. Очень, очень печальная».

— Где мои друзья? — громко закричала Бека, чувствуя, что начинает дрожать.

«Где все мои друзья?»

Все покалечены. Все в больнице. Все ушли.

Она натянула одеяло до самого подбородка.

Так грустно. Так хочется спать. И так тяжело, словно она весит тысячу фунтов. Ее знобит. Очень, очень грустно.

Бека уже почти провалилась в глубокий сон, когда зазвонил телефон.

Глава 25

«Никаких телефонных звонков!» — в памяти Беки возник голос доктора Клайна.

Телефон зазвонил второй раз.

«Не буду отвечать, — подумала Бека. — Я слишком расстроена, чтобы отвечать».

Третий звонок.

Бека удивилась, почему мама не снимает трубку. Затем она вспомнила, что мама ушла.

«Я плохо соображаю, — подумала Бека. — Я слишком расстроена, чтобы мыслить ясно».

Четвертый звонок затрезвонил прямо над ухом.

Бека сняла трубку.

— Алло, — тихо и робко прозвучал ее голос.

— Привет, Бека, это ты? Это Хани.

— А-а-а, — обыденно, без всякого удивления сказала Бека. — Я слишком расстроена, чтобы разговаривать с тобой, Хани. Все из-за тебя.

— Я тоже все время думаю о тебе, — бодро отозвалась Хани.

Бека не ответила. Телефонная трубка показалась ей слишком тяжелой.

«Зачем я держу ее в руке? Может мне положить ее обратно? Я совершенно ничего не соображаю!»

— Бека, ты меня слышишь? — нетерпеливо спросила Хани.

— Да.

— Ты нехорошо со мной поступила, очень нехорошо! Но у меня есть для тебя приятный сюрприз, — хихикнув, сказала Хани.

— Чему это она так радуется? — нехотя подумала Бека.

Ее снова охватил озноб. Снова стало очень холодно и грустно.

«Почему Хани так весело, когда мне так плохо?»

— Ты можешь сейчас зайти ко мне? — спросила Хани.

— Что?

— Зайди ко мне, — упрашивала Хани, — хотя бы на минутку! Просто посмотри на мой чудесный сюрприз. Тебе он понравится, Бека. Правда.

— Нет, — ответила Бека. Комната вдруг наклонилась и закачалась. Бека закрыла глаза, чтобы остановить ее движение. — Нет, я не могу.

— Ты должна прийти! — настаивала Хани. — Тебе очень понравится мой сюрприз. Надень пальто. Забеги хоть на секундочку. Тебе понравится, правда!

Нет.

Я не могу.

Мне слишком грустно, тяжело. Я хочу спать.

Я не могу.

Пока Хани умоляла Беку зайти, Бека услышала в трубке другой голос. Мужской голос.

Билл?

Это голос Билла? Билл в доме у Хани?

Зачем?

— Пожалуйста, поторопись! — уговаривала Хани.

— Хорошо, — сказала Бека. — Ладно, я приду. Но только на минуту.

— Вот и отлично! — воскликнула Хани. — А я тебе кое-что покажу. Большой сюрприз!

Не ощущая своего тела, Бека поднялась с кровати. Комната снова наклонилась и закачалась. Бека ухватила рукой за край шкафа, чтобы не упасть. Сердце бешено колотилось в груди.

— Это не Билл, — сказала она вслух. — Это не мог быть Билл. Его голос мне показался. Билл никогда не был у Хани дома.

Но ей нужно было убедиться в этом самой.

«Я только зайду на секундочку, — думала Бека. — Я так и сказала Хани. На одну секунду. А потом я больше никогда не буду с ней разговаривать. Я не хочу ее больше видеть!»

«Незачем одеваться, — думала она. — Я выхожу только на одну секунду!»

Бека выглянула из окна: покрытая снегом земля, угольно-серое вечернее небо. Грозные тучи нависли над крышами домов. Снег казался блестящим и жестким, как лед.

«Он уже давно лежит на земле, — подумала Бека, смотря на заснеженный двор. — Я не смотрела в окно целую неделю! Как это странно. Я не видела неба, не видела снега. Ни разу не выглядывала в окно».

«Что со мной случилось? — недоумевала она. — Почему я так странно себя чувствую? Почему я не чувствую себя самой собой?»

Нетвердой походкой Бека спустилась по лестнице и остановилась у вешалки, чтобы взять пальто. Затем, накинув его на плечи, завязывая на ходу тесемки махрового халата, Бека направилась к двери.

На улице было холоднее, чем она думала. Бека застегнула молнию пальто и, качаясь на ветру, пошла по твердому скользкому снегу.

Она прошла по своему двору мимо гаража, пролезла сквозь дыру в тощей живой изгороди и вошла во двор Хани. Продрогшая Бека поспешила к черному ходу.

Она была уже в нескольких метрах от заветной двери, когда вдруг заметила два силуэта в ярком четырехугольнике кухонного окна.

— Нет! — в ужасе закричала Бека. — О нет!

Глава 26

Тонкий слой узорчатого льда покрывал окно кухни. Но в доме Хани ярко горел свет, и Бека ясно видела фигуры двух человек, сидящих за столом.

Стоя на снегу в незашнурованных теннисных тапочках, с голыми, окоченевшими руками, Бека во все глаза смотрела на происходящее.

Там была Хани с Бекиной стрижкой. Присмотревшись, Бека увидела на ней свой лучший зеленый свитер и эмалевую брошь-попугая на шее. Хани улыбалась. А рядом сидел и приветливо улыбался Хани Билл.

Держались ли они за руки?

Этого Бека видеть не могла.

В голове у Беки что-то замкнулось. Все вдруг стало белым и твердым, как снег под ее ногами. Холодным, как ветер, который старался унести ее прочь от этой проклятой двери.

Но Беке совсем не хотелось уходить.

— Она не получит Билла! — закричала Бека ветру. Крик прозвучал как злобный, срывающийся вой.

«Она все отняла у меня! — в бешенстве подумала Бека. — Все, но она не может отобрать Билла! Не может!»

Глаза Беки наполнились слезами. Она схватила круглую ручку двери, повернула ее и толкнула дверь внутрь.

Тяжело дыша, Бека ворвалась в ярко освещенную кухню. Задыхаясь, как раненый зверь, она свирепо смотрела на парочку.

Сидят здесь вместе. Оба улыбаются. Вместе в теплой, ярко освещенной кухне,

— Нет! — завопила Бека.

Ее глаза безумно рыскали в поисках чего-нибудь. Она еще не знала, чего именно.

Нужно что-то найти!

Вот то, что нужно, — деревянная подставка для ножей на

кухонном столе. В ней стояло множество ножей с черными ручками.

— Бека, а вот и сюрприз! — радостно воскликнула Хани, показывая на Билла.

Она хотела встать из-за стола, но остановилась, увидев, как Бека вынимает нож из подставки.

Лезвие блеснуло в ярком свете кухонной лампы.

Билл сразу перестал улыбаться. Его глаза широко раскрылись от удивления.

Хани застыла на месте.

— Бека, что... — Хани не успела закончить фразу. Она сделала судорожный глоток, затем испустила жуткий крик, когда Бека высоко занесла нож: — Нет, Бека, остановись!

Но сама Бека кричала слишком громко, чтобы услышать ее крики.

Она кричала, когда неслась вперед по комнате, кричала от ярости, нацелив нож прямо в сердце Хани.

Глава 27

«Убью! — думала Бека. — Сейчас я убью Хани.

Мне нужно убить ее. Убить ее. Убить ее.

Тогда я снова смогу быть счастливой. Такой счастливой!»

Но на пути к своей цели Бека внезапно остановилась.

Комната закружилась, закачалась, начала постепенно погружаться в черный туман.

Бека громко застонала.

«Я слабею. Чувствую слабость. У меня абсолютно нет сил».

Глаза закатились, и Бека упала на пол. Ее тело тяжело ударилось об пол и больше не двигалось.

Бека не видела, как нож выпал из ее руки и отлетел в сторону. Она не видела, как Билл вскочил из-за стола.

— Ты сказала мне, что Бека знала, что я здесь! — гневно закричал он на Хани. — Ты сказала, что она меня ждет!

Он хотел подойти к Беке, посмотреть, чем он может ей помочь, но Хани опередила его.

— Не подходи к ней! — закричала она, дико сверкая глазами. — Она моя подруга!

— Ты что, сумасшедшая? — спросил Билл. — Она потеряла сознание. Она могла пораниться. Нам нужно что-то сделать!

— Не подходи! — повторила Хани, в ее голосе послышалась угроза. — Она моя подруга! Моя лучшая подруга!

Бека застонала, но не пришла в сознание.

Своей непропорционально большой рукой Хани подобрала с пола кухонный нож, который выпал из рук Беки. Он лежал около разделочного столика.

Стоя у неподвижно лежащей Беки, Хани угрожала Биллу ножом.

— Ты сумасшедшая! — закричал он. В его голосе слышался страх и гнев. — Опусти нож! Что ты делаешь?

— Не подходи к моей лучшей подруге! — приказала Хани. Черты ее лица исказились от бешенства.

Быстрым движением руки Билл перехватил нож.

— Пусти! — завопила Хани.

— Брось нож, Хани!

Они боролись в течение одной минуты. Хани все-таки удалось оттолкнуть его плечом.

Падая, Билл сделал попытку ухватиться за нож. Безуспешно.

Нож остался в руках Хани.

Чтобы сохранить равновесие, Билл ринулся вперед, еще, еще и... напоролся на нож. Лезвие вошло в его грудь.

Испуганная Хани издала пронзительный крик.

Ей понадобилось несколько секунд, чтобы вынуть нож.

Яркое пятно крови расплывалось впереди на спортивной рубашке Билла.

— Эй, — шепотом прохрипел он. Из его раскрытых губ раздался громкий булькающий звук. — Я порезался! — Он поднял свои глаза на Хани, в них было недоумение и ужас.

Билл застонал и повалился на линолеум рядом с Бекой. Лужица крови начала медленно растекаться на полу вокруг его тела.

Хани поняла, что он мертв.

Его кровь такая яркая.

Бека пошевелилась. Громко застонала. Содрогнулась всем телом.

Хани старалась не смотреть на лужу крови, растекавшуюся вокруг тела Билла.

«Что теперь?» — думала Хани с бешено колотящимся сердцем.

Что теперь? Что теперь? Что теперь?

Ее взгляд безумно перемещался от Беки к Биллу и от Билла к Беке.

Она должна что-то придумать! Она придумает, обязательно придумает!

Хани склонилась над Бекой. Вложила нож в ее руку. Стояла и смотрела на испачканный кровью нож, который теперь сжимала рука Беки.

Несколько секунд спустя Бека открыла глаза. Хани присела рядом с ней и помогла ей сесть.

— Не беспокойся! — прошептала Хани ей на ухо. — Не беспокойся, Бека.

Она обняла Беку.

Бека сощурила глаза, пытаясь сосредоточиться. Но она могла видеть только огни, яркие огни. Всюду был плотный мерцающий туман.

Что случилось? Почему она не может сосредоточиться?

— Не беспокойся, — мягко повторила Хани. — Я позабочусь о тебе, Бека. Сейчас я твоя единственная подруга. Я позабочусь о тебе.

Она открыла рот от изумления, когда увидела нож в своей руке. Постепенно все вокруг становилось на свои места.

Бека увидела испачканное кровью лезвие. Серебряное и красное. Яркое, как рождественское украшение.

Все блестело и сверкало в ярком электрическом свете: красно-серебряный нож в ее руке, кухонный стол, парень, лицом вниз лежащий рядом с ней.

— Я позабочусь о тебе, Бека, — шептала Хани, поддерживая девушку двумя руками. — Я не скажу полиции, что ты сделала. Мы придумаем какую-нибудь историю, не так ли, Бека? Мы не позволим им узнать, что ты убила Билла.

— Что? — Бека попыталась встать, но Хани крепко держала ее за плечи, нашептывая ей в ухо.

— Что я сделала? — прошептала Бека. — Что?

Она уставилась на красно-серебряный нож в руке. Затем она посмотрела на Билла, тихо лежавшего в темной луже крови.

— Что я сделала?

— Я скажу им, что это была самозащита, Бека, — мягко сказала Хани. — Они никогда не узнают правду. Они никогда не узнают, что

ты убила Билла ножом. Потому что я буду защищать тебя ото всех на свете. Потому что я — твоя лучшая подруга. Твоя единственная подруга, разве не так? Правда, Бека? Разве не так? Разве я не твоя лучшая подруга? Разве нет? Конечно да!

Я — твоя самая лучшая подруга, и я никогда не позволю им узнать, что ты сделала с Биллом. Никогда, никогда, никогда!

— Спасибо тебе, Хани! — с благодарностью прошептала Бека.

Поцелуй убийцы

Глава 1

Первый поцелуй

Сандалии Джессики цокали по деревянной мостовой. Она остановилась перед «Бич Эмпориум», самым большим магазином в городке Сэнди Холлоу, и стала разглядывать витрину.

Написанное от руки объявление гласило: «ПОЛУСНЯТЫЕ БИКИНИ».

Джессика пожала плечами. Это что — шутка?

Пожалуй, нет. Миссис Хоппинг, женщина преклонного возраста, чья семья владела магазином около сотни лет, не обладала чувством юмора. Она была строгой, неприветливой старухой и улыбалась только тогда, когда выбивала на своем старомодном кассовом аппарате крупную сумму.

«Скоро миссис Хоппинг станет улыбаться чаще», — подумала Джессика. Улицу Райского Берега уже заполонили машины отпускников, спешивших открыть купальный сезон. Целыми днями бледнолицые туристы станут валяться на песке, подставляя себя солнечным лучам, а ночью, порозовевшие и довольные, разбудят весь городок. Они станут устраивать вечеринки и осаждать магазины, магазины, магазины.

Джессика бросила взгляд на купальники. Ярко — рыжее бикини буквально притягивало солнечный свет. «Наверное, оно светится в темноте, — решила Джессика. — Какое клевое...»

Солнце садилось за низкие досчатые строения Центральной улицы. Вечерний западный ветерок приносил с океана прохладу. Из пиццерии «Бухта» доносились приглушенные голоса и взрывы смеха.

«Как все это здорово, — подумала Джессики. — Новое лето. Новый сезон. Новые люди».

Тряхнув гривой медно — рыжих волос и поправив свой черный свитер, она распахнула дверь магазина. Тут же над входом залился колокольчик. К удивлению Джессики, миссис Хоппинг не оказалось на привычном месте — за ювелирным прилавком.

В магазине пахло сладкими специями, корицей и гвоздикой.

Благоухание исходило от витрины с ароматическими смесями. «Держу пари, все это разметут в момент», — подумала Джессика. Она взяла в руки пакетик и поднесла его к носу. Дачники обязательно захотят вытравить из своих отсыревших за зиму домов запах плесени и мучнистой росы.

Девушка повернулась к противоположной стене, где были развешаны яркие летние платья и купальники. «Мне нужно что —нибудь оригинальное, но не слишком», — подумала она, взяв в руки ближайшую юбку — красную с желтым, в цветочек, и суженную в талии.

Она не успела толком рассмотреть ее, как услышала за спиной шаги по деревянному полу. К своему удивлению, она узнала Люси Френке, давнюю знакомую.

— Джесс!

— Люси!

— Ты здесь работаешь? — спросила Джессика

— Ага. По вечерам, — Люси широко улыбнулась. — Народу в городе прибывает, и я довольна.

— Я тоже, — Джессика прикинула на себя темно — красное платье.

— Тебе не идет, — заметила Люси и сморщила нос. И добавила: — У тебя такие шикарные волосы. А я за своими не слежу. Здесь очень сыро, и они все время слипаются.

— Влажный воздух полезен для кожи, — заметила Джессика, возвращая платье на место и протягивал руку за следующим.

Ее кожа, безупречно гладкая и светлая, как сливки, контрастировала с темно — карими глазами и полными алыми губами. Водопад длинных рыжих волос, спадавших на плечи, придавал Джессике весьма романтический и привлекательный вид.

— Как хорошо, что город снова заполняется людьми, — сказала Люси, поправляя вешалку с футболками. — Зимой Сэнди Холлоу становится таким скучным.

— Точно. Живешь, будто в Антарктиде, — согласилась Джессика.

— Что ты собираешься делать летом?

— Надеюсь выбраться куда —нибудь, — ответила Джессика.

— А это как смотрится? — Джессика приложила к груди матросский костюмчик со шнуровкой у горла.

— А что ты вообще ищешь? — спросила Люси, заканчивая возиться с футболками. — Что —нибудь нарядное?

— Не слишком. Завтра ночью я встречаюсь с незнакомым парнем.

— С незнакомым? — удивилась Люси. — Разве так можно?

— Ну, я кое — что о нем слышала, — улыбнулась Джессика. — Друг моего друга утверждает, что это действительно классный чувак, и...

— А как его зовут? — спросила Люси. — Может, я его знаю?

— Габриель Мартинс. Все зовут его Габри.

— Нет, я с ним не знакома, — покачала головой подруга. Она забрала у Джессики матросский костюмчик и принялась его разглядывать. — Пожалуй, тебе пойдет. По-моему, он будет смотреться великолепно. У тебя такие чудесные длинные ноги. Ты прямо как манекенщица.

— Люси, ты прирожденная продавщица! — рассмеялась Джессика.

— Нет, — покачала головой подруга. — Мне вправду так кажется.

Она вернула матроску Джессике, и та направилась в примерочную кабинку. Скинув джинсы и свитер, девушка натянула костюмчик. Он сидел изумительно.

— Зеркало снаружи, — предупредила Люси.

— И без него вижу, что сидит отлично, — заявила Джессика.

Через несколько минут с покупкой в руках она выпорхнула из магазина и зашагала по Центральной улице. Мимо нее прошмыгнули какие-то подростки и устремились в пиццерию «Бухта». Магазины «Мини», обычно полупустой, был полон дачников, запасавшихся продуктами. По тротуару медленно катили машины, выискивавшие

место для парковки.

«Лето, я спешу к тебе!» — радостно подумала Джессика. Размахивая пластиковой сумкой, она поспешила домой.

Габри Мартинс был высоким и очень худым парнем с бледным лицом, прямыми черными волосами, зачесанными на лоб, темными глазами и открытой дружелюбной улыбкой, которая совсем не вязалась с его серьезным лицом. На нем были черные джинсы и светло — голубая майка.

«А он и вправду хорошо выглядит», — подумала Джессика, заведя его издали в свете мерцающих фонарей. Улыбка парня говорила, что девушка ему тоже нравилась.

...Они договорились встретиться возле единственного в городке кинотеатра. Джессика явилась первой и очень заволновалась. «А вдруг я его не узнаю?» — сомневалась она. Пока в старомодный кинотеатр втискивалась толпа смеющихся и гомонящих туристов, девушка расхаживала вперед входом, нервно одергивая свою обновку и в сотый раз спрашивая себя, зачем же она согласилась на свидание с незнакомцем.

Вскоре Джессика осталась в одиночестве. Взглянув на большие часы на фасаде магазина «Мини», она поняла, что фильм уже начался, а Габри и не думал показываться.

Но стоило только парню появиться под фонарями у входа в кинотеатр и дружелюбно улыбнуться, как тревога тут же растаяла.

— Прости, что опоздал, — только и сказал он и, взяв Джессику за руку, повел ее в зал.

Внутри было темно и сыро, пахло плесенью и кошками. Джессика скользнула в проход, ее глаза постепенно привыкали к темноте. Тут она обо что-то споткнулась, но Габри успел подхватить ее.

«Неплохое начало, — сказала она себе. — Верный способ произвести впечатление. Теперь он знает, какая ты неуклюжая корова!»

Наконец они уселись в последнем ряду. Джессика поймала себя на том, что через пару секунд поглядывает на Габри и никак не может сосредоточиться на картине. Черные глаза парня уставились прямо на экран. Лицо его оставалось бесстрастным.

Где-то на середине фильма он наклонился к своей спутнице и прошептал:

— Тебе нравится?

— Не очень, — призналась Джессика.

— Тогда пойдем, — произнес он вставая и ободряюще улыбнулся ей.

Они выбрались на улицу. Воздух был свежим и солоноватым. Низкие гряды темных облаков время от времени закрывали полную луну, висевшую совсем близко над крышей парикмахерской.

Рядом с кинотеатром зал игровых автоматов и кафе — мороженое «Суэнни» кишмя кишели молодежью. Клиенты толпились под навесом по двое и по четверо, ожидая своих заказов.

— Ваять что —нибудь? — спросил Габри, кивая на толпившихся.

— Пока не хочется, — помотала головой Джессика.

— А не пойти ли нам на пляж? — предложил парень. — Там тихо, можно поговорить.

Он в упор посмотрел на нее, и девушка почувствовала гипнотическую силу его взгляда.

— Ну... ладно, — произнесла она наконец, изо всех сил стараясь отвести глаза.

«Наверное, считает меня полным ничтожеством, — грустно подумала Джессика. — Я всегда такая самоуверенная, такая недоступная. Почему же рядом с ним я совсем теряюсь?»

Они шли по улице, проложенной вдоль высоких поросших травой дюн, в честь которых ее и назвали. Идти пришлось недолго, всего несколько минут. Яркая луна плыла над самой дорогой, окруженная темными облаками, как будто прокладывала им путь.

Перебравшись через дюну, они сняли кроссовки и оставили в высокой траве. Мягкий, влажный песок приятно охлаждал ступни ног, и Джессика наслаждалась этими ощущениями. Ее радовал и свежий соленый ветерок, и белая луна, освещающая беспокойные волны океана полосками дрожащего света. И еще она радовалась какому-то новому, незнакомому чувству. Глубоко вздохнув, прикрыла глаза.

— Здесь все дышит такой чистотой, — счастливо произнесла девушка, сложив руки на груди как будто пытаюсь согреться.

— Ты замерзла? — заботливо спросил Габри. Джессика открыла глаза и увидела, что парень

как-то странно смотрит на нее.

— По-моему, ты и вправду продрогла, — сказал он. — То есть...

— Знаешь, что я ощущаю? — она покачала головой. — Как будто я бегу.

И прежде чем Габри ответил, она рванула вдоль берега. Ее босые ноги шлепали по мокрому песку, прибой шумел в ушах, а накатывавший с океана ветер развеивал ее медные волосы.

Вскоре девушка заметила, что Габри догоняет ее большими скачками, двигаясь по песку, так же как и она, — раскинув руки, словно для полета.

Джессика развернулась и помчалась прочь от берега. Парень наконец поравнялся с ней. Остановился, ухмыляясь.

Держась за руки, ни слова не говоря, они упали на мягкий травянистый склон. Счастливо смеясь, боролись, как малые дети, катались по песку, подминая высокую траву у подножия дюны.

Наконец поднялись, все еще продолжая смеяться без умолку, и принялись стряхивать с одежды песок. И тут парень взял девушку за руки.

Притянул к себе.

Он выглядел таким милым при полной, полной луне.

Девушка знала, что он собирается ее поцеловать.

И ей этого хотелось.

Парень не проронил ни слова. Эти сверкающие глаза, такие серьезные и странно гипнотизирующие.

Прежде чем Джессика опомнилась, его руки обвили ее.

Их лица сближались... Сближались...

Девушка вглядывалась в его глаза, и они зачаровывали ее.

И тут она увидела его открытый рот...

И вылезающие клыки.

Белоснежные и острые, сверкающие при лунном свете.

Нежно, ах как нежно Габри поднял ее подбородок.

И погрузил клыки в ее белую мягкую шею.

Глава 2

Жаждающие

Джессика вскрикнула. Упершись руками в плечи парня, она оттолкнула его.

— Эй. — только и смог вскрикнуть он, изумленный девичьей силой.

— Ты идиот! — выпалила Джессика, снова пихая его. — Я тоже одна из Вечных!

— А? — Габри отступил на шаг, не веря своим ушам.

Глаза Джессики сузились, приобретая в темноте красно — янтарный цвет. У нее тоже начали расти клыки, доставая до подбородка. Она нервно засмеялась.

— Идиот! — повторила Джессика, качая головой. Ее длинные густые волосы колыхались на ветру.

— Ну откуда же мне было знать? — спросил Габри со злостью, убирая клыки. В глазах девушки блеснули огоньки.

— Я, понимаешь ли, обновку надела, и все такое... — пробормотала она.

— Что ж ты ничего не сказала? — проворчал Габри, складывая дрожащие руки на груди.

— Почему я должна была сказать? — рявкнула она с ненавистью. — Привет. Рада познакомиться. Я одна из Вечных. А ты?

С воплем бессильной ярости она поддала ногой песок.

— Свидание с незнакомцем, — медленно протянула девушка. — Нужно было узнать побольше, прежде чем встречаться с местным.

— А ты испортила мне полнолуние!

— Во — во, — отозвалась она насмешливо, — Разбила сердце, да? Сам не видишь, насколько ты жалок? Наверное, всегда так поступаешь? Устраиваешь свидание с незнакомками? Заманиваешь бедных доверчивых девушек? А завести постоянную партнершу духа не хватает, да?

— Ты хоть бы клыки спрятала, — раздраженно пробормотал Габри. — Кроме тебя никто не согласился на свидание со мною. Я думать не мог. Ты такая милая и невинная...

— Это я-то милая? — рассмеялась Джессика. И добавила холодно: — Только для тебя это уже не имеет значения.

— Но мне необходим нектар! — воскликнул Габри с отчаянием и придвинулся к ней. — Без нектара я пропаду!

— Откуда ты взял эту реплику? Из старого ужастика? — усмехнулась Джессика, качая головой. И повторила высоким, трагическим голосом, подражая его интонации: — Без нектара я пропаду!

— Это не смешно. Это очень даже грустно, — отозвался он тихо.

Облака наконец-то растаяли, и засияла луна, будто кто-то нажал кнопку выключателя. При ее ярком свете Габри казался столетним стариком.

«У него, как и у меня, лицо подростка, — подумала Джессика, — но кожа слишком бледная и дряблая. И в глазах светится зло — очень уж ста рое, даже древнее».

— Послушай, Габри. — произнесла она чуть мягче. — Мне тоже нужен нектар, как ты понимаешь. Зима была такая долгая и холодная.

На пляж выскочила стайка подростков с бутылками и серферами. Джессика машинально от кинула волосы назад. Один из пацанов остановился и долго разглядывал ее, затем снова присоединился к компании.

— Мне идет этот наряд, — сказала Джессика, вытирая лоб ладонями. Она проводила глазами удалявшегося мальчишку и вдруг жадно произнесла: — Свежая кровь!

— Свежая кровь, — повторил Габри низким голосом, перекрывшим шум ветра. — Свежая кров" расхаживает по всему этому берегу, а мне попалась именно ты!

— Болван, — хмыкнула Джессика.

Он бросил в ее сторону хмурый взгляд.

— Идиот, это же была шутка! — воскликнула она, играючи опрокидывая его на дюну. — У тебя нет чувства юмора?

— Хватит толкаться, — произнес он угрожающе, затем поднялся на ноги и глянул на нее, слов но коршун на добычу. — У меня пропадает чувство юмора, когда дело касается нектара.

— Ну и что ты сделаешь дальше? — поинтересовалась девушка. — Неважно, Вечный ты или нет. Но ты самый большой недотепа из тех, кого я только встречала.

Он посмотрел на нее холодно, раздумывая, как реагировать на эти слова и что предпринять.

"Хочет меня напугать, — поняла Джессика. — Итак, он сейчас сильно огорошен. Но он может попытаться получить от меня то, что ему нужно. Пусть только попробует. Если он дотронется до меня, разорву его на куски".

Оба стояли в тени. Мимо проходили двое мальчишек. Они спешили присоединиться к тем самым ребятам, что прошли здесь раньше.

— Свежая кровь, — прошептал Габри. — Может быть, еще не поздно...

— Что ты хочешь сделать? — спросила Джессика, не замечая серьезности в его голосе. — Назначить еще одно свидание с незнакомкой?

— Мне нужен нектар, — прошептал он, не обращая на нее внимания. — Он мне необходим. — И, обхватив голову руками, Габри начал кружиться.

Облако закрыло луну, и дюны погрузились во мрак. Океан глухо рокотал. По песку завертелись маленькие вихри.

Габри, невидимый в темноте, продолжал кружиться по травянистой дюне. Когда облако наконец убралось и бледный свет вновь залил окрестности, волны улеглись и ветер успокоился, парня уже не было.

Вместо него Джессика увидела летучую мышь черно — пурпурной окраски. Темные глазки животного глядели на нее с яростью, ротик открылся, демонстрируя клыки, с которых капала белая пена.

Мышь взмахнула крыльями, рванулась к Джессике, но та замахала руками. Тогда, видя бесплодность своей попытки, тварь

устремилась вверх и растаяла в черноте неба.

Через мгновение Джессика тоже закружилась в высокой траве. Претерпев точно такое же преобразование, она присоединилась к своему крылатому товарищу.

"Я так голодна. Так голодна. Мне тоже нужен нектар, — думала она. — Мне нужен нектар. Нужен позарез".

Моника Дэвис несла сандалии в руках. Она разглядывала блики, скользившие по волнам. Ее подруга Элли Портер подобрала гладкий белый камень и запустила в воду.

— Что-то я замерзла, — сказала Элли.

— Расслабься, — ответила Моника, прикрыв глаза, и подставляя океанским брызгам свои длинные светлые волосы. — Так здорово выбраться из этой дачи.

— Когда ты сюда приехала? — спросила Элли, поворачиваясь к подруге. Она шла чуть позади.

— Вчера, поздно вечером, — отозвалась Моника. — И, конечно, папу хватил удар. С ним всегда это случается.

— А что произошло?

— Два окна оказались раскрытыми, и в доме развелись какие-то насекомые. Кажется, осы. Ну отец и разошелся. Орал, что мы швыряем деньги на ветер, что за такую сумму, какую мы вновь ухлопали на дачу, хозяева могли бы следить за окнами как следует. Бедный папа, — сказал Моника, покачав головой. — Он так переволновался. Теперь будет целый месяц в себя приходить. А за это время...

Она вдруг остановилась.

Элли тоже остановилась и, проследив за взглядом подруги, уставилась в темно — синее небо.

— Ой! — вскрикнула вдруг Элли, хватая Монику за руку. — Это что — летучие мыши?

Моника беззвучно вскрикнула, когда два темных существа спикировали на нее. Их крылья хлопали, как белье на веревке.

— Бежим! — завопила Элли и потянула подругу за руку. Но Моника уперлась.

— На берегу по ночам полно летучих мышей, — стала объяснять она, разглядывая парящих тварей. — Они живут вон на том острове. Видишь?

Девушка указала на далекую полосу суши с небольшой бухтой, заросшую лесом. Она вырисовывалась на самом горизонте.

— А люди на этом острове живут? — спросила Элли.

— Кажется, там есть несколько дачных домиков, — ответила Моника. — Можно добраться ту да на лодке. Только людей там, по моему, нет. Одни летучие мыши.

— Они такие отвратительные, — сказала Элли прижавшись к подружке. Не было сил оторвать взгляда от двух тварей, носившихся в небе.

— Смотри, кружатся над нами, — сказала Моника тихо, — но они совсем безвредны.

Не успела она закончить фразу, как одна из мышей кинулась прямо на Элли.

Девушка не успела отскочить или хотя бы вскрикнуть.

Она видела мерцающие красные глаза.

Слышала свист ветра и резкий писк, предупреждающий о нападении, чувствовала, как тварь забралась под ее волосы и елозит по лицу Горячая и влажная. Мохнатая. Липкая.

Она царапала девушку.

Колотила крыльями по щекам.

— Помоги же мне! — закричала Элли. — О Моника! Пожалуйста, помоги!

Глава 3

Выбор жертвы

— Помоги, Моника!

Отчаянно размахивая руками, Элли пыталась отогнать тварь.

Моника, сперва остолебевшая от неожиданности, сорвалась с места и кинулась на помощь подруге. Но не успела она подскочить к Элли, как вниз спикировала вторая мышь. Моника вскрикнула и замахала руками для защиты.

Девушка почувствовала, как ударил в лицо холодный ветер, когда существо пронеслось мимо.

И тут, к удивлению Моника, вторая мышь на пала на первую. Она принялась кружиться рядом с ней, колотить крыльями, пытаясь отогнать ее от Элли.

Первая мышь яростно отбивалась. Вторая мышь, сверкая огненными глазами, продолжал насакивать на нее и кружиться рядом, пока первая не взмыла в воздух.

Обе девушки застыли с раскрытыми ртами. А летучие мыши поднялись в темное небо и исчезли где-то за горизонтом.

— Ты цела? — спросила Моника, наконец опомнившись и бросаясь к подруге. Элли дрожала. Кожа покрылась мурашками, выступил холодный пот.

— Вроде бы да, — прошептала она неуверенно.

— Тогда пойдем, — сказала Моника.

И они помчались по берегу на север, туда, где виднелась цепочка дачных домиков.

Все происшествие заняло не больше десяти секунд, сообразила Моника. Но эти десять секунд хотелось поскорее забыть.

"Что же случилось с этими мышами?" — гадала она, вглядываясь на бегу в чернильно — темное небо.

На южном конце пляжа, вдалеке от дачных домиков и от травянистых дюн, над океаном возвышался небольшой утес. Он так резко входил в воду, будто хотел добраться до темного, поросшего

лесом острова на горизонте.

Две летучих мыши приземлились в тени этого гранитного утеса, на пустынную площадку, омываемую время от времени волнами. Грузно свалившись на песок, оба существа тут же претерпели изменения облика, превратившись снова в парня и девушку.

— Ты что натворила? — закричал Габри, сверля Джессикау злобным взглядом.

— У меня не было выбора.

— Но я так голоден! Хоть бы глоточек...

— Нет, — сказала девушка твердо.

Резким движением руки она закинула свои длинные волосы назад.

— Ты что, не видел, какая уйма народу на пляже? Не докумекал, сколько будет свидетелей? Решил нас засыпать в самом начале лета? — Джессика не давала парню слова вставить. — Пошевели мозгами, Габри. Или они у тебя высохли? Ты мог испортить вампирам репутацию, — закончила он со смехом.

Он бросил на нее яростным взгляд и завыл по-звериному. Его клыки вновь выросли до подбородка.

— Одно необдуманное нападение, вроде этого, — не отступалась Джессика, — и вся свежая кровь от сюда попросту сбежит. Город закроют на карантин пока не решат вопрос с летучими мышами.

Габри понимал, что девушка права — он действительно чуть не натворил глупостей.

— Они была такая мягкая и спелая, — пробормотал он.

— Ты недотепа, — сказала Джессика. — Я тебе это уже говорила.

Парень повернулся к ней спиной и стал разглядывать склон утеса.

— Мне надоели твои оскорбления, — бросил он обиженно.

— Это не оскорбление. Это комплимент. — фыркнула она.

Габри приблизил к ней искаженное ненавистью лицо, уставился прямо в глаза.

— Тебе сколько лет? — спросил он.

— А? — ее полные губы вытянулись трубочкой от удивления. — Достаточно, чтобы знать побольше твоего.

Габри продолжал смотреть ей в глаза. Девушка попробовала отвести взгляд, но не смогла.

Ты действительно думаешь, что ты такая ловкая, да? Она кивнула.

Ты действительно думаешь, что ты лучше меня?

Она опять кивнула.

Джессика снова попыталась отвести глаза, но в его взгляде таилась мощь, намного превосходившая ее собственную.

Они долго глядели друг на друга в молчании.

— Как ты смотришь на небольшое соревнование? — спросил наконец Габри.

— Соревнование? — девушка чувствовала, что, против своей воли, не сможет отказаться.

— Пари, — сказал он, и его лицо расплылось в широкой улыбке.

— Я выиграю, — ответила Джессика уверенно.

— Нет, не выиграешь, — улыбка быстро сбежала с лица Габри. — Обязательно проигрешь.

— Что за пари? — девушка чувствовала себя очень неудобно в плену у этих темных глаз. — Собираешься перекусать бейсбольную команду "РедСокс"?

Но он даже не улыбнулся.

— Мне не по душе твой юмор, — мрачно произнес парень.

— Ревнивец, — заметила Джессика. И потребовала: — Прекрати так смотреть на меня!

К ее облегчению, он отвел взгляд. Но улыбка, искривившая его лицо, показывала, что он доволен своим превосходством.

— Так будем соревноваться или нет?

— Конечно, — девушка повернулась и посмотрела на склон утеса. Спина к этому парню она чувствовала себя куда лучше.

Спокойнее.

— Нам обоим нужен нектар, — сказал Габри, приблизившись и проводя пальцами по ее длинным волосам. — Позарез нужен.

— Ближе к делу, — оборвала его Джессика. Не обращая внимание на ее раздражение, он продолжал теревать ее волосы своими длинными костлявыми пальцами.

Дании поглядим, кому из нас лучше удастся добыть нектар. Посмотрим, кому из нас больше повезет, кто из нас окажется хитрее и сообразительнее.

Девушка схватила его руку и осторожно отстранила от своих волос.

— И что же ты предлагаешь, Габри? — спросила она.

— Я постараюсь с помощью моих сил одолеть какую —нибудь девчонку, а ты возьмешь на себя любого парня. — сказал с вызовом Габри.

— То ость мы полетим над пляжем и станем кусать — ты девчонку, а я парня? Так же безрассудно и по-ребячески, как ты?

— Нет. нет. — он сжал ей руку, — совсем не так. Три глотка. Джессика. Три небольших глоточки за три ночи. Но таких, которые превращают человека в Вечного. Если выпить слишком много, люди умирают. Но три маленьких глоточка — и человек станет жить вечно, как и мы.

— Так что же ты предлагаешь? — спросила Джессика с пробуждающимся интересом. — Собираешься найти девушку, живую девушку, трижды укусить ее за три ночи и сделать Вечной?

— Точно! — подтвердил он радостно. — А ты за то время сделаешь то же самое с парнем. Что скажешь, Джессика? Принимаешь условия?

— Нет, — она покачала головой.

— Нет? Почему же?

— Слишком просто. Ты не успеешь и глазом моргнуть, как я выиграю. У меня большое пре имущество. Когда ты назначал свидание с незнакомкой, жертва была уже у меня в руках, — она прокинула голову назад и рассмеялась.

Габри дотронулся до нее языком.

— Знаешь, что я думаю о тебе? Все ты выдумываешь! Джессика. Кишка тонка со мной соревноваться. Знаешь ведь, что девушки не могут мне сопротивляться.

— Я могу тебе сопротивляться, — возразила она, складывая руки на груди.

— Тогда почему же ты не хочешь принять мои условия?

Она игриво приподняла его подбородок.

— Не упускай ничего из виду, милый Габри, — Я просто хочу сделать укус чуточку попозже. Дам тебе хоть маленький шанс на победу.

Он высвободил свой подбородок из ее когтей и заворчал по-собачьи.

— Давай сделаем по-моему, — Джессика убрала руку. — Это слегка оживит наше скромное пари.

— Ну? — он встретился с ней взглядом.

— Ты выберешь парня, над которым придется грудиться мне, ладно? — сказала она, довольная своей выдумкой. — Ты найдешь жертву для меня, а я — для тебя.

— Да! — воскликнул он. — Здорово, умница!

Придя наконец-то к согласию, они вместе закружились, поднимая рядом с гладкой стеной утеса небольшие вихри, одновременно сменили облик и взмыли в темное небо. Сперва поднялись ввысь, затем понеслись низко над песчаным берегом, где по-прежнему собиралась молодежь.

"Какие спелые!" — с жадностью думала Джессика, со свистом пролетая над ними.

Она парила достаточно высоко, чтобы не напугать ребят, но внимательно разглядывала их несмышленные, счастливые лица.

Ее трясло от возбуждения.

Глава 4

Нападение с тыла

Эйприл Блейр поняла, что попалась; она беспомощно лежала на полу и ждала своей участи.

— О нет, стойте! — закричала она, поднимая руки для защиты.

Две ее сестренки, Кортни и Уитни, которых она прозвала Ужасные Близняшки, накинулись на нее.

С безумными воплями Кортни схватила Эйприл за руки, а Уитни присела и принялась щекотать ее

— Стойте! Стойте! — вопила Эйприл, хохоча до слез.

Два светловолосых, круглощеких шестилетние чудовища знали, что Эйприл боится щекотки, как огня.

— Я задыхаюсь! — выкрикнула Эйприл, извиваясь на полу. — Правда! Я задыхаюсь!

Но это только раззадорило сестренок.

Эйприл попробовала уползти в сторону, но Уитни быстро оседлала ее, прижала к ковровой дорожке, покрывавшей пол в комнате. Кортни продолжала свою атаку.

Старшая сестра орала от бессильной ярости; в этот момент в комнату вошла миссис Блейр с пакетами и свертками.

— Эйприл, что ты делаешь? — возмущенно спросила она.

"Мама всегда спрашивает об очевидных вещах", — подумала девушка.

— Меня защекотали.

— Мы чудовища, — объяснила Уитни, устраиваясь поудобнее на спине у сестры и прищипывая ее своими желтыми тапочками.

— Это я знаю, усмехнулась миссис Блейр. — Ну — ка, Эйприл, вставай и помоги нам с папой. В машине еще целая куча вещей.

— Извини, — сказала девушка, безуспешно пытаясь освободиться из цепких рук сестричек, — они не хотят меня отпустить.

— Эйприл, ты же на десять лет старше их, — сказала миссис Блейр нетерпеливо. — Почему ты позволяешь им валять тебя по полу?

— Мама! — воскликнула девушка, вкладывая всю силу в это коротенькое слово, — Они лее превосходят меня численностью, разве не видишь?

— Ага! — подтвердила Кортни.

— Ты далее не открыла окно, — запричитала мать. — Здесь так душно. Дом простоял закрытым всю зиму. Просто необходимо проветрить комнаты.

— Она может подняться, — разрешила Уитни, прижимая голову сестры к полу.

— А вы, девочки, достаточно большие, чтобы тоже помогать нам, — сказала миссис Блейр, принимаясь разгружать пакеты.

— Не — а, недостаточно. Нам только шесть лет, — возразила Кортни.

— У вас ужасно бойкий язычок, юная леди, — произнесла мать, теряя терпение.

— И у меня! — добавила Уитни. — Я тоже бойкая!

Миссис Блейр рассмеялась.

— Давайте — ка, поднимайтесь и помогите папе разгружать машину. Мы проделали такой путь из Шейдисайда не для того, чтобы глотать пыль на полу. Чем быстрее мы распакуемся, тем быстрее

пойдем на пляж.

— Пойдем на пляж сейчас, — предложила

Уитни.

— Пойдем! — эхом отозвалась сестренка, хватая Эйприл за руку и пытаясь поднять ее на ноги.

— После целого лета, проведенного в их компании, мне нужны дополнительные каникулы! — объявила старшая сестра, отряхивая шорты и майку с короткими рукавами, изначально белую, но теперь серую от грязи.

— Ну конечно! Ты все это время проведешь с Мэттом, —

проворчала мать из кухни. — И мы, как обычно, не увидим тебя в течение всего лета.

— Пошли на пляж, — заладила Кортни и потянула Эйприл за руку"

— Ну! — Эйприл резко отдернула руку и направилась в кухню для разборки с матерью. — Мама! Не начинай снова про Мэтта, — проговорила она чуть не плача.

— Я не хотела сказать про Мэтта ничего такого, — возразила миссис Блейр обиженно. — Я только...

— Что только? — торопила Эйприл. — Давай же, договаривай.

— Я только надеюсь, что у нас будет прекрасный семейный отпуск, — объяснила мать. — И, может быть, здесь, в Сэнди Холлоу, тебе встретятся хорошие ребята. Не такие, как те, что увиваются за тобой в Шейдисайде.

— Ты имеешь в виду Мэтта и Тодда, — сказала Эйприл сердито.

— Успокойся! Тсс! — миссис Блейр поднесла указательный палец к губам. — К сожалению, я узнала, что Мэтт со своей семьей снова собирается сюда на лето.

— Ну чем тебе не угодил Мэтт? — возмутилась Эйприл. — Мы с ним встречаемся уже больше года, и...

— Эйприл, мы все это уже обсуждали, — вздохнула мать. — Мэтт замечательный парень. Он действительно очень милый. Особенно по сравнению со всем тем множеством ребят, которых ты таскаешь домой.

— Ну спасибо, — сказала Эйприл насмешливо.

— Да пойми же, он тебе совсем не пара. Разве не видишь? Я имею в виду, что у него в голове только спорт, видеоигры и ужастики. Да оглянись же кругом! Неужели нет никого умнее? То есть...

— Ты права, мама, — резко оборвала Эйприл. — Мы действительно все это обсуждали.

Она повернулась и вышла из комнаты.

— Ты куда, Эйприл? — крикнула вдогонку миссис Блейр, сообразив, что зашла слишком далеко и сказала лишнее.

— Помогать папе, — отозвалась девушка на ходу. И добавила раздраженно: — Разве ты не об этом просила?

Остаток вечера Эйприл провела, помогая родителям. На даче оказалась прорва дел: разгрузить машину, распаковать вещи, проветрить комнаты, убратся в доме, запастись едой и раз — ными мелочами... А также сражаться с Кортни и Уитни.

Когда солнце стало опускаться за дюны, миссис Блейр принялась за приготовление первого в этом году барбекю. Сосиски и гамбургеры шкворчали на решетке, дымок поднимался над зарослями высоких камышей и растворялся в морском воздухе.

Мистер Блейр буквально жил ради барбекю — единственного, что радовало его на даче. У него была очень нежная белая кожа, поэтому он боялся солнца. Ему нравилось качаться в гамаке с книжкой в руках и с нетерпением ожидать вечера, когда можно будет устроить барбекю.

После ужина Эйприл поспешила наверх, в свою комнату, чтобы привести себя в порядок. Она посмотрела на часы, стоявшие на антикварном туалетном столике и поняла, что уже опоздала. Ведь договаривалось встретиться с Мэттом в городе в половине восьмого.

"Он, наверное, уже заждался", — упрекнула себя девушка, снимая шорты и бросая их на пол. Затем оно полезло в стенной шкаф и вытащила оттуда хлопчатобумажные брюки.

"Почему ты позволяешь сестрам валять тебя по полу?" — неожиданно вспомнились слова матери, сказанные днем.

"Потому что это проще, чем бороться с ними", — ответила Эйприл мысленно.

"Потому что поддаваться всегда проще, чем бороться".

"Потому что я безвольная". Все эти ответы казались Эйприл верными. И в тоже время неверными"

Она причесывала упругие светлые волосы и случайно поймала Собственный взгляд в зеркальце.

Ей нравилась собственная внешность, за исключением небольших деталей. Нос казался чуть — чуть длинноватым. И пусть она не такая милая, как сестренки, но все равно выглядит отлично.

"Я не собираюсь быть безвольной в отношениях с Мэттом, —

решила она, продолжая водить расческой по волосам. — И не позволю маме унижать его. Мэтт отличный парень. И я так рада, что он тоже приехал в Сэнди Холлоу. И вместе мы действительно отдохнем — будь здоров!"

Она сделала родителям ручкой. Те как будто и не заметили — они играли во дворе в чехарду с Ужасными Близняшками. Девушка вышла за ворота и быстрым шагом направилась и городу по улице Райского Берега.

Улица Райского Берега!

Ей хотелось смеяться. Слишком громкое название для узкой немощенной тропинки.

До города было около десяти минут ходу. Сначала нужно было миновать дачный район, где высокие камыши окаймляют посыпанные песком дорожки. Затем пересечь заросшее травой поле с одиноко торчащими дубами и ивами.

Эйприл успела пройти по тропинке только пять минут, когда кто-то выскочил из камышей и крепко обнял ее сзади.

Глава 5

Он станет холодным навсегда!

— Попалась! — крикнул Мэтт.

Отпустив Эйприл, он вышел на дорогу, довольно ухмыляясь.

— Первоапрельская дурочка!

— Мэтт, ты кретин! — разозлилась Эйприл. Замахнулась кулаком, но промазала. Парень успел увернуться и громко захохотал. Он всегда пугал ее и кричал: "Первоапрельская дурочка!" Эта дразнилка, обыгрывавшая ее имя Эйприл — Апрель, — просто бесила девушку.

Она повернулась к Тодду, который выбрался из камышей вслед за своим другом.

— Скажи ему, что он кретин, — попросила Эйприл. Сердце бешено колотилось у нее в груди.

— Ты кретин, — радостно повторил со смехом Тодд, обращаясь к Мэтту.

Несмотря на вечернюю прохладу, Тодд был одет в синие мешковатые шорты и синюю майку

без рукавов. Мэтт стоял перед Эйприл, такой высокий и плечистый. Короткие каштановые волосы, черные добрые глаза и круглые щеки делали его похожим на плюшевого медведя.

Тодд выглядел совсем иначе.

Он был маленький, щуплый, спокойный и застенчивый, с огненно — рыжей шевелюрой и серьезным выражением пронзительных голубых глаз, улыбавшихся очень редко. Когда они оставались втроем с Эйприл, сразу казалось, что Тодду неуютно. Он чувствовал себя как бы довеском к этой паре.

За несколько предыдущих месяцев Эйприл безуспешно знакомила Тодда со своими подружками. Рядом с девчонками его застенчивость становилась особенно болезненной, и он никак не мог решиться пригласить кого —нибудь на свидание. Наконец Эйприл отступилась, и теперь они по-прежнему собирались втроем.

— Ты когда сюда приехала? — спросил Мэтт, небрежно кладя руку на плечо Эйприл.

— Сегодня днем, — ответила она. — Дача оказалась в полном порядке, но мои родители будут вылизывать ее еще с неделю.

— А мою маму ждал большой удар, когда мы вчера приехали, — сказал Мэтт. — Какие-то твари разбили окна, забрались внутрь и оставили кое — что на ковре.

— Представляю, — сказала Эйприл. — Твоя мама такая чистюля. Наверное, все глаза выплакала?

— Да нет, — Мэтт усмехнулся. — Она выглядела очень спокойной. Только сказала, что ей хочется развернуться, уехать обратно в Шейдисайд и никогда сюда не возвращаться.

— Это покруче улицы Страха, — сказал Тодд, на несколько шагов отставший от них. Он жил в старой развалюхе, построенной недалеко от кладбища. Эйприл считала, что любое место покажется раем по сравнению с такой дырой.

— Ты даже не представляешь, насколько здесь замечательно, — возразил Мэтт. — Просто потрясающее. Серфинг, пляж с полудня до рассвета. Ночные пикники на берегу. Утром — на боковую, а затем все с начала.

Он рассмеялся. Эйприл игриво толкнула его:

— Ты настоящий чурбан.

— Открыла Америку, — пробурчал Тодд.

— Эй, а ты на чьей стороне? — возмутился Мэтт, изображая обиду. Он обнял подружку покрепче, и вся компания продолжила путь по извилистой разбитой дорожке через заросшую травой равнину мимо невысоких дощатых домиков и в конце концов добралась до города.

К тому моменту, как ребята ступили на деревянную мостовую Центральной улицы, воздух заметно потеплел. Эйприл сбросила руку Мэтта со своего плеча. Будто гора с плеч свалилась — в прямом смысле.

— Эй, глядите! — заметил Мэтт. — В заведении Суэнни появились видеоигры. — Он обернулся к приятелю: — Деньги есть?

Тодд тщательно обследовал карманы своих джинсов, но там нашлась только синяя бутановая зажигалка, которую он всюду таскал с собой. Парень покачал головой.

Тогда Мэтт повернулся к Эйприл.

— Ни в коем случае, — отрезала девушка. — Мы сюда выбрались не для того, чтобы уткнуться в игровые автоматы. Я думаю, пройдемся по городу" поищем знакомых, а потом двинем на пляж.

— Да. Ты как всегда права, — вздохнул Мэтт, бросая на игровой зал прощальный взгляд.

Они медленно зашагали по Центральной улице, останавливаясь у витрин магазинов, затем перебрались на противоположную сторону. Лето еще только начиналось, а город уже превратился в сплошную пробку. Центральная улица была забита медленно двигавшимися машинами. Пешеходы встречали вновь прибывших, болтали с ними, собирались парами и большими компаниями.

— Эй, поглядите, что идет в кино, — восторженно воскликнул Мэтт. — "Фестиваль живых мертвецов"! — он хлопнул Тодда по плечу. — Красота!

Парень тут же потащил друзей через улицу к старомодному кинотеатру и принялся изучать афиши со сценами из фильмов.

— Похоже, крутят одни ужастики без перерыва! — объявил он радостно.

Эйприл недовольно фыркнула. Она терпеть не могла ужастики и никак не могла взять в толк, почему приятель помешался на них.

— Пошли, Мэтт, — она дернула его за руку. — Ну что ты здесь нашел такого?

Старый кинотеатр был последним строением на этой улице. Здесь уже начиналась городская окраина. Дальше была только небольшая асфальтовая площадка, служившая для парковки. За ней тянулся заросший травой пустырь, на котором горожане устраивали пикники и соревнования во всех видах спорта. Сейчас этот пустырь был огорожен цепочкой из нескольких грузовиков. На траве трепетали световые пятна от прожекторов.

Ребята пересекли стоянку и стали смотреть, что же происходит.

Кажется, вовсю шло строительство. Они слышали выкрики рабочих, визг циркулярной пилы, дробь молотков.

Все это выглядело как-то нереально. Прожектора, поднятые к самому небу, давали больше тени, чем света. Рабочие постоянно перемещались из тени в свет и обратно. Над полем темным немым великаном возвышалось чертово колесо. На его спицах были закреплены цветные лампочки. Жителей городка всегда интересовали лишь еда и развлечения. Несколько человек одновременно пытались втиснуться в тесный вагончик русских горок.

Эйприл, Мэтт и Тодд стояли на краю пустыря, любуясь этим "спектаклем", похожим на фантастический сон.

— Интересно, а есть ли здесь гравитрон? — нарушил молчание Мэтт.

— А что это такое? — спросила Эйприл.

— Ну, знаешь... Это такая штука, которая кружится, а из — под ног убирается, и центробежная сила прижимает тебя к стенке.

— Звучит, заманчиво, — сказала девушка с иронией.

— Тебе нравится такой полет? — удивился Тодд.

— Не очень, — быстро ответил Мэтт. — Я не собирался идти на этот аттракцион, а просто поинтересовался, есть ли он здесь.

— А мне нравится чертово колесо, — сказала Эйприл, разглядывая громадную конструкцию, Возвышавшуюся над пустырем.

— Оно для слабаков, — сказал Мэтт презрительно. — Что страшного в чертовом колесе?

— Почему все должно быть страшным? — проворчала Эйприл.

— Пойдем, — он взял ее за руку. — Двинем — ка мы на пляж. А то здесь скучища.

Ночное небо было ясным, без единого облачка, и в свете луны песчаный берег сверкал как длинная серебряная лента.

По пляжу вразвалочку прохаживались парочки, резвились стайка ребятишек: играли в песке, щебетали и смеялись. Повсюду гремела музыка. Звуки взлетали и падали, тонули в волнах, набегавших на берег.

У подножия низкой дюны какие-то ребята развели небольшой костер. Эйприл подошла ближе, медленно ступая по мягкому песку. Они с Мэттом узнали ребят из города, которых уже встречали здесь прошлым летом.

— Эй, Бен! — позвал Мэтт парня, сидевшего у костра. Языки пламени бросали на его лицо причудливые тени.

— Ух ты! — Бен Эшен, высокий к неуклюжий, с короткими черными волосами, поднялся, услышав свое имя, и подошел к Мэтту. — Неужто ты, Мэттстер? Как дела? Ты все такой же хмурый?

— А ты все такой же глупый? — Мэтт тяжело шлепнул Бена по спине.

— Сейчас тоже получишь!

— Вот классный парень! — воскликнул Мэтт и размахнулся для следующего шлепка, но Бен успел увернуться.

Остальные ребята тоже приветствовали Эйприл и Мэтта. Все вместе они уселись на скамейку и стали глядеть на постреливающий искрами костер — завораживающее зрелище.

мул в сторону. Его горящие глазки мерцали в темноте, стараясь рассмотреть Эйприл.

— Ну? — спросила Джессика нетерпеливо.

— Пожалуй, я принимаю вызов, — ответил Га — бри, клочья белой пены повисла у него на подбородке. — Девушка такая клевая... Такая спелая... Она совсем готова...

— Прибереги поэтические выражения для нее, — оборвала Джессика. — Ты действительно величайший растяпа. А при жизни ты был таким же?

Мышиные глазки Габри сузились, когда он пристально всмотрелся ей в глаза. Но в этом воплощении его взгляд не оказывал обычного воздействия.

— Не помню, — прошептал он. — Не думаю, что я вообще был живым.

Джессика постаралась скрыть, что эти слова ее задели. Она разразилась сухим, недобрым смехом.

— Никогда! — запальчиво воскликнул Габри, его глазки

светились яростью. Он понесся прочь, прямо к желтому пламени костра.

— А ты присмотрел жертву для меня? — окликнула его Джессика. Ее голос донесся откуда-то издалека.

— Да, — прошипел Габри, складывая крылья. Затем развернул их и устремился навстречу сопернице.

— И кого же? — Джессика оживилась, ее губы повлажнели от предвкушения. Жажда свежего! нектара заставила биться сердце.

— Вот этого, — объявил Габри, — щуплого, рыжего.

Джессика всмотрелась в сидящих у костра.

— Тот, что сидит в одиночестве и ни с кем не разговаривает?

— Да, — ответил Габри, мысленно радуясь своему выбору. — Этот парень ни к кому не может испытывать теплых чувств. И к тебе тоже, Джесс,

— По-моему, ты прогадал, — она оттолкнула Габри со своего пути. — Я без труда вызову у этого парня теплые чувства, а потом он станет холодным навсегда!

И ветер вновь разнес ее свистящий злобный смех.

Выбрав жертвы, летучие Мыши еще немного покружились над костром, затем устремились в небо и исчезли в черной пустоте где-то над дюнами.

Эйприл громко вскрикнула, когда две мыши пронеслись прямо над ее головой.

— Мэтт, ты видел их? Видел?

— Не обращай внимания, — сказал Мэтт, обнимая ее крепче. — Они совсем безвредные.

Глава 6

Тодд и Джессика

Тодд довольно быстро понял, что крошечные пятнышки, мелькавшие ереди смутных теней, были птицами. Он стоял на невысокой гладкой скале, вглядываясь в эти пятнышки и пытаясь их рассмотреть. "Наверное, это крачки", — решил парень, провожая их глазами вдоль берега. Они летели зигзагами, то сближаясь, то удаляясь друг от друга, пока, наконец, их не поглотил мрак.

Засунув руки в карманы штанов, Тодд повернулся и принялся разглядывать наклонные линии скал, образовывавшие береговую линию у

подножия крутого утеса. Он мог разглядеть в темноте маленький пологий островок, напоминавший всплывающую подводную лодку. Тот самый островок, где обитали летучие мыши.

"Откуда их столько берется на побережье?" — размышлял парень, вглядываясь в фиолетовое небо в поисках крылатых созданий.

Над берегом плыли низкие облака, рассеивающие лунный свет, и все тени казались нереальными. На пляж наползали полосы тумана. Воздух был прохладный, тяжелый и сырой.

Внимание Тодда привлекла эта сторона загадочного, поросшего лесом острова, на которой находилась пристань для весельных лодок. Обычно там было безлюдно. Поэтому она и нравилась парню. Здесь он мог спокойно изучать гладкие холодные скалы и глядеть на воду, сколько вздумается.

Как долго он еще простоит здесь, глядя на низкие облака и плывущий туман? Тодд и сам не знал. Надо было бы отыскать на берегу Эйприл и Мэтта, да они небось уже ушли.

"Надеюсь, ты не попадешь в какую — нибудь жуткую историю", — сказал он себе. Спустившись со скалы, парень устало зашагал по берегу.

"Лето будет чудесным, — подумал он. — Если только я соберусь с силами и перестану быть такой размазней. Если только я перестану все время чувствовать себя таким потерянным, таким ненужным и..."

Ход его мыслей прервало хлопанье крыльев над головой. Подняв глаза к низкому облачному небу, он увидел двух летучих мышей, паривших невысоко над землей. Вскоре они скрылись за густой пеленой облаков, чтобы через минуту снова вынырнуть оттуда.

"Летучие мыши — полезные, — сказал себе Тодд. — Они истребляют насекомых".

Однако приближавшееся хлопанье крыльев, отдававшееся эхом в скалах, и пищание мышей невольно вогнали его в дрожь.

Парень сделал несколько широких шагов, чувствуя, как влажный песок набивается в кроссовки, и остановился.

Тодд понял, что он не один. Там кто-то был.

Над ним. На скалах.

Он никого не видел. Только ощущал чье-то присутствие.

Он точно знал, что там кто-то есть.

Хлопанье крыльев над головой становилось все тише, слабее и вскоре затихло. Ветер с океана забирался под свитер.

Тодд обернулся.

И увидел девушку, глядевшую прямо на него.

Она стояла в нескольких шагах от скал. Стоило ей только приблизиться, весь берег показался Тодду залитым светом. Он видел незнакомку ясно, словно днем.

Она была прекрасна.

— Привет, — произнесла девушка мягко, застенчиво глядя на Тодда огромными темными глазами. Она была одета в бикини и свободную цветастую юбку. Девушка чуть качнула головой, и ее длинные рыжие волосы, рассыпанные по плечам, заколыхались. Она улыбнулась.

— Я... Я тебя не заметил, — пробормотал Тодд. "Какую глупость сморозил", — тут же подумал

он, желая немедленно зарыться в песок и больше оттуда не показываться.

— То есть я...

— Кажется, я заблудилась, — сказала незнакомка, подходя

ближе. Настолько близко, что стало заметно, какая у нее бледная кожа. Настолько близко, что парень почувствовал аромат ее духов — они пахли лилиями.

— Что? Заблудилась?

"Это самая красивая девчонка из всех, что я видел", — подумал Тодд. Он понял, что начинает влюбляться. И, совсем смутившись, уставился в песок.

— Моя семья снимает домик, — стала объяснять девушка, все приближаясь. — Совсем рядом с океаном. Мы приехали сегодня вечером. И я решила осмотреть окрестности...

Она сделала беспомощный жест — вздернула плечи, белые и гладкие, словно слоновая кость, к темному ночному небу.

— Ага. Понятно, — Тодд проглотил застрявший в горле ком.

"Почему мой голос звучит так нетвердо и устало?"

— Большая часть дач в той стороне, — объяснил он и указал рукой на северный край пляжа.

— Там? — переспросила незнакомка неуверенно.

— Ага. Я покажу дорогу, — сказал Тодд. — То есть нам по пути. Мне... ну... надо найти своих друзей.

— Спасибо, — сказала девушка и, к его удивлению, взяла его за руку. Цветочный аромат ее духов ударил ему в ноздри, голова закружилась. Он почувствовал странную слабость, но заставил себя идти. Кроссовки глубоко впечатывались в песок.

— Я тут раньше не бывала, — сказала спутница ласково. — Оказывается, здесь так здорово. Кажется, будет весело.

— Ага. Тут замечательно, — промямлил Тодд.

"Я иду по пляжу с красивой девчонкой, — подумал он. — И единственное, что я смог ей сказать — это то, что на пляже здорово. И — да".

— Видишь, какой туман, — сказал он вслух, — поэтому сегодня на пляже так пусто и темно.

"Прекрасно! — тут же прокомментировал он мысленно. — Теперь я выдаю ей прогноз погоды".

Она дотронулась до него необычайно нежно и приблизила свое лицо к его лицу.

Эти губы. Эти яркие, яркие губы. Невероятно мягко прижались к его губам.

Сперва мягко. А потом все плотнее. "Ого, — только и подумал Тодд, — Ого! Я нравлюсь ей".

Она целовала его так, как еще не целовала ни одна девчонка.

Целовала в губы. В шею.

В шею.

Целовала в шею, пока опускались облака и окружали их. Целовала в шею, пока песчаный берег качался у них под ногами.

Она обхватила его голову и целовала в шею крепче, крепче.

Запах духов, рокот волн, ее мягкие влажные губы и туман, плотный туман — все это кружилось в его голове, в его голове, в его голове. Пока он не провалился в холодное темное забытие.

Глава 7

Эйприл и Габри

Где же он?

Эйприл пробиравась через толпы посетителей игрового зала, через взрывы и пулеметные очереди, через космические битвы и рев гоночных машин, заполнявшие тесное помещение с низким потолком.

Где же он?

Наконец ой показалось, что она разглядела его возле одного из автоматов в дальнем конце зала. Он попытался сунуть доллар в разменную машину. Монета проделывала половину пути, но потом выскакивала обратно. И он пробовал снова. — Мэтт! — окликнула девушка.

Он обернулся только тогда, когда попытка наконец-то увенчалась успехом и автомат выдал жетоны для игры. Эйприл увидела, что перед ней совсем незнакомый парень, хотя тоже широкоплечий, круглолицый шатен.

Мэтта здесь не оказалось.

Выбравшись на улицу, девушка засучила рукава своего оливкового свитера и закинула назад длинные светлые волосы — теперь ей стало чуть чуть прохладнее.

Туман напал с океана, и из — за этого вокруг уличных фонарей вырисовывались странные причудливые тени. В поисках Мэтта Эйприл оглядела Центральную улицу, заполненную дачниками и туристами. Они возникали из тумана, на минуту приобретая очертания, затем снова проваливались в белую пелену, словно прятались за тяжелой занавеской.

"Где же ты, Мэтт? — беспокоилась Эйприл, в тысячный раз глядя на часы. — Заблудился в тумане?"

Ее внимание привлекли яркие огни кафе — мороженого "Суэнни". Девушка распахнула створки дверей, походившие на средневековые, и вошла в зал.

Конечно, там его не оказалось.

Он должен был появиться здесь уже двенадцать минут назад. Они собирались встретиться возле кафе, а затем отправиться на пляж, где их ждет Тодд.

— Привет, Эйприл!

— Мэтт? — девушка с надеждой обернулась. Нет. Это была компания ребят, с которыми они

нынешней ночью сидели у костра на пляже. Эйприл помахала им рукой.

— Отлично выглядишь, — сказал один из них. Затем все исчезли в непроглядном тумане.

"Я действительно хорошо выгляжу", — подумала Эйприл. Она провела остаток дня на пляже вместе с близняшками и теперь почувствовала, что ее тело пышет теплом. Значит, успела загореть. Зимой девушка выглядела такой бледной. Тепло, которое она вобрала за день, теперь грело ее холодным туманным вечером.

Ну где же Мэтт?

Он всегда делает из меня дурочку — разозлилась Эйприл. — Он заставляет меня ждать каждый раз. И даже никогда не попросит прощения как следует. Скажет только: "Извини за опоздание. Я прособирался". Как будто этого достаточно"

"Мэтт — замечательный парень, — подумала она. — Но, может быть, мама не зря считает его легкомысленным. Слишком уж он необязательный"

Эйприл ступила на тротуар и зашагала по улице Дюн, пересекавшейся с Центральной. Они образовывали единственный в городе перекресток

"Я не собираюсь все лето дожидаться Мэтта!" — решила она.

Неожиданно девушка почувствовала, что за ней кто-то наблюдает.

Она обернулась и увидела высокого худого парня в черном свитере и темных хлопчатобумажных штанах. Он стоял на противоположной стороне улицы возле камеры хранения. Туманная завеса как будто расступилась перед ним, и он шагнул в круг белого света под фонарем. Теперь Эйприл видела незнакомца совершенно ясно.

Парень показался ей очень красивым. У него были прямые черные волосы, бледная кожа, серьезное вытянутое лицо и темные глаза. Стоило только ему двинуться с места, как девушка посмотрела на него с нескрываемым интересом.

"Он актер или манекенщик, — предположила Эйприл. — Слишком хорош. Скорее всего он тоже кого-то ждет".

В этот момент туман сгустился вокруг парня, и он стал похож на одну из здешних диковинных теней.

"Даю Мэтту еще две минуты, — сказала себе Эйприл, окидывая недовольным взглядом пространство от обочины до видеосалона. — Потом иду домой".

"Вот тебе и начало лета", — подумала она. Ей захотелось как следует разобраться с Мэттом. Все люди делятся на две категории: одни постоянно теряют время, другие не теряют никогда. Эйприл всегда была пунктуальной. И если они собираются хорошо провести каникулы, следовало заставить Мэтта стать тоже пунктуальным.

Взглянув на часы, Эйприл уже собралась уходить, когда почувствовала у себя на плече чью-то ладонь.

Она вздрогнула и обернулась, ожидая увидеть Мэтта.

Но вместо него она увидела проникновенные темные глаза того самого красивого парня, что еще недавно стоял напротив.

— Привет, — сказал он застенчиво. — Извини, я тебя не напугал?

— Да нет, — солгала Эйприл. — Что ты!

— Ты случайно не заблудилась? — спросил он. — Я увидел тебя здесь и подумал... — он оборвал фразу и взглянул девушке прямо в глаза.

— Нет. Не заблудилась, — вздохнула Эйприл. — Просто жду кое — кого.

— О! Извини, — парень отступил на шаг.

"Он, наверное, не здешний, — подумала Эйприл. — Ужасно бледный. Но такой красавчик".

Парень бросил в ее сторону короткий взгляд и неловко улыбнулся.

Я не хотел тебя беспокоить.

— Да ничего, — ответила Эйприл. Она поняла вдруг, что ей хочется остаться с ним. И спросила: — А ты здесь впервые?

— Нет, — покачал он головой. — Я тут уже бывал. В этом городе не всегда такой туман

— Знаю, — отозвалась девушка и добавила: — Кстати, меня зовут Эйприл Блейр.

— Габри Мартинс, — представился он и, приблизившись, неловко пожал ей руку.

— Габри? Это что — сокращение? — поинтересовалась Эйприл.

— Ну да, — кивнул он. — А полностью — Габриель.

— Понятно. Приятно познакомиться, Габри — сказала Эйприл.

Какой же он тощий, особенно по сравнению с Мэттом.

Новый знакомый пристально смотрел девушке в глаза, и она подумала, что ему хочется расслабиться и забыться. "Он пользуется лимонным кремом после бритья или одеколоном, — решила Эйприл, — сладким и кислым одновременно". Габри сразу заморозил ее — настолько он был красив.

С большим трудом девушка смогла разобрать его слова.

— Может быть, твой приятель что-то перепутал? Он помнит, что ты должна ждать его именно здесь?

— Да, мы договорились, — кивнула Эйприл, — встретиться здесь, а потом хотели пойти на пляж.

Отчего это вдруг она почувствовала себя так неуверенно?

— А может, твой друг все напутал и отправился сразу на пляж? — предположил Габри.

— Может, — ответила Эйприл задумчиво. Мэтт обычно все делает правильно. Но мог же

он хоть раз ошибиться.

— На берегу сегодня не слишкомлюдно из — за этого тумана, — сказал Габри. — Думаю, ты без труда отыщешь своего приятеля, если он там.

— Ага. Наверное, — произнесла Эйприл расслабленно. — Но сейчас так темно

— Знаешь что? Пойду — ка я с тобой, — отозвался Габри.

От него так приятно пахло лимоном. Он повернулся к ней лицом и посмотрел прямо в глаза.

— Это так мило с твоей стороны, — сказала Эйприл, — но...

— А я вообще милый, — ответил Габри с улыбкой. Он скорее шутил, чем всерьез хвастался. И добавил тихо: — Ты же видишь.

— Но я не хочу тебя затруднять, — начала Эйприл.

— Пустяки, — отозвался он. — Пойдем.

Они двинулись по улице Дюн в сторону океана. Парень положил ей руку на плечо. К удивлению Эйприл, по мере приближения к берегу завеса тумана постепенно таяла.

— Городок Санди Холлоу расположен низко, — стал объяснять Габри. — В овраге, что ли. Когда туман приходит с океана, он накрывает весь город и остается в нем.

— Ты что, ученый? — спросила Эйприл, посмеиваясь.

— Можешь спрашивать меня о чем угодно, — серьезно ответил парень.

Тяжелая гряда серых облаков висела низко над берегом, но на пляже не было никакого тумана.

На берег накатывали высокие косматые волны. Эйприл едва различала во тьме их гребни.

У воды торчало лишь несколько парочек. Небольшая компания подростков сгрудилась у костра. Звуки, доносившиеся из их кассетника, разлапались как раз в ритме набегающих волн. Мэтта там не была, Эйприл и Габри направились к скалистому утесу, шагая совсем рядом и Случайно сталкиваясь плечами. По пути парень рассказывал про кита, который нынешней весной потерял ориентацию и выскочил на этот берег. Он очень смешно изображал испуганную китовую морду. Затем поведал о героической акции горожан, которым удалось спихнуть кита в воду, чтобы он уплыл восвояси

"Габри по-настоящему красив, — думала Эйприл. — И так

забавен! С ним интересно. Думаю он не станет тратить время на какие-то дурацкие ужастики".

Девушка остановилась и окинула взглядом пустынный берег.

Неужели она действительно влюбилась в Габри? Или просто разозлилась на Мэтта?

Наверное, всего понемногу.

— Его здесь нет, — произнесла Эйприл тихо, глядя на крутой утёс и далекую лодочную пристань. Девушка чувствовала, что Габри стоит совсем рядом. — Но на пляже сегодня очень красиво. Волны такие пенистые.

Оглядевшись, Габри понял, что кругом ни души. Океан шумел, черные валы вздымались к черному небу.

Они остались вдвоем. Окруженные чернотой. Габри больше не мог сопротивляться своему желанию.

Она такая красивая. Такая милая. Такая сладкая.

Да, нектар на вкус сладок.

И он нужен ему сейчас же. Ох, как ему нужен нектар.

Конечно, не из — за дурацкого пари с Джессикой. А просто потому, что нектар ему жизненно необходим. Именно нектар поднял его на ноги много лет назад, после смерти. Именно нектар сделал его одним из Вечных.

И теперь он собирался утолить жажду. Девушки стояла совсем близко, спиной к нему, и, скрестив руки, глядела на черные бушующие волны.

Габри двинулся к ней — его клыки уже доставали до подбородка.

Плавно — плавно он протянул свои руки и откинул волосы с девичьей шеи.

Такая белая, такая нежная кожа.

Тяжело дыша, Габри раскрыл рот пошире и склонился над жертвой.

Глава 8

Мухлевать могут оба игрока

Эйприл помнила о присутствии Габри, но ее очаровывало великолепие волн. Темные громады катились и разбивались о берег, будто негромко взрывались.

"Мэтта здесь нет, — думала девушка. — И никого больше нет. На берегу совсем пусто. Надо идти домой".

Как будто легкий порыв ветра сбил ее волосы на одну сторону.

Девушка собралась обернуться к Габри, чтобы попросить проводить ее. Но не успев пошевелинуться, она почувствовала, как ее шеи коснулось что-то теплое. Гораздо легче, чем ветер. Мягко, словно дыхание.

И тут она услышала какой-то скрежещущий металлический звук, а затем — хлопанье крыльев.

В небе появилась темная тень.

Сперва тень, а после — хлопающее крыльями существо. Эйприл увидела горящие красные глаза и сразу сообразила, что это летучая мышь.

Девушка вскрикнула и замахала руками. Слишком поздно.

Пронзительно визжа, мышь запустила когти в волосы Эйприл.

Она почувствовала, как крылья колотят ее по голове. Ощущала, как мышь запуталась в ее волосах, царапающая, мечущаяся, хлопающая крыльями.

— Помоги! Пожалуйста!

Эйприл закрыла глаза, упала на колени и беспомощно замахала руками над головой.

Тварь билась и металась, пытаясь выпутаться из длинных прядей.

Габри мгновенно подскочил к ней, стараясь вытащить мышь.

Ужасный визг эхом отдавался у девушки в голове.

Наконец, издав торжествующий вопль, мышь вырвалась на

свободу и тут же скрылась, больше не нарушая тишину ни единым звуком.

Эйприл вскочила на ноги. Она понимала, что тварь уже улетела, но все еще чувствовала, как мышь бьется у нее в волосах, как крылья молотят по голове.

Океан рокотал. Этот звук окружал девушку со всех сторон. Она зажала уши руками, но рокот продолжался, как будто волны шумели у нее в голове.

Вдруг Эйприл поняла, что сама издает эти звуки. Она вопила. Вопила от пережитого ужаса.

И тут весь берег начал кружиться. Песок убегал из — под ног.

"Нет. Берег спокоен. Это я..." Она бежала, бежала по песку, бежала подальше от этого берега, подальше от скалистого утеса, хватая воздух открытым ртом. У нее уже заболело

в груди от быстрого бега и крика.

Она бежала, бежала... Прямо в объятия Мэтта.

— Вот те раз! — воскликнул он — что случилось, Эйприл?

Она крепко обхватила его, пытаясь успокоить биение сердца.

— Что стряслось? Ответь же! — настаивал Мэтт,

крепко обнимая ее своими могучими надёжными руками.

— Я... искала тебя, — наконец выдавила Эйприл, прижавшись лбом к его свитеру. — здесь. На берегу.

— И что? — спросил он нетерпеливо.

— Мне в волосы вцепилась летучая мышь. Она как-то запуталась в них. Она царапала меня и кричала. Так громко. Я потеряла голову. Она не могла выбраться. И я не могла ее вытащить. Но потом Габри... I

— Кто? — спросил Мэтт. — Что еще за Габри?

— Один парень. Он здесь, — сказала Эйприл, указывая вдаль не глядя — Он был такой милый. Он вытащил мышь. Он...

— Кто? — спросил Мэтт.

Эйприл разжала объятия и, повернувшись, позвала Габри:

— Эй!.. Рядом никого не было.

Намного южнее этого места, на вершине темного скалистого утеса, покрытого крупной росой от тумана, приземлились две летучие мыши, такие же черные, как ночь. Они принялись кружиться, размахивая крыльями, словно исполняя странный беззвучный танец.

И наконец обрели человеческий облик.

— Ты набитая дура! — выкрикнул парень. — Видела же, что я собираюсь хлебнуть нектара. Зачем ты влезла?

Она коротко и приглушенно рассмеялась.

— Собираешься спихнуть меня со скалы? — с иронией осведомилась девушка, не обращая внимания на его неистовство. — Меня ведь так не убьешь. Забыл, что я навсегда останусь Вечной?

— Отвечай! — заорал он, продолжая наступать и не давая ей двигаться. — Зачем ты мне помещала? Почему ты так поступила?

— Остынь, тогда поговорим, — сказала Джессика. Она поправила свой матросский костюмчик.

— Не собираюсь я успокаиваться! — наседал Габри. — Отвечай же!

— Ладно, жадно. Ты играл не по правилам.

— Что?

— Ты не должен был нападать на эту девчонку, — говорило Джессика, качая головой. Ее рыжие волосы мотались из стороны в сторону, — Она должна была полюбить тебя первой.

— Ты сдурела? — воскликнул Габри, и все его темное тело затряслось от злости. — Я же понравился ей.

— А то я не видела, что ты собирался сделать, — заметила Джессика. — Она стояла к тебе спиной. Так нельзя, Габри. Мы так не договаривались.

Габри запрокинул лицо к небу и испустил вопль звериной ярости. Отведя душу таким образом он немного успокоился.

— Надо было оставить тебя "вдыхаться у нее в волосах, — пробурчал парень.

Джессика разразилась сухим, бесцветным смехом.

— Прекрати надо мной смеяться! — процедил он,

— Думаешь, это так весело?

— Да, — согласилась она злорадно. — Думаю, весело.

— Предупреждаю тебя, Джессика, — он уставился прямо на нее ужившимися глазами. — Мухлевать могут оба игрока. Смейся сколько влезет. Я могу жульничать так же, как и ты. Еще увидишь.

— Тебе меня не запугать, Габри — громко крикнула Джессика. — Еще увидишь, — повторил он, начиная кружиться, чтобы снова обратиться в Летучую мышь

"Эти двое — самый удачный выбор" — подумала Джессика и улыбнулась, вспомнив про Тодда, про нектар, про то, как легко ей дается выигрыш и сколько он ей доставит блаженства

Через несколько секунд две летучие мыши снялись со скалистого утеса, сделали небольшой круг в темном небе и полетели низко над волнами. Твари злобно поглядывали друг на друга, а когда их глаза встречались, в них читалась непримиримая ненависть. Затем мыши взмыла ввысь и скрылись в плотных облаках.

Глава 9

Быстрый укус по-городскому

— Ну и каков сегодня океан? — спросил мистер Дэниелс, входя на кухню в мешковатом купальном халате — его обычной домашней одежде. Глаза у него слипались, поэтому он решил налить себе еще чашечку кофе.

Мэтт улегся рано, в девятом часу, и теперь чувствовал себя бодрым. Он поднялся на рассвете и, пока родители спали, уже успел сгонять на пляж.

— Бушует, — ответил он отцу, открывая холодильник и доставая оттуда пакет апельсинового сока.

— Мрачновато, — сказал мистер Дэниелс с иронией. Он потягивал кофе стоя и разглядывал через кухонное окно рыжее солнце в ясном небе.

— Да нет. Я хотел сказать, что волны бушуют. Очень высокие, — объяснил Мэтт.

— Не пей прямо из пакета, — заметил отец, — Налей в стакан.

— Да я лишь глоточек, — Мэтт поставил пакет обратно в холодильник и вытер губы тыльной стороной ладони. — Тодд не звонил?

— Нет, — прежде чем ответить, мистер Дэниелс посмотрел на кухонные часы.

— Мы должны были встретиться с ним прошлой ночью, но он так и не появился.

— Он не звонил, — сказал мистер Дэниелс, зевая. — Не хочешь поиграть сегодня в теннис?

— Может, попозже, — отозвался Мэтт. — С утра я хочу заняться серфингом. Это будет клево при таких волнах.

Он подошел к телефону и снял трубку.

— Кому ты звонишь? — спросил отец, почесывая волосатую грудь.

— Тодду. Позову его на пляж.

— Эй, смотри, колибри! — воскликнул мистер Дэниелс, указывая в сад.

— Где, папа? — Мэтт бросил трубку и подошел к окну.

— Вон там на цветке. О, ты опоздал. Улетела.

— А ты уверен, что это был не слепень? — пошутил Мэтт. — Сегодня ночью в моей комнате летали мухи величиной с сойку.

— Нужно как следует закрепить сетки на окнах, — заметил мистер Дэниелс, трясая головой. Все еще держа чашку в руках, он распахнул стеклянную дверь и вышел на веранду. Оттуда крикнул: — Тебе не кажется, что сейчас еще рановато звонить?

— Да нет. Тодд встает рано, — ответил Мэтт, снова поднимая трубку. Он нашел в справочнике номер нужной дачи и быстро набрал его.

Через целых пять гудков откликнулась мать приятеля.

— Здравствуйте. Это Мэтт. А Тодд дома?

— Здравствуй, Мэтт, — вздохнула женщина. — Извини, я прибежала из сада. Вряд ли Тодд уже проснулся. Он пришел домой совсем поздно. Сейчас посмотрю.

— Вот ленивая задница! — выругался Мэтт глядя на стенные часы. Вообще-то Тодд был жаворонком. С каких это пор он стал дрыхнуть до пол десятого?

Женщина опустила трубку на стол, потом он услышал ее удаляющиеся шаги... после долгой паузы в трубке раздался недовольный и заспанный голос друга.

— Тодд? Все еще валяешься?

Пауза.

— Ага. Я так устал, — и зевок.

— Извини, старик. Где ты пропадал прошлой ночью? Тут, понимаешь ли, на Эйприл летучая мышь напала.

— А?

— Залетела ей в волосы. Но все кончилось благополучно. А вот тебя куда унесло?

Тодд прочистил горло.

— Я встретил девчонку,

— Правда? — Мэтт не верил своим ушам. Ведь друг всегда робел и терялся при девчонках. — И поэтому ты сегодня такой разбитый?

— Она потрясающая, Мэтт, — Тодд зевнул. — В смысле горячая.

— Да? И встретила тебя на пляже? — Угу. Она заблудилась. И мы вместе пошли

вдоль берега. Ну, ты понимаешь. Я помогал ей найти дорогу домой. Мы болтали о разных вещах. Она такая красивая, Мэтт. Прямо как телезвезда.

— Да, неслабо, — протянул Мэтт. — Давай, старик, выкладывай подробности.

— Что-то я все не проснись, — ответил Тодд, снова зевая. Голос его заметно дрожал. — Не могу понять в чем дело.

— Что ж тут непонятного, — пробурчал Мэтт. — А как ее зовут?

— Джессика. Она оказалась такой горячей и ненасытной. В смысле, там, на берегу. Ну, понимаешь. В тумане. Она прямо накинута на меня по-настоящему, — он закашлялся. — Увидишь следы у меня на шее.

— Ух ты! — только и выдохнул Мэтт.

— Да, — подтвердил Тодд. — Она невероятная.

— Ладно, собирайся на пляж, — сказал Мэтт. — Займемся серфингом, а заодно все мне и расскажешь.

— Нет. Не пойду, — произнес Тодд сонным голосом. — То есть не сегодня, ладно? Мне что-то не очень хорошо. Так хочется спать. Не знаю почему. Наверное, переутомился.

— Может быть, виновата Джессика, старик? — рассмеялся Мэтт.

Тодду было не до смеха.

— Похоже, мне действительно нужно еще поспать, — ответил он серьезным тоном. — Вот что. Я договорился с Джессикой встретиться в городе сегодня вечером. Приходите и вы с Эйприл.

— Обязательно, — охотно согласился Мэтт. — И все-таки,

пойдем сейчас на пляж. Волны просто необыкновенные. Там сразу в себя придешь.

— Нет, вряд ли, — сказал Тодд, тяжело вздыхая. — Лучше я еще посплю, хорошо?

Он повесил трубку прежде, чем друг успел ответить.

Мэтт тоже положил трубку и попробовал представить, как это Тодд познакомился с красивой девушкой. У него бы никогда не хватило духу пригласить кого-нибудь на свидание. Ему понадобилось несколько месяцев, чтобы привыкнуть к присутствию Эйприл, когда они собирались втроем.

"Ладно, желаю удачи, Тодд", — подумал парень. Попытался мысленно нарисовать портрет Джессики по описаниям друга. Но примет не хватало. "Он сказал, что она потрясающая, — подумал Мэтт. — Совсем раскис от любви, все слова забыл".

Снова взявшись за трубку телефона, парень задумался, с кем бы еще заняться серфингом. Эйприл еще вчера сказала ему, что сегодняшний день она посвятит сестричкам.

"Может, Бен свободен, — подумал Мэтт. — Вряд ли он поперся в игровой зал с самого утра".

Он нашел номер Бена по телефонному справочнику города. Но в ответ услышал только долгие гудки. На восьмом его терпение кончилось.

— Эй, папа, — позвал он, выглянув на веранду. — Давай играть в теннис.

Когда Эйприл с Мэттом в девятом часу вечера добрались до пиццерии "Бухта", Джессика и Тодд уже ждали их.

— Они похожи на сумасшедших, — прошептала Эйприл, приветственно размахивая рукой этой парочке через весь зал, заполненный до отказа. Она заметила, что Джессика неясно обнимает Тодда за плечи.

— Привет, ребята, — кивнул Тодд, когда друзья уселись за столик.

— Привет. Меня зовут Джессика, — произнесла новая знакомая, приглаживая свои медные волосы, спадавшие на бледные, незагорелые плечи.

На девушке был зеленый купальник, контрастировавший с цветом кожи, и широкая цветастая юбка.

Эйприл заметила у Тодда темные следы от губной помады чуть пониже уха. "Кажется, Джессика лишь делает вид, что Тодд ей нравится, — подумала она. — Похоже, она просто водит его за нос"

И тут же устыдилась своих мыслей, "я злюсь из-за того, что она так шикарно выглядит"

— А я уже заказал пиццу, — сообщил Тодд улыбаясь другу через стол.

— Вы тоже из Шедисайда? — спросила Джессика.

Мэтт и Эйприл ответили хором.

Эйприл поймала себя на том, что уставилась на ногти Джессики, длинные и ухоженные, покрашенные в цвет ее губной помады. Придвинувшись поближе к Тодду, Джессика скользила пальцами по его руке вверх и вниз.

"Вот это да! И ему это нравится", — удивилась Эйприл.

Они болтали о городе, о море, о родителях. Эйприл рассказала о проделках близнецов и как трудно бывает ей их усмирить.

Джессика уже оставила в покое руку Тодда и играючи запустила пятерню в его кудрявую шевелюру.

"Наверное, мы с Мэттом выглядели так же, когда только начали встречаться", — подумала Эйприл. Но потом вспомнила и пришла к выводу, что все было совсем иначе.

Принесли пышущую жаром пиццу на круглом металлическом блюде. Эйприл, Мэтт и Тодд быстро расхватили себе куски и разложили по тарелкам.

— А я уже обедала, — объяснила Джессика. — Больше не лезет.

— Ни кусочка? — удивился Тодд.

— Нет. В самом деле, — ответила Джессика Эйприл заметила, что она смотрит куда-то в сторону входа в пиццерию, и проследила за ее взглядом.

В дверях появился тот самый парень, с которым вчера свела ее судьба. Он пытался пробраться через тесный зал, лавируя между

столиками.

— Эй, это же Габри! — воскликнула девушка поднимаясь навстречу, затем повернулась к Мэтту. — Это о нем я тебе вчера говорила.

У Мэтта рот был набит пиццей, крошки сыра сыпались на подбородок. Парень только кивнул не поднимая головы.

Габри добрался до их столика и встал рядом в нишу. Его темные глаза впились в Эйприл.

— Ты здорова? Ты так быстро припустила прошлой ночью, что...

— Извини, — потупилась девушка. — Я совсем потеряла голову. Я знаю, что вела себя по-ребячьи. Но я так боюсь летучих мышей.

Она толкнула Мэтта, чтобы он подвинулся к стене и дал Габри сесть с ними.

Габри был одет в мешковатые серые шорты и белую спортивную майку. Ему явно было приятно следить за действиями Эйприл. Усевшись с нею рядом, он одарил девушку ослепительной улыбкой.

— Знакомься — это Мэтт, Тодд и Джессика, — сказала она, указывая на приятелей. А у Джессики спросила: — Ты знакома с Габри?

— Нет, — ответила та, качая головой Ее покоились на плече у Тодда. — А ты тоже местный?

— Да, — сказал Габри. — Я прожил здесь всю жизнь.

— Попробуй пиццы, — предложил Мэтт пододвигая парню блюдо.

— Нет, спасибо. Я уже сыт.

— он прошлой ночью спас мне жизнь, — объясняла Эйприл. — Он такой храбрый. — Да нет же. Ничего особенного. В самом деле.

— Расскажи нам, что произошло, — попросила Джессика, небрежно бросая взгляд в его сторону

— Ну, если бы Мэтт не опоздал на полчаса, ничего бы и не случилось, — проговорила Эйприл больно толкая друга локтем в бок. Он сделал невинное лицо.

— Пожалуйста, не тяни резину, — сказала Джессика, все крепче сжимая руку Тодда.

И Эйприл принялась рассказывать о ночном происшествии на пляже. Она видела, что Мэтт недоволен ее рассказом. "Ревнует, — решила девушка. — Ревнует, что это Габри меня спас. Может быть, ревнует, что я гуляла с этим парнем ночью".

— Это так ужасно! — воскликнула Джессика, когда история закончилась. — Я тоже терпеть не могу летучих мышей.

— Ничего страшного, — возразил Габри, наклоняясь к ней через стол. — На самом деле летучие мыши не кусаются. Это просто предрассудок.

— Они такие отвратительные, — сморщилась Джессика, глядя, как Тодд приканчивает свою порцию пиццы.

— Я завидую этим существам, — сказал Габри. — Мне всю жизнь хотелось уметь летать. Мне просто необходима эта свобода — возможность раскинуть крылья и взмыть ввысь.

"Он красив по-настоящему, — подумала Эйприл. — У него самая замечательная улыбка". Она положила себе еще кусочек пиццы и попросила:

— Мэтт, передай, пожалуйста, молотый чеснок.

— Дерзкий, — откликнулся тот мрачно, видимо размышляя о том, что же нашла его подруга в этом парне.

Эйприл взяла у Мэтта стеклянную чесночницу и хотела было посыпать свою пиццу. Но тут, к удивлению девушки, Габри перехватил ее руку.

— Пожалуйста, прекрати, — сказал он быстро, отводя взгляд. — Извини, но я терпеть не могу запах чеснока. Наверное, у меня аллергия или что-то в этом роде.

— Как хочешь, — сказала Эйприл, возвращая чесночницу Мэтту. Затем повернулась к Габри, недовольно надув губы. — Никогда не слышала, что бывает аллергия на чеснок.

— Ну, это такой пустяк, — пробормотал он.

— У меня тоже аллергия на чеснок, — обронил Мэтт, положив руку подруге на плечо. — Особенно если пахнет от тебя.

Рассмеялись все, кроме Джессики.

— Здесь так душно, — сказала она, обмахиваясь ладонью. Затем повернулась к Тодду. — Ты поел? Мне хочется поскорее пойти на пляж.

Парень кивнул и лихорадочно проглотил последний кусок пиццы.

Конечно, пойдем. Кто-нибудь идет с нами? Нет?

Джессика поднялась, закинула назад свои длинные волосы.

Эйприл заметила, что Мэтт глаз с нее не сводит.

"Что ж, — подумалось ей, — Джессика и вправду великолепна".

— Смотри в тарелку, — она больно толкнула приятеля под ребра.

— а? — он сделал вид, что не понимает, о чем речь.

— Увидимся позже, — крикнул радостно Тодд Джессика уже волокла его к выходу.

— Ага. Позже, — повторил Мэтт, разглядывая длинные и стройные ноги Джессики.

— Рад был увидаться, — бросил Габри вслед уходящим.

Но Тодд и Джессика уже исчезли за дверью.

— Мне понравились твои друзья, — сказала Джессика. Они с Тоддом прогуливались по берегу, держась за руки.

Стояла теплая, ясная ночь. Полная луна, окруженная мерцающими звездами, посеребрила песок. Весь пляж окрасился в сливочный цвет только кое — где его пересекали синеватые тени. — Сегодня здесь так людно. Не то, что вчера, — произнес Тодд.

Пляж был полон людей, наслаждавшихся красотой летней ночи. Здесь были и пары, и компании, и бродящие, и пляшущие, и ребяташки, которым давно пора было спать.

Джессика скинула сандалии и потянула Тодда к воде.

Темно — зеленые волны набегали на берег, щекоча ноги, затем откатывались. назад с легким шипением.

— что ты хочешь делать? — спросил парень, отступая назад.

Давай искупаемся, — Джессика просительно посмотрела на него. Ее обнаженные плечи блестели в лунном свете, как слоновая кость. Она снова плавно потянула парня к воде.

— Неохота, — помотал он головой. Джессика обиженно надула губы.

— Ты не хочешь купаться со мной? — она озорно улыбнулась. — Можешь обойтись и без плавков

— Да нет же, не из-за этого, — Тодд рассмеялся. — Просто сейчас прилив.

— Так, — произнесла девушка. Ее глаза сузились, а выражение лица оставалось игривым. Она все так же сжимала его руку. — Ты совсем маленький, да?

— Да, это так, — согласился парень. — Я маленький. В смысле я плохо плаваю.

— Давай проверим, — прошептала Джессика. Ее волосы растрепались, и она показалась Тодду похожей на русалку.

— Нет. Правда. Я не буду, — заявил он. — Я слышал, что ночью приливы особенно коварны, — и, растерянно взглянув в лицо подруге, сказал: — Давай просто гулять, и все.

"А он уже не такой застенчивый" — отметила девушка, довольная собой, когда они снова побрели вдоль берега. — Не слишком яркая личность, но в нем есть сладость".

"И эта сладость — нектар. Очень большая сладость".

Жажда сделалась вдруг нестерпимой.

— Пойдем к дюнам, — прошептала Джессика. — На берегу слишком сыро.

Он согласился без раздумий" положил руку на ее тонкую талию, и они направились прочь от воды. За спиной у них продолжали мерно шуметь волны.

Вскоре они оказались одни, в ложбине между двумя высокими песчаными холмами, поросши ми густой травой. Чуть дыша приникли друг к другу.

Джессика целовала его в губы и пристально глядела в глаза. Затем ее рот исказился от нетерпения, она прикоснулась к его шее и

почувствовала как начинают расти клыки.

Джессика блаженно прикрыла глаза и уже приготовилась кусать, как вдруг из-за холмов донесся вопль:

— Помогите! Кто-нибудь! Пожалуйста, помогите!

Кричала девушка. Так отчаянно. Так испуганно.

Так близко.

Глава 10

Это сделал Габри?

Джессика вздрогнула и прислушалась.

Так близко, так близко.

"А я так голодна".

Открыв глаза, она увидела, что Тодд обернулся на крики и бросился за дюны. Его сандалии черпали песок, а когда он бежал по траве — скользили.

Выбравшись на берег, Джессика увидела толпу, сгрудившуюся вокруг несчастной девушки. Возбужденные голоса людей тонули в ее истерических выкриках.

Джессика протиснулась вперед. Девушка сидела на песке, мужчина и женщина гладили ее руки и плечи, пытаясь успокоить. Она подняла голову. Круглое хорошенькое личико, выющиеся черные волосы, спадающие на плечи. Девушка была в черных мотоциклетных брюках и розовой майке.

Она больше не рыдала, только дрожала и всхлипывала.

— Что случилось? — спросила женщина ласково. — Скажи нам.

Девушка открыла было рот, но снова затряслась от рыданий. Она спрятала лицо в ладонях затем осторожно потрогала одной рукой свою шею!

— Что случилось?

— Она ранена?

Джессика поискала глазами Тодда. Наконец, она заметила его в толпе.

— Она укусила меня, — выдавила девушка стуча зубами. — Она укусила меня.

Голоса разом затихли, вопросы перестали сыпаться. Люди застыли в молчании, ожидая продолжения

— Ее укусила муха, — пошутил громким шепотом какой-то пацан за спиной у Джессики, и его приятель хохотнул.

— Летучая мышь! — воскликнула девушка, одной рукой указывая в небо, а другой продолжая сжимать шею. — Она спикировала вниз, уселась мне на плечо и укусила!

Джессика услышала невольные крики удивления и ужаса. Маленькая девочка, стоявшая позади взрослых, разразилась громким плачем. Отец быстро подхватил ее и потащил прочь.

— Вызовите врача! — Предложил кто-то.

— Я хочу укусить тебя за шею! — произнес у Джессики за спиной все тот же мальчишка, подражая манере Белы Лугоши — знаменитого актера из классических ужастиков, и картинно схватил своего друга за горло обеими руками.

— Не смешно, — сказала темноволосая девчонка. — Эта мышь может оказаться бешеной.

— Это ты можешь оказаться бешеной, — огрызнулся мальчишка.

Мужчина и женщина повели девушку в направлении города. Она окончательно успокоилась, но все еще держалась за шею.

— Где твои родители? — спросила женщина

— Не знаю, — донесся до Джессики ответ девушки, голос ее дрожал. — Не знаю.

— Мы отвезем, тебя в больницу, — решил мужчина.

Девушка что-то сказала в ответ, но они были уже слишком далеко, и Джессика не расслышала. Толпа зевак не расходилась. Одни были по-настоящему напуганы, другие пришли в ужас. Некоторые недоверчиво качали головами.

— Что случилось?

— Эта девчонка споткнулась и упала?

— Что происходит?

— Кто-то утонул?

Громкие удивленные голоса разносились над бушующими волнами, иногда перемежаясь истерическим смехом.

Увидев, что Тодд пробирается к ней, Джессика изобразила испуг и залилась слезами.

— Джессика, ты в порядке? — спросил парень. Она вздрогнула и кивнула.

— О, я ненавижу летучих мышей, — произнесла она. — Они такие противные.

Тодд взял девушку за руку.

— Ты совсем окоченела, — сказал он.

— Эта бедная девушка, — воскликнула Джессика. Она схватилась рукой за горло, как будто все это случилось с ней самой.

— Как будто вампир, или что-то такое, — заметил Тодд.

— Прекрати, пожалуйста, — сказала подруга, беря его за руку. — Я по-настоящему боюсь.

Джессика завела глаза к небу, будто выискивая летучих мышей. И улыбнулась, когда рука Тодда обвила ее дрожащие плечи.

"Это сделал Габри, — догадалась Джессика уже уставшая изображать испуг, — я знаю, что это был Габри. Он понял, что у меня снова получается с Тоддом. Он видел, что я готова испить нектара во второй раз. И устроил этот спектакль. Конечно, если укушенная девчонка будет вопить на весь берег, ничего не получится. Какой глупый трюк. Это худшее из того, что Габри мог придумать, чтобы помешать мне".

"Напрасно стараешься, Мартинс, — подумал она с внезапной яростью. — Ты не сможешь меня остановить. Уже слишком поздно. Еще два глоточка нектара, и несчастный Тодд навсегда станет моим".

Временами она бросала быстрые взгляды на своего спутника и при этом изо всех сил старалась не расхохотаться.

"Бедный мальчик. Втрескался в меня по уши. И воображает, будто это счастливейшее лето в его жизни. Интересно, будет ли он счастлив, когда поймет, в кого превратился? Вряд ли он обрадуется, узнав, что стал одним из Вечных, не способным ни на жизнь, ни на смерть. И голодным. Всегда жутко голодным".

Джессика вздохнула и уткнулась лицом в его ладонь. Во рту у нее неожиданно пересохло. Нектар был совсем близко, темно-рубиновый, густой

я горячий.

— Пошли, Тодд, — прошептала она. — Уведи меня отсюда. Я так... напугана.

Парень кивнул, обнял ее крепче, и она повлекла его в темноту.

Глава 11

Первое свидание

Вечером, через пару дней, Эйприл спешила на свидание с Мэттом. Все встречавшиеся по пути магазины и рестораны были заполнены людьми. Ей пришлось выйти на проезжую часть Центральной улицы, чтобы обогнуть толпу возле одной из витрин. Кругом колыхалось море улыбчивых загорелые лиц в темных очках и тел, одетых в пестрые рубашки и белые шорты или юбки.

Еще издавеза Эйприл увидела, что Мэтта нет на условленном месте перед кафе "Суэнни". "Надеюсь, он хоть на этот раз не опоздает", — думала она, нервно поглядывая на часы.

Неожиданно мимо нее промчался мотоцикл, да так близко, что девушка едва успела отскочить на тротуар.

— Эй, — только и смогла она крикнуть вслед двум лохматым белобрысым парням, мчавшимся в направлении парка развлечений.

"Интересно, открылся ли карнавал?" — подумала Эйприл, ища глазами Мэтта. Она любила карнавалы. Любила и катание на аттракционах, и забавные игры, и ароматы попкорна и сахарной ваты

"Может быть, Мэтт пригласит меня" — думала девушка.

Она обещала сестричкам, что они вместе пойдут на карнавал, как только он откроется.

— Да где же ты, Мэтт? — произнесла Эйприл вслух.

Девушка просунулась в дверь игрового салона и почти рядом увидела спину приятеля. Они с Беном наблюдали за какой-то игрой, во все глаза уставясь на экран, пока незнакомый парень азартно крутил баранку.

— Эй, Мэтт, Мэтт! — ей не удавалось перекричать взрывы, пулеметные очереди, свист пуль, вой сирен и грохот обвалов, громким эхом разносившиеся по всему длинному и узкому залу.

Когда приятель наконец обернулся, на его лице было написано неподдельное удивление.

— Разве ты забыл, что мы назначили свидание? — спросила

Эйприл. Парень окончательно оторвался от игры и поспешил навстречу подруге с виноватым видом.

— Привет, — бросил он на ходу. — Прекрасно выглядишь. У тебя новая майка?

Эту майку с клинообразным вырезом Эйприл надевала, наверное, десять тысяч раз.

— Нет, Мэтт. Что тебя задержало?

— Ну... Я заскочил к Бену. Мы решили сыграть несколько партий с другими ребятами. Понимаешь, в общем, неловко вышло.

— И что ты собираешься делать сегодня ночью? — поинтересовалась Эйприл, провожая взглядом "Ягуар" сливочного цвета, проехавший по Центральной улице.

— Шикарная машина, — сказал Мэтт.

— "Ягуар" — крутая тачка, — согласилась Эйприл.

— И стоит тоже круто, — ухмыляясь, заметил парень.

— Так ты мне не ответил, Мэтт. Парк уже открылся?

Он пожал плечами.

— А не хочешь меня туда пригласить?

Через открытую дверь салона было видно, как небо озарялось сполохами желтого света, обозначавшими, что парк открылся и веселье началось.

— Ну... — пробормотал он. — Сегодня показывают сразу три серии "Пятницы, тринадцатого". Мы с Беном очень хотим посмотреть их. Пойдем с нами?

— Ты же знаешь, что я терпеть не могу ужастики! — возмутилась Эйприл. — Мне не нравится смотреть на то, как красивых девушек нарезают ломтями. Это тоже все — бред извращенцев!

— Помню, — кисло отозвался Мэтт.

"Не могу поверить, — думала Эйприл, чувствуя, как все сильнее поднимается в душе злоба. — Он профукал все время с Беном и какими-то парнями. И настолько поглощен этим дурацкими фильмами, что забыл про наше свидание!"

— Тебе действительно совсем не хочется в кино? — спросил Мэтт, поворачиваясь к ней. Он нервно пригладил волосы ладонью и посмотрел на заигравшихся товарищей.

— Да, точно! — сердито буркнула Эйприл, не пытаясь скрыть своей досады. — Неужели тебе не надоела вся эта чушь?

— Нет, — быстро отозвался он, ухмыльнувшись.

— Ну, я тогда пойду, — сказала девушка тихо, сделав безразличное лицо.

Она ожидала, что он запротестует, станет умолять не покидать его. Думала, что он сразу изменит все свои планы и скажет Бену с компанией что не пойдет в кино.

— НУ что ж, мы пойдём куда-нибудь завтра вечером

— ответил он вместо этого. — Ладно? А сейчас отправляйся на карнавал или куда ты там хочешь. Эйприл тут же отвернулась. — Да. Хорошо, — процедила она и зашагала по улице.

— Я позвоню завтра! — крикнул Мэтт вдогонку

"Чего это я не излила на него все, что накопилось? — Удивлялась себе девушка. Она удалялась широким шагом, засунув руки в карманы шорт. — Ему бы следовало узнать, как он меня достал. А я только сказала: "Да. Хорошо", — и ушла". Она злилась теперь уже на себя за то, что снова поступила как тряпка.

"Может быть, стоило пойти с ним в кино? — подумала она. И тут же прогнала подобные мысли: — Нет, ни за что. Я всегда со всеми соглашаюсь, всегда себе отказываю. И все думают, что могут делать со мной что угодно".

"Эти каникулы снова пропадут даром, — размышляла Эйприл, все больше распаляясь. — Я стану целыми днями возиться с надоедливymi сестричками на пляже. И только по вечерам у Мэтта найдется для меня время".

Она пересекла улицу Морского бриза возле магазина "Мини" и ускорила шаг. Девушка все еще была поглощена теми же невеселыми мыслями* до тех пор пока не столкнулась с кем-то, шедшим навстречу.

— Ой!

От удара она чуть не потеряла равновесие и замахала руками.

Сперва она разглядела лишь темно-серый пуловер и черные штаны. Затем увидела бледное узкое лицо, на котором застыло выражение удивления и только тут узнала парня.

— Габри!

— О, привет! — воскликнул он несколько ошарашенно. — Я тебя не видел.

— Я тебя тоже не видела, — ответила она смущенно. — Ты не расшибся?

— Да вроде нет, — он откинул назад свои черные волосы и наградил девушку ослепительной улыбкой. — Ты куда-то торопишься?

— Никуда, — ответила она. — Я тороплюсь никуда.

Она думала, что это звучит забавно, но парень не улыбнулся.

В этот момент просигналил автомобиль. Только теперь оба сообразили, что стоят на проезжей части.

— Пойдем, — сказал Габри, и Эйприл вслед за ним отступила на тротуар. Как только машина проехала, они вернулись обратно.

— Мэтт с тобой? — спросил парень, поворачиваясь к магазину "Мини".

— Он кретин! — выпалила Эйприл.

— А? — глаза Габри блеснули в свете фонарей.

— Нет, Мэтт не со мной, — пояснила она, понимая, что ее злость совсем не выветрилась.

Габри снова отступил на шаг, давая дорогу женщине, которая выходила из бакалей.

— Ты, наверное, самый бледный в мире житель курорта, — засмеялась Эйприл.

Но Габри снова остался серьезным. Правда, он собрался было ответить. Но тут же закрыл рот.

— Это все из-за работы, — объяснил Парень — Весь день вкалываю. На пляж только вечером могу выбраться. А при луне не очень-то загорюшь. — А где ты работаешь? — спросила Эйприл

— В соседнем городе, — сказал Габри после короткой паузы. — И что у тебя за работа?

— Не надо об этом, — отмахнулся он. — Это не слишком приятное занятие.

Девушка поймала себя на том, что, пока он говорил, она не сводила с него глаз, "Он хоть когда-нибудь моргает? — подумалось ей. — Его глаза кажутся такими... глубокими. Как колодцы, как колодцы, затягивающие тебя все глубже, глубже..."

Она почувствовала внезапное головокружение протянула руку и оперлась о стену, чтобы прийти в себя.

— Сегодня открывается карнавал, — проговорил Габри. — Хочешь, пойдем посмотрим?

— Хочу, — не задумываясь, ответила Эйприл Перед глазами у нее встал Мэтт. "Ему бы это не понравилось, — подумала она. — Я иду на карнавал с другим".

"Так ему и надо. Поменьше будет мотаться с Беном и другими мальчишками на дурацкие фильмы. Ему наплевать, чем я занимаюсь. Так должна же я тоже повеселиться".

Ее злоба вспыхнула с новой силой. И тут же схлынула, стоило только посмотреть в глаза Габри.

— Тогда пойдем, — парень ласково улыбнулся Эйприл.

"Как просто! — думал Габри, шагая рядом с девушкой в сторону парка и обнимая ее за плечи. — Даже чересчур просто. Девичьи капризы играют мне на руку".

Глава 12

Где же отражение?

— Может, пойдём на русские горки? — предложила Эйприл, разглядывая как бы парящие в воздухе металлические кабинки. Восторженные крики пассажиров взрывали мягкий ночной воздух.

Габри прикрыл глаза, утомленные беспорядочными вспышками цветных огней, обрамлявших аттракцион.

— Что-то не хочется, — сказал он, качая головой и обнимая Эйприл. — Я люблю кататься, но только чтобы после голова не кружилась.

— Вообще-то я тоже, — согласилась девушка. Она окинула взглядом всю площадь: и мигающие цветные огни, и огороженные площадки для игр. У задней стенки каждой из них находилось множество живности, предлагавшейся в качестве приза.

— А ты катался на гравитроне? — спросила Эйприл.

— А что это? — спросил он вяло, не открывая глаз.

Сразу видно, что не катался, — ответила она и потянула его за руку. Они прошли мимо множества аттракционов. Многие из них еще пусто, в ожидании пассажиров. Карнавал начался только час назад, и собралось еще не слишком много народу.

Бриз, долетавший с океана, был нежным и теплым. Эйприл радовалась тому, что решила пойти с Габри. Он обладал каким-то странным обаянием. "Полная противоположность Мэтту", — подумала девушка мстительно.

Она больше не злилась, но любопытно было бы увидеть выражение лица Мэтта, попадись он сейчас навстречу.

— Тебе нравятся карусели? — осведомился Габри, когда они приблизились к этому аттракциону. — По-моему — скучотища. Посмотри-ка, у этой лошади отваливается башка.

— Точно. Карусели — для малышни, совсем не забирают, — согласилась Эйприл, а сама подумала: "Надо будет завтра привести сюда близняшек".

— Какая-то ты сегодня агрессивная, — заметил парень,

пристально глядя на нее.

— Может быть, — ответила она рассеянно, ощущая таинственную глубину его темных, темных глаз.

Вот и площадки для игр. Посреди одной из них стоял какой-то малыш и метал дротики в стену, увешанную воздушными шариками. Девушка, сидевшая на стене всего в двух метрах над землей, еле уворачивалась.

Вдруг Эйприл схватила Габри за руку и куда-то потащила.

— Пойдем! Я знаю, где будет клево!

— Где же? — он машинально двинулся за ней.

— Я покажу. Да не будь же мокрой курицей, — она буквально волокла его за руку, и он покорно тащился следом. Вскоре за игровыми площадками, на самом краю парка, показалось высокое строение.

— шевелись, — поторапливала Эйприл нетерпеливо. — Это комната смеха.

— Нет! — вскрикнул Габри неожиданно.

Но Эйприл уже взяла два билета у старого грустного кассира и потянула своего спутника ко входу.

— Я не люблю такие штучки, в самом деле! — воскликнул Габри, вырываясь.

Но Эйприл не думала отступать.

— Тогда ты настоящая мокрая курица, — поддела она его. — Пойдем же, Габри. Там не соскучишься, вот увидишь.

Она затащила его внутрь, слегка удивленная его испугом.

Узкий коридор, состоявший из зеркал и стекла, казался бесконечным. Эйприл тут же расхохоталась, увидев сразу шесть своих отражений. И где она только была раньше?

— Эй, Габри!..

Но его не оказалось рядом.

— Габри, тебе плохо? — спросила девушка.

— Да вроде нет, — отозвался он откуда-то из-за стены зеркал.

"Неужели мы здесь одни?" — удивилась Эйприл. Она поняла, что не слышит других голосов, а на гулком металлическом полу отдавались только ее собственные шаги.

Она посмотрела под ноги, увидела там свое отражение и отскочила к дверям, туда, где начинался еще один зеркальный коридор.

— Эй, Габри!.. Это был ответ или эхо?

— Эй, Габри!.. Ау!

Девушка сделала шаг вперед, и боль пронзила ее лоб: оказывается, она приняла за проход очередное зеркало. Она закрыла глаза и попыталась унять боль, потешаясь над собственной глупостью.

Снова открыв глаза, она увидела уже восемь глядящих на нее отражений. В каждом последующем зеркале ее фигура становилась все меньше пока не исчезала в бесконечности.

— Эй, я, кажется, заблудилась! Где ты?

— Да здесь, — услышала она тут же. Девушка резко обернулась, думая, что Габри должен быть за свиной, но увидела только собственные удивленные лица.

Осторожно двигаясь вдоль стены, она все-таки нащупала выход и скользнула в какую-то темную комнату. Когда она обернулась, ее отражения отбрасывали длинные зеленоватые тени в мерцающем свете единственной лампочки. Тревога все возрастала.

"Это не так уж и весело как казалось", — подумала она, снова приняв зеркало за дверь и больно треснувшись плечом.

"Я, что, хожу по кругу? — сообразила она. — Как же отсюда выбраться?"

— Эй, Габри!

Тишина.

— Габри!

Тогда девушка решила подождать здесь, пока он сам на нее не наткнется. Почему же он не отвечает? Может быть, он отправился в другом направлении?

Она решила пойти в обратную сторону. Но это оказалось проще решить, чем сделать.

Ступая осторожно, беспрерывно касаясь руками стекла и следя за своими отражениями, она приближалась к комнате с мерцавшей лампочкой.

— Габри! Где ты?

И тут она увидела его фигуру далеко впереди. Было ли это отражение? Или он сам?

Девушка приблизилась, не отрывая от него глаз.

— Габри!

Наверное, это он сам. Но где же его отражения?

"Как здесь жарко, как неудобно", — подумала Эйприл.

Неожиданно заныли ушибленные плечо и лоб.

— Габри, это ты?

Габри на минуту прикрыл глаза и уставился отражения в зеркалах взглядом совершенно пустым.

"Здесь так жарко, — подумал парень. — Потолок такой низкий. Как в гробу. В стеклянном гробу"

"Меня замучил голод. Голод и жара. Мне нужен нектар, сию минуту!"

— Габри! — услышал он оклик Эйприл и понял, что до нектара рукой подать. — Габри, это ты? Ты меня видишь?

"Мы здесь одни с Эйприл, — сообразил он. — Совсем одни. А я так голоден. Я больше не могу ждать. Я должен насытиться".

Габри двинулся навстречу девушке, а в зеркалах за его спиной отражалась пустота.

"Вот она, — подумал парень. Ищет меня. Ищет меня в зеркалах".

"Итак, хочешь увидеть меня в зеркале, Эйприл? Я сегодня один. Иду к тебе".

Он наконец приблизился к девушке и... ударился о стекло.

И вдруг отшатнулся из-за ярко блеснувшего отражённого света.

Обернувшись, он увидел, как задвигались многочисленные отражения.

— Габри! — снова позвала девушка.

Он встrepенулcя, его руки потянулись к ней cзади, во cнова нaткнулись лишь нa холодное cтекло.

"Эти отражения защищают ее, — подумал вампир. — И водят цeня зa нoc! Дурaчaт мeня!". Его злoбa рoслa вмecтe c жaждoй. "Я дoлжeн нaпитьcя! Ceйчac жe!"

Эйприл увидела, как он приближается, выставив руки перед собой. Он двигался неуверенно словно яркий свет слепил его. "Зря я его сюда привела, — подумала девушка. — Не похоже, чтобы он веселился".

Окруженная своими отражениями, она вновь позвала его:

— Габри, сюда!

Он протянул к ней свои руки, дотронулся до нее со странной зловещей улыбкой.

— Вот ты где, — голос парня доносился как будто издалека.

Пока он приближался, его глаза впились в нее двумя красными буравчиками. Узкое помещение как будто еще больше сжалось, а зеркала начал застилать туман.

— Габри... — начала она, но туман все сгущался.

Теперь светились лишь его глаза. Парень придвинулся еще ближе, пока не оказался совсем рядом.

— Габри, где же твои отражения? — произнесла Эйприл, будто во сне.

— Их не видно из-за темноты, — ответил его голос. Он доносился издалека, точно преодолевая многие километры, покрытые пеленой тумана.

— Но я же должна их видеть!

— Да ведь сам я здесь, — произнес парень, и холодный, тусклый свет его глаз заворожил Эйприл.

Девушка всматривалась в свои собственные отражения. Пока Габри приближался, она видела себя в бесконечной цепочке

двойников, все уменьшавшихся и исчезающих в зеркальном мире, который теперь начал гаснуть на глазах.

Она сделала шаг назад, но Габри придвинуло снова.

И тут он жадно потянулся к девушке, пытаясь поцеловать.

Глава 13

Колесо судьбы

"Что происходит? — думала Эйприл, погружаясь в темноту зеркального мира. — Кто-то меня целует?"

Потом она услышала звук шагов по металлическому полу.

Смех. Громкие детские голоса.

Туман начал рассеиваться. Отражения в зеркалах стали все яснее и ярче.

Громкий стук.

Маленькая девочка заревела в голос от боли.

— Что это? — воскликнула Эйприл. Весь зеркальный коридор уже окончательно посветлел, и отражения, широко раскрыв глаза, вторили девушке хором.

Шесть двойников Эйприл, словно выйдя из-за стекла, произнесли шестью ртами: "Что это?"

Габри отвернулся, стараясь одновременно втянуть клыки, успокоить тяжелое дыхание, перестать выть по-звериному и скрыть растерянность.

А Эйприл уже подбежала к плакавшей девочке, которая больно стукнулась головой о стекло.

Взяла ее на руки и попыталась утешить, а остальная детвора столпилась вокруг них.

Чувствуя себя не в своей тарелке среди зеркал не удостоивших его отражением, Габри стал проворно пробираться к выходу.

— Подожду тебя на улице. — бросил он своей спутнице. Его голос заглушили всхлипывания девочки, галдеж остальной малышни, топот множества ног.

Парень вывалился в теплоту ночи и сразу же спрятался в тени. Все его тело трясло от возбуждения.

Так близко. Так близко.

Тут на ум пришла Джессика и этот нескладный парень Тодд.

Получится ли у соперницы сегодня? Вкушает ли она сейчас нектар, утоляя свою жажду, а заодно и выигрывая пари?

Он злорадно усмехнулся, вспомнив, как здорово помешал ей в прошлый раз, как сорвал все в самый ответственный момент. Вспомнил, как напал на девчонку и как ее жуткие вопли помещали Джессике напиться.

Оставаясь в тени, он неотрывно следил за выходом из павильона и думал о своем. Его радовала, конечно, предыдущая неудача Джессики, но он сознавал, что соперница уже успела отведать нектара. Нескладный мальчишка практически в ее власти и почти уже в Вечности.

Нельзя позволить ей победить. Нельзя.

"Видимо, придется принять срочные меры, чтобы остановить Джессику. Нужно придумать, что-то получше, чем та выходка на пляже", — думал Габри в тот момент, когда из комнаты смеха наконец-то появилась Эйприл.

Он шагнул из тени навстречу девушке.

— Ну вот и ты. Как дела у малышки?

— Нормально, — ответила Эйприл, приближаясь, — А что это ты так быстро улизнул оттуда?

— Как тебе сказать... — отозвался он неуверенно, — Меня... начинает трясти в таких местах, как это. Когда я вижу в замкнутом пространстве только своих отражений, у меня кружится голова.

— Ты что-то не похож на больного — засмеялась девушка.

Она зашагали через парк, минуя стайки веселящихся детишек и подростков, которые сегодня в честь открытия карнавала позабыли про городские развлечения и даже про пляж.

— Я тоже почувствовала себя как-то странно, — призналась Эйприл, беря парня за руку, — Все эти зеркала и жуткие огни. Кажется, зрение сыграло со мной шутку. Мне показалось, что ты совсем не отражался!

— Жуть, — ответил Габри, улыбаясь.

Они проходили мимо игровые площадок. Эйприл остановилась у ларька с мороженым:

— Мне хочется рожок. Синий. А тебе?

— Да ну, — Габри сделал безразличное лицо. — Я ничего не хочу.

Достав из сумочки доллар, девушка пристроилась в хвост очереди.

— Ты никогда не удивлялся, что не бывает синих продуктов? — поинтересовалась Эйприл. — Я всегда беру эти рожки, — продолжала она, не давая ему ответить, — потому что это единственное кушанье такого цвета.

Она повернулась к своему спутнику, чтобы посмеяться вместе. Но он никак не отреагировал и казался совсем отрешенным.

Они миновали детскую железную дорогу. Крошечный поезд бегал по замкнутому кругу. Всего в двух метрах над ним летали реактивные самолеты. И вокруг смеющиеся дети. Эйприл смаковала свой рожок.

— А на вкус он совсем не синий, — заметила она, предлагая Габри попробовать.

Он отказался, глядя ей в лицо. Синие губы. Мороженое сделало девичьи губы синими.

"Она сейчас стала похожа на покойницу, — подумал вдруг парень. — На настоящую покойницу, в которую я уже не смогу запустить клыки".

Эти синие губы подгоняли его, торопили, побуждали к действию.

"Мы должны остаться наедине", — подумал Габри. Во рту у него пересохло, словно в пустыне, в смертоносной пустыне.

"Нужно попробовать снова. И на этот раз мне повезет".

— Хочешь на чертово колесо? — спросила девушка, бросая в урну обертку от мороженого и стирая с губ синеву тыльной стороной ладони.

— Хочу, — воскликнул Габри. Даже слишком быстро. Слишком охотно. И это развеселило Эйприл.

Тебе так нравятся чертовы колеса? А голова не закружится?

— Нет, — ответил парень, прокладывая путь к аттракциону, возвышавшемуся на самой окраине парка. Очередь оказалась совсем короткой, и стоять пришлось недолго. — Мне нравится подниматься ввысь. Как будто я лечу.

— Наверное, на самом верху будет виден океан, — сказала Эйприл. — И весь город.

— Когда я был маленьким, я часто пытался представить, что летаю, — сказал Габри, протягивая руку за билетами; очередь уже подошла. — Я раскидывал руки и прыгал с Деревьев. Дети надо мной смеялись, но мне было наплевать. Мне казалось, что я смогу улететь от них.

— Забавно, — сказала Эйприл. — представляю каким ты был ребенком. — Конечно, на самом деле она не представляла, но вдруг увидела, что своими словами испортила ему настроение.

В глазах парня лишь на секунду промелькнула боль, девушка успела это заметить. Она попробовала сменить тему, но механик колеса, толстяк с длинными сальными волосами одетый в промасленную куртку, достававшую ему лишь до пупка, объявил посадку. Эйприл первой забралась в кабинку, затем помогла подняться Габри. Он как-то необычно посмотрел на нее и уселся напротив в пластиковое кресло, еще хранившее тепло предыдущего пассажира. Затем оба опустили себе на бедра подвижные ремни безопасности.

Кабинка задрожала и начала подниматься. Но стоило оторваться от земли всего на несколько метров, как произошла непредвиденная остановка. Кто-то сел в кабинку, находившуюся внизу.

— Наверное, оттуда плохо видно, — пошутила Эйприл.

Габри улыбнулся какой-то отчужденной улыбкой, словно его мысли блуждали где-то далеко.

Девушка вдруг вспомнила про Мэтта. Наверное, он сейчас сидит с ребятами в кинотеатре и смотрит на то, как подростков крошат на кусочки, наслаждаясь каждой минутой этого зрелища.

А рядом с ней новый поклонник. Немного странный. Парень, которого привлекает все, о чем она только ни заговорит.

- У тебя раньше была подруга? — Эйприл вопрос, который так и вертелся у нее на языке. "Может быть, он как раз сейчас об этом и

думает, — гадала она. — Может быть, именно поэтому он кажется таким серьезным и отчужденным".

— Нет. Настоящей не было, — отозвался парень. Вопрос, кажется, оторвал его от загадочных мыслей.

Кабинка снова двинулась" покачиваясь взад-вперед. И снова замерла почти что в высшей точке маршрута.

" На такой высоте довольно прохладно", — подумала Эйприл, подставляя волосы легкому ветру. Она поглядела в небо, стараясь отыскать луну, но та спряталась за стеной низких облаков.

— Надеюсь, при таком свете мы увидим океан? — сказала она, обращаясь к Габри, который тоже уставился в небо.

"Сейчас мы находимся почти в апогее, — думал тем временем парень. — Наверное, пора. Мы сейчас слишком высоко, чтобы люди могли наблюдать за нами. И слишком далеко от тех, кто мог бы мне помешать. Когда мы будем на самом верху, Эйприл станет совсем беспомощной. Я попробую ее нектар, самый сладкий, самый натуральный нектар, без всяких примесей".

— Быть с тобой — одно наслаждение, — Габри улыбнулся девушке и нащупал ее руки на сиденье.

— Мне тоже так приятно, — произнесла Эйприл, когда кабинка тронулась и поплыла еще выше, к облакам.

Внезапно сгустилась тьма.

Девушка стала озираться кругом, крепко сжав поручень, затем повернулась в сторону океана. Береговая линия казалась отсюда серебряной лентой. А темно-синяя масса была океанскими волнами.

— ух ты! — выдохнула девушка. — Вот это вид!

"Пора! — вспыхнуло в сознании Габри. — Пора!"

Он приник к Эйприл и поцеловал ее в губы. Девушка отпрянула было в изумлении и широко распахнутые глаза говорил только о беспомощности и внезапной слабости.

Значит, она не будет сопротивляться? Парень поцеловал ее в подбородок. У нее закружилась голова от поцелуев? Или от пейзажа? От такой высоты или от плавного покачивания кабины?

"Что со мной?" — подумала она, запрокидывая голову. Теперь

она смотрела в глаза парню сверху вниз.

Какое головокружение и слабость.

"Пожалуйста, поцелуй меня еще раз".

— Поцелуй меня снова, Габри, — произнесла она шепотом. — Пожалуйста. И он поцеловал снова. Затем погрузил клыки глубоко в ее горло.

Когда он извлек их, на его губах блестели темно-багровые капельки.

Глава 14

Лишь случайность

Мэтт потянулся и зевнул. Подойдя к окну своей спальни, он прищурился от яркого света. Солнце уже висело. В ясном небе над кронами деревьев. В комнате было жарко и душно.

Он снова зевнул. Распахнул дверцу шкафа и принялся искать одежду. Нашел купальный халат, напялил его и в полусне поплелся из спальни.

В кухне на тумбочке увидал записку от родителей. Оказывается, они ушли на рыбалку с друзьями, а его решили не будить. Интересовались, как он провел ночь. Обещали увидеться позже.

"А правда, хорошо ли я провел ночь?" — задумался Мэтт.

Он сам точно не знал. После трех серий фильма они с Беном и остальными ребятами отправились на карнавал. Но в парке уже стояла темень, аттракционы опустели, игровые площадки закрыли до утра.

После полуночи все вроде бы шло хорошо. В городе Мэтт встретил друзей, которые застали таки карнавал. Один из них рассказал ему про Эйприл.

— Ты о чем это? — спросил Мэтт удивленно. — Твоя девочка провела здесь всю ночь. С каким-то парнем. Длинным, тощим, чернявым. Ты бы присмотрел за ней, Дэниелс.

И ребята пустились своей дорогой, отпуская шуточки в его адрес.

"Габри. Она была здесь с этим Габри", — догадался Мэтт.

Он пошел вниз по улице Морского Бриза, и поддавая ногами комья грязного песка, мысленно оправдывался перед подругой. Наверное, не стоило всю ночь болтаться с ребятами. Теперь уже казалось что не очень-то нужно было это кино Мэтт понимал, что провел с Эйприл совсем мало времени с тех пор, как они приехали в Сэнди Холлоу. А теперь этот местный красавчике дает ей прохода.

"Пора положить этому конец. — решил Мэтт, — С утра первым делом позвоню Эйприл".

Но в действительности это дело оказалось не самым первым. Уже было половина одиннадцатого. Однако парень сперва осушил стакан апельсинового сока — так быстро, что даже заломило" зубам от холода — и только потом набрал номер подружки.

Сперва он услышал три долгих гудка, и только после этого трубку сняли.

— Алло? — произнесла мать Эйприл.

— Здравствуйте, миссис Блейр. Это я, Мэтт. Можно позвать Эйприл?

— А, здравствуй, Мэтт. Она еще спит.

— Как? — удивился он. Подружка была жаворонком и всегда вставала на рассвете.

— Близняшки пытались поднять ее к завтраку больше часа назад. — Продолжала миссис Блейр, — Она пробормотала, что неважно себя чувствует, будто не спала целую неделю. Это так на нее не похоже. Ну, я и решила ее не трогать

— Ага. Понятно... — протянул удивленный Мэтт. Он хотел еще спросить, во сколько же она вернулась домой, но вместо этого сказал: — передайте, что я желаю ей поправиться. Если захочет она может найти меня на пляже.

Он положил трубку, чувствуя неясную тревогу. Почесал шею. Всю кожу будто кололо иголками. В маленькой кухне был душно и влажно.

"Кажется, сегодня будет знойный день, — подумал Мэтт. — Нужно выбираться на пляж".

Он позвонил Тодду, который уже давно встал и договорился встретиться на берегу:

— Беря свою доску для серфинга. Сегодня волна должна быть классной.

На пляже, обычно таком людном, в этот раз попало на глаза лишь несколько купальщиков нырявших или просто качавшихся на синевато, зеленых волнах. Тодд уже ждал друга, расположившись на полотенце и прикрываясь зонтиком.

— Эй, — позвал Мэтт.

— Как дела? — откликнулся друг сонным голосом.

— Где твоя доска?

— Кажется, забыл, — Тодд покрутил головой, оглядываясь.

Мэтт опустил свою доску на песок.

— Где ты был прошлой ночью? На свидании? — спросил он, усаживаясь на доску.

— Ага, — Тодд сладко зевнул. — С Джессикой. Мы гуляли по городу. Она предложила пойти сюда, но мне что-то не захотелось. Я вернулась домой рано.

— Старик тебе нужно окунуться — заметил Мэтт.

— Мы оба вроде еще не проснулись.

Друг не ответил.

— Эй, Тодд. Пойдем же, старик.

Тишина.

— Тодд?

Повернувшись к приятелю, Мэтт увидел, что заснул.

"Что это с ним? — удивился Мэтт, — как он мог отрубиться в одиннадцать утра?" Тодд спал очень крепко и только повернулся во сне на бок. "Интересно, каким это кремом для загара он пользуется?" — подумал Мэтт, разглядывая друга. Тот скорее побледнел, чем загорел.

С наступлением тьмы Джессика стала намного бодрее, ощутила прилив жизненных сил. Она вдохнула мягкий бриз океана и задумалась о нектаре.

Всегда таком сладком и терпком. Таким насыщенном и густом. Утоляющим жажду.

Луна, сперва такая маленькая, бледная, все увеличивалась и заливала теперь окрестности се ребристым светом. Глядя на нее, Джессика вспоминала свою жизнь.

Какой она была в шестнадцать лет — такой же как Тодд и его друзья?

Проводила ли лето на побережье? Встречалась ли с мальчиками?

"Постарайся вспомнить, Джессика, — уговаривала она себя, — постарайся". Но воспоминаний не было.

Ни одного воспоминания о человеческой жизни.

Ушло ее детство. Ушла ее семья. Ушли годы отрочества. Все ее годы, в которые она была живой.

А как же я умерла?

О, конечно, она не умирала.

И ее воспоминания начинались лишь с той поры,

когда она стала Вечной. Вспоминался только этот серый мир вечных "умерен, в котором она летала, парила, скиталась. Мир вечной тени и постоянной нужды, мир жажды.

Неужели это слеза бежит по ее бледной мягкой щеке?

Плачет ли она на самом деле о потерянном прошлом? Оплакивает жизнь, о которой не сохранилось ни единого воспоминания?

"Нет. Это лишь соленые брызги", — Уверяла она себя, вытирая лицо и стараясь отвлечься от ненужных мыслей.

Прежде всего — это была ночь триумфа.

Ночь победы, ночь празднества.

Ночь нектара. Ночь обновления.

Она увидела идущего вдоль берега Тодда. "Это твоя ночь, Тодд", — подумалось ей. Стоило только парню приблизиться, как разом улетучилась вся ее хандра, уступив место небывалой энергии.

"Это твоя ночь, мой бедный, нескладный, застенчивый и совсем некрасивый мальчик Тодд. В эту ночь ты станешь одним из Вечных. Этой ночью ты распрощаешься с прежней скучной жизнью и взмоешь в темное небо".

Парень помахал ей рукой, и она двинулась ему навстречу, выйдя из тени лодочной пристани. Босые ноги оставляли глубокие следы на влажном песке. За ее спиной привязанные лодки, напоминавшие плоских рыб, тихо бились носами в деревянные сваи.

— Тодд! — позвала она радостно, подбегая к нему. Подол ее короткого платья трепыхался на ветру, обнажая длинные стройные

ноги.

— Привет, — сказал он. Как обычно, застенчиво и робко, — Приятная ночь, правда?

Взял девушку за руку. Поцеловал в щеку. Так близко настоящий нектар. Так близко её сердце забилося чаще. Она ощущала близость живительной влаги.

И почувствовала неуголимую жажду.

"Остался последний глоток. Один маленький укус, Тодд, и ты станешь одним из нас. Навсегда"

— Чем ты сегодня занимался? — спросила Джессика, встретившись с ним взглядом.

— Был на пляже, — ответил он. — Но не купался. Разморило как-то.

"Отчего бы это?" — подумал она холодно, сжимая его руки, пристально глядя в глаза и полностью концентрируясь на этом.

— Хочешь пойти на карнавал? — спросил Тодд дрожащим голосом.

"Он поддался моим чарам, — подумала Джессика. — Он мой".

— Здесь так спокойно, — прошептала она, прижимаясь к нему. Лунный свет заливал ее бледное лицо и обнаженные плечи. — И мы совсем одни.

Парень окинул взглядом волны, маленький поросший лесом островок, лодочную пристань. Затем снова поглядел в глаза подруге.

— Может, поцелуемся, Тодд?

Девушка не стала ждать ответа. Восторженная улыбка заиграла на губах парня. Он приблизил к Джессике лицо и впился ртом в ее губы.

"Он мой. Он мой".

Но что это за звук перекрывает рокот

Может быть, лодки бьются о пристань?

Нет.

Джессика прижалась губами к губам Тодда, чуть дыша. Подняла

глаза к темному небу.

И увидела парящую над головой мышь.

"Габри! Это наверняка Габри, — догадалась она. — Он явился, чтобы вновь навредит мне, Чтобы отнять у меня победу".

"Нет, Габри, — подумала она, и в висках бешено застучало. — Нет, Габри. Не сегодня. Сей час у тебя ничего не выйдет. Ты опоздал. Парень мой".

Мышь начала снижаться.

"Скорее, скорее!" — Подгоняла себя Джессика.

Она уже выпустила клыки, приникла к шее Тодда и сделала большой глоток.

Большой.

Пьянящий.

Мышь все снижалась. Снижалась. Но теперь уже было поздно.

Слишком поздно.

Пари проиграно.

Джессика пьянела. Все сильнее и сильнее.

И вдруг Тодд испустил громкий вопль, полный боли и ужаса.

Налитые кровью глаза парня выкатились из орбит.

— Нет! — закричала Джессика. — Нет! Нет! Нет! Это получилось случайно. Не могу... Не могу поверить, что это сделала я!

Глава 15

Утопленник

Мэтт сел на постели, откинул одеяло. Поглядел в окно, прислушиваясь к тихой перекличке птиц встречавших рассвет в саду.

— Надо же, не спится, — сказал парень громко, протирая глаза. — Который час, интересно?

Часы на ночном столике показывали пять тридцать пять.

Мэтт проворочался всю ночь. Его одолевали беспокойные думы.

Прежде всего не давала покоя Эйприл.

Вернувшись с пляжа, он стал названивать ей, но линия все время оказывалась занятой. После обеда все же удалось дозвониться, но трубку взяла мисс Блейр и сказала, что Эйприл уже ушла.

"Наверное, опять к Габри, — догадался несчастный Мэтт. — Нужно с ней как следует разобраться. Хорошенькое получается лето!"

Эти мысли не давали ему заснуть всю ночь. Теперь, когда небо начало проясняться и птичье пение становилось все громче, не было смысла оставаться в постели.

"Пожалуй, купание поможет справиться с мыслями".

— подумал парень. Он натянул черные велосипедные шорты и сунул ноги в кроссовки.

Осторожно прикрыв за собой входную дверь, Мэтт окунулся в прохладный утренний воздух. Долетавший с океана запах соли и водорослей защекотал его ноздри. Он направился вдоль дачных домиков в сторону дюн, за которыми плескались волны.

Набегавшие на берег валы казались в этот час чернильно-синими, а небо — жемчужно-пепельным. Мэтт начал пробежку вдоль берега. Чайки разлетались почти из под ног с возмущенными криками.

На пляже было безлюдно. Кроме Мэтта, не нашлось ни одного любителя утренних разминок.

На светлеющем горизонте парень различил темные очертания

какого-то судна. Кажется, что-то вроде баржи. Она как будто плыла над водой. "Как будто "Летучий голландец", а не настоящий корабль", — размышлял Мэтт.

Он бежал медленным, но твердым шагом. На пляже попадались то догорающие головешки непогашенного костра, то потемневшее, пропитанное водой бревно, выброшенное волнами, то высыхающие на песке рыбы.

В лицо били холодные освежающие брызги. Пепельное небо начало проясняться, словно кто-то отдергивал серую занавеску, и все вокруг приобретало малиновый оттенок. Воды океана светлели вместе с отражавшимся в них небом.

"Вот это красота", — подумал Мэтт, продолжая свой ровный бег и подставляя лицо потокам сладкого прохладного воздуха. Его маршрут лежал в сторону скалистого утеса, выступавшего из-за дюн.

На подходе к нему песок под ногами стал более мелким, но твердым. Парень увидел небольшую лодочную пристань, спрятавшуюся в тени скал.

Возле мостков в воде что-то плавало.

Меленькая лодочка? Слишком далеко, чтобы разглядеть. Тем временем малиновые лучи солнца уже достигли водной поверхности, и Мэтт смог рассмотреть, что темный предмет, плававший возле пристани, довольно велик.

Может быть, заблудившийся кит застрял на мели? Но парень тут же отбросил эту мысль, при кинув размеры предмета.

Мэтт остановился рядом с мостками, его грудь тяжело вздымалась после длительной пробежки. Он вытер вспотевший лоб и уставился на воду.

И тут у него перехватило дыхание.

Там был человек.

Качавшийся в волнах, словно лодка.

Лицом вниз.

Его руки безвольно раскинулись по воде.

И прежде чем сообразил, что делает, Мэтт оказался возле мостков. Его тут же обожгло холодом, но он даже не обратил на это

внимания.

Он не мог думать.

Не мог думать о том, что нашел утопленника.

Не мог думать ни о чем.

Парень подхватил свою страшную находку за плечи и потянул к берегу. Это оказалось довольно трудным делом. Утопленник оказался очень тяжелым.

Ледяная вода боролась с жаром разгоряченного тела Мэтта. Парень тяжело дышал.

А ты дышишь?

Пожалуйста, дыши!

Но нет, как же он может дышать?

Да, было очевидно, что утопленник — мужчина. Но у Мэтта не было сил перевернуть его.

Как бы он смог дышать, если лежит в воде лицом вниз? Если руки раскинуты так безжизненно? Во что он одет? В одни трусы. Его кожа такая белая и гладкая, словно у какого-нибудь морского животного. Только морские животные могут дышать под водой.

А этот человек не дышал, не мог дышать. Пыхтя от натуги, Мэтт выбрался на берег и выволок свою тяжелую ношу. Отбросив со лба слипшиеся волосы, он постоял немного, затем сделал несколько глубоких вдохов, подождав, пока голова перестанет кружиться.

Теперь он мог перевернуть утопленника лицом вверх. И едва сделав это, завопил:

— Тодд! Тодд! Как же это? Тодд! Как же?

Но ошибки быть не могло. Черты друга невозможно было не узнать. Его почти нагое тело покрыто ранами от ударов о камни, вблизи которых располагалась пристань.

Так много ран.

Так много, что, наверное, вся кровь уже вытекла.

— Как же это, Тодд? Как?

Так много ран на лице и на шее...

— Нет. Это не может быть Тодд. Не может быть.

Так много ран... Как же Тодд утонул?

Почему он не уплыл куда-нибудь подальше отсюда?

Или он утонул там, где все обычно купаются, а

его тело пригнало сюда течением? Его тело?

Почему от Тодда теперь осталось лишь тело?

Сколько времени прошло с тех пор, как оно перестало быть Тоддом?

Мэтт зябко обхватил себя руками за плечи. Мысли набегали быстрее, чем океанские волны.

Он прикрыл глаза. Но утонувший друг, со своей белой кожей, покрытой множеством ран. Все равно стоял перед мысленным взором.

Тодд плавал не слишком хорошо.

Почему он вдруг отважился на ночное купание во время отлива?

Тодд знал, насколько опасно, смертельно опасно плавать в это время. Почему он полез в воду?

— Почему, Тодд? — закричал Мэтт, открыв глаза и поворачивая лицо к встающему рыжему солнцу.

Спустя несколько минут на берегу показались два рыбака с удочками и ящичками для снастей в руках. Они застали парня стоящим на коленях перед телом друга и твердящим один и тот же вопрос:

— Почему, Тодд? Почему?

Глава 16

Новая жертва

Летучие мыши парили и шныряли среди деревьев маленького островка, мелькая темными тенями на фоне мрачного неба. За деревьями стояли деревянные дачные домики, давно покинутые людьми. Летучие мыши населяли этот островок уже много лет. Летучие мыши и Вечные, умеющие превращаться в летучих мышей, когда нужно.

Добраться до островка можно было лишь на лодке, поэтому люди потеряли интерес к здешним дачам. Те, кто построил эти домики, давно уже сбежали от мышей, или были убиты теми, кто в них превращался, или же сами стали одними из Вечных.

Габри поселился в одном из заброшенных строений. Он привел половину домика в порядок, выволок грязь, скопившуюся неведомо с каких пор, и поставил здесь заботливо отполированный гроб черного дерева. Установил его у западной стены, как известно, сулившей защиту для нечисти. Открыв тяжелую раму, Габри высунулся в окно и стал следить за полетом мышей при лунном свете.

Он вздохнул, поскольку не умел радостно и широко улыбаться. Стояла жара и духота — как раз то, что нужно. Снующие по небу мыши навевали приятные мысли.

Приятные мысли.

Мысли о том, как он отнял у Джессики все шансы на победу. Мысли об Эйприл, о свежем нектаре.

Он смаковал нектар так долго, с таким аппетитом. Его жажда наконец-то утолилась.

Но лето еще только начинается.

И нужно побережь силы.

Бедная, бессильная Джессика.

И стоило только подумать об этом, как в окно влетела мышь. Парень быстро обернулся к ней сразу почувствовав неладное. Тварь тихо приземлилась на пол и тут же начала кружиться все быстрее и быстрее, пока не превратилась в маленький смерч.

Через несколько секунд из смерча появилась Джессика. Ее полные губы покрывали засохшие капельки крови. Она с ненавистью взглянула на Габри.

— Сейчас же перестань улыбаться!

— В чем дело, Джессика? Перебрала? — Габри остался доволен своей шуткой. Джессика протянула к нему руки, злобно рыча, словно собираясь напасть. Парень сохранял хладнокровие, все его члены были расслаблены.

— Успокойся. Подумаешь, какая беда. Ты проиграла, вот и все.

Она пронзила его взглядом, невольно сжимая кулаки. Ярость мешала ей говорить.

— К тому же ты насытилась, — усмехнулся Габри.

— Заткнись! — выкрикнули Джессика. Руки они скрестила на груди, но глаза все еще метали молнии, зубы скрежетали, а лицо неожиданно постарело, будто на нем проступили все годы Вечности.

Пока она бесилась, парень преспокойно стоял у окна, наслаждаясь ее бессильной злобой и своим выигрышем, своей победой.

— Умей проигрывать с достоинством, — сказал он, наблюдая полет мышей за окном.

— Я не проиграла! — возмутилась Джессика, остановившись в нескольких дюймах от него. — Ты шулер, Габри. Ты играл нечестно.

— Я? — удивился парень. — Что же я такого сделал?

— Сперва ты укусил девчонку и напугал Тодда, — ответила она, приблизив к нему лицо, так что он даже отпрянул. — А в этот раз ты стал летать над нами, ты заставил меня нервничать, и из-за этого я укусила парня слишком сильно.

— Я заставил тебя нервничать? — Габри захохотал.

— Прекрати смеяться! — выкрикнула она. — Я убила этого мальчишку, и без всякой пользы! Только для того, чтобы ты выиграл пари!

— Прежде всего, ты напилась нектара, — ответил Габри с презрительной усмешкой. — Чего тебе еще надо, Джессика?

— Это не входило в условия пари.

— Веди себя достойно, — повторил он, резко поворачиваясь к ней. — Как ты знаешь, все в мире решают любовь и война.

— Я не проиграла. Это ты проигрывал, — ответила она, шагая по комнате. Ее медные волосы развевались за спиной.

— Как же я мог проигрывать? — засмеялся он злорадно. — Мне осталось еще дважды прогуляться с Эйприл, два раза укусить — и я выиграю.

Видя, что небо начинает светлеть и снимается заря, он направился к своему гробу и открыл его.

— Но моя жертва... — начала Джессика. — Твоя невезучая жертва умерла, — сказал Габри с презрительной усмешкой. — Твой укус убил ее. Ты должна признать поражение.

— Ни за что! — выпалила Джессика, наступая на него. — Я не побеждена и все еще собираюсь выиграть. Я выберу новую жертву.

— Новую жертву? — Габри уже начал укладываться в гроб. — Ты это серьезно?

— Серьезно, — теперь она наконец успокоилась, у нее появилась идея, которая поможет сбыться ее надеждам и отыгаться сполна.

— Я очень серьезна, Габри, — продолжала Джессика, медленно закрывая гроб крышкой. — Моей жертвой будет Мэтт, друг Тодда. Он по-настоящему милый, — она улыбнулась впервые за эту ночь, специально давая сопернику разглядеть эту улыбку, прежде чем крышка захлопнется. — Мэтт станет совсем легкой добычей.

Глава 17

Вампиры!

Несколько ночей спустя Мэтт метался во сне. Одеяло сбилось, подушка свалилась на пол. Ему приснился Тодд.

Он видел узкую песчаную полосу пляжа, золотившуюся от яркого солнца. Высокие волны, покрытые белой пеной, величественно набегали на берег и тяжело падали на песок.

Тодд бежал по берегу босиком. На нем были мешковатые плавки. Его ноги касались песка совершенно беззвучно.

Мэтт пытался всмотреться в его лицо, но Тодд мчался все быстрее и быстрее, так что пришлось пуститься за ним. Но хотя солнце стояло высоко, лицо друга все время оставалось в тени.

"Пожалуйста, — думал Мэтт, он старался вырваться вперед, за спиной гремели тяжелые валы, — Пожалуйста, повернись ко мне лицом, Тодд",

И тут Тодд вышел наконец из тени.

Его лицо было искажено ужасом, глаза закатились, рот распахнут в немом крике.

Небо темнело, становилось совсем черным.

Чернота поглотила Тодда, надвинулась на него прежде, чем он смог убежать.

Сначала эта чернота напоминала воронкообразную тучу, закрывшую солнце. Тодд все еще оставался на свету, но страшная туча старалась догнать его.

И Мэтт понял, что это была вовсе не туча. Она состояла из тысяч движущихся существ.

Он стал видеть четче и разглядел черные с пурпуром крылья и темные головки, низко наклоненные в полете, услышал пронзительный писк

Черная тень, настигшая Тодда, оказалась облаком из летучих мышей. Тысячи и тысячи теней, паривших, хлопавших крыльями, мелькавших в воздухе затмевавших солнечный свет, бросавших тень

на весь пляж, шумевших и заглушавших рокот волн

Тодд бежал изо всех сил, потом остановился склонил голову и прикрыл глаза. Но его рот оставался открытым.

— Беги, Тодд, беги! — выпалил Мэтт.

Но облако из летучих мышей уже настигло друга. Он упал на песок — сперва на колени, потом растянулся лицом вниз. И стена мышей сомкнулась над ним, как ночная тьма.

И все кругом почернело.

Мэтт вскочил. Он сидел на своей постели. В окне спальни проступало серое утро.

Он поднялся, наполовину пробудившись, наполовину оставаясь в своем кошмаре.

Резкие крики летучих мышей преследовали его, пока он неуверенно брел от кровати до окна. Туча из летучих мышей. Чернота, накрывшая Тодда и весь берег.

Мэтт тяжело оперся о подоконник, замотал головой. Ему хотелось окончательно вырваться из этого жуткого сна, но это не удавалось.

Он понял, что в момент пробуждения на языке вертелось какое-то слово.

"Вспоминай же, вспоминай", — заставлял он себя. И наконец произнес:

— Вампиры.

Сон был вещим, должен был что-то обозначать.

Мэтт знал это.

И знал, как погиб Тодд.

Летучие, мыши над пляжем! Те, что населяли побережье маленького островка. Летучая мышь напала на девушку.

Вампиры.

Все эти мыши были вампирами.

Сон открыл Мэтту страшную правду.

Теперь, окончательно проснувшись, парень быстро натянул

теннисные шорты и майку, в которых ходил позавчера, и кинулся к черному ходу, даже не умывшись, не причесавшись и не почистив зубы.

— Эй, — позвал его отец" завтракавший на кухне" когда Мэтт прошмыгнул мимо него.

Но парень уже выскочил за дверь, которая только хлопнула за его спиной.

— Мне надо бежать" — крикнул он на ходу, устремляясь в направлении дома Эйприл.

Небо было серым, воздух — холодным и влажным. Песчаная дорожка намочена. Мэтт догадался, что ночью прошел дождь.

А он и не слышал, как лило за окном. Во сне ему казалось, что шумели морские волны" а потом их перекрыли визги летучих мышей. Вампиров.

Нужно было рассказать обо всем Эйприл. Она должна все знать.

Как будто по контрасту с ярким солнцем и синим небом того дня, когда погиб Тодд, теперь все

покрывал серый туман и густые тени. Память Мэтта не сохранила картинок, одним только звуки. Скорбные крики родителей Тодда. Бормотание полицейских. Испуганное перешептывание детей на пляже и в городе.

Мэтт виделся с Эйприл лишь однажды за эти четыре дня. Оба пытались делать вид, что все в порядке, ничего не случилось, и не смогли...

Потом Мэтт оставил подругу и один отправился на пляж. Ему очень хотелось узнать, что же произошло ночью, почему Тодд решил искупаться и как он погиб.

Следователь из города прибыл осмотреть утопленника. Но для Мэтта все оставалось покрыто мраком. До тех пор, пока он не увидел этот сон.

И теперь нужно было срочно поговорить с Эйприл.

Приближаясь к знакомой даче, маленькому белому дощатому коттеджу с невысокой верандой" на которой стояли шезлонги и столик с зонтиком, Мэтт увидел подружку в кухонном окне".

Он поднялся на веранду, отворил дверь и позвал девушку. Эйприл посмотрела в его сторону, встала из-за стола. Ее мать мыла посуду после завтрака. Близняшки выскочили в открытую дверь, крича наперебой: "Я тебя поймаю!"

Мэтт поздоровался и с трудом перевел дух после долгой пробежки. — Ты уже позавтракал? — спросила миссис Блейр, закатывая рукава мужской рубашки, которую носила вместо купального халата. — У нас остались оладьи.

— Нет, спасибо, — ответил Мэтт, глядя на подружку. В тусклом свете, проникавшем через окно, она выглядела ужасно бледной и усталой. — Мне нужно поговорить с Эйприл.

— Лучше поиграй со мной! — предложила Кортни. — Нет, со мной! — закричала Уитни.

Эйприл поднялась и оттащила от него обеих сестричек.

— Мы с Мэттом поговорим на веранде, — сказала она и, наградив приятеля ослепительной улыбкой, вышла за дверь.

Мэтт направился вслед за ней, размышляя, как бы ей все преподнести. С океана по-прежнему дуло прохладой, низкое небо оставалось серым.

Девушка сбежала по ступеням и остановилась под деревьями. Мэтт вытер пот со лба подолом своей майки.

"Майка вся провоняла", — подумал он и только теперь сообразил, что в спешке забыл почистить зубы.

"Наверное, я выгляжу сейчас настоящим неряхой", — подумал он, но тут же отогнал эту мысль и сосредоточился на главном.

— Как дела? — спросила Эйприл робко, вглядываясь сквозь кроны деревьев в низкое пасмурное небо.

— Нормально. То есть не очень, конечно. Но в общем нормально. — У меня тоже.

— Мне нужно кое-что тебе сообщить, — начал он нетерпеливо. — Кое-что важное. В смысле... Стоит ли выложить все прямо сейчас?

— Послушай, Эйприл. Вот что я хочу тебе сказать. Я знаю, как погиб Тодд.

— Конечно, мы знаем, как он погиб, Мэтт — прошептала она. — Он утонул.

— Пожалуйста, выслушай меня, Эйприл, — просил парень, кладя руки ей на плечи. — Пожалуйста.

Она не ответила, только пристально посмотрела ему в глаза.

— Я увидел это во сне, — произнес он быстро, все так же держа подружку за плечи. — Но я точно знаю, что это правда.

Он решил, что нельзя говорить об этом медленно, с предисловиями и паузами. Нужно выложить все, что было на уме.

— Тодда убили вампиры.

— Что? — не поняла Эйприл.

— Вампиры, — повторил он. — Ты же видела сколько летучих мышей носится вдоль берега? Это, должно быть, вампиры. За несколько дней до того, как погиб Тодд, мышья напала на девчонку. И укусила её за шею. И Тодд...

— Мэтт, нехорошо так шутить, — сказала Эйприл презрительно. — Мне это не по душе.

Он хотел было ответить, но тут его внимание привлекли две крошечных красных точки на горле у подружки. Он уставился на них во все глаза.

В голове начали роиться жуткие мысли. Совершенно безумные.

"Мне не чудится? Может быть, это лишь комариные укусы?"

Перед глазами встало лицо Габри. Эйприл и Габри. Эйприл и Габри.

Он представил эту пару наедине.

Возможно ли это? Возможно ли, что Габри — вампир?

Или я свихнулся?

— Послушай, мне это все приснилось, — продолжал Мэтт, не отрывая взгляда от девичьей шеи. Его мозг лихорадочно работал. — Тодд бежал, и...

— Прекрати. Мэтт! — взорвалась Эйприл. — Сейчас же прекрати!

— Я знаю, что прав, — отрезал он, не обращая внимания на то, что она заводится. — Этот сон имеет смысл, Эйприл. Все эти мыши... И Тодд... У него были раны на шее, я помню.

— Мэтт! Перестань! — выкрикнула Эйприл, начиная трястись от злости. — Заткнись! Заткнись же!

— Но Эйприл...

Что он сделал не так? Что он такого сказал? Почему она не хочет его выслушать, даже не дает возможности все объяснить?

— Как тебе не стыдно Мэтт? Как не стыдно? — продолжала девушка, сверкая глазами. — Твой лучший друг умер, а ты думаешь только о своих дурацких фильмах!

— Нет, — запротестовал он, но Эйприл не давала ему слова вставить.

У меня есть новость для тебя, Мэтт, — произнесла она презрительно. — Наша жизнь — это реальность.

— Я знаю, но...

— Жизнь — это реальность, Мэтт, а не идиотские ужастики. — в уголках ее глаз выступили слезы.

"О нет, — подумал он, ощущая, как колотится сердце. — Я не хочу, чтобы она плакала. Разве мы мало наплакались за эту неделю? "

— Тодд умер, и это невозможно объяснить, невозможно принять, — сказала Эйприл, стараясь сдержать слезы и взять себя в руки. — Но сваливать на вампиров... Это так по-детски. Это ни в какие ворота не лезет!

— Но Эйприл... — Мэтт не знал, что сказать. Он неотрывно смотрел на две маленькие ранки на ее шее.

— Габри — вампир, — бухнул он неожиданно даже не понял, что произнес, не слышал своего голоса и не понимал, что Эйприл все слышит.

Девушка одним движением вытерла мокрые дорожки, оставленные слезами на ее бледном лице, и яростно накинулась на Мэтта.

— Ты совсем спятил, да? — завопила она, — Убирайся! Убирайся отсюда! — повернувшись она устремилась в дом, — Не

понял? Убирайся! Я больше не желаю тебя видеть! И не звони, я не подойду!

— Что там происходит? — из-за двери выглянула золотистая головка одной из сестричек

— Они сражаются? — донесся из дома голос другой.

— Дай посмотреть! — Девочки с шумом вывалились за дверь, а Эйприл вбежала в дом, громко всхлипывая.

Мэтт с растерянным видом, не оглядываясь, вышел на улицу и зашагал прочь. Ему перебежали дорогу два кролика, но он даже не заметил. Пошел дождь. Первые тяжелые капли упали землю, а через несколько секунд ливень уже стоял стеной.

Парень двигался медленно, опустив голову, и даже не обращал внимания на дождь. Тяжелые думы досаждала ему куда сильнее.

"Конечно, Эйприл права, — говорил он себе, поддавая носками кроссовок комья грязи. Волосы упали на лоб. Промокшая запыленная майка противно липла к спине. — Конечно, она права. И чего это я помчался к ней, чтобы рассказывать про вампиров? Надо было держать все при себе".

"Вампиры! Конечно, она решила, что я спятил. И она права. Габри никакой не вампир. А я просто ревную. К тому же совсем растерялся. И мне так жалко себя".

"Вампиры... Я должен посмеяться над собой чтобы не заплакать. И откуда взялась такая дикая мысль? Как это я был настолько глуп, что поверил ей?"

Он глубоко вздохнул, погрозил кулаком деревьям, склонившимся под тяжестью собравшейся в кронах воды. Ему хотелось увязнуть в грязи увязнуть по самую макушку, и чтобы никто его оттуда не вытащил.

"Я выставил себя набитым дураком, — подумал он, удрученно тряс головой и ежась, когда ветер задувал за ворот. — Я выставил себя полным идиотом. И лишился Эйприл".

— Чего это ты целый день шатаешься под дождем? — спросил Бен, появляясь из высокой травы, покрывавшей дюны.

Мокрые от дождя стебли стегали Мэтта по ногам при ходьбе, и он подумал, что лучше было надеть джинсы, чем шорты.

— Просто так, — ответил он другу. Вообще-то большую часть дня он провел, глядя на дождь из окна гостиной, вертя в руках бутановую зажигалку Тодда и непрерывно размышляя о своем сновидении и о том, как глупо было мчаться к Эйприл.

Зажигалку он сжимал в руке и сейчас" будто ища в ней разгадку. Казалось, что с зажигалкой как-то уютнее — ведь это единственная память о Тодде. Мэтт с зашагал вместе с Беном через дюны. — Песок уже снова сухой, — сказал Бен, поддавая землю носком сандалии. — Разве не удивительно? Дождь льет весь день, а песок не собирает воду.

Мэтт бросил взгляд в сторону океана. Облака уже рассеялись. Ночное небо было почти ясным.

Над морским горизонтом висел бледный круг луны.

— Сегодня утром я сделал настоящую глупость, — пробормотал Мэтт.

— Какую по счету? — пошутил Бен, оторвав длинный стебель и засунув его в рот.

— Да нет, это действительно была глупость, — объяснил Мэтт, глядя под ноги, он в нескольких словах поведал Бену про свой сон и разговор с Эйприл. И закончил словами: — Это все было нелепо.

Бен задумчиво жевал травинку.

— "Нелепый" — это еще мягко сказано, — согласился он, качая головой. — Более подходит слово "глупый". Я бы даже сказал "идиотский".

— Знаешь, я рассказал тебе все это не для смеха, — обиделся Мэтт.

"И зачем тогда я это рассказывал? — подумал он. — Может быть, Бен должен был подпрыгнуть, похлопать меня по спине и сказать: "Ты прав, Мэтт! Эти мыши — вампиры!" Просто мне нужно было с кем-то поделиться".

— Извини, — быстро сказал Бен. — Правда, извини. Ты, наверное, чувствуешь себя настоящим болваном.

— Утешил, — пробормотал Мэтт.

Совсем низко над их головами промелькнула летучая мышь и

черной тенью пронеслась над Пляжем, Приглядевшись, Мэтт заметил еще двух мышей, паривших над соседней дюной.

— В прошлом году в школе нам объясняли, что они полезные, — сказал Бен. — Они необходимы для экологического равновесия, ну, ты знаешь насекомых едят. А их помет — очень ценное удобрение.

— Оставь себе мышиный помет, — пробурчал Мэтт раздраженно. — Спасибо за лекцию.

— Я понимаю, что у тебя паршивое настроение, — сказал Бен миролюбиво. — Мне тоже не по себе из-за Тодда. А тут еще этот парень перехватил твою девчонку...

— Не надо об этом больше, — отрезал Мэтт удивляясь собственной горячности. — Хватит.

— Эй, а ведь я собирался в кафе "Суэнни", — проговорил Бен, чтобы покончить с неприятным разговором. — Пойдешь со мной?

— Лучше еще погуляю, — ответил Мэтт грустно качая головой. — Может быть, подойду попозже.

Он кивнул на прощание, Бен помахал ему рукой.

— Утешься, — крикнул он издалека. — У меня худшее еще впереди.

Он не засмеялся, против обыкновения, над собственной плоской шуткой и зашагал в направлении города.

"Вот придурок", — подумал Мэтт. Обычно Бен действительно утешал его своими научными выкладками и глупыми шутками" но только не сейчас.

Парень зашагал через дюны. Увидев группу ребят, знакомых ему по пляжу, Мэтт повернулся, чтобы не попадаться им на глаза, и быстро пошел в обратном направлении. Его внимание приковала к себе скалистый утес и черный силуэт в ясном ночном небе.

Парень поймал себя на том, что думает, как оправдаться перед Эйприл. Но ни один из вариантов не выглядел убедительным. Он не мог предстать, что произнесет все это вслух. Ступая по песку, Мэтт размышлял о том, как бы помириться с девушкой и убедить ее не встречаться с Габри. Но и то, и другое казалось невозможным.

Мэтт затряс головой, как будто хотел выбросить оттуда

тягостные мысли.

Вдруг он неожиданно остановился, заметив впереди какой-то необычный предмет.

На песке будто бы лежала темная бесформенная куча.

Темная, бесформенная и неподвижная.

— О нет, — громко выдохнул парень, вглядываясь в эту кучу. —
Что это? Еще одно тело?

Глава 18

Новое происшествие с Джессикой

Похолодевший от ужаса Мэтт всматривался в невысокую темную дюну. Захотелось бежать со всех ног, но он понимал, что нужно как следует рассмотреть то, что лежало на песке.

Парень двинулся к дюне. И остановился как вкопанный.

— Джессика? Она молчала.

— Джессика? — повторил он громче, неуверенно приближаясь к ней.

— Эй, Джессика...

Теперь Мэтт увидел, что девушка сидела, обхватив колени руками и опустив голову.

Когда она наконец подняла лицо, он увидел, что она плачет.

— Извини, — произнес парень и отступил на шаг. — Извини, — повторил он, не зная, что сказать. Девушка не отвечала. Казалось, она никак не может узнать его и выглядит растерянной и настолько погруженной в свои мысли, в свою тоску, что в ее сознании не осталось места для воспоминаний о ком-то находящемся за пределами ее внутреннего мира.

Затем она слабо улыбнулась, закрыла глаза и принялась обеими руками вытирать слезы. — Я... Я не думал, что это ты, — выдавил Мэтт. Он не знал, куда девать руки, и наконец сунул их в карманы — Тебе не нужна помощь?

— Вообще-то... — отозвалась она, и голос ее прервался. Затем закончила: — Не знаю. Не могу выплакаться.

— По Тодду? — спросил Мэтт и тут же почувствовал себя дураком. По ком же еще она могла плакать? — То есть...

— Я все вспоминаю наши встречи на берегу и в городе, — Прошептала Джессика, с трудом подбирая слова. — Не могу в это поверить. Не могу поверить, что я была последней, кто его видел живым. Не могу поверить во все это. То есть... никто из моих знакомых еще не умирал. Никогда.

— Да, — сказал Мэтт тихо. — Все это в голове не укладывается. Ты знаешь, он ведь был моим лучшим другом.

Она не ответила. Грустно покачав головой, поднялась на ноги и отряхнула свой купальник от песка. Затем подошла к Мэтту так близко, что он почувствовал запах ее духов, в тяжелом морском воздухе казавшийся терпким и острым.

— Я знала Тодда совсем недолго, — продолжала Джессика, вытирая слезу. — Но я подружилась с ним так близко. Мы полюбили друг друга.

— Он был славный парень, — сказал Мэтт, глядя в ее гипнотические глаза. Он поймал себя на том, что, разговаривая о погибшем друге, думает о красоте Джессики.

Океанские волны, казалось, окружали их, пытались утопить.

У Мэтта как-то странно закружилась голова. Может быть, от ее духов? Или от теплого ветра? Или от усталости?

— Не могу понять, почему Тодд полез купаться в такое время, — сказал он, не в силах оторвать глаз от девушки.

— Не знаю, — ответила Джессика тихо. — Он звал меня купаться. Разделся и нырнул. Я думала, он шутит. Я вправду думала, что он шутит.

— Жуть, — отозвался Мэтт. — Тодд не был сорвиголовой. Он был таким тихоней, ты, наверное, заметила?

— Да, знаю, — прошептала девушка, глядя сквозь него. — Поэтому я и решила, что он не собирается всерьез нырять в такой час. Когда он впервые провожал меня домой, мне показалось, что он сам боится идти в одиночку.

— Жуть, — повторил Мэтт, поднимая голову.

— На следующее утро, когда я услышала... — начала Джессика, но ее голос снова сорвался, и вместо слов она застонала.

Мэтт машинально положил руку на ее плечи, стараясь успокоить. Она продолжала рыдать, а потом неожиданно улыбнулась ему.

Ее духи пахли так сильно, так сладко.

— Ты тоже плакал? — спросила Джессика. Они зашагали по

песку рядом, рука парня все так же покоилась у девушки на плечах.

"Она такая теплая и... хрупкая", — подумал Мэтт.

— Да, — признался он. — Когда я его нашел, Я, наверное, потерял рассудок. Не очень хорошо помню, что было дальше. На нас наткнулись какие-то рыбаки. Потом все вылетело из головы.

— А я не могла перестать плакать, — кротко произнесла Джессика, закрыв глаза и прижимаясь к нему, — ты первый, кому удалось со мной заговорить. Как бы невзначай она задела головой лицо Мэтта. Он почувствовал прикосновение ее мягких волос к своей щеке, и по всему его телу пробежала

искра.

"Интересно, как она отреагирует, если я ее поцелую", — подумал Мэтт.

И тут же устыдился своих мыслей. "Мы ведь разговаривали про Тодда. Она излила мне всю свою печаль, открылась мне, доверилась, а я собираюсь ее целовать".

Девушка опять улыбнулась ему.

Мэтту показалось, будто эта улыбка обозначает, что она читает его мысли и не хочет противиться.

— Давай... я... хм... провожу тебя домой, — предложил он. Его рука соскользнула с гладкого девичьего плеча.

Волосы Джессики слегка задели его по лицу, затем она пристально посмотрела ему в глаза.

— Нет. Давай еще пройдемся, — прошептала девушка так тихо, что он еле слышал, хотя стоял совсем рядом. Она указала на грядущий скал, увенчанную крутым черным утесом. — Давай будем идти, идти и идти, Мэтт. С тобой мне гораздо лучше. Правда.

— Приятно слышать, — ответил он.

Девушка неожиданно сорвалась с места и побежала к утесу. Как будто и не было ее рядом — ее прикосновений, ее тепла, ее плеч, на которых лежала рука парня.

— Эй, подожди! — позвал он.

Она ничего не ответила, а только обернулась к нему с загадочной

улыбкой.

— Джессика, подожди! — повторил Мэтт и побежал вдоль берега следом за ней к скалистому утесу, возвышавшемуся посреди песка, туда, где с шумом разбивались волны. Они бились о берег будто сердце парня, — громче, быстрее, тяжелее.

— Да постой же! — позвал Мэтт. Теперь он уже бежал изо всех сил, держа курс на рыжие девичьи волосы, развевавшиеся, точно знамя.

Ее смех долетал до него, перекрывая шум ветра.

Они уже пробежали вместе почти весь пляж и теперь помчались на один из выступов утеса.

— Эй, притормози! — крикнул парень в который раз, тяжело дыша.

Когда они приблизились к самому краю скалы Мэтт заметил, как изменилось у Джессики выражение лица. Ее рот широко распахнулся от страха, смешанного с удивлением.

Джессика хотела остановиться.

Но ее подошвы заскользили на гладкой поверхности камня.

Она протянула руки, будто пытаясь за что-то схватиться, но хвататься было не за что.

— Джессика, нет! — закричал Мэтт.

Девушку вынесло на самый край утеса.

Парень услышал ее испуганный крик в тот момент, когда она полетела вниз.

Увидел ее руки, бессильно цеплявшиеся за воздух.

Затем наступила тишина.

Он остался здесь в одиночестве.

В полном одиночестве.

Глава 19

Мэтт целуется при луне

Мэтт бросился к обрыву и стал вглядываться в темноту. Он затаил дыхание, стараясь разглядеть, что несут темно-зеленые волны, а ужас тянул его вниз.

"Погибла, — решил парень. — Расшиблась насмерть".

Он все продолжал смотреть на пенные гребни, разбивавшиеся о камни. Страх леденил его душу.

И вдруг увидел Джессику. Она стояла по пояс в воде у самого берега и улыбалась ему.

— Как, Джессика? — попробовал он выдавить, но, к своему удивлению, потерял голос.

Девушка помахала ему рукой, запрокинув голову. Потом жестом позвала его к себе, вниз.

— Ты жива? — сумел он наконец произнести. Конечно, слова не долетали до нее. Джессика снова поманила его к себе. "Каким же чудом она уцелела при падении?" — удивился Мэтт, ощущая, как сердце снова начинает биться нормально, чувствуя, что попа сваливается с плеч.

"Как же она убереглась от острых камней?"

Парень поднялся на ноги и помахал в ответ.

Какое счастье. Какое счастье, что она осталась жива. Он чувствовал такое облегчение, что готов был взмахнуть руками, взлететь и спланировать к подножию утеса.

Но все-таки благоразумие взяло верх, и Мэтт спустился тем же путем, каким поднялся сюда, внимательно глядя под ноги. Теперь узкая тропинка казалась крутой и скользкой. Но парень спускался смело, осторожно сталкивая ногами камешки и создавая тем самым маленькие лавины.

— Джессика, ты цела?

Она все еще не слышала его из-за ветра и волн.

Стоя на песчаном берегу, девушка улыбалась Мэтту и с

нетерпением ждала его. Рыжие волосы пылали в лунном свете.

— Эй, ты меня так напугала! — воскликнул он. Подошвы скользили по камням, то и дело попадая в неглубокие трещины. — Я по-настоящему перепугался!

Джессика не ответила.

Обвила руками его плечи, приблизила к нему свое лицо.

Духи. Казалось, они плыли в воздухе, обнимали его, затягивали в свою глубину.

Парня бросало то в жар, то в холод. Он стоял по пояс в ледяной воде, а девичьи губы были такими сухими, такими сухими и горячими.

Прежде чем Мэтт успел перевести дух, прежде чем сообразил, что происходит, Джессика принялась целовать его в губы, в глаза, в подбородок.

Целовать с такой неожиданной страстью.

Одновременно так жарко и холодно, резкие духи, сухие и горячие губы, прикосновения ее волос, тепло ее лица — все это сводило Мэтта с ума.

Поцелуй. Поцелуй.

Он попробовал отвечать.

Но понял, что проваливается — стремительно ужасно стремительно, в затягивающую, головокружительную темноту.

Глава 20

Ночные Гости

Синим вечером Габри медленно вылезал из своего гроба. Ящик был выложен внутри грязью, точнее, родной землей. Только она одна и осталась на память о родине и о тех временах, когда он был живым. Воспоминания нахлынули неожиданно, и он тут же беспощадно отмел их.

В момент пробуждения на его лице отражались все прожитые долгие века. Большого труда стоило успокоиться. Непросто было стать вновь самим собой, привести в порядок затекшее тело, вновь зажечь проблески жизни в своих глазах и справиться с болью, древней болью, захлестывавшей его каждый раз по утрам после тяжелого неестественного она.

Он вздохнул и зачесал назад свои черные волосы. Обычное действие, ставшее таким трудным без зеркала.

Хотя продолжать творить зло было совсем просто, глодала досада от того, что за весь бесконечный путь вампира нельзя ни разу взглянуть на себя и убедиться, что ты остался прежним.

— Ну, ну. Что-то ты сегодня расклеился, Габри, — сказал он громко, обращаясь к теням, плясавшим на стене.

Тихий смешок заставил его обернуться и тихо вскрикнуть от неожиданности.

— Джессика.

Ее джемпер совпадал по цвету с вечерним небом. Она стояла у раскрытого окна, и на ее распущенных волосах играл свет восходящей луны.

Девушка казалась частью природы, одной тенью среди многих. Но стоило ей только поднять глаза, как она ожила. И ее смех заставил Габри содрогнуться.

— Тебя сюда приглашали? — нервно выкрикнул он.

— Да я тут гостила по соседству, — пошутила Джессика.

— Чего тебе надо? — спросил Габри нетерпеливо, с раздражением, вызванным ее неожиданным вторжением,

раздражением, скопившимся за много веков, в течение которых он только летал и искал добычу.

— Какой-то ты сегодня негостеприимный, — говорила Джессика, медленно приближаясь к нему. На ее лице появилась ехидная улыбка. — Что-то не так, Габри? С блондиночкой оказалось не так все просто, как ты рассчитывал?

Я оставил тебя далеко позади, — ответил он холодно.

Мысли об Эйприл и о нектаре, сладком нектаре согрели его сердце.

— И я никого не убивал.

— Ну, это не проблема, — Джессика равнодушно пожала плечами. — Совсем не проблема. Не думаешь же ты, что такая мелочь помешает мне выиграть пари?

— Ты не выиграешь, — он состроил недовольную мину. — Эйприл — совсем легкая жертва.

— Ха! — воскликнула Джессика презрительно, скрестив руки на груди. — Что же ты с ней делаешь? Налетаешь с неба и кусаешь сзади?

— Ну зачем же так, — усмехнулся Габри. — я завладел ее чувствами. Она порвала со своим приятелем.

— Что? — глаза девушки на миг расширились от удивления.

— Она больше не станет встречаться с Мэттом. Теперь она моя, — его лицо расплылось, в торжествующей злорадной улыбке.

— Только это на руку мне, а не тебе, — сказала Джессика, быстро овладев собой.

— Ты о чем?

— Если они больше не встречаются, то мне будет проще завоевать Мэтта, — объяснила она.

— Мечтать не вредно, Джессика, — произнес он сухо. — Можешь оставаться здесь и излагать свои планы на остаток вечности, но к концу этой недели Эйприл станет такой же, как мы.

— Я никогда не хвастаюсь... — начала девушка. Когда Джессика обернулась, по комнате уже

кружился пыльный вихрь.

Вскоре пылинки улеглись, и Габри обратился в летучую мышь.

— Мне пора лететь! — пояснил он, вылетая в открытое окно, и с коротким визгом растворился в ночном небе.

— Самовлюбленный идиот, — крикнула Джессика вдогонку.

Подскочив к гробу, она набрала полные пригоршни земли, которая помогала Габри приходить в себя, и со злостью швырнула на пол.

Кортни забралась к Габри на плечи, а Уитни обхватила его за талию. С громким воплями они повалили его на пол и оседлали.

— Нет! Нет! — выкрикивал он беспомощно, хохоча и извиваясь, пытаясь вырваться или перевернуться на бок.

— Девочки, оставьте Габри в покое! — строго сказала миссис Блейр, качая головой.

— Все в порядке, я сам справлюсь, — успокоил Габри. — О-о-ой!

Он издавал этот звук каждый раз, когда близняшки начинали скакать на его спине.

— Слезайте, девочки, — потребовала миссис Блейр, не отрывая глаз от газеты. — Габри вам не карусельная лошадка, разве не знаете?

— Конечно, знаем! — ответила Уитни.

— Он — тележка для русских горок! — объяснила Кортни. — И-и-и-их!

— Ой, — вскрикнул Габри, заставляя себя смеяться, преодолевая боль. Он заколотил по половине ладонью, как борец на ринге.

Наконец в дверях появилась Эйприл. На ней были удобные белые легинсы и черная майка, поверх которой она надела рубашку яркого бананового цвета, перехваченную в талии поясом.

— Что происходит? — воскликнула девушка.

— Отлично выглядишь, — сказала ее мать громко, чтобы перекрыть вопли близняшек. — Посмотри, что выделывают эти девчонки.

— Помоги-и-ите! — заорал Габри.

И Эйприл пришла на помощь — схватила сестричек за руки и с трудом оттащила от жертвы.

— Нам с Габри пора идти, — пояснила она.

— Но мы еще не закончили кататься! — обиженно заявила Уитни. Она обхватила парня за плечи, а он оперся руками о пол, чтобы не упасть.

— Достаточно, — сказала миссис Блейр. — это к тебе относится, Уитни.

Но девочка, конечно, ее обратила внимания и продолжала мучить Габри, который завалился на пол, прося пощады.

Чтобы оттащить девчонок и уговорить их больше не нападать, понадобилось еще минут десять. Миссис Блейр начала было извиняться, но Габри заверил ее, что чудесно провел время.

— В следующий раз поборю вас обеих, — самоуверенно заявил он близняшкам. Затем попрощался со всеми и вместе с Эйприл вышел за порог. Они зашагали по песчаной дорожке, точно такой же, как и на всех здешних дачных участках.

— Мои сестренки прямо как ты, — заметила Эйприл.

— Поэтому они со мной и справились, — ответил Габри.

— Ты нравишься моим родителям, — добавила она, глядя под ноги.

— У твоих родителей хороший вкус, — сказал он, улыбаясь.

— Ой. Совсем забыла, — сказала девушка, неожиданно остановившись.

— Что это?

— Папа всегда дарит мне подарки ко дню рождения заранее. У меня день рождения только в следующем месяце, но папа никогда не может его дождаться.

Ее желтая рубашка блестела в лунном свете. Габри следил взглядом за движением девичьей руки и увидел, как она нащупала висящую на шее цепочку.

— Смотри, — сказала Эйприл и показала ему большой сверкающий предмет. — Это серебряный крестик. Элегантный,

правда?

Крест засиял под лунной отраженным светом, и на лице Габри проступил ужас.

Парень отступил на шаг, чтобы Эйприл ничего не заметила.

Его мысли вмешались. Свет от креста обжег его словно настоящее пламя. — Очень красивый, — произнес он с трудом. "Что же делать? — запаниковал он. — Я не смогу приблизиться к ней. Невозможно укусить ее за шею. Пока она не снимет крест, я не смогу отведать нектара".

Что делать? Что делать?

Этот простенький предмет может навсегда ослепить его. Свет от креста может поджечь его давно высохшую плоть, может ввергнуть его в пламя.

Что же делать? Что делать?

И тут, пока Эйприл пыталась засунуть подарок обратно под майку, он неожиданно выскользнул из руки.

Габри видел, как крестик упал на песок.

Девушка быстро присела, зашарила по земле.

Наконец, нашла его и повернулась к парню.

Замочек расстегнулся. Поможешь надеть снова?

Конечно, — Габри стоял позади нее, чтобы она не видела, как дрожат его руки.

Девушка опустила крестик на грудь и теперь держала концы цепочки за спиной.

— Помоги застегнуть.

— Сейчас, — отозвался он тихо, стараясь не смотреть на крестик. Осторожно взял концы тонкой цепочки и сжал их пальцами.

Сперва притворился, что у него не получается, затем сделал вид, что защелкнул замочек.

— Готово, — сказал Габри.

На самом деле он оставил цепочку незастегнутой.

— Спасибо, — ответила девушка, награждая его неясной

улыбкой.

— Он очень идет тебе, — сказал Габри, внутренне содрогаясь при мысли о крестике.

Их путь лежал через город. Они не спеша проходили мимо домиков, окошки которых светились рыжими и желтыми огоньками.

Когда город закончился и началось поросшее травой поле, Габри заметил, как незастегнутая цепочка с крестиком соскользнула и бесшумно упала на землю.

Они продолжали идти как ни в чем не бывало.

Эйприл не заметила потери.

Габри улыбнулся ей, не в силах скрыть радости и облегчения.

Удача, какая удача! И довольный тем, как все сложилось, он обнял девушку за плечи и притянул к себе.

Той же ночью, только чуть позже, Мэтт возвращался домой после встречи с Джессикой. Он остановился у черного хода, прижался разгоряченным лбом к холодному стеклу.

"Как же я устал", — подумал он.

Устал настолько, что казалось невозможным открыть дверь и добраться до постели.

"Наверное, еще не так уж и поздно"" — подумал Мэтт, с величайшим трудом отлепляясь от дверной рамы. Луна стояла высоко в небе. Воздух был прохладен, на траве выступила роса.

Парень кашлянул.

Горло заболело. "Надеюсь, я не простудился". К удивлению, ночь, проведенная с Джессикой, вспоминалась словно в тумане.

Куда они ходили? Чем занимались? Он вспомнил темный берег. Вспомнил ее губы, ее поцелуи.

Вспомнилась боль. Сладкая боль.

Боль? Нет. От чего же боль?

"Я слишком вымотался, чтобы все запомнить, — сказал он себе. — Я... очень... устал".

Кое-как он все же открыл дверь. Пробрался на цыпочках по

скрипящим половицам через темную кухню, через короткий и тесный коридор мимо спальни родителей.

Тишина.

А вот и его комната.

Какая слабость... Какая разбитость... Чтобы открыть дверь, потребовалось немало усилий. Парень ощущал жуткую тяжесть. Тяжесть от одежды.

И даже голове было тяжело от волос.

Парень дышал с трудом, каждый шаг давался невероятным напряжением.

Нужно было раздеться, избавиться от этой тяжелой одежды, тянувшей его вниз.

Нужно было залезть в кровать и заснуть.

Чтобы во сне прошла эта слабость.

Чтобы прошла боль в горле.

Но где это он?

Почему все качается и опрокидывается?

Как же он устал... как... устал...

"Джессика, — подумал он, вспоминая ее бледное лицо, ее развевающиеся рыжие волосы, горящие глаза. — Джессика, отчего же я так устал?"

"Чем же мы занимались, Джессика? Чем мы занимались? "

Мэтт попробовал отогнать мысли о ней. Если сейчас размышлять о ее прелестях, то он так никогда и не заснет.

"Прежде всего надо раздеться", — решил парень. Тени покрывали странными пятнами знакомую обстановку комнаты.

Пятна. Пятна среди пятен.

И вдруг одно пятно приобрело отчетливые очертания.

Мэтт моргнул раз, другой.

Кто-то видел на кровати в темной комнате, спиной к Мэтту.

Он снова моргнул, пытаясь прогнать видение, но оно не

исчезало.

Все осталось по-прежнему. Кто-то сидел на кровати.

Замерев от страха, Мэтт уставился на неподвижную фигуру. Кто же это?

Кто мог быть в его комнате в такой час?

Как он сюда проник?

— Эй, — позвал Мэтт шепотом. — Эй!

Затаив дыхание, собрав всю свою волю и пытаясь привести в порядок мысли, Мэтт приблизился к незнакомцу и потрогал его за плечо.

Темная фигура медленно повернулась лицом к парню.

И Мэтт завопил от ужаса.

Глава 21

"Но ты же умер!"

Зажав рот обеими руками, чтобы не закричать еще пронзительней, Мэтт отпрянул от кровати.

Он треснулся о платяной шкаф, и спину пронзила резкая боль.

Не обращая на нее внимания, парень в ужасе глядел на знакомое лицо ночного гостя, сидевшего на кровати.

Медленно, хватая воздух ртом, он опустил руки. — Тодд! — хотел вскрикнуть, но получился только приглушенный шепот. — Ты же умер!

Ночной гость продолжал сидеть неподвижно, обхватив руками плечи, затем медленно наклонился вперед. Его лицо попало в квадрат лунного света, струившегося через окно.

Тодд, — повторил Мэтт, прижимаясь спиной к дверце шкафа.

Теперь он как следует разглядел лицо друга — позеленевшее и раздувшееся. Глубоко запавшие глаза его были открыты. Зрачки, покрытые гноем, стали совсем белыми. Кожа на одной скуле порвалась и отвисла.

— Привет, Мэтт.

Это был не голос, а скорее ветер, движение воздуха.

— Нет! — новая волна страха повалила парня на колени, и он с трудом поднялся, держась за дверцу шкафа.

— Нет!

— Дааа! — проскрипело создание, сидевшее на кровати.

Занавески на окне заколыхались в знак согласия.

— Дааа! — повторил Тодд, словно пробуя свой беззвучный голос. Снова занавески заколыхались в ответ.

"Это не сон", — сообразил Мэтт, чувствуя, как больно врезается в кожу ручка шкафа.

Сколько же раз ему снился Тодд с того ужасного утра, когда парень выловил из воды его безжизненное тело?

Сколько раз Тодд возвращался, чтобы вторгнуться в его сновидения?

Но сейчас Мэтт не спал.

Тодд, мертвый Тодд сидел на его постели, его запавшие белые глаза уставились на Мэтта, а висящая клочьями кожа ясно говорила о смерти.

— Тодд! Ты же умер! — повторил парень. Больше он не мог произнести ничего.

— Ты же умер!

— По ночам я не мертвый, — прошептал Тодд, наклоняясь поближе к Мэтту, чтобы лучше было слышно.

Занавески неожиданно потянулись за окно, словно влекомые какой-то невидимой силой.

— По ночам я не мертвый, — повторил Тодд, — По ночам я нахожусь между жизнью и смертью.

Его голова склонилась набок, почти что на плечо.

— Нет! — выкрикнул Мэтт, зажмурившись. Он не мог привыкнуть к тому, что его друг принял такую отвратительную, жуткую форму.

Открыв глаза, он вскрикнул от ужаса.

Тодд поднялся с кровати. — Пожалуйста, не надо! — завопил Мэтт, пытаясь пятиться, но снова стукнулся о шкаф.

Покойник двигался быстро, словно плыл по комнате. Приблизившись к парню, он взял его за плечи.

Пальцы Тодда оказались твердыми, костяными.

Белые глаза, глубоко провалившиеся в красные, заполненные гноем глазницы, теперь смотрели прямо в глаза Мэтту.

— Тодд, нет!

Но хватка лишь стала крепче.

В ноздри ударил запах разложения.

Парень попытался вдохнуть глубже, но грудь как будто сдавило. Чувствуя, что эта вонь наполняет легкие, душит его. Мэтт

отчаянно заорал. Он не мог противостоять действию этого жуткого запаха.

Тодд по-прежнему держал его за плечи. Слепой взгляд белых глаз шарил по его лицу, затем поднялся выше, окинул всю комнату. Мэтт лишился воли, парализованный запахом разложения — запахом смерти.

— Тодд, что ты делаешь? — сумел выдавить парень, не узнавая собственного голоса. — Что ты делаешь?

Глава 22

Предупреждение из могилы

— Я... Я пришел, чтобы предупредить тебя, — прошептал Тодд. Слова вылетали отрывисто, словно тяжелые вздохи.

— А?

Мэтт прикрыл глаза, пытаясь справиться с приступом тошноты.

Тодд убрал руки, но не отодвинулся.

— Я пришел, чтобы предупредить тебя, — повторил он, снова склоняя голову набок, пока она не коснулась плеча. Открыв глаза, Мэтт увидел на его шее рану длиной в ладонь.

— Вампиры, — прошептал Тодд.

— Да, — согласился Мэтт, кивая. Вся комната закружилась, да так быстро, что пришлось опять зажмуриться.

Если бы только можно было избавиться от этого запаха, такого гнилого, такого кислого, такого удушливого и тошнотворного.

— Они вампиры, Мэтт, — произнес Тодд.

— Я знаю, — так же шепотом ответил Мэтт, не открывая глаз. — Я знаю, Тодд.

— Слушшшай, — продолжал покойник. — Слушшшай, Мэтт. Я пришел предупредить тебя. Они вампиры.

— Да знаю же я! Знаю, Тодд! — выпалил парень. Он зажмурился еще крепче и старался не дышать. Запах был таким стойким, таким отвратительным.

— Я знаю, Тодд, — повторил он слабым голосом. — Но я слишком устал.

Ответа не последовало. Мэтт все не открывал глаз.

— Я так устал, Тодд. Правда, я жутко устал. Молчание.

— Извини Тодд. Извини. Я очень, очень устал. Я... очень... устал...

Мэтт медленно приходил в себя. Открыл один глаз. Комнату

заливал серый рассвет.

Парень вздрогнул и с трудом открыл второй глаз. Потом снова зажмурился.

Он не почувствовал, как заснул. Вообще не помнил, как укладывался спать.

Помнил только ночной кошмар.

"Когда же Тодд перестанет мне сниться?" — подумал он, зевая и спуская ноги на пол.

— Ой...

Парень поднялся и оглядел себя, посмотрел на пол.

Оказывается, он спал не раздеваясь. На нем были все те же хлопчатобумажные шорты и синяя футболка с длинным рукавом, в которых он бродил вчера, когда встретил Джессику.

— Ну и ну, — пробормотал Мэтт, разглядывая перемазанные в песке кроссовки, которые все еще были у него на ногах.

Вся простыня оказалась засыпана песком. Значит, он завалился спать не раздеваясь.

Парень с трудом спустил ноги на пол. Посмотрел на часы, увидел, что еще только половина восьмого. Такая рань...

А что это за запах щекочет ноздри?

Какой-то кислый...

Он ощущал этот запах и горлом, и кожей. -

Почему он его раньше не почувствовал?

Потягиваясь, чтобы окончательно проснуться Мэтт поднялся на ноги и тревожно огляделся.

Начали всплывать в памяти обрывки сновидения.

Этот сон был настолько ужасным, настолько реальным.

Он подошел к зеркалу на дверце шкафа и чуть не упал.

Несколько часов сна не принесли ни облегчения, ни бодрости.

Похоже, он за всю свою жизнь так не уставал. "Наверное, я заболел", — подумал Мэтт.

Парень опрокинул на пол коробку с бумажными носовыми платками. Не в силах поднять ее, уставился в зеркало.

Тут он заметил на горле темные следы. И понял, что ничего ему не приснилось.

— Тодд приходил сюда, — произнес он вслух. Голос звучал хрипло.

— Тодд вернулся, чтобы предупредить меня. Парень вплотную придвинулся к зеркалу, пытаясь получше рассмотреть ранки.

Крошечные круглые точки. Темно-фиолетовые с красным.

Крошечные укусы. Это сделала Джессика.

Джессика. Значит, она вампир.

Тодд хотел предупредить его о Джессике.

Парень вспомнил, что видел точно такие же ранки на шее у Эйприл. Вглядываясь в свое отражение, Мэтт понял, что в тот раз он был прав. Габри тоже вампир. И Тодд приходил, чтобы предупредить обо всем этом.

Парень дотронулся до горла двумя пальцами и принялся осторожно ощупывать ранки.

Прикосновение тут же вызвало воспоминания.

Эти поцелуи. Эти губы. Такие сладкие, такие теплые.

Он нажал на ранку сильнее и мороз пробежал по коже.

Ведь это был не сон. Тодд приходил сюда.

"И что же мне теперь делать?"

Голова закружилась, и парень двинулся обратно к постели. Тяжело плюхнувшись, он попытался стащить кроссовки. Но это оказалось непростым делом.

"Нужно же что-то делать. Хотя бы предупредить Эйприл".

С глубоким вздохом Мэтт завалился навзничь, бессильно свесив руки.

— Нужно рассказать обо всем Эйприл, — прошептал он. — Мы должны спастись.

Потом он опять заснул давящим тяжелым сном провалился в

черную пропасть без всяких сновидений.

Пробудился Мэтт от того, что кто-то тряс его за плечи.

— Тодд? — завопил он, тут же вскакивая.

Тодд? Ты пришел снова?

Глава 23

Игра в Гляделки

— Это ты, Тодд, — бормотал Мэтт, не в силах вырваться из пучины сна. Как будто он очутился на самом дне океана и пытается всплыть, а толща воды не пускает его.

Но за плечи тряс его совсем не Тодд, а отец.

— Эй, проснись же, ленивая задница! — мистер Дэниелс уже начинал сердиться.

— Что? Сколько времени? — Мэтт сощурил глаза от яркого солнечного света, заливавшего комнату через распахнутое окно.

— Ты проспал до десяти и мог бы дрыхнуть дальше, но нам уже пора идти, — сказал отец, указывая на тумбочку с часами. — Вставай, одевайся. Позавтракаешь по дороге на пирс.

— Как? — Мэтт вяло спустил ноги на пол. — Я о чем-нибудь забыл? — он поглядел на отца одним глазом, не в силах раскрыть другой.

— Мы же собирались выйти в море на рыбалку, не помнишь? На лодке доктора Миллера, — мистер Дэниелс сильно толкнул его в плечо: — Пошевеливайся, — и выскочил за дверь.

— Я не могу, — крикнул вдогонку Мэтт и улегся опять.

Отец просунулся в дверь с искаженным злостью лицом.

— Да что с тобой? Ты заболел?

— Да? — поспешно ответил парень. — Нет. То есть не знаю.

— Что с тобой стряслось, Мэтт? — мистер Дэниелс вошел в комнату, на ходу натягивая белый свитер с клинообразным вырезом.

— Я ужасно устал, папа, — произнес Мэтт, не отрывая головы от подушки. — По-моему, мне нужно отлежаться.

— А по-моему, тебе нужны море и солнце, — сказал отец, разглядывая его. — Ты какой-то бледный.

— Я... слишком вымотался, — пробормотал Мэтт. — Лучше останусь дома и приду в себя.

— Шут с тобой, — с досадой произнес мистер Дэниелс, глядя на часы. — Мы с мамой уже опоздали. Может, вызвать врача?

Мэтт лишь покачал головой и сказал:

— Извинитесь за меня перед Миллерами.

В дверях отец снова остановился и понюхал воздух.

Что за мерзкий запах? — спросил он озабоченно.

"Это от моего погибшего друга, — мрачно подумал Мэтт. Мой покойный друг приходил, чтобы предупредить меня, что моя подруга — вампир. Не о чем волноваться, папа".

А вслух произнес, зевая:

Не знаю. Кажется, чем-то тянет снаружи.

Продолжая принюхиваться, мистер Дэниелс резко махнул рукой и выскочил из комнаты. Через несколько минут Мэтт услышал, как хлопнула входная дверь, а чуть позже — как отъехала машина.

Оставшись один, парень нашел силы подняться.

Ночной ужас накатил с новой силой, и он понял, что сейчас его вырвет. Еле сдерживаясь, добежал до ванны и склонился над ней. Судороги прекратились только тогда, когда желудок оказался совершенно пустым. Голова кружилась, на побледневшем лбу выступил холодный пот. Мэтт опустился на пол и подождал, пока станет лучше. Через минуту желудок успокоился, а стены ванной перестали ходить ходуном.

"Нельзя терять времени, — сказал себе парень, — Нужно предупредить Эйприл. Немедленно. На этот раз она должна мне поверить. Я покажу ей укусы на наших шеях и расскажу ей про Тодда. Она должна мне поверить. Я заставлю ее!" Он почистил зубы, плеснул в лицо холодной водой, переделся в купальный халат. Теперь Мэтт окончательно пришел в себя и готов был к телефонному разговору.

Сняв трубку аппарата, висевшего на кухне, он забрал номер подруги и принялся нетерпеливо считать гудки. Один. Два. Так он считал до десяти. Но к телефону никто не подошел. — Пожалуйста, Эйприл! — умолял Мэтт вслух, — Мне просто необходимо с тобой поговорить.

Он еще долго простоял так, прислонившись к стене и слушая гудки, и все ждал, ждал ее голоса.

— Пожалуйста, Эйприл!

Наскоро перекусив, парень снова попытался дозвониться до Эйприл, но в трубке продолжали звучать бесконечные гудки, и никто не собирался подходить к телефону.

Почувствовав прилив бодрости, парень отправься разыскивать подругу по городу. День был жарким, — градусник просто зашкаливало. Ходьба по городу вскоре утомила Мэтта. Он тщетно прочесал всю центральную улицу и теперь решил поискать Эйприл на пляже.

Там тоже ее не было.

Остаток дня Мэтт провел на кушетке в своей комнате. Вечером парень снова отправился в город в поисках Эйприл.

— Эй, Мэтт, — окликнул его дружеский голос, когда он спешил в Сэнди Холлоу по песчаной тропинке, гордо именовавшейся улицей Морского Бриза.

Обернувшись, он увидел бежавшего за ним Бена.

— Как дела? — спросил приятель, запыхавшийся от короткой пробежки.

— Нормально, — бросил Мэтт, не сбавляя шага.

Солнце уже пряталось за деревья, но воздух оставался все таким же знойным и душным. Раны на шее Мэтта болели все сильнее, будто на них давил груз в целую тонну.

— Я искал тебя на пляже, — сказал Бен, стараясь примериться к его широкому шагу. — Я думал, в такую жару ты точно туда придешь. Ох, покатались бы на волнах!

Неужели ты пожертвовал компьютерными Играми ради пляжа? — сухо осведомился Мэтт.

— Салон закрыт, — ответил Бен, вздыхая. — Кажется, автоматы испортились.

— А я что-то приболел, — сказал Мэтт. Ему не хотелось затевать долгий разговор. Нужно было срочно разыскать Эйприл и объяснить какой она опасности. Бен прицепился совсем некстати.

— Точно. Ты выглядишь неважно, — откликнулся приятель, вглядываясь в лицо Мэтта.

— Ты о чем это? — спросил Мэтт, ощетинившись.

— Что-то ты бледный, — Бен хитро ухмыльнулся. — Может быть, виноваты вампиры, а? — предположил он, вспомнив рассказ Мэтта о том как он опростоволосился перед Эйприл.

— Что? — Мэтт остановился и повернулся к приятелю.

— Снова повстречался с вампирами, да? — повторил Бен свою шутку, — Они были очаровательны и кусали тебя за шею?

— Просто подхватил инфекцию или что-то в этом роде, — ответил Мэтт раздраженно.

— Эй, я же пошутил, — спохватился Бен, его улыбка тут же погасла. — Да что с тобой такое, Дэниелс?

Мэтт продолжал шагать, не отвечая.

Какое-то время они шли по тропинке молча. Цепочка дачных домиков кончилась, и потянулось заросшее травой поле, обрамлявшее город. Небо постепенно темнело.

— Ты сегодня пойдешь на карнавал? — спросил Бен. — Ребята собираются провести игровые автоматы, а если их еще не включили, двинуть в парк.

Может, и пойду, — ответил Мэтт без энтузиазма и вдруг остановился. — Да это же Эйприл!

Он увидел подружку в нескольких метрах от дороги. Эйприл медленно шла, опустив голову и вглядывая землю, словно что-то искала.

— Эй, Эйприл, — позвал Мэтт.

— Увидимся позже, — бросил Бен, коротко поздоровался с девушкой и поспешил в город. — Привет, Эйприл! — сказал Мэтт, подбегая к ней.

Она остановилась, подняла глаза. И даже не улыбнулась приятелю.

— А, это ты. Привет.

"Не очень-то она мне рада, — заметил парень. — А, наплевать.

Главное — поговорить с ней сейчас. Она должна узнать, что происходит".

Эйприл бросила на него нетерпеливый взгляд. Ее лицо в сумерках казалось совсем бледным, а глаза — усталыми. Но даже при таком неярком свете Мэтт разглядел маленькие ранки у нее на горле.

— Нам нужно поговорить, — выпалил он на одном дыхании. — Правда.

— Мне совсем некогда, — она махнула рукой, протестуя. — Через несколько минут у меня свидание с Габри. Но я еще должна...

— Вот об этом-то я и хотел поговорить, — оборвал ее Мэтт. — Посмотри на себя. На свое горло. И на мое.

Он задрал голову так, чтобы она могла разглядеть укус.

— Мэтт, — она бросила на него сердитый взгляд. — Не начинай.

И отвернулась.

— Дай мне лишь минуту, — попросил парень, кладя руку ей на плечо. — Всего минуточку, ладно?

— Ладно, — ответила она после паузы. — Но лишь минуту. Только если ты опять понесешь эту чушь про вампиров, твое время истекло.

— Но именно об этом я и собирался рассказать Эйприл, — произнес он дрожащим голосом. Мэтт был слишком взволнован, слишком измотан, чтобы следить за интонацией. — Габри — вампир. Это я знаю точно. И Джессика тоже. Они оба вампиры.

— Прощай, Мэтт, — сказала Эйприл холодно. Она попыталась обеими руками оттолкнуть парня.

— Послушай, Эйприл...

— Нет! — выкрикнула она. — Убирайся!

— Но Тодд сказал мне...

— Что? — вскрикнула девушка и запрокинула голову, словно от увесистой пощечины.

— Прошлой ночью. Тодд сказал мне...

— Мэтт, тебе нужно к врачу, — произнесла девушка мягко, ее голос стал более дружеским. — Нам всем не по себе из-за... из-за

того, что случилось с Тоддом. Но у тебя явное расстройство. Сходи к доктору.

— Нет, я не болен, — произнес парень, не в силах скрыть досаду. — Я точно здоров, Эйприл. Конечно, в это трудно поверить...

— Да, трудно, — сказала она, глядя ему прямо в глаза, как будто пытаюсь понять степень его сумасшествия.

— Но я говорю правду. Если ты только меня выслушаешь... — продолжал он.

— Мне некогда, — оборвала девушка. — Я ищу одну вещь...

— Какую? Что ты ищешь? — поинтересовался Мэтт.

Эйприл снова склонила голову, ковыряя носком сандалии песок и внимательно его разглядывая.

— Серебряный крестик, — ответила она. — Мы гуляли здесь с Габри вчера вечером. И у меня расстегнулась цепочка. Он должен быть где-то здесь. Я пытаюсь разглядеть наши следы.

— Серебряный крестик? — переспросил Мэтт пораженно. — Ты показала его Габри? И он загородился от него руками? Отстранился от него? Это же доказывает, что он вампир! Ведь он реагировал именно так, правда, Эйприл?

Парень двигался рядом с девушкой, спиной вперед, пытаюсь прочесть в ее глазах ответ. Но не нашел никаких подтверждений своей догадке.

— Ну что ты болтаешь всякие глупости, — сказала наконец Эйприл, пожимая плечами. — Ну да, я показала Габри крестик, и он ему понравился.

— И Габри не пытался спрятаться? — спросил Мэтт.

— Нет. Он совсем не испугался крестика. Даже помог мне застегнуть цепочку.

Они смотрели друг на друга молча. Солнце уже почти село, и закатное небо окрасилось нежным пурпуром.

— Вот и конец твоей выдумке, — сказала Эйприл холодно.

— Нет, еще не конец, — возразил Мэтт и пошел рядом.

— А как ты себя, чувствовала после свидания? Ты была усталой

и разбитой, так?

— Не хочу больше отвечать на твои идиотские вопросы, — ответила девушка не оборачиваясь.

— Ты когда-нибудь встречалась с Габри днем? Или он сказал тебе, что до вечера работает? А ты заходила к нему на работу? А как ты думаешь, почему он отказался от пиццы, когда мы собрались все вместе?

Девушка обернулась.

— Мэтт, ты и вправду не в себе!

— Ответь же, Эйприл, — настаивал он.

— Ты совсем свихнулся. Я больше не хочу тебя видеть.

— Нет, Эйприл, не уйду, пока ты не ответишь.

— Убирайся, Мэтт, — повторила она громче и теряя терпение, уже завопила: — Убирайся! Вон отсюда! Убирайся!

Мэтт взял ее за плечи, чтобы успокоить. Она отскочила.

На тропинке появилась темная фигура, гораздо более темная, чем закатное небо.

— Эй! — только и смог крикнуть Мэтт, когда рядом с Эйприл вырос Габри. Несмотря на жару, он задрапировался в черные джинсы и темный пуловер с длинными рукавами.

— Что происходит? — ласково спросил он у Эйприл, бросая короткие взгляды в сторону Мэтта. — Он тебя обидел?

Глядя на Габри, Мэтт почувствовал, как в душу закрадывается страх. По всему телу выступил холодный пот.

— Нет, не обидел, — поспешно ответила Эйприл.

Мэтт отступил. Он ощущал силу взгляда Габри, сверлившего его, обжигавшего, словно луч лазера.

— Не обидел, — повторила Эйприл, но Габри продолжал смотреть в глаза Мэтта. — Мы просто разговаривали,

Габри смерил соперника взглядом, затем повернулся к девушке. Его лицо расплылось в улыбке.

— Разговаривали? Не иначе как обо мне. А то у меня уши горят.

— Вообще-то да, — сказала Эйприл и взяла его за руку. Они развернулись и пошли прочь, непринужденно болтая.

Мэтт стоял как вкопанный и смотрел им вслед, все еще чувствуя пылающий ненавистью взгляд Габри.

Эйприл обернулась — она боялась, что Мэтт станет их преследовать. А ее спутник шагал не оглядываясь.

"Я же знаю, что прав, — твердил себе Мэтт, глядя, как они исчезают за поворотом. — И я должен доказать это Эйприл. Я должен ее спасти".

Вот тут-то его и озарило. Теперь он знал, как это сделать.

Глава 24

Улыбочку!

— Куда это ты собрался с фотоаппаратом? — окрикнул из комнаты отец.

— А, привет, па, — Мэтт остановился в дверях, затем вошел в комнату с фотоаппаратом на плече. — Я и не видел, как вы вернулись. Можно я возьму его?

— Бери, — проворчал мистер Дэниелс и поманил сына рукой. — Заходи, гостем будешь.

— Ночью на берег прилетают очень красивые птицы, — соврал Мэтт. — Мне захотелось их заснять.

Отец опустил книгу, которую читал, и посмотрел на него недоверчиво:

— С каких это пор ты заинтересовался птицами?

— Они действительно очень красивые, — Мэтт вздохнул. — Они разогнали всех чаек и крачек.

Ему было неловко обманывать отца. Но не мог же он сказать: "Я решил сфотографировать парня, с которым встречается Эйприл, и если его не будет на снимке, значит, он вампир".

Такому отец уж никак не поверит.

Да и кто бы поверил?

— Он очень быстро снимает, — сказал мистер Дэниелс, отложив книгу, и подошел к Мэтту. — Вот только ночью трудно навести фокус. Давай покажу, как это делается.

Мэтту не терпелось отправиться на карнавал, но никак не получалось выбраться из дома. Он внимательно следил за тем, как отец достает аппарат и показывает наведение фокуса в темноте.

— Обращайся с ним осторожно, — предупредил мистер Дэниелс, стоя в дверях, когда Мэтт уже вышел на улицу. — Я рад — хоть кому-то этот аппарат пригодился.

Мэтт попрощался, потом пробурчал себе под нос:

— Этот аппарат мне очень даже пригодится. С его помощью я поймаю вампира.

Его план был прост: он собирался заснять Габри и Эйприл на карнавале. И когда парня не окажется ни на одном снимке, Эйприл должна будет поверить Мэтту.

Быстрым шагом Мэтт добрался до парка развлечений. Стоило только окунуться в белый свет мощных прожекторов и увидеть множество аттракционов, услышать радостные крики и музыку, как он неожиданно вспомнил о назначенном на этот час свидании с Джессикой.

"Плоховато, — подумал парень с досадой. — А вдруг, если я сегодня не приду, она обо всем догадается? Вдруг поймет, что я понял, чего ей от меня нужно?"

Он невольно потрогал горло и нащупал ранки.

"Джессика такая красивая, — подумалось Мэтту. — Классная девчонка, просто неотразима!"

Он будто бы вновь ощутил аромат ее духов сладкий и резкий. Карнавал начал растворяться в белом свете прожекторов. Парень почувствовал как его неудержимо притягивает берег, притягивает она. Ее рыжие волосы. Ее яркие губы.

Нет!

Сжимая фотоаппарат обеими руками, он стал прокладывать себе путь к чертову колесу, обшаривая толпу глазами. Мимо прошмыгнула стайка ребятишек, они торопились занять освободившуюся неподалеку кабинку и сразу налетели на Мэтта.

Парень схватился за столб, чтобы не упасть. Осмотрел аппарат. Как будто не поврежден.

Эйприл и Габри попались ему на глаза довольно скоро. Взявшись за руки, они стояли в очереди на чертово колесо.

Мэтт быстро расчехлил аппарат дрожащими руками, закинул футляр за спину и посмотрел в видоискатель.

Но именно в тот момент, когда он нажал кнопку, кто-то появился прямо перед ним, загородив объектив.

— Извините, — произнес женский голос в нескольких метрах от

него.

С трудом успокоив себя, Мэтт подкрался поближе к парочке и снова щелкнул затвором. И еще, и еще.

Оказавшись совсем близко, он настроил резкость и еще раз нажал на спуск. Теперь он ясно различал Эйприл и Габри в видеоискателе.

Девушка обернулась. Мэтт отскочил и спрятался за киоском.

Заметила ли она его?

Он осторожно высунул голову из-за угла.

Нет. Эйприл снова повернулась к Габри.

Нельзя сейчас попадаться им на глаза. Габри поймет, чем он занимается.

Мэтт подождал еще немного, пока Эйприл и Габри не поднялись на чертово колесо. С помощью дальней наводки парень заснял их сидящими друг против друга в металлической кабинке.

Мэтт следил за ними из-за стены игровой площадки. Он делал снимок за снимком.

Парень пытался не думать о том, что через объектив видит их совсем близко, что Эйприл выглядит такой счастливой рядом с Габри, что им хорошо друг с другом. Убеждая себя, что все изменится сразу же, как только снимки выведут Габри на чистую воду.

Когда до конца пленки оставалось всего несколько кадров, Мэтт оказался в самом центре людной площадки. Парочка в кабинке поднялась на ноги, чтобы разглядеть карусели. Эйприл неожиданно повернулась и увидела Мэтта.

Сперва она сделала вид, что не узнала его. Затем, догадавшись, что парень наблюдает за ними, повернулась к Габри и, обхватив его рукой за шею, поцеловала в щеку.

"Ладно, Эйприл, — подумал Мэтт мстительно, зачехляя камеру. А что ты запоешь, когда узнаешь правду? Что ты запоешь, когда я спасу тебе жизнь?"

Парень не осуждал подружку за то, что она злилась на него. У нее действительно не было оснований ему верить.

Теперь нужно как можно быстрее напечатать снимки. Как можно быстрее показать ей. Увидев, как эти двое обнимаются, как переплетаются их Пальцы, Мэтт понял, насколько дорога каждая минута.

Сжимая фотоаппарат обеими руками, он помчался через весь парк. Кто-то, наверное Бен, окликнул его, но он даже не оглянулся.

Он пересек автостоянку, заполненную машинами, и рванул по Центральной улице. Моментальное фотоателье было еще далеко — в конце улицы Дюн. "Обработка пленки займет час", — думал Мэтт.

Всего один час — и его кошмар закончится. На бегу извинившись перед мужчиной средних лет, у которого он чуть не вышиб из рук огромный рожок с мороженым, Мэтт устремился в сторону улицы Дюн, не замечая движущегося транспорта. Синий трейлер, в котором располагалось фотоателье" стоял на тротуаре. Водитель начал что-то объяснять Мэтту.

Но в ушах у парня звучало только одно слово:

"Час!"

Через час он должен получить свои фотографии.

Он схватился за ручку на дверце, ведущей в ателье, повернул и потянул за нее.

Лишь через несколько секунд он понял, что дверца заперта, а внутри темно.

Глава 25

Слишком поздно

Будильник поднял Мэтта в восемь утра. Едва проснувшись, он вспомнил все.

"Я должен спасти Эйприл. Нужно показать ей снимки. Доказательства".

Мэтт быстро оделся, выпил ледяного апельсинового сока и выскочил из дома, прежде чем встали родители. На бегу он держал одну руку в кармане, чтобы не потерять кассету с пленкой.

За ночь с океана нагнало туман. Он уже начал рассеиваться, когда Мэтт добрался до Центральной улицы. Однако небо оставалось облачным воздух — прохладным, а возле зданий еще висела дымка.

Как и все общественные заведения в Сэнди Холлоу, фотоателье открывалось в десять. Мэтт оглядел пустынную улицу, все еще сжимая в кармане кассету. Он не отрываясь смотрел на окна ателье. Нервно расхаживал по тротуару, каждые пять минут бросая взгляд на наручные часы.

Когда Мэтт бежал по улице, он почему-то чал опасаться встречи с Габри. Он боялся, что вампир выскочит из-за какого-нибудь угла и отнимет его пленку, его доказательства.

Но, конечно, этот страх был напрасным. Габри никогда не появлялся при солнечном свете.

Увидев, что еще только половина десятого Мэтт сел за стойку в кафе "Морской Бриз" и заказал чашечку кофе. Он терпеть не мог этот напиток, но надо же было как-то убить время. Налив в чашку как можно больше молока, он начал потягивать кофе маленькими глоточками, удивляясь, почему людям нравится этот горький вкус. Глаза неотрывно следили за неоновыми настенными часами, висевшими над стойкой.

Без пяти десять он вернулся к фотоателье; хозяин, молодой человек с торчащими рыжими волосами и с сережкой из искусственного изумруда, открывал дверь.

— Доброе утро, — сказал хозяин, впустив его внутрь. — Значит,

ранняя пташка...

Мэтт вытащил из кармана кассету и положил на стеклянный прилавок.

— Вот пленка, — выпалил он. — Я очень спешу.

Хозяин достал из сумки термос с кофе, медленно отвинтил пластиковую крышку, глядя на посетителя.

— Чтобы запустить аппаратуру, понадобится время, — произнес он зевая.

— Но вы сделаете снимки за час? — спросил Мэтт нетерпеливо.

— Приходи в полдвенадцатого, — покачал головой молодой человек. Затем записал фамилию и телефон клиента. — У нас на этой неделе специальные скидки на повторную печать. Полцены за три из пяти кадров.

— Нет, спасибо, — ответил Мэтт, — Значит, в полдвенадцатого?

И карточки будут готовы?

Молодой человек кивнул.

— Наверное, на этой пленке что-нибудь пикантное, — сказал он, подмигивая Мэтту, — Может быть, я напечатаю и для себя? — он громко рассмеялся, давая понять, что шутит. Но Мэтт без тени улыбки развернулся и выбежал наружу.

На улице парень снова подумал об Эйприл.

"Нужно позвонить ей и узнать, где она будет в половине двенадцатого".

Он начал было искать телефон-автомат, но вдруг передумал.

"Лучше подожду, пока доказательства не будут у меня в руках, пока я не получу снимки, на которых Эйприл без Габри. Она наверняка не станет разговаривать по телефону".

Было бы слишком мучительно слоняться по городу целых полтора часа, и Мэтт отправился на пляж. Туман все еще не рассеялся, а собрался в серые облака, парившие над океаном. Они бросали на песок густую тень, поэтому желающих загорать в этот час не нашлось.

Мэтт бесцельно шатался по дюнам, мысленно подгоняя время.

В одиннадцать двадцать он снова явился в фотоателье.

— Простите...

— А? — Мэтт не сообразил, что это значит. — Почему "простите"? Я пришел слишком рано? Вы не отпечатали мои снимки?

— На все вопросы один ответ: да! — ответил хозяин ателье, почесывая свою рыжую шевелюру, — Проявочная машина сломалась.

— Что это значит? — резко спросил Мэтт, его сердце колотилось.

— Испортился механизм. Я позвонил в фотоателье соседнего города, Ньютонс Коув, и отдал им твою пленку.

— Но когда же они привезут снимки? Молодой человек покачал головой.

— Сегодня я работаю до семи. Приходи к этому часу, не ошибешься.

Он взял со стула для посетителей номер местной газеты.

— Жду тебя к семи. Без проблем.

И снова Мэтту нужно было как-то убить время. Солнце так ни разу и не выглянуло. После полудня небо озарилось ослепительным белым светом, но воздух оставался влажным.

После обеда Мэтт задремал, и во сне ему явилась Джессика.

Эти поцелуи. Эти мягкие, влажные поцелуи.

Он проснулся в испуге.

Даже во сне он боролся с Джессикой.

Наступил вечер, но еще не стемнело. Парень натянул чистую майку, причесался, схватил бумажник и поспешил на улицу.

"Какой неудачный день, — подумалось ему. — Может быть, неудачи закончатся, и я получу наконец-то снимки. И тогда Эйприл поверит мне и больше никогда не захочет встречаться с Габри".

— А, вот и ты, — приветствовал его, ухмыляясь, хозяин фотоателье, когда Мэтт вбежал в помещение без нескольких минут семь.

Мэтта не заботило ничто, кроме одного:

— Снимки привезли?

Молодой человек кивнул и выложил на прилавок толстенный конверт с фотографиями.

— А что у тебя за аппарат? — спросил он между делом. — Какой марки?

— Не знаю, — ответил Мэтт, хватая конверт. — Он папин.

— Понятно. Снимает хорошо и ясно. Вот только не совсем резко.

"Хватит болтать", — подумал Мэтт раздраженно, а сам уже трясущимися руками вытащил бумажник и спросил:

— Сколько с меня?

Через несколько секунд он выскочил за дверь и обогнул фотоателье. Пристроившись у какой-то стены, он вытащил пачку снимков из конверта.

"Только бы я оказался прав, — думал он, не слыша ничего вокруг. У него свело живот, а все тело дрожало от предчувствия. — Только бы я оказался прав".

Уже привыкнув к ранним сумеркам, он принялся медленно разглядывать фотокарточки.

Снимки получились отличные, хотя и вправду чуть-чуть нерезкие.

Но главное — все подтвердилось!

Ура, ура, ура!

Мэтт оказался прав.

На всех снимках запечатлелась Эйприл, улыбающаяся невидимому кавалеру? обнимающая невидимку или стоящая с ним рука об руку.

Она сидела в кабинке чертова колеса напротив невидимого вампира.

И только тут до Мэтта дошел весь ужас ситуации.

Оторвав взгляд от фотографий, он привалился к стене, стараясь унять участившееся дыхание.

Чтобы собраться, понадобилось около минуты. Сейчас было только начало восьмого, но из-за тяжелых облаков неожиданно стало темно. Именно в это время обычно появлялся Габри.

"Я уже иду, Эйприл, — подумал Мэтт. Он осторожно засунул снимки обратно в конверт, а конверт — в задний карман брюк. — Я иду, чтобы спасти тебя от него. Пожалуйста, попадись мне, Эйприл. На этот раз ты мне поверишь. Только бы мне тебя найти".

Он попробовал позвонить ей из телефона-автомата, но никто не взял трубку.

Тогда он стал прочесывать город. Начал с кинотеатра, вглядывался в лица людей, стоявших в очереди на первый сеанс. Затем отправился по улице Дюн в кафе "Суэнни". Ни за столиками с мороженым, ни в соседствовавшем с кафе игровом салоне Эйприл не оказалось.

"Пожалуйста, найдись, Эйприл. Пожалуйста".

Он пробежал всю улицу, затем перешел на противоположную сторону. Заглядывал в рестораны и магазины, его взгляд впивался в каждую пару, в каждую группу да и просто в одиноких прохожих.

"Эйприл, пожалуйста. Ну где же ты?"

Потрогав в кармане конверт, он решил поискать ее на пляже.

Мэтт мчался по улице Морского Бриза, и ветер с океана бил ему в лицо. Он чувствовал, как перенапряглись все его мускулы, как страх сводит живот. Он задышался, по щекам бежали слезы. К ногам будто бы прицепили тысячепудовые гири.

Но он должен был разыскать Эйприл. Должен был объяснить ей, в какой она опасности.

Пляж серебрился под чернеющим вечерним небом. На небольших волнах играли закатные лучи, рисуя на темно-зеленой поверхности красные полосы.

"Эйприл, пожалуйста, окажись здесь. Пожалуйста".

На пляже еще оставались купальщики, наслаждавшиеся последними лучами солнца. Когда Мэтт добрался через дюны к воде, солнце уже крылось, и воздух заметно похолодел, а свет в небе как будто разом выключили.

Мэтту дважды показалось, что он нашел Эйприл.

Девчонки были блондинистые и худые, и походка точь-в-точь как у Эйприл.

Но это была не она.

Они оборачивались, чтобы разглядеть парня как следует, удивленные его странным поведением, тяжелым дыханием и быстрым бегом.

Прежде чем Мэтт успел сообразить, он уже очутился возле лодочной пристани на краю пляжа там, где в воду вдавался скалистый утес. В воде качалось несколько лодок, привязанных к мосткам.

"Где же ты, Эйприл? Где же ты?"

Здесь было всего несколько человек. Мэтт понял, что надо повернуть обратно.

— Мэтт! Эй, Мэтт, подожди!

— Джессика!

Он остановился и обернулся. — Мэтт, ты не меня ищешь?

Волосы Джессики развевались по ветру за спиной. Она бежала к нему, ее глаза сверкали, а бледная кожа в свете восходящей луны казалась прозрачной.

— Так ты меня искал? Вот она я.

Девушка говорила так мягко, так нежно, ее голос напоминал шум ветра.

— Я жутко скучала по тебе вчера, милый!

Их глаза встретились. Затем парень посмотрел на девичий рот и вспомнил ее поцелуи. Чудесные поцелуи.

— Мне очень не хватало тебя, Мэтт, Где же ты был, дорогой?

Она приблизилась к нему. Девушка смотрела Мэтту в глаза, словно пытаясь зачаровать его, навсегда сделать своим пленником.

И ему страстно захотелось поцеловать ее.

Всего разок.

Мэтт по-прежнему не двигался и дышал тяжело.

"Лишь один поцелуй", — подумал он.

И вдруг, случайно бросив взгляд на мостки пристани, он разглядел какое-то движение.

Стоила оторвать взгляд лишь на миг, как чары разрушились, и Мэтт увидел кое-кого.

Кого-то, усаживающегося в лодку.

Эйприл!

Это она усаживалась в лодку, а помогал ей Габри.

Нет!

Джессика положила руки на плечи Мэтту. Ее духи ударили парню в ноздри. Он вдохнул полной грудью, не в силах сопротивляться.

Нет!

Джессика притянула парня к себе, и голова его закружилась. Он бессильно смотрел, как Габри начал грести, и лодка отчалила от пристани.

— Мне так не хватало тебя вчера, Мэтт! — прошептала Джессика, наклоняя голову и касаясь губами мочки его уха.

Лодка потихоньку удалялась от берега. Габри греб быстро и уверенно.

" Только один поцелуй, — думал Мэтт. — Только один".

Лодка растворилась во мгле, направляясь к маленькому островку на горизонте.

Эйприл. Эйприл и Габри. Уплывали от Мэтта. Уплывали навсегда.

— Нет! — закричал Мэтт во весь голос, вырываясь от Джессики и отталкивая ее. Она удивленно отстранилась, и Мэтт сумел ускользнуть.

— Мэтт, куда ты? — услышал он за спиной ее голос.

Но парень уже бежал к пристани, подальше от ее глаз, подальше от ее духов. Он все бежал и бежал, подошвы скользили по песку, громко хлопая. Мэтт не отрывал взгляда от мостков, возле которых на воде качались еще две лодки.

От быстрого бега из кармана выскользнул пакет с фотографиями. Парень затормозил было, затем побежал снова.

Уже не до снимков. Нет времени на объяснения и доказательства.

Габри увозил Эйприл, увозил на мрачный, заросший лесом остров, заселенный летучими мышами.

Нет времени. Нет времени. Нет времени.

Мэтт проскочил всю пристань, не останавливаясь, до самого края.

— Эйприл! — позвал он, сложив ладони рупором и стараясь перекрыть океанский ветер.

— Эйприл! Эйприл! — кричал он снова. Она не оборачивалась. Она его не слышала. Теперь лодка стала лишь темным силуэтом на горизонте, двигавшимся в темноте, словно призрак.

— Я опоздал, — прошептал Мэтт, — опоздал.

Глава 26

Хлопанье крыльев

Несколько секунд. Всего несколько секунд понадобилось, чтобы отвязать от мостков лодку.

Еще несколько секунд ушло на то, чтобы прыгнуть в качающуюся лодку и вставить весла в уключины.

Тик, тик, тик — уходили секунды,

Мэтт слышал, как звала его Джессика, совсем близко, просила вернуться. Он обернулся на мгновение и увидел, как она бежит к пристани, скользя по песку. Но уже в следующий миг он наклонился и, взявшись за весла, оттолкнулся от берега, а ветер все еще доносил зов Джессики,

Волны. Встречное течение оказалось намного сильнее, чем ожидал Мэтт. Каждый раз, делая гребок, приходилось вкладывать в него все силы.

Вода перехлестывала через низкие борта лодки, заливала кроссовки и промочила носки. Соленые брызги щипали глаза.

"Я опоздал, — думал Мэтт. — Я опоздал. Я опоздал".

Но он не хотел сдаваться.

Где же лодка с Эйприл?

Наверное, уже причалила.

Мэтт всматривался в темный силуэт островка, Поднимавшийся над водой, как уродливое морское чудовище, жаждущее проглотить путника. Но лодку он так и не разглядел.

Подняв глаза к небу, парень увидел полчища летучих мышей, паривших над оетровом. Приблизившись, он даже мог различить хлопанье их крыльев, перекрывавшее плеск волн, перекрывавшее свист ветра, перекрывавшее все прочие звуки, даже звук его собственного дыхания.

Здесь были сотни мышей, носившихся с шумом среди деревьев, жужжавших и пищавших.

Подплывая к островку, Мэтт заметил маленькую пристань,

построенную возле берега почти под деревьями. Лодка, на которой приплыла Эйприл, уже покачивалась, привязанная к мосткам.

Пустая.

Мэтт выскочил на пристань, даже не подумав привязать лодку, и огляделся. Узкая разбитая тропинка извивалась среди деревьев.

Мэтт пустился по этой тропинке и только тут заметил, что тащите собой весло.

"Это мое единственное оружие", — подумал он, чувствуя, как бьется кровь в висках, а по телу бегут мурашки. Он опустил глаза и двинулся вперед, стараясь не слушать хлопанье крыльев над головой — этот леденящий душу звук, отдававшийся эхом по всему лесу.

В конце тропинки показался одинокий дачный домик. Он был невысокий, с темными окнами. Подойдя поближе, Мэтт увидел, что в рамах нет стекол.

Над низкой двускатной крышей мелькали летучие мыши. Одна из них вылетела через окно, чуть не оцарапав Мэтту лицо, и скрылась с пронзительным писком.

Сжимая весло обеими руками, Мэтт заглянул в окошко. Внутри оказалось темно, хоть глаз выколи, даже темнее, чем ночью.

Делать было нечего — Мэтт взял весло в одну руку, перекинул ногу через подоконник и забрался внутрь.

Несмотря на то что все окна были открыты здесь стоял жуткий запах плесени. Плесени и... смерти.

Он постоял не двигаясь, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Хлопанье мышинных крыльев преследовало его даже в доме.

Теперь Мэтт мог разглядеть комнату. Длинную и узкую комнату. Спальню, в которой не было кровати.

И тут он увидел Эйприл.

У противоположной стены. Она полулежала в глубоком кресле. Ее голова бессильно упала на подлокотник.

"Она умерла, — подумал Мэтт, бросаясь к девушке и склоняясь над креслом. — Габри убил ее!" Но нет. Мэтт различил негромкое дыхание. Испустив слабый стон, Эйприл пошевелила губами. Она еще жива.

Она еще жива, но что же с ней сделал Габри? Доносившийся снаружи шум крыльев неожиданно усилился. Комната почернела, словно летучие мыши загородили окно, закрыв лунный свет. Что это там такое, у противоположной стены, возле окна?

— Может быть, кровать?

Мэтт оторвался от Эйприл и, не выпуская из рук весла, пересек комнату. Он вглядывался в темноту, стараясь не обращать внимания на хлопанье крыльев. И в неверном свете разглядел гроб.

Да-да, у стены стоял плотно закрытый гроб из полированного дерева.

— Ой!

Парень почувствовал, как помимо воли задрожал всем телом. Он крепче сжал весло, как бы ища в нем опору.

— Эйприл, надо выбираться отсюда, — сказал он.

Голос хрипел, язык отказывался повиноваться, Парень кинулся обратно к своей подруге и на чал тряхнуть ее за плечи.

— Эйприл! Эйприл!

Она вздрогнула, но глаз не открыла.

— Эйприл!

Девушка снова вздрогнула, но так и не оторвала голову от подлокотника.

Тогда Мэтт приподнял ее в кресле, попытался заставить открыть глаза.

— Эйприл, очнись! Очнись, пожалуйста! Нужно срочно бежать отсюда!

Девушка пошевелилась.

Ее глаза медленно открылись. Она уставилась на него в изумлении.

— Мэтт? Это ты? — она пыталась приглядеться, но вскоре веки снова опустились.

— Эйприл!

За спиной послышалось легкое шуршание.

Мэтт обернулся и невольно вскрикнул:

— Габри.

Его рот распахнулся в недоброй усмешке, и оттуда торчали клыки, достававшие до подбородка. Красные глаза горели яростью. Вампир готовился к нападению.

Глава 27

Мэтт умирает

— Не-е-ет!

Мэтт даже не понял, что этот долгий крик, заполнивший всю комнату, вырвался из его собственного горла.

Габри со звериным рычанием набросился на Мэтта, пытаясь дотянуться клыками до шеи.

Мэтт в ужасе отпрянул.

Не оставалось времени на раздумья. Некогда было строить планы.

Парень инстинктивно протянул руку назад и, нащупав весло, выставил его навстречу противнику.

Габри наскочил на весло.

С громким чавкающим звуком деревянная рукоять проткнула его грудь.

Глаза Габри выпучились, взгляд затуманился.

Его рот открылся в вопле, и оттуда вылетел серый мотылек.

Он поднялся к потолку, затем выпорхнул в окно.

Глаза Габри закрылись, голова откинулась назад.

Мэтт застыл от ужаса: тело Габри стало сжиться как гармошка. Остекленевший взгляд уставился прямо ему в глаза парню. Лицо вампира съежилось, кожа высохла и потрескалась, затем обратилась в порошок, обнажив череп. А после и череп развалился.

Оцепеневший Мэтт смотрел на то, как рассыпется лежащая на полу темная одежда Габри, превращаясь в ворох серого пепла. Порыв ветра, влетевший в окно, поднял этот пепел и разметал по комнате.

— Эйприл, — позвал парень. — Эйприл, ты очнулась? Вставай, надо сматываться!

— Далеко собрался? — слышался девичий голос.

Мэтт вытянул руки вперед, будто для защиты, — перед ним выросла Джессика. Ее волосы были разбросаны по плечам. Лицо перекошено.

— Джессика, оставь нас в покое! — крикнул Мэтт, но в ответ услышал громкий презрительный смех.

— Джессика, пожалуйста, отпусти нас! — молил Мэтт.

Но она схватила его руками, холодными-холодными руками за голову и погрузила клыки в его горло.

"Умираю, — подумал Мэтт, беспомощно опускаясь на пол и чувствуя боль от смертельного укуса. — Я умираю".

Глава 28

Провал

Мэтт ощутил, как боль разливается от шеи по всему слабеющему телу, и закрыл глаза. Он все опускался, опускался, опускался под тяжестью клыков Джессики.

"Я умираю, — снова подумал он беспомощно. — Ты победила, Джессика. Теперь уже окончательно".

Потом, к своему удивлению, он почувствовал, что боль слабеет.

Мэтт вскрикнул и открыл глаза, пытаясь разглядеть, что же происходит. Джессика больше не держала его голову, ее клыки больше не впивались ему в горло.

В комнате слышались рычание, крики. Можно было различить схватившиеся друг с другом фигуры.

Наконец парень смог разглядеть дерущихся.

— Эйприл! — воскликнул он, заваливаясь на пол. Попытался встать, обрести равновесие.

Оказалось, что Эйприл пришла в себя и оттащила от него Джессику. Теперь обе они с отчаянными воплями боролись возле окна, царапаясь и хватая друг друга за волосы.

Мэтт с трудом поднялся, сделал шаг, держась за стену. И тут же остановился — вся комната поплыла перед ним. Хлопанье мышинных крыльев становилось все громче, громче.

— Нет! — закричал парень, зажимая уши руками.

Хлопанье утихло.

Нельзя было стоять просто так. Нужно было помочь подруге.

Джессика уже почти справилась с Эйприл. Притиснув ее к оконной раме, одной рукой она давила ей на подбородок, а другой обхватила ее горло и торжествующе ухмылялась, выставив свои клыки.

Эйприл только кричала и безуспешно пыталась вырваться.

"Что же делать? Я должен действовать, и немедленно!"

Мэтт подобрал весло, все еще валявшееся там, где упало тело Габри, и, наставив рукоять на Джессику, попробовал оттолкнуть ее.

Она легко увернулась и вырвала у него весло с нечеловеческой силой.

Обезоруженный, Мэтт свалился на спину, а Джессика выкинула весло в окно.

Мэтт в ужасе смотрел на происходящее. Мысли лихорадочно кружились в голове. Нужно спасти Эйприл. Но как? "Огонь, — пришло вдруг на ум Мэтту. — Огонь убивает вампиров".

И тут он вспомнил про пластиковую бутановую зажигалку, лежавшую в кармане. Зажигалку погибшего друга.

"Спасибо, Тодд! — подумал парень — спасибо. Спасибо".

Дрожащими руками он нащупал зажигалку в кармане джинсов и вытащил ее.

"Спасибо, Тодд! Спасибо!". — Джессика! — позвал Мэтт громко. — Джессика!

Она остановилась и бросила взгляд в его сторону.

У Мэтта сдавило грудь, руки тряслись. Но он шагнул вперед и направил зажигалку прямо в лицо Джессики.

Она испустила вопль ужаса, когда Мэтт щелкнул кнопкой.

— Ой!

Пламя не вспыхнуло.

Мэтт снова щелкнул.

Пламя снова не вспыхнуло.

Зажигалка не работала.

Глава 29

Проигрыш

Джессика презрительно улыбнулась, глядя на зажигалку в трясущейся руке,

— Вы оба проиграли, — прошипела она. Откинув волосы на спину, снова повернулась к Эйприл.

"Проиграли, — повторял про себя Мэтт, сжимая в руке зажигалку. — Мы проиграли свои жизни".

Он еще раз машинально щелкнул кнопкой.

И получилось. Загорелся яркий желтый язычок.

Джессика дико завывала, как только пламя лизнуло ее волосы.

Она замахала руками, оставив шею Эйприл. Та быстро отскочила от окна.

— А-а-ай! — разнесся в воздухе вопль Джессики — пламя охватило ее голову. Потом этот дикий крик начал затихать, а ее лицо стало таять, клочья кожи сползали вниз как плавящийся воск.

Комната заполнилась дымом и кислым запахом серы.

Мэтт и Эйприл глядели, не веря своим глазам, как пламя поглощает голову Джессики, как она медленно тает, как оплывает и капает вниз ее кожа. Затем загорелся череп и начал таять, как и плоть. Потом огонь, громко потрескивая, перекинулся на плечи.

Лишившись головы, Джессика рухнула на пол, превращаясь в сплошной факел. Ее тело догорело чуть больше чем за минуту.

И тут занялся пол, огонь перекинулся на стены.

Запылал и гроб, стоявший у стены. Красные и желтые языки пламени весело заплясали на гладких досках.

Мэтт смотрел на огонь, словно загипнотизированный. В свете рыжего пламени он видел, что Эйприл тоже будто приросла к месту. Ее глаза сузились, настолько притягивал ее огонь, а рот округлился от ужаса.

Стены, потолок, балки, гроб — все исчезало в языках красного

пламени. И наконец-то затихло хлопанье мышинных крыльев над головой.

— Эйприл! — очнулся Мэтт, когда пламя уже начало добираться до них.

Она не отвечала, по-прежнему уставясь на желтые языки.

— Эйприл! Нужно выбираться отсюда.

Девушка оторвала взгляд от подступавшего пламени и схватила парня за руку.

— А? Мэтт? Мы живы?

— Да, живы! — прокричал он и потащил ее к распахнутой двери.

Они выскочили на свежий воздух.

И в этот момент дом, полностью поглощенный огнем, рухнул у них за спиной.

Теперь Эйприл приникла к Мэтту, обхватила его руками и прижалась горячей щекой к его щеке.

— Мэтт, — прошептала она, обнимая его крепче. — Я больше никогда не буду смеяться над твоими ужастиками!

Глава 30

Счастливый конец

Несколько дней спустя, поздним вечером, Мэтт шел в город по песчаной дорожке, положив руку на плечо Эйприл.

— Мне уже намного лучше, — сказал он тихо, поддавая ногой песчаный ком. — А тебе?

— Намного лучше, — эхом отозвалась Эйприл, прижимаясь к его плечу и горячо стискивая его руку. Потом добавила: — Какое кошмарное лето...

— Самое худшее в моей жизни, — ответил парень, стараясь отогнать нахлынувшие воспоминания. Они накатывались неизменно, словно морской прилив.

— Наверное, мы уже не будем прежними, — печально прошептала Эйприл.

— Точно, — поспешно согласился Мэтт, — Никогда не думал, что скажу это, но я не могу дождаться, когда же мы вернемся в Шейдисайд.

— И я тоже, — ответила Эйприл, откидывая с лица мягкие золотистые волосы.

Некоторое время они двигались в молчании, и им было так уютно. Потом, когда дачные домики уступили место большому заросшему травой полю, окружавшему город, прямо у них перед носом огромный серый кролик важно перешел через дорогу.

— Он думает, будто эти места принадлежат ему, — пошутил Мэтт, отпуская плечо подруги.

Засмотревшись на кролика, он кое-что заметил на земле.

— Ух ты! — воскликнул он, наклоняясь.

— Что там? — спросила Эйприл с любопытством.

— Смотри! — сказал Мэтт. Он держал в руке ее серебряный крестик. — Ты не его потеряла?

— Ой, оставь его здесь, — неприязненно произнесла девушка, отворачиваясь.

— Как? — Мэтт не поверил своим ушам. — Но Эйприл...

— Брось его! — отрезала она. Удивленный, Мэтт швырнул цепочку с крестиком обратно в густую траву.

Когда они отошли подальше от этого места, Эйприл повернулась к парню и привлекла его к себе, обхватив за плечи с неожиданной силой. В свете полумесяца блеснули ее клыки, такие гладкие и белые.

— Но... — запротестовал Мэтт, безуспешно пытаясь освободиться от ее мощной хватки.

Она качнула головой и посмотрела прямо ему в глаза.

— Но, Эйприл, — снова начал он, нервно хватаясь за шею. — Этого не может быть! Ты же спасла меня там, на острове!

— Конечно, — произнесла Эйприл вкрадчиво, улыбаясь и крепче сжимая его своими бледными пальцами. — Весь нектар не должен был достаться Джессике. Я спасла тебя для себя!

И, обняв его крепче, она приникла к его шее, с жадностью вонзая клыки поглубже в его нежное, трепетное горло...

Богатая девочка

Глава 1

Сидни Шью сунула металлический совок в теплую грудку попкорна и поспешила на другой конец стойки.

— Видела, с кем пошла в кино Кэти Харпер? — шепнула она своей лучшей подруге Эмме Нейлор. — С Марти Гриффином!

— Шутишь? — Эмма, вытиравшая стойку, застыла с тряпкой в руках. — Мне казалось, они поссорились!

— Ну да, — кивнула Сидни. — Но я только что видела, как Кэти и Марти смеялись, держались за руки и все такое. Наверное, снова помирились.

— Это уже в четвертый раз за год, — заметила Эмма и снова принялась натирать гладкую поверхность столешницы. — Смотри: сейчас апрель, да? Значит, до каникул они успеют еще пару раз поссориться и помириться. Поставят рекорд.

Сидни приснула и пошла заменить на столике пустую подставку для салфеток. Ей нравилось работать в кафе «Сайнп-лекс» в универмаге на Дивижн-Стрит, и, главное, потому, что вместе с ней работала Эмма. Они дружили с шестого класса, но в последнее время встречались все реже.

Наверное, из-за Джейсона.

Джейсон Филлипс, новый парень Сидни, не вызывал особой симпатии у Эммы.

Подруга, конечно, скрывала это и не говорила ни слова, но Сидни чувствовала, что у нее на душе. Каждый раз, когда появлялся Джейсон, голубые глаза Эммы словно леденели.

«Ей просто нужно время, чтобы познакомиться Джейсоном поближе», — думала Сидни и со лба непослушный завиток темных вьющихся волос.

— Вечером придет Джейсон, будем с ним готовиться к контрольной по истории. Не хочешь присоединиться? — предложила она. — Закажем пиццу.

Эмма помотала головой:

— Не получится. Хочу задержаться после работы — поговорить с менеджером. Может, возьму еще пару дней.

Сидни удивилась:

— Еще? Эмма, ты же и так работаешь три дня в неделю да еще плюс выходные!

— Сама знаю, что это чересчур, — обреченно вздохнула девушка. — Но мне позарез нужны деньги. Сейчас нам совсем плохо.

— В смысле?

— Да у мамы проблемы, — объяснило Эмма, поправляя за ухо длинную прядь белокурых волос. — В молодости она повредила колено, и оно так и не зажило до конца. Врач говорит, нужна операция

Сидни нахмурилась. Она всей душой сочувствовала Эмме. Мама ее работала официанткой в «Шейдисайд Дайнер» и шесть дней в неделю с четырех до полуночи простаивала на ногах.

— Хочешь сказать, начальство не думает оплачивать ей отпуск на время операции? Поэтому нужны деньги?

Эмма презрительно фыркнула:

— Кто ей будет платить, если она не работает? Хуже того, ее могут вообще уволить, если эти затянется. И так клиенты жалуются, что мама медленно их обслуживает.

— Какая подлость! — возмутилась Сидни.

— И не говори! — Эмма снова вздохнула. — К тому же у нас нет страховки, поэтому операцию придется делать за свои деньги. Выходит, теперь мне нужно работать за двоих!

Не успела Сидни ответить, как к стойке подошел мужчина с четырьмя ребятишками, и девушки принялись насыпать попкорн в картонные ведерки и разливать газировку. Сидни украдкой бросала на подругу сочувственные взгляды.

Эмма выглядит такой печальной. И совсем отчаявшейся. Неудивительно!

Представляю, если бы моей маме срочно требовалась операция, а я не могла ее оплатить.

Она тряхнула головой. Вообразить такое было трудно. Практически невозможно.

Несмотря на тесную дружбу, они были очень разные. Эмма — миниатюрная блондинка. Сидни — высокая, темноволосая, с карими глазами.

Сидни — комок нервов, а Эмма в любой ситуации оставалась спокойной и хладнокровной,

И воспитывались они в разной среде.

Папа и мама Сидни счастливо прожили в браке больше двадцати лет, а родители Эммы развелись и виделись крайне редко.

Эмма жила в крошечной развалюхе в Олд-Вилладж, а роскошный особняк родителей Сидни стоял на пяти икрах земли в Норт-Хиллз, далеко не бедном районе.

«Эмма работает по необходимости, — думала Сидни. Я же — потому, что мама с папой боятся меня избаловать и хотят, чтобы я научилась самостоятельности».

Сидни не возражала. Наоборот, она находила это хорошей идеей. И ей нравилась работа. Девушка прекрасно понимала, что может в любой момент уволиться, не заботясь ни о еде, ни об одежде. Ни о деньгах на операцию.

Из задумчивости Сидни вывел пронзительный крик.

Один из ребят, которых они только обслуживали, споткнулся и выронил свое ведро с попкорном. Теперь малыш стоял напротив кассы и плакал навзрыд, загораживая дорогу другим посетителям.

Сидни схватила совок и веник и поспешила к мальчику, а Эмма осталась за стойкой. Когда она закончила подметать пол, у кассы образовалась очередь, и у них с Эммой не было времени передохнуть до самого конца рабочего дня.

Наконец в пять вечера девушки освободились. Ну, можно сказать, почти. Перед уходом еще нужно было вынести мусор.

Волоча за собой три неподъемных мусорных мешка, Сидни вслед за Эммой поплелась через боковую дверь на аллею позади универсама.

— Не люблю сюда ходить, — сказала она, когда подруги

подошли к высоким мусорным бакам. Здесь всегда так темно.

— Да, и воняет жутко, — брезгливо поморщилась Эмма.

Сидни поставила мешки на край контейнера. Два свалились вниз, а третий застрял. Сидни поднялась на цыпочки, чтобы протолкнуть его внутрь, но тут ее серебряный браслет с брелоками зацепился за острый угол бака. Она потянула, но, видимо, слишком сильно.

Застежка лопнула, и браслет соскользнул с руки. Сидни попыталась подхватить его, но не успела.

Звякнув о железную стенку, браслет упал в бак.

Девушка сунула руку в контейнер, пытаясь нащупать браслет, но пальцы ощущали лишь гладкий полиэтилен мусорных мешков.

— Что ты делаешь? — удивилась Эмма.

— Мой браслет упал туда! — чуть не плача, ответила Сидни.

— Господи! Это тот, серебряный?

Сидни кивнула.

— Это семейная реликвия— Мне подарила его бабушка.

Она обвела взглядом темную аллею и у торца универмага заметила груды небольших бетонных блоков.

— Поможешь перетащить их сюда?

Эмма поморщилась:

— Собираешься рыться в мусоре?

— А что делать? Браслет надо достать! Он мой любимый.

Сидни придвинула два блока к ржавому контейнеру и, взобравшись на них, заглянула внутрь.

— Ну что, видишь? — нетерпеливо спросила Эмма.

Сидни помотала головой.

— Наверное, провалился между мешками. — Она осторожно перевернула один пакет и отодвинула его в сторону. Под ним был еще один мешок — он порвался, и наружу вывалилась груда вонючих отходов.

— Какая мерзость!

Девушка, задержав дыхание, взяла мешок за край и потянула.

Зашуршал полиэтилен, мешок шевельнулся и вдруг дернулся вверх, словно кто-то толкнул его

— Ой, там что-то есть! — испуганно взвизгнула Сидни. — Что-то живое!

Глава 2

Из-под кипы скомканных салфеток на нее таращились два сверкающих глаза на серой мохнатой морде, ошетилившейся длинными усами, пол которыми виднелся угрожающий оскал маленьких острых зубов.

— Крыса! — крикнула Сидни. — Какая гадость, Эмма! Это крыса!

— Спрыгивай, быстрее! — засуетилась Эмма.

Не успела девушка пошевелиться, как крыса, царапнув когтями по ржавому железу, вскочила на крышку контейнера и, по-кошачьи зашипев, щелкнула зубами.

Сидни ойкнула и, покачнувшись, едва не упала с бетонных плит.

Крыса поерзала на месте и бросилась на землю. Эмма вскрикнула от неожиданности и попятилась к Сидни.

Крыса на мгновение остановилась и поглядела на подруг, словно раздумывая, стоит ли на них нападать. Потом развернулась и засемила по аллее, волоча за собой длинный голый хвост.

Эмма шумно выдохнула:

— Уф. У меня мурашки по коже. Эта тварь такая огромная!

— Ага. Будем надеяться, что она была там в одиночестве. — Сидни снова полезла на блоки.

— Ты что, опять будешь копать в этой дряни? — возмутилась Эмма.

— Придется, — обреченно вздохнула Сидни. Мне необходимо найти браслет. — Она бросила на подругу умоляющий взгляд. — С твоей помощью это было бы быстрее.

Эмма тихо застонала, вместе с Сидни они перетащили к контейнеру еще пару бетонных плит, взобрались на них и заглянули внутрь.

Зажав рот и нос, Сидни сунула руку в бак и принялась разгребать мусор — апельсиновые корки, объединенные сосиски, пропитанные жиром

— Перчатки не помешали бы, — мрачно заметила она, двумя пальцами осторожно вытягивая за кончик смятые листы бумаги. — Когда приду домой, буду отмываться час — не меньше!

— Здесь нужен противогаз, — недовольно буркнула в ответ Эмма и со вздохом отпихнула в сторону очередной мусорный мешок. — Менеджер, наверное, уже пришел. Мне нужно с ним поговорить, не забыла?

— Нет. Но он уйдет еще не скоро, — заверила подругу Сидни. — Думаю, нам уже недолго осталось. Я хочу сказать, браслет должен быть где-то здесь. Именно в этом месте. Я видела, куда он упал.

Эмма взяла в руки ведро из-под попкорна, с тоской заглянула в него и швырнула в другой угол контейнера.

— Будем надеяться, он не на самом дне. Я хочу помочь тебе, Сидни. Но... внутрь я не полезу, и не проси!

Сидни разгребала мусор палкой, которую нашла тут же.

— Эмма! — вдруг вскрикнула она, указывая куда-то вниз. — Я вижу его!

В тусклом сумеречном свете на гладкой поверхности черного полиэтиленового мешка серебрился старинный браслет. Сидни, перегнувшись через край контейнера, протянула руку, ухватила один конец браслета и потянула на себя.

Сначала браслет поддался легко, потом за что-то зацепился.

— Застрял, — объявила Сидни. — Зацепился за мешок. — Она снова взяла палку и, и поддев скользкий от жира мешок, вытащила его наружу.

Со вздохом облегчения девушка спрыгнула вниз, присела на шершавый бетон и, поставив мешок рядом, осторожно отцепила браслет. Мешок свалился на землю.

Она машинально проследила за ним глазами и снова было занялась браслетом.

Но тут взгляд ее упал на дыру в мешке.

Ей показалось, что оттуда торчит краешек банкноты.

— Что я вижу! — изумилась Сидни. — Похоже на пятьдесят долларов.

— Что? — Эмма схватила мешок и рывком разорвала его.

— Ну, что там? — рассеянно спросила Сидни, пытаясь застегнуть браслет.

Эмма молчала.

Сидни поправила браслет на запястье и посмотрела на подругу:

— Ну? Полтинник?

— Ты не поверишь, — прошептала Эмма. — Смотри!

Сидни уставилась в мешок:

— Боже мой!

Мешок был доверху набит пачками купюр, перехваченными тонкими резинками.

— Невероятно! — в возбуждении воскликнула Эмма. Она взяла одну пачку и перетасовала банкноты наподобие колоды карт. — Все по пятьдесят!

Девушка подняла с земли другую палку, и вместе с Сидни они стали рыться в мешке. К ногам ворохом посыпались пятидесятидолларовые купюры.

— Господи. Боже! Да здесь не меньше ста тысяч! — завороченно прошептала Эмма.

— Это сон. — Сидни посмотрела на деньги, потом на Эмму. — Как ты думаешь, чьи они? Как все это оказалось в мусоре?

Эмма медленно покрутила головой,

— Сто тысяч долларов, — повторила она, не сводя жадного взгляда с зеленых купюр. — Сто тысяч долларов!

Глава 3

Сидни нахмурилась:

— Все это очень подозрительно. Как ты думаешь, почему эти деньги оказались в мусоре? — повторила она свой вопрос.

— Какая разница? — Эмма обвела взглядом темную аллею и вдруг, присев на корточки, стала быстро запихивать купюры в мешок. — Надо спрятать, пока никто не увидел.

— Ты права, — согласилась Сидни. — Думаешь, кто-то ограбил банк?

Эмма равнодушно пожала плечами.

— Может, в полиции знают. — Сидни, застегнув молнию на жакете, засмеялась. — Могу себе представить, как вытянутся у них лица, когда мы отдадим им деньги!

— Ты это серьезно? — удивилась Эмма. — Ты что, правда хочешь отнести деньги в полиции>'

— Конечно. А что еще с ними делать?

Эмма подошла к ней вплотную, глаза ее сверкали от возбуждения.

— Оставить их себе! — прошептала она.

— Издеваешься? — Сидни думала, Эмма сейчас засмеется, скажет, что пошутила. Но та даже не улыбнулась.

«Нет, подруга не шутит», — поняла Сидни

— Только подумай, Сидни! — продолжили ма. — Мы поделим их — по пятьдесят тысяч долларов каждой! Я смогу оплатить мамину операцию! Мы наконец починим крышу и купим новую...

— А ты подумала, как объяснишь маме, откуда у тебя такие деньги?

— Я скажу ей правду, — несколько не смутившись, заявила Эмма. — Маме будет все равно. Да и кто откажется от такой суммы?

— Да, только... — Сидни, умолкнув на полуслове, помотала головой. Она не могла поверить, что Эмма действительно решила

оставить деньги. — Слушай, не подумай, что я такая правильная, но, Эмма, это ведь не наше!

— Нет, наше! — возразила Эмма. — Деньги лежали в мусоре, а мы их нашли. Кто нашел — тот и хозяин. Так?

— Но...

— Да ладно тебе, Сидни! Любой на нашем месте забрал бы все себе. А мы что, хуже? — горячилась Эмма. — Да ты хоть представляешь, на что я могу потратить эти деньги? Я пойду учиться в колледж. Мне не нужно будет надрываться из-за стипендии. И я в кои то веки прилично оденусь!

Сидни во все глаза смотрела на подругу.

— А что, ты одеваешься неприлично?

— Я ношу одно и то же каждый день. — Эмма вздохнула. — И я стыжусь этого. Но тебе все равно не понять, — с горечью добавила она. — Ты не знаешь, что такое нищета. А я знаю. И поэтому мы *оставим* деньги себе!

Сидни озадаченно вглядывалась в лицо Эммы. «Неужели она всегда завидовала мне, потому что у меня богатые родители? — думала девушка. — Как же я раньше этого не замечала? Я никогда не кичилась своими деньгами, я не хвасталась этим и никогда не унижала ее из-за того, что она живет в бедности»

Сидни в замешательстве смотрела на лоснящийся от жира полиэтиленовый мешок.

— В одном ты все равно не права, — пробормотала она. — Я *знаю*, что такое хотеть, чего не можешь иметь. Мои родители дают мне не все, что хочется.

— Да? А новая машина на день рождения? — запальчиво крикнула Эмма. — Ты захотели — тебе подарили.

— Не отрицаю. Но страховку на нее я должна выплачивать сама, — возразила Сидни. — Ир мой не хотят баловать меня и денег почти не дают. Я бы тоже много чего могла купить на эти пятьдесят тысяч.

— Так давай оставим их себе! Что нам может помешать?

Сидни прикусила губу. Да, соблазн велик, но в то же время —

страшно.

— Мы не знаем, откуда эти деньги, — неуверенно проговорила она. — Может, их уже ищет полиция. Или их кто-нибудь специально оставил их здесь. И если вдруг мы сразу всего накупим и об этом узнают, у нас могут быть крупные неприятности.

Эмма на мгновение задумалась.

— Ладно... Смотри, как мы сделаем. Пока мы их тратить не будем. Спрячем на время где-нибудь и подождем, не хватится ли их кто-нибудь.

— А если хватится, мы их вернем, да? — с надеждой в голосе спросила Сидни.

— Да. А если нет... — Эмма усмехнулась. — Тогда они будут наши.

Сидни нервно хихикнула. Она сама не понимала, как дала себя уговорить!

— Так, где же их спрятать? — между тем размышляла Эмма. — У тебя? У вас же вроде есть большой чердак?

— Ну уж нет! Это отпадает, — решительно возразила Сидни. — Это слишком рискованно.

— Да, и у себя прятать я тоже не хочу, — задумчиво протянула Эмма. — Ладно, значит, надо подыскать какое-нибудь другое место. Никто за нас это не сделает.

— А как насчет старой ивы? — вдруг вспомнила Сидни. — В лесу Фиар-стрит, где мы устраивали пикники?

— То, что надо! — просияла Эмма. — Зароем их под деревом. Никто не узнает. Переждем пару недель, пока не убедимся, что все тихо, а потом откопаем.

Сидни огляделась по сторонам. Уже смеркалось. На аллее стало совсем темно. Она вздрогнула и зябко повела плечами.

— Ладно, пошли отсюда.

— Да. — Эмма выпрямилась и взяла мешок с деньгами. — Ну что, едем в лес?

— Конечно. Только смотри в оба, хорошо?

Они пошли по аллее. Сидни обернулась и посмотрела назад. Еще не поздно, мелькнула у нее мысль. Вернуться, засунуть мешок в контейнер. Пусть лучше его найдет кто-нибудь другой.

— Идем, Сидни! — окликнула ее Эмма, посмеиваясь от возбуждения. — Быстрее!

Сидни поколебалась секунду, потом вздохнула и побежала догонять подругу.

* * *

— Вон она! — воскликнула Эмма. В конце извилистой лесной тропы, в нескольких ярдах них, чернел толстый ствол раскидистой ивы. Густые ветви бледно-зеленым шатром опускались до самой земли.

«Когда-то мы любили сидеть под ней, делились здесь своими детскими секретами, — думала Сидни. — Теперь эта ива будет хранить наш самый большой секрет. Лучшего тайника не найти»

Достав из багажника лопату, девушка по заросшей травой тропинке побрела вслед за Эммой к дереву.

— Земля мягкая, — сообщила подруга, раздвигая руками ветви и скрываясь в зеленом шатре. — Будет легко копать. Я начну. — Опустив мешок на землю, она взялась за лопату.

«Эмма так радуется, — вздохнула Сидни. — Всю дорогу она только и говорила о том, на что потратит эти деньги. Заплатит за операцию. Купит CD-плеер. Кучу одежды. Она слишком возбуждена, чтобы думать о последствиях».

Тихо шелестела листва. Отсюда недалеко до озера Фиар-стрит. Сидни слышала плеск воды. В густом лесу совсем стемнело. Девушке вдруг стало страшно. Ее охватила нервная дрожь. Не надо было брать деньги, не надо было привозить их сюда.

Пересилив волнение, она потянулась за лопатой.

— Давай теперь я. — Сидни подошла к яме, вырытой подругой, и стала копать.

На глубине примерно двух футов Эмма опустила в яму мешок, и Сидни быстро засыпала его землей. Они утрамбовали почву ногами, а

сверху положили камень, чтобы отметить место.

— Две недели, — проговорила Эмма, мечтательно улыбаясь. — Если все будет нормально, через недели вернемся и заберем деньги.

— Хорошо, а теперь поехали, — сказала Сидни, закидывая на плечо лопату. — А то мне здесь как-то не по себе.

Они пошли к машине, но Сидни вдруг застыли на месте и схватила Эмму за руку.

— Стой! — испуганно прошептала она. — Слышишь?

— Что?

— Не знаю. — Сидни, затаив дыхание, прислушалась.

Хрустнула ветка. Зашуршали листья. Звуки доносились из-за спины.

На лице Эммы мелькнул страх. Снова хруст. Где-то совсем рядом.

У Сидни гулко стучало в висках. Неужели кто-то видел, как они зарывали мешок? Неужели кто-то следил за ними?

Опять, на этот раз громче, зашуршали опавшие листья.

Цепенея от ужаса, Сидни медленно обернулась.

Из темноты на тропинку метнулась черная тень...

Глава 4

Сидни, взвизгнув, прижалась к подруге.

— Тише, Сид! — прикрикнула на нее Эмма. — Это всего лишь енот!

Сидни, смутившись, прикрыла рот рукой, только теперь разглядев в темноте мохнатого зверька. Енот мгновение буравил их блестящими бусинками глаз, потом вперевалочку побежал по тропе и скрылся в спутанных ветвях кустарника.

Девушка облегченно вздохнула.

— Я уже подумала... я подумала, что кто— то следит за нами!

— Я тоже, — призналась Эмма. Она откинула за спину длинные светлые волосы и нервно хихикнула. — Идем. Надо выбираться отсюда, пока у нас не началась паранойя.

Сидни бросила последний взгляд на старую иву. Тихо колыхалась на ветру густая занавесь зеленого шатра. Вздвогнув, она повернулась и торопливо шагала к машине.

Сидни подбросила Эмму домой и поехала к себе. Руки были черные после копания в помойке. Под ногтями — залежи грязи. Белые кроссовки посерели от пыли.

«Первым делом — в душ, — думала она. — Отмываться».

Сидни знала, что душ не избавит ее от сомнений. И зачем только Эмма втянула ее в эту авантюру?

Конечно, подруге очень нужны деньги. И они их не украли, а нашли, но...

Терзаемая подспудной тревогой и угрызениями совести, Сидни миновала высокие чугунные ворота, по длинной извилистой дорожке подъехала к дому — большому каменному особняку. Обогнув его, она завернула во двор и остановилась напротив конюшни.

Там обитали только две лошади, а три пустующих стойла были приспособлены под гаражи. В крайнем стоял отцовский «БМВ». Сидни собиралась было завести свою красную «Миату» на соседнюю стоянку, но вдруг резко нажала на тормоза.

Дверь отцовского гаража была распахнута настежь.

Внутри кто-то склонился над открытым капотом «БМВ». И желтом свете лампы отливали золотом густые светлые волосы.

Джейсон Филлипс. Парень Сидни.

«Господи, совсем забыла, — спохватилась она. — Мы же договаривались вместе позаниматься. Но теперь, после сегодняшних событий, я вряд ли смогу сосредоточиться на уроках».

Джейсон обернулся и махнул ей рукой. Сидни улыбнулась. По крайней мере, он не скучал в ее отсутствие. Ремонтировать машины было любимым делом Джейсона.

Сидни завела машину в гараж. Повернув к себе зеркало заднего вида, она критически оглядела лицо и волосы. Кошмар! На щеках и подбородке — черные разводы. Девушка наспех отерла лицо бумажным платком, пригладила волосы и поспешила к Джейсону.

— Извини, что так задержалась. Что с папиной машиной?

— Свечи нужно менять. Я решил заняться этим, чтобы скоротать время. — Парень, оторвавшись от карбюратора, поднял голову. Высокий, красивый — когда он улыбался, в уголках голубых глаз собирались тонкие лучики морщинок.

Но сейчас, кажется, Джейсон не был расположен улыбаться.

— Где ты была? — недовольно проворчал он. — Я уже начал волноваться.

— Э... я... — Сидни замялась, не зная, что сказать в свое оправдание. — На работе задержали. Попросили кое-кого подменить.

Щеки ее пылали. Она всегда краснела, когда лгала.

— Ладно тебе, Сидни, — не поверил Джейсон. — Не надо делать из меня идиота. Если бы тебя задержали на работе, ты бы обязательно позвонила.

Девушка, машинально намотав на палец прядь волос, смущенно молчала. Джейсон прищурился.

— Ты что-то скрываешь, — сказал он. — У тебя это на лице написано.

— Я не...

— Скрываешь! — отрезал Джейсон, сердито хлопнув крышкой капота.

Сидни вздрогнула, испугавшись гневного блеска его глаз.

— Что у тебя за секреты? Нашла мне замену? Я тут жду как идиот, а ты там где-то развлекаешься с другим?

— Нет!

— Тогда скажи мне правду. — Джейсон зачехлил капот и подошел к ней. — Где ты была? Что делала?

Сидни растерянно смотрела на него.

Стоит ли ему врать?

Может, лучше рассказать про деньги?

Глава 5

— Если ты не встречалась с другим, тогда говори, в чем дело, — настаивал Джейсон.

Сидни молчала, все еще колеблясь.

Джейсон пожал плечами:

— Что ж, мне все ясно.

С этими словами он направился к выходу.

— Нет! — Сидни схватила его за руку. — Джейсон, это совсем не то, что ты думаешь. Правда! Только обещай, что больше никому не скажешь.

— Почему это?

— Обещай!

— Хорошо, хорошо. Обещаю. — Он взял Сидни за руку и усадил на скамью в глубине гаража, потом достал из маленького холодильника банку пепси, и протянул ей.

— Спасибо. — Сидни глотнула.

Джейсон провел рукой по ее волосам, вытащив из темных кудрей веточку.

— Такое впечатление, что ты побывала в лесу, — улыбнулся он.

Парень нежно коснулся губами ее щеки и откинулся на спинку скамьи.

— Ладно. Я слушаю.

— Ты знаешь, мы с Эммой действительно ездили в лес.

Сидни сделала еще глоток и принялась теревить на запястье серебряный браслет с брелоками.

— Все началось с него, — тихо вздохнула она.

Сидни рассказала Джейсону, как браслет угодил в мусорный бак, как она, преодолевая брезгливость, рылась в отбросах. Рассказала и о крысе, и о сальном мешке, набитом пятидесятидолларовыми банкнотами.

Джейсон слушал не перебивая. А когд. а Сидни упомянула про деньги, недоверчиво улыбнулся.

— Сто тысяч долларов? — переспросил он. И вы их видели своими глазами?

Сидни кивнула.

— А может, и больше. Мы были слишком взбудоражены, чтобы пересчитывать.

Джейсон тихонько присвистнул.

— Надо же — прямо как в кино! Просто не верится. Ну, и что дальше?

— Эмма словно сошла с ума.

Джейсон язвительно усмехнулся:

— Ты только теперь заметила?

— Ну, ты же знаешь, Джейсон, у них сейчас трудно с деньгами.

— Не у них одних.

— Не прибедняйся, — вспыхнула Сидни. — Может, твои родители и не швыряются деньгами, но вы живете в достатке, и тебе совершенно не на что жаловаться.

— Ну, ладно, ладно. Не будем об этом. — Джейсон открыл еще одну банку пепси.

— И что было дальше?

— Я предложила сдать деньги в полицию, — продолжала Сидни. — Но Эмма начала расписывать, что можно купить на них. И я тоже загорелась. В общем, мы немного поспорили, но в итоге решили оставить деньги себе и спрятать их где-нибудь на время.

Сидни пришлось признаться Джейсону и в том, что мешок с деньгами они закопали под старой ивой в лесу Фиар-стрит. Когда она завершила свой рассказ, у нее стало так хорошо и спокойно на душе, что хотелось смеяться от радости. Как здорово, когда есть человек, с которым можно поделиться своими сомнениями тревогами!

Джейсон снова присвистнул и, подавшись вперед, устремил на Сидни пристальный взгляд,

— Слушай, — проговорил он. — Ты уверена, что на аллее, кроме

вас, никого не было?

— Нет, только я и Эмма. И еще крыса. — Сидни передернулась. — Ты бы только видел эту мерзкую, и жирную тварь. Она была огромная, как...

— И вы никого не заметили на обратном пути? — перебил Джейсон. — И никто не видел, куда вы поехали?

— Нет, никого не было, точно.

Джейсон удовлетворенно кивнул.

— Повтори-ка еще раз про деньги, — попросил он. — Кто из вас их нашел? Ты или Эмма?

— Ну, мешок нашла я, — сказала Сидни. — И мне показалось, что из него торчат пятьдесят долларов. А потом Эмма открыла мешок и увидела деньги. — Сидни вдруг нахмурилась. — А почему ты спрашиваешь?

— Плохо, что мешок открыла Эмма. — Джейсон умолк, и на лице его мелькнула странная улыбка. — Теперь, чтобы с ней не делиться, придется ее убить.

Глава 6

— Что?! — воскликнула Сидни. Не ослышалась ли она? — Что ты сказал?

— Я сказал, что нам, чтобы не делиться с Эммой, придется ее убить, — спокойно повторил Джейсон.

— О-о-о, — простонала Сидни, с ужасом глядя него.

— Как в том фильме, помнишь? — продолжал он. — Четверо нашли сумку с деньгами и решили оставить их себе. А потом из-за них поубивали друг друга.

— Я этот фильм не видела, — пробормотала девушка.

— Зря. Классное кино, — усмехнулся Джейсон, глядя на ее растерянное лицо.

Сидни облегченно вздохнула.

— Мне показалось, что ты говоришь серьезно, — призналась она. — Ну, насчет того, чтобы убить Эмму.

Брови Джейсона удивленно поползли вверх.

— За кого ты меня принимаешь?

Сидни не знала, что и сказать. Она смущенно рассмеялась.

— С этими деньгами я скоро сойду с ума!

Джейсон укоризненно покачал головой:

— Я просто вспомнил фильм. Знаешь, что такое ассоциации? — Он привлек Сидни к себе и нежно чмокнул в щеку. — Конечно, я это не всерьез!

* * *

Прозвенел звонок. Просторные коридоры Шейдисайд-Хай заполнились эхом топота ног и оживленных голосов учеников, спешащих на последний урок.

Сидни на ходу перебирала учебники. Где же тетрадь с домашним заданием по химии? Она же точно брала ее.

Девушка с трудом выбралась из толпы и, прислонившись к стене, еще раз пересмотрела книги. Тетради по химии не было.

— Наверное, я забыла ее в шкафу. Теперь придется возвращаться за ней аж на первый этаж. — Сидни вздохнула. — Целый день сплошные неприятности.

Мало того, что забыла завести будильник, чуть не опоздала и школу и причесаться смогла только на первой перемене.

В столовой, убирая за собой после завтрака, она умудрилась по рассеянности выбросить в мусор поднос вместе со всей посудой.

Но хуже всего, что совсем забыла об опросе по английскому, и пришлось кое-как выкручиваться.

«Это все из-за денег, — говорила себе Сидни, продираясь сквозь встречный поток к лестнице. — Я превращаюсь в истеричную идиотку!»

— Сидни! Подожди! — раздался позади знакомый голос.

Эмма спешила к ней. Сегодня у них не было совместных уроков, и они не встретились даже за завтраком, так что увиделись в первый раз за день.

«А вот Эмма, похоже, абсолютно спокойна. Вид у нее счастливый. Наверное, хорошо выпалась. И видела во сне, как дает маме деньги на операцию, а потом отправляется по магазинам».

— Привет! — крикнула Эмма, переводя дыхание. — Знаешь что? Я просмотрела утренние газеты! — Голубые глаза Эммы сверкали от возбуждения. — О нашем деле ни слова, — понижая голос, многозначительно сообщила она.

Сидни опасливо огляделась по сторонам.

— Слушай, давай не будем говорить здесь, хорошо?

Эмма беззаботно рассмеялась:

— Расслабься! Я только сказала, что просмотрела газеты. Да и все равно на нас никто не обращает внимания.

— Ты права. Я просто очень нервничаю.

— Да ладно, все в порядке. — Эмма подтолкнула ее локтем в бок. — Молись. Осталось тринадцать дней. Если ничего не

произойдет, будем наслаждаться свободой!

Сидни выдавила жалкое подобие улыбки. Она надеялась, что Эмма не будет продолжать этот разговор.

Они стали спускаться вниз по лестнице. Позади напирала ребятня. Весело хохоча, несколько парней оживленно обсуждали баскетбольный матч.

Один из них хлопнул Сидни по спине, и она едва не упала.

— Эй! — возмущенно крикнула девушка, хватаясь за перила.

Позади раздался новый взрыв хохота.

И тут все заглушил пронзительный крик.

Сидни повернула голову влево. Перед глазами мелькнула рука Эммы, судорожно хватающая воздух. Она падает!

Вцепившись одной рукой в перила, девушка протянула другую подруге.

Слишком поздно.

С душераздирающим криком Эмма, словно пловец, ныряющий с вышки, полетела вниз головой по крутым бетонным ступеням.

На середине лестницы Эмма гулко стукнулась головой о ступень и, кувыркаясь, покатилась дальше.

Толпа учеников расступилась, слышались удивленные возгласы. Девушка лежала на полу.

— Эмма! — крикнула Сидни и бросилась вниз, но путь ей преградила чья-то широкая спина. Потом кто-то, больно саданув локтем в бок, прижал ее к перилам.

Задохнувшись от боли, Сидни машинально взглянула вверх.

Несколькими ступенями выше стоял Джейсон. И смотрел вниз. Но не на Сидни.

На Эмму.

Губы его растянулись в улыбке. В уголках глаз собрались тоненькие лучики морщинок,

Сто означает эта улыбка? Да и улыбается ли он?

«Нет, наверное, показалось, — убеждала себя Сидни. — Вряд ли

Джейсон стал бы улыбаться в такой момент. Это просто игра света. И тени. Обман зрения».

Спохватившись, Сидни повернулась и, расталкивая толпу, устремилась к подруге.

У подножия лестницы вокруг Эммы образовалось плотное кольцо, через которое Сидни никак не могла пробиться.

"Почему все молчат? — в панике думала она. — Почему никто не помогает Эмме? Почему не вызывают скорую»?"

Эмма лежала на животе, широко раскинув руки. По полу волнами рассыпались длинные белокурые волосы.

"Она как мертвая", — невольно подумалось девушке.

Опустившись на колени, Сидни осторожно отвела рукой волосы, заслонявшие лицо.

— Эмма? — тихо шепнула она.

— Эмма? — Сидни провела рукой по спине подруги. — Эмма...

Эмма не шевелилась и не издавала ни звука.

— Она не дышит! — закричала Сидни, — Она умерла!

Глава 7

— Просто не верится, что у нее даже ни одного перелома! — не переставала удивляться Сидни. — Вы уверены, что с ней все будет в порядке?

Доктор Лэшер, кивнув, убрал в сумку стетоскоп.

— Несколько дней будут сходить синяки, — сказал он. — Может, голова поболит. Но сотрясения нет. Так что беспокоиться не о чем.

Он улыбнулся:

— Успокойся. С твоей подругой все нормально.

Все еще дрожа от волнения, Сидни откинулась на спинку потертого кресла в гостиной Эммы.

Она никогда не забудет этой ужасной картины — неподвижное тело, распростертое у подножия лестницы. Через считанные секунды Эмма наконец задышала, но Сидни эти мгновения показались часами.

А потом Эмма открыла глаза, села и попыталась подняться. Ее осмотрела школьная медсестра. Девушку била дрожь, скорее всего от испуга.

Сидни отвезла Эмму домой и вызвала своего семейного врача. Теперь подруга дремала в спальне, а ее мама, успокоившись, ушла на работу.

— Вот. — Доктор Лэшер протянул Сидни два пакета для льда. — Положи в морозильник. Пусть она, — он кивнул в сторону спальни, — приложит к плечу. Это снимет боль после вывиха.

Сидни еще раз поблагодарила врача, проводила его в прихожую, заперла за ним дверь и вернулась в гостиную.

В чистенькой и опрятной, но темной комнатухе стояли два стула, громоздкий старый телевизор и раскладной диван, где спала мама Эммы.

В углу Сидни заметила пластмассовый таз с водой. «Крыша протекает», — вспомнила она и вздохнула.

— Сидни? — слышался из спальни слабый голос Эммы.

— Ты проснулась! Подожди, я сейчас. — Сидни пошла на кухню, сунула в морозильник пакеты для льда и поспешила в крохотную спальню — единственную в доме.

Эмма, видимо, пыталась оживить обстановку плакатами на стенах и желтым ковром на полу. Но обшарпанная комната все равно производила удручающее впечатление.

— Ну, как ты? — спросила Сидни. — Дать аспирина? Или, может, принести чего-нибудь поесть или попить?

Эмма помотала головой.

— Ничего не хочу. Спасибо, — чуть слышно сказала она.

Сидни присела на край кровати.

— Уверена?

— Да, все нормально. — Эмма провела рукой по волосам, закрыла глаза и наморщила лоб, словно пытаясь что-то вспомнить.

— Вот и доктор Лэшер говорит, с тобой все будет хорошо, — бодрым тоном проговорила Сидни. И выглядишь ты неплохо, — помолчав, добавила она. — Лицо бледное. Но даже не скажешь, что ты упала с лестницы.

Эмма вдруг открыла глаза. Поправив подушку, она села поудобнее и посмотрела на Сидни

— Я не упала, Сидни, — сказала она.

— Что? Что ты имеешь в виду?

— Меня толкнули.

— Толкнули? — поразилась Сидни. — Ты уверена?

— И знаешь кто? — продолжала Эмма. — Джейсон.

Глава 8

Сидни в недоумении уставилась на подругу:

— Не может быть!

— Я видела его — он был у меня за спиной, — покачала головой Эмма. — Джейсон положи руки мне на плечи. Я сначала подумала, что это шутка, но потом поняла, что это не так.

Губы Эммы тронула горькая усмешка.

— Я хочу сказать, нас с ним друзьями не назовешь. Так что с чего бы он стал шутить...

Сидни молчала в ужасе от услышанного.

— Ну и вот, — продолжала Эмма прерывающимся голосом. — Он положил руки мне на плечи. А потом... потом он... он столкнул меня с лестницы!

— Господи! — Сидни в волнении вскочила на ноги. — Это же безумие!

— Да? — Эмма села прямо. — Сидни, можно мне кое о чем тебя спросить? Скажи, ты сообщила Джейсону, что мы нашли деньги?

— Какое это имеет отношение к тому, что случилось?! — воскликнула Сидни.

— Отвечай, — потребовала Эмма. — Ты говорила ему о нашей находке?

— Ладно. Да, я ему рассказала! — вспыхнув, созналась Сидни. — Вчера, когда я приехала домой из леса, Джейсон сразу понял: что-то случилось. И стал спрашивать меня, где я была. Я соврала, что меня задержали на работе, но он... он мне не поверил.

— Да уж, врать ты не умеешь, — кивнула Эмми

— Джейсон разозлился. Очень, — продолжили Сидни. — Он решил, что я встречалась с другим, чтобы он ревновал. И притом я была в таком состоянии...

— Значит, в итоге Джейсон знает о деньгах? — Эмма, сощулив глаза, окинула подругу презрительным взглядом.

Сидни кивнула:

— Да, все. Извини. Но, Эмма, ты не права: он не толкал тебя. Он не способен на такое! Да и ради чего?

— Смеешься? — с горечью проговорила Эмма. — Конечно, ради денег!

— Бред, — взвилась Сидни. — Джейсон не из бедных. У него состоятельная семья!

— Это как посмотреть, — перебила ее Эмма. — Помнишь, он как-то хотел кроссовки? Ну, те, за сто пятьдесят долларов? У него уже была пара, совсем новая, но он намекал и намекал тебе об этом, покаты не расщедрилась и не купила ему их!

— И что?

— А то, что он жадный! — бросила Эмма. — Ты и сама это знаешь. Джейсон постоянно клянчит у тебя что-нибудь. То новую сигнализацию, то CD-плеер себе в машину. Да, он не бедный — он жадный!

— Нет. — Сидни, скрестив руки на груди, упрямо тряхнула головой. — Нет!

— Да, — настаивала Эмма. — И поэтому-то Джейсон и столкнул меня с лестницы. Чтобы убить меня. Я просто уверена, что он *может* убить из-за денег!

«Эмма бредит, — огорченно думала Сидни. — Все, что она говорит, — это полная чушь!»

— Эмма, послушай. Ты упала с крутой лестницы. С бетонной. И наверное, стукнулась головой сильнее, чем говорит врач, потому что не соображаешь, что говоришь! Джейсон совсем не такой!

Глаза Эммы вспыхнули, но она промолчала.

Сидни повернулась к окну. Рядом с домом, на узкой дорожке, усыпанной гравием, стоял старенький «Фольксваген», который Эмма на время взяла у дяди. Сидни машинально разглядывала автомобиль и вдруг отчетливо представила себе Джейсона.

Как он часа два назад стоял на той злополучной лестнице.

В упор смотрел на Эмму. И улыбался.

Такую же странную усмешку Сидни заметила на его лице и накануне вечером, когда Джейсон предложил убить Эмму.

"Но он же имел в виду фильм! — возразила себе Сидни. — Сам же сказал, что просто пошутил! Но правда ли это? " — подумала девушка, содрогаясь от этой мысли.

Глава 9

Сидни, хмуря брови, быстро шагала по школьному коридору— Времени было мало. В любую секунду может прозвенеть звонок на перемену.

Нужно срочно поговорить с Джейсоном. Выяснить, почему он улыбался, когда Эмма скатилась с лестницы.

Подруга уверена в том, что он толкнул ее, думала Сидни. Может быть, ей показалось? Или она права и Джейсон действительно пытался убить ее из-за денег?

Сидни зябко поежилась. Лучше бы не находить этих дурацких денег! Вот уже две ночи она почти не спала, терзаемая смутной тревогой. А теперь еще предстоит неприятный разговор с Джейсоном.

Сидни повернула за угол, и тут прозвенел звонок. Она прислонилась к стене напротив компьютерного класса, беспокойно вглядываясь в распахнувшуюся дверь.

Парень вышел в коридор третьим. Не замечая Сидни, он сунул тетради в рюкзак и пошел по коридору, смешавшись с шумной толпой ребят.

— Джейсон! — окликнула его Сидни.

Он покрутил головой, озираясь по сторонам. Увидел Сидни — улыбнулся.

У девушки от волнения перехватило дыхание. Разве это похоже на улыбку убийцы? Нет, он не мог пойти на такое!

— Привет. — Застегнув молнию на рюкзаке, Джейсон подошел к Сидни. — Как дела?

— Мне нужно с тобой поговорить, — решительно начала она. — Я звонила тебе вчера вечером, но никто не брал трубку.

— Правильно, вчера мы ужинали у сестры. — Джейсон взял Сидни за руку и притянул к себе. — Пора на английский. Пойдем, поговорим по пути. Что случилось?

Сидни перевела дух:

— Я хотела поговорить об Эмме.

— Об Эмме? С ней ведь все в порядке, разве нет? Вчера, после того как упала, она смогла встать на ноги, сама пошла, вот я и...

— Да, с ней все в порядке, — перебила его Сидни. — А тебе не все ли равно?

— Что? Что ты хочешь сказать?

Сидни взяла Джейсона за руку и потянула за собой в другой конец коридора.

— Эмма думает, что это ты толкнул ее с лестницы! — выпалила она. — Говорит, что ты, Джейсон, был прямо у нее за спиной! Ты положил ей руки на плечи, а потом толкнул!

— Ерунда какая! — Джейсон возмущенно стукнул кулаком по дверце шкафчика. — Эмма совсем спятила!

— Но ведь ты стоял тогда на лестнице, — возразила ему Сидни. — Я тебя видела. Эмме это не привиделось.

— Нет!

Джейсон взъерошил пальцами густые светлые волосы. На щеках проступил румянец.

— То есть да. Я был там. И, кажется, догадываюсь, почему Эмма решила, что я ее толкнул. Понимаешь, я оступился. Вытянул руки вперед, чтобы не упасть, ну и... толкнул ее. Нечаянно.

— Тогда почему ты улыбался? — недоверчиво покачала головой Сидни. — Когда Эмма упали, меня прижали к перилам, я подняла голову и обернулась назад. Ты стоял и смотрел, как она падает, и улыбался!

Джейсон помотал головой, спокойно глядя на Сидни.

— Я был в шоке, я совсем растерялся. Хотел закричать, но не мог. Будто окаменел. Может быть, со стороны и казалось, что я улыбаюсь, но у меня и в мыслях не было!

Сидни минуту пристально всматривалась в его лицо, потом отвернулась и прислонилась спиной к стене. "Значит, это был просто несчастный случай", — с облегчением вздохнула она.

— Прости меня, Джейсон, — виновато пробормотала

девушка. — Я так расстроилась, так перенервничала. Но я не хотела обидеть тебя, не собиралась ни в чем обвинять.

— Ладно, все нормально. — Джейсон улыбнулся и поцеловал ее в лоб. — Я не обиделся. Правда. Я же сказал: понимаю, почему Эмма подумала, что я толкнул ее.

— Знаешь, ты должен поговорить с ней, все объяснить, извиниться. Ведь она упала из-за тебя, пусть это и вышло нечаянно, — сказала Сидни.

— И думаешь, она мне поверит? Она же на дух меня не выносит!

— Да, но если ты расскажешь Эмме, как все произошло на самом деле, она поймет, — уговаривала Сидни. — Слушай, я знаю, что вы не симпатизируете друг другу. Но ты должен с ней поговорить. Как знать? Может, со временем вы найдете общий язык.

— Даже не надейся, — вздохнул Джейсон. Он помолчал, теребя замок молнии на рюкзаке, потом пожал плечами: — Ладно, ты права. Я поговорю с ней.

— Вот и хорошо.

Джейсон усмехнулся:

— Попробую к ней подлизаться. Она давно жалуется, что у нее что-то там с машиной. Посмотрю, может, смогу ее подремонтировать. Бесплатно... Ну как?

— Отлично! — Сидни в порыве благодарности обвила руками его шею и поцеловала в губы. — Спасибо, Джейсон!

Слава богу, Эмма ошибалась. Джейсон не стал бы никого убивать, тем более из-за денег!

* * *

Днем после школы Сидни готовилась к контрольной по истории и жевала чипсы. Едва она запустила руку в пакет за очередным хрустящим ломтиком, как на тумбочке зазвонил телефон.

— Алло?

— Ни за что не угадаешь, что сейчас было, — раздался в трубке возбужденный голос Эммы.

Сидни облизала соленые пальцы.

— Ну, рассказывай.

— От меня только что ушел Джейсон, а моя машина урчит, как котенок!

— Серьезно? Здорово! — Сидни улыбнулась в душе. Значит, Джейсон сдержал обещание.

— Ага, и знаешь еще что? — продолжала Эмма. Он ничего не взял за ремонт. Плюс объяснил, что толкнул меня не нарочно: просто оступился и нечаянно задел. — Она засмеялась в трубку. — Просто не верится — он действительно чувствует себя виноватым!

— Ну конечно, — сказала Сидни. — Он сегодня сказал мне об этом в школе. Он ужасно переживает.

— Могу себе представить. Особенно по поводу того, что бесплатно отладил машину.

— Эмма!

— Извини. Слушай, Сид, прости, что я плохо о нем думала. Я была не в себе. И до сих пор все как в тумане. Во все плечо фиолетовый синячище. Голова раскалывается.

— Доктор Лэшер предупреждал! — посочувствовала Сидни. — Правильно сделала, что не пошла сегодня в школу. Может, завтра тебе станет лучше.

— Надеюсь. — Эмма вздохнула. — Но все равно я рада, что у нас есть деньги. Не могу поверить, что они наши! Только представь себе! Скоро мы сможем их тратить!

— М-м. — Сидни было неприятно говорить на эту тему.

— Слушай, съездим в город? — вдруг предложила Эмма. — Присмотрим себе, что можно купить!

— Э... — Сидни заколебалась. — А как же твоя голова? Тебе же было плохо.

— Ну и что? Пройдемся по магазинам — станет лучше, — не унималась Эмма. — Пойдем, Сидни. Будет здорово.

Сидни бросила нерешительный взгляд на открытый учебник истории. Она еще не закончила готовиться, но этот предмет всегда

знала на «отлично». К тому же деньги они тратить не будут.

— Хорошо. Я заеду за тобой.

— Нет, это я заеду за тобой, — засмеялась Эмма. — Не терпится проверить, какие чудеса сотворил Джейсон с моей развалюхой. Ой, нет, подожди, — вдруг спохватилась она. — Мне тут нужно еще кое-что сделать. Обещала соседке привести ее детей из школы. Давай сделаем так: ты приедешь ко мне, а потом возьмем мою машину.

— Договорились. До встречи.

Сидни повесила трубку и вскочила с кровати. И тут снова зазвонил телефон.

— Не надоело еще учиться? — раздался в трубке голос Джейсона. — Не хочешь развеяться?

— Вообще-то как раз собиралась. Мы с Эммой решили смотаться в город. Кстати, на ее машине. Она так рада, что ты починил ее, Джейсон. — Сидни засмеялась. — Спасибо тебе большое за...

— Погоди-ка, — перебил ее Джейсон. — На машине Эммы?

— Да, а что тебя удивляет? — Сидни показалось, что она уловила в голосе Джейсона беспокойство.

— Что? Да ведь вы всегда ездите на *твоей* машине.

— Ну и что? Машина Эммы теперь как новенькая, и она... — Сидни вдруг умолкла, нахмурившись. — А тебе-то какая разница?

— Э... ну... — Джейсон на секунду замялся. — Слушай, а может, лучше я заскочу к тебе и мы рванем куда-нибудь вдвоем? А с Эммой встретитесь в другой раз.

— Джейсон! — рассмеялась Сидни. — Я уже в дверях. Эмма ждет.

— Позвони ей, скажи, что не приедешь.

«Да что это с ним сегодня?» — недоумевала Сидни.

— Мы ненадолго. Позвоню тебе, когда вернусь.

Джейсон хотел было сказать что-то еще, но в этот момент Сидни услышала внизу в холле голос мамы.

— Ладно, мне нужно идти, — бросила она в трубку. — Тут мама

пришла, надо ей кое-что передать. Потом поговорим!

Спустившись вниз, Сидни сообщила маме, что ей звонили по срочному делу, сказала, куда идет, и села в машину.

Эмма уже поджидала ее, сидя на растрескавшемся бетонном крыльце. Когда Сидни вышла из своей «Миаты», она вскочила и покрутила на пальце брелок с ключами от машины,

— Ну что, готова к пробному заезду?

— Разумеется. — Сидни, усмехнувшись, пошла вслед за Эммой к видавшей виды коричневой «Вольво».

— Внешне не изменилось, — щебетала подруга, устраиваясь за рулем. — Но звук — просто фантастика! Вот, слушай!

Эмма повернула ключ в зажигании — двигатель ожил. Довольно посмеиваясь, она осторожно вывела машину на дорогу. Подпрыгивая на выбоинах, они покатали по узким улочкам Олд-Вилладж, потом свернули на Дивижн-стрит.

— Так, а теперь посмотрим, на что способен Эмма! — воскликнула Эмма. Она плавно повернула на перекрестке и нажала на газ: впереди был крутой подъем. — Вот это да! Смотри, моя старушка ползет в гору! Чудеса!

Сидни рассмеялась и включила радио. В колонках шипело и потрескивало.

— В следующий раз надо сказать Джейсону, чтобы починил радио, — заметила она, выключая приемник.

— Ха! Может, другого раза и не будет, — усмехнулась Эмма, когда они были на самой вершине холма. — Может, я к тому времени уже на свою долю куплю себе новую тачку!

Начался спуск. Шуршали шины на гладком асфальте. По обочинам мелькали деревья и кусты, сливаясь в сплошную зеленую пелену.

У подножия холма был перекресток.

Эмма, с сожалением вздохнув, нажала на тормоза.

Машина с той же скоростью неслась вперед.

— Эмма? — Сидни с беспокойством поглядывала на

приближающийся знак «стоп». — Тормози.

— Пытаюсь. — Эмма все сильнее давила на педаль.

Безрезультатно.

— Эмма, тормози! — крикнула Сидни.

— Не могу!

Эмма, вцепившись в руль, лихорадочно жала на тормоза.

— Ничего не получается! Тормоза не работают!

Глава 10

Машина неслась вниз все быстрее и быстрее.

Сидни, вжавшись в сиденье, в страхе смотрела вперед.

К перекрестку приближался серебристый микроавтобус. Еще пара секунд — и столкновения не избежать.

— Автобус! Мы сейчас врежемся! — взвизгнула девушка.

Эмма с вытаращенными от ужаса глазами тщетно жала на тормоза.

— Не получается! Я не могу остановиться!

Микроавтобус выехал на перекресток.

Эмма засигналила.

Автобус, резко дернувшись, застыл прямо посреди перекрестка.

Сидни бросилось в глаза помертвевшее от страха лицо водителя.

— Эмма, ручной тормоз! — закричала Сидни.

Подруга не слышала ее. Словно оцепенев, одной рукой она жала на гудок, а другой вцепилась в руль и смотрела прямо перед собой широко распахнутыми глазами.

Тогда Сидни сама протянула руку и дернула тормозной рычаг вверх.

Жалобный визг тормозов. Скрежет металла. Из-под колес взвились брызги гравия. Машину тряхнуло, и она забуксовала.

Водитель микроавтобуса дал задний ход.

В последнюю секунду Эмма вывернула руль влево и обогнула автобус в каких-то дюймах от корпуса.

Истошно сигналя, машина вырвалась на перекресток, описала полный круг и остановилась на обочине дороги.

Сидни, крепко зажмурившись и трясаясь всем телом, откинулась на спинку сиденья, пытаясь бешеный стук сердца. Рядом она слышала тяжелое дыхание Эммы. Сидни открыла глаза. Эмма сидела опустив руки и уронив голову на руль.

— Ты как? — спросила Сидни — Не пострадала?

Эмма медленно покачала головой.

— Отделалась легким испугом, — дрожащим голосом проговорила она.

— Я тоже. — Сидни вздрогнула, на секунду представив себе, чем все могло закончиться. — Как нам повезло, Эмма. Ведь мы могли погибнуть!

— Да. Именно этого он и хотел.

Сидни пораженно уставилась на подругу.

— Что? О чем это ты?

— Я была права. — Эмма повернулась к Сидни, в глазах ее застыл страх. — Джейсон *действительно* хочет меня убить. Разве не ясно? Это он испортил тормоза. Вот почему он вызвался отремонтировать мою машину!

— Господи, Эмма! — воскликнула Сидни. Сначала ты утверждала, что он нарочно столкнул тебя с лестницы. Теперь ты обвиняешь его в том, что он сломал тормоза! Ты сошла с ума!

— Да? — Эмма сощурила глаза. — Пока он не покопался в машине, тормоза были в порядке, — процедила она сквозь зубы. — Все прекрасно работало. У меня были проблемы с карбюратором, но с тормозами — никогда!

— Машина очень старая, совсем рухлядь, — пыталась урезонить подругу Сидни. — Может быть, тормоза уже давно пора было менять, а ты об этом не подозревала.

— Думаешь? — с сомнением спросила Эмма.

— Ну конечно! — кивнула Сидни.

С тяжелым вздохом Эмма отстегнула ремень безопасности и открыла дверцу.

— Взгляну, что там случилось. А потом пойдем в город и вызовем тягач.

Все еще дрожа, Сидни, машинально намотав на палец прядь волос, смотрела, как Эмма вышла из машины и открыла капот.

С металлическим скрежетом крышка поднялась вверх. Эмма,

нагнувшись, заглянула внутрь, потом опустилась на колени и исчезла из вида.

«Что она там делает?» — гадала Сидни. Вытянув шею, она пыталась разглядеть, чем занимается Эмма, но та через минуту уже снова была на ногах.

— Сидни! — позвала она.

— Ну? — От ее тона у Сидни тревожно сжалось сердце. — Что там?

— Иди сюда! — В голосе Эммы звучал неподдельный страх. — Сама увидишь!

Сидни вышла из машины и заглянула под капот.

— Ну? Я ничего не вижу. Что ты хотела мне показать? — прерывисто дыша, спросила она.

Глава 11

— Не здесь, — сказала Эмма.

Схватив Сидни за запястье холодными пальцами, она потянула ее вниз. Вслед подругой Сидни опустилась коленями на шершавый гравий.

Эмма указывала рукой на дно машины рядом с левым передним колесом.

— Смотри сюда!

Сидни нагнулась, пытаясь понять, что ей хотела показать Эмма.

За колесом змеилась длинная металлическая трубка не толще соломинки. Сидни, пригнувшись, увидела, что она перерезана.

— Что это?

— Тормозной шланг, — пояснила Эмма.

— Что? Ты хочешь сказать, что?..

— Я посмотрела и с другой стороны. Там тоже перерезано, — объявила Эмма.

Сидни медленно выпрямилась.

— Это не случайность, Сидни, — мрачно подытожила Эмма. — Кто-то намеренно перерезал шланг.

Сидни в ужасе смотрела на подругу. Она, конечно, имеет в виду Джейсона.

Не *кого-то*, а именно Джейсона!

Сидни в растерянности вернулась на свое место.

Эмма села за руль. Громко хлопнула дверца.

— А ты мне не верила! — с горечью воскликнула Эмма. — Ну что, теперь убедилась? Джейсон *хочет* меня убить!

Сердце гулко колотилось в груди. Сидни накрутила на палец прядь темных волос и стиснув зубы крепко зажмурилась.

— Неправда! — вдруг вырвалось у нее. — Этого не может быть!

— А ты подумай! — продолжала Эмма. — Мы нашли кучу денег. Ты рассказала об этом Джейсону. Потом он якобы случайно столкнул меня с лестницы. И вот теперь «починил» мою машину.

— Да уж, починил. Починил так, что мы чуть не погибли!

Сидни хотелось закричать. Объяснить Эмме, что она ошибается. Что все это просто совпадение.

Но она молчала. Молчала потому, что, может быть — всего лишь может быть, — Эмма была права.

— Джейсон позвонил мне как раз перед выходом, — медленно, с расстановкой проговорила она.

Глаза Эммы вспыхнули.

— Да?

— И когда я обмолвилась, что мы едем в город на твоей машине, он вдруг... словно переменялся.

— В смысле?

— Ну, сначала он спросил, почему мы решили взять не мою, а твою машину, а потом пытался отговорить меня ехать с тобой.

Эмма стукнула кулаком по рулю:

— Я так и знала!

— Да, но он не хотел, чтобы я ехала с тобой, — задумчиво продолжала Сидни. — Получается, хотел уберечь меня от беды.

— Не обманывай себя, Сид. Такой скряга, как он, ре станет делиться деньгами ни с кем, даже со своей девушкой. Когда он убьет меня, он уж придумает, как прикарманить все наши денежки.

— Хочешь сказать, он действительно попытается... убить меня? — прошептала Сидни.

Эмма кивнула:

— Можешь не сомневаться.

Сидни посмотрела в окно. На перекрестке показался легковой автомобиль. «На этом месте мы могли погибнуть, — с содроганием подумала она. — Неужели Джейсон и вправду сломал машину Эммы?

Нет, она все еще не верила в это, хотя, конечно, сомнения были. Нужно в этом разобраться. Нельзя же делать вид, что ничего не случилось!

— Сид? — вывел ее из задумчивости голос Эммы. — Как ты думаешь, что нам делать?

— Я поговорю с Джейсоном, — ответила Сидни. — Выскажу ему все прямо в глаза.

Эмма фыркнула:

— Ну да, конечно! И ты думаешь, он признается? Джейсон будет все отрицать. Будет смотреть на тебя невинными глазами и врать без зазрения совести.

— А что, у нас есть другой выход? — в отчаянии спросила Сидни.

— Есть, — тихо ответила Эмма. — Убить его.

Глава 12

— Эмма — вспылила Сидни. — Что ты такое говоришь? Как только у тебя язык повернулся!

— Извини. — Щеки Эммы вспыхнули. — Я не это имела в виду, Сидни. Я просто пошутила!

— Не смешно! Совсем не смешно.

— Извини, — вконец смутилась Эмма.

— В последнее время что-то стало слишком много таких шуток, — с горечью бросила Сидни. — Это уже перебор. Пора прекращать это. Хорошо?

— Хорошо, — кивнула Эмма. — Но как тогда быть с Джейсоном?

— Не знаю! Слушай, я больше не могу здесь сидеть. Пошли вызывать тягач. Поговорим по дороге, — может, придумаем что-нибудь.

Подруги оставили машину на обочине дороги, а сами быстрым шагом пошли по Дивижн-стрит в поисках телефона.

Прохладный весенний ветер ерошил волосы Сидни. Небо розовело в лучах заходящего солнца. Но Сидни ничего вокруг не замечала.

«Как нам быть?» — лихорадочно размышляла она.

Сидни оглянулась на Эмму. На ее лице застыл страх.

«Не удивительно, что она так напугана, — подумала Сидни. — Ведь чуть не погибла. Дважды».

Наконец девушки нашли таксофон. Сидни молча наблюдала, как Эмма набирает номер аварийной службы, потом сказала:

— Мне кажется, нам надо обратиться в полицию.

— И что сказать? — хмыкнула в ответ Эмма. Что твой парень хочет нас убить, чтобы прикарманить ворованные деньги?

— Ну, можно все представить по-другому.

— Как, например? — Эмма помолчала. — Если мы пойдем в

полицию, обязательно всплывет вся эта с история с деньгами. Если мы не расскажем, то расколется Джейсон. Причем сразу же, как только его начнут допрашивать.

— Наверное, ты права, — вздохнула Сидни.

— Еще бы. — Эмма перекинула через плечо рюкзак. — Идем. Нам еще встречать тягач.

— Эмма, стой! — Сидни схватила подругу за руку. — Слушай, меня уже все это достало! С тех пор, как мы нашли деньги, я стала превращаться в истеричку. Давай лучше откопаем их, сдадим в полицию и во всем признаемся!

— Нет! — испугалась Эмма. — Нам с мамой нужны эти деньги!

— До такой степени, что ты согласна умереть?

— Нет, конечно нет, — растерялась подруга, — Но с тех пор как мы их нашли, я только и думаю о том, теперь мы сможем оплатить мамину операцию! — Она тряхнула головой. — Да, я мечтала, сколько смогу себе закупить. Наверное, со стороны кажется, что меня обуяла жадность. Но, Сид, на самом деле мне нужны деньги только на одно: на мамину операцию.

— Знаю, — тихо сказала девушка, кусая губы. Ей так хотелось избавиться от этих денег, что она совсем забыла об операции.

«Все как в кошмарном сне, — думала Сидни. — Я сплю и не могу проснуться».

— Давай не будем ничего рассказывать полиции, — взмолилась Эмма. — Прошу тебя. Найдем другой выход!

«Какой? — спросила Сидни на обратном пути к машине. Если Джейсон хочет присвоить деньги себе, как мы сможем ему помешать?»

Эмма внезапно остановилась и крепко, до боли, стиснула руку Сидни.

— Слушай, у меня потрясающая идея! — заявила она. — Мне кажется, это решит все наши проблемы.

Глава 13

— Только больше никаких шуток про убийство, — предупредила подругу Сидни.

Эмма помотала головой:

— Нет, это совсем другое. Надо сделать вот что, Сид: взять Джейсона в долю.

— То есть поделиться с ним деньгами?

— Не просто поделиться — отдать ему третью часть, — продолжала Эмма. — Он будет нашим партнером, понимаешь? И станет на нашу сторону. — Она в упор смотрела на Сидни. — Ну что, правда, гениальная идея?

— Да! — обрадовалась Сидни. — Просто великолепная!

Теперь Эмма оплатит маме операцию. И все будут при деньгах. И никто не умрет...

* * *

Они вернулись к Эмме, Сидни позвонила Джейсону и попросила его приехать для важного разговора.

— Пусть лучше он узнает сейчас, — объяснила она. — Иначе я не буду спать всю ночь.

Джейсон примчался почти сразу. Видно было, что его разбирает любопытство.

— В чем дело? — спросил он, переводя взгляд с Эммы на Сидни.

Сидни минуту молча всматривалась в его лицо... Господи, если бы я умела читать мысли! Правда ли, что он пытался убить Эмму? Неужели мог пойти на такое?

— Ну, так в чем дело? — нетерпеливо повторил Джейсон. — Что вы на меня уставились?

— Тормоза — у Эммы отказали тормоза, — выпалила Сидни, пристально наблюдая за выражением лица парня. — Ты

ремонтировал ее машину. А потом оказалось, что перерезан тормозной шланг, мы едва не... — Слова застряли у нее в горле

Джейсон смотрел на Сидни с открытым ртом.

— Я лично проверял тормоза! — заявил он. — Все было в полном порядке! Клянусь!

— Но, Джейсон... — начала было Эмма. — Ты...

— После ремонта я проехал целый квартал, — оправдывался Джейсон. — С тормозами не было проблем. Никаких. Это точно!

Джейсон твердо выдержал пытливый взгляд Сидни. «Он не врет, — решила она для себя. — Он говорит так искренне. Нет, *не может быть*, чтобы он врал».

— С вами ничего не случилось? — спросил Джейсон. — Неужели тормоза совсем вышли из строя? Какой кошмар.

— Нам повезло, — тихо заметила Эмма.

Еще немного они поговорили о тормозах. Джейсон объяснял, что иногда у старых машин шланг перетирается и лопаается сам собой.

Эмма отвела Сидни в сторону.

— Даже не знаю, верить ему или нет, — прошептала она. — Я совсем запуталась. Неужели кто-то другой мог перерезать шланг? Или он и правда сам лопнул?

— Знаешь, а я ему верю, — сказала Сидни. — Разве ты не видишь, как Джейсон подавлен?

— Наверное, надо все-таки ему сказать про деньги.

Сидни кивнула.

— Что у вас за секреты? — прервал их Джейсон. — О чем вы там шепчетесь?

— Давай, Сидни, — подтолкнула подругу. — Скажи ему.

— Это была твоя идея, — заколебалась Сидни. — Сама и говори.

Джейсон застонал от нетерпения. Да говорите же *кто-нибудь*!

— Ладно, — решила Эмма. — Это насчет денег, которые мы нашли. Мы подумали, тебе будет приятно, если ты тоже получишь свою долю. Скажем, около тридцати трех тысяч.

В голубых глазах Джейсона мелькнуло недоверие.

— Шутите?

Сидни покачала головой:

— Нет. Просто мы хотим с тобой поделиться.

Джейсон минуту ошеломленно молчал. Потом на лице его расплылась широкая ухмылка.

— Просто не верится! — воскликнул он. — Господи!

Джейсон схватил Сидни за талию, приподнял и, покружив в воздухе, поставил на ноги и поцеловал в губы, потом порывисто обнял Эмму.

— Просто не верится! — повторил он, от радости приплясывая на месте. — Мне кажется, я схожу ума!

— Вот-вот, и с нами было то же, когда мы нашли мешок, — сказала Эмма. — Я ни разу в жизни не видела столько денег.

— Эй! — просиял Джейсон. — Отличная мысль! Надо на них посмотреть. Поехали!

— Прямо сейчас? — осторожно спросила Сидни. Ей не хотелось выкапывать деньги. Пытаясь придумать какой-нибудь предлог, она подошла к окну и заметила, что на небе собираются серые тучи.

— Будет дождь, — сказала она.

— Да. К тому же мы все равно пока не можем тратить эти деньги, — поддержала ее Эмма. — Нужно выждать время, убедиться, что их никто не ищет.

— А я и не говорю, что мы возьмем их и побежим по магазинам, — возразил Джейсон. — Мы только посмотрим на них, и все. Поехали, ну?

Эмма обреченно вздохнула:

— Ладно, думаю, не будет ничего страшного, если мы только взглянем на них. — Она повернулась к Сидни. — А ты что скажешь?

— в нерешительности молчала, потом пожала плечами:

— Хорошо. Поехали.

В конце концов, что может случиться?.. если только кто-нибудь

их не увидит...

Глава 14

Сидни остановила машину на опушке леса Фиар-стрит. Тучи сгущались. В воздухе пахло грозой.

— Давайте быстрее, — сказала она, когда все трое вышли из машины. — А то попадем под дождь.

— Не волнуйся, — улыбнулся ей Джейсон. — Только взглянем на деньги — и назад. Мне тоже не хочется промокнуть.

Он достал лопату из багажника и закинул ее на плечо, как грабли.

— Ну что, где зарыт клад?

Эмма пошла по узкой тропинке, ведущей к старой иве. За ней — Сидни, Джейсон замыкал шествие.

Уже смеркалось. Луна спряталась за тучи. В лесу было темно. Сидни вздрагивала от каждого шороха.

«Лучше бы мы никуда не ездили, — думала она, боязливо озираясь по сторонам. — И как я только дала себя уговорить?»

Когда дошли до ивы, начал накрапывать дождь. Холодные капли шлепали по листьям, глинистая почва размякла под ногами.

Эмма откатила камень. Джейсон воткнул лопату в землю.

— Знаете, что я куплю? — спросил он, откидывая в сторону комья земли. — Новую машину.

Сидни молча смотрела, как от каждого его движения играют под рубашкой крепкие мускулы. На пальце поблескивал серебряный перстень-печатка.

— А ты, Эмма? — продолжал Джейсон. — Что ты будешь делать со своей долей?

— Оплачу маме операцию, — ответила девушка. — А насчет остального еще не знаю. Мне столько всего нужно.

Сидни поежилась, смахнув со щеки холодную каплю. «Нужно было взять три лопаты, — подумала она, растирая озябшие руки. — Тогда копали бы все, и было бы не так холодно».

В лицо дул ледяной ветер. Сидни вздрогнула.

— Я к машине, за свитером, — сказала она.

Эмма повернулась к подруге:

— Мы уже почти закончили. Ты что, не хочешь посмотреть на деньги?

— Я успею вернуться.

Она пошла по тропинке назад. «Может, включить обогреватель и подождать их в машине? В лесу темнотища, страшно. Да и на деньги смотреть не хочется. Лучше бы я их никогда и не видела».

Сидни пошла назад, к иве, и тут где-то совсем рядом зашуршала листва. Сидни затаив дыхание, застыла на месте, напряженно вглядываясь в темноту.

«Никого, — с облегчением вздохнула она. — Наверное, просто какой-то зверек прошмыгнул в кустах».

И через пару шагов снова остановилась, обмирая от страха: тишину леса разорвал пронзительный крик.

Глава 15

— Не-е-ет! — Крик повторился снова.

Сидни задохнулась от волнения и страха.

«Это Эмма!» — с содроганием поняла она.

Сидни бросилась вперед.

Ноги не слушались, сердце готово было выскочить из груди, гулко стучал в висках пульс.

Добежав до ивы, Сидни резко остановилась, пораженная представшей ее глазам картиной.

Под ивой дрались Эмма с Джейсоном. Каждый тянул на себя лопату, пытаясь вырвать ее из рук друг друга.

— Я знала, я знала! — кричала Эмма.

— Да что ты знала? — шипел Джейсон, пытаясь разжать пальцы Эммы, мертвой хваткой вцепившейся в рукоять лопаты.

— Что ты *такой*! — взвизгнула Эмма.

Она со всей силы дернула лопату. Джейсон покачнулся, но устоял на ногах.

— Отдай, Эмма!

В темноте тускло сверкнула печатка на пальце Джейсона.

Эмма шагнула вперед и вдруг выпустила лопату.

Джейсон отлетел назад.

Пальцы его разжались, и лопата упала на землю. За ней тут же потянулась Эмма.

Хриплые вопли без слов, полные ненависти

Наконец Сидни снова обрела дар речи.

— Хватит! — крикнула она. — Прекратите!

Эмма вскочила на ноги, подобрав с земли. Джейсон обернулся на звук голоса Сидни, и в этот момент Эмма замахнулась лопатой и...

И со всей силы опустила ее на голову Джейсона.

Металл со свистом разрубил воздух.

Сидни закричала.

Стало тихо, только было слышно, как барабанит дождь по свежей молодой листве.

Джейсон застыл на мгновение. С мокрых волос сбегала вода, на носу повисла крупная капля.

Губы его шевельнулись, из горла вырвался хриплый стон.

Он упал на колени.

Глаза его закатились.

Сидни в ужасе смотрела, как он медленно оседает на землю и со стоном валится лицом в размякшее глинистое месиво.

Глава 16

Девушка словно окаменела. «Поднимайся!» — мысленно взывала она к Джейсону. — *Вставай!* — Джейсон не двигался.

Эмма отшвырнула лопату и опустилась на колени рядом с парнем.

«Иди туда! — велела себе Сидни. — Джейсон истекает кровью. Ему нужна твоя помощь!»

Но ноги не слушались.

Она будто приросла к месту.

— Эмма? — позвала она хриплым шепотом

Эмма медленно подняла голову. На лицо налипли мокрые пряди волос. В глазах застыл страх.

— Он... он мертв! — прошептала она.

Казалось, в лесу стало еще темнее. У Сидни к горлу подступил комок тошноты.

Зажав руками рот, она согнулась пополам, будто от удара в живот.

«Нет! Он не мог умереть! — Ее вдруг охватила паника. — Господи! Нет! Так не бывает!»

Сидни закрыла глаза и сделала глубокий вдох. Ее била дрожь.

Когда она снова открыла глаза, Джейсон все еще лежал лицом в грязи.

А Эмма все так же испуганно смотрела на нее.

"Это правда, — сказала себе Сидни. — Джейсон *мертв*".

— Из-за чего вы подрались? — выдавила она, все еще не в силах двинуться с места. — Что произошло?

— Он собирался забрать себе все деньги, — ответила Эмма. — Как только мы откопали мешок, Джейсон схватил его и хотел убежать, Сид! Забрать мешок и скрыться рыться с нашими деньгами!

Сидни глотнула ртом воздух.

Джейсон действительно жадный, — подумала она. — Эмма права.

— Я пыталась с ним поговорить, — продолжала подруга дрожащим голосом. — Я сказала ему, что он может набрать свою треть. И даже половину. Тогда вторую половину мы поделили с тобой пополам.

— А он? — тихо спросила Сидни.

— Джейсон рассмеялся мне в лицо! — сказала Эмма, вытирая струйки дождя и размазывая грязь по лицу. Он хотел все!

— И что потом? — Сидни было трудно говорить об этом. Но она должна знать все.

— Я стала отнимать у него мешок. А потом... он бросил в меня лопатой! — вскричала Эмма. — Сид! Джейсон мог меня убить!

Подруга умолкла, переводя дыхание.

— И что дальше?

— Я схватила лопату, и... ну, остальное ты видела.

Сидни кивнула.

Снова свело живот, и она не сразу смогла заговорить.

— Теперь у нас нет выбора, — наконец прошептала девушка.

— В каком смысле?

— Мы *должны* пойти в полицию.

— Нет! — Эмма вскочила на ноги и подбежала к Сидни. — Мы не можем! Мы не можем из-за Джейсона сломать себе жизнь!

— Но, Эмма, мы не только присвоили себе чужие деньги, — возразила Сидни, — мы... мы теперь *убийцы*!

Убийцы. Наконец-то до нее дошел весь зловещий смысл этого слова.

Убийцы... Убийцы...

— Нет. Не мы, — сказала Эмма. — Я убийца. Это я дралась с ним, Сид. Я ударила его. Я убила его — я, а не ты.

— Эмма, послушай меня, — не унималась ни. — Нам нужно вызвать по...

Эмма схватила подруга за руку.

— Я все улажу, — горячо зашептала она. — Я обо всем позабочусь. Тебе ничего не нужно будет делать, поверь.

— Я ничего не понимаю! — воскликнула Сидни. — Что ты можешь сделать? Нельзя же оставить его здесь!

— Знаю. — Эмма, закусив губу, огляделась по сторонам. — Озеро! — пробормотала она. — Утопим труп в озере Фиар-стрит. Там его могут искать годами

Воображение живо нарисовало Сидни тело Джейсона в холодных, мутных водах озера.

Убийцы... Убийцы...

Она обхватила себя за плечи, пытаясь унять озноб.

— Сид, я обо всем позабочусь, — говорила Эмма, крепко, до боли, стискивая ее руку. — Ты сейчас в шоке. Просто стой здесь, ладно?

Сидни кивнула.

Эмма вернулась к иве. Она положила мешок в яму и принялась работать лопатой, потом утрамбовала землю вокруг и бросила лопату в траву.

Сидни, дрожа всем телом, прислонилась к стволу дерева и прижалась щекой к мокрой шершавой коре, с ужасом глядя, как Эмма переворачивает Джейсона на спину и, подхватив его под мышки, пытается приподнять тело.

Эмма пыхтела и постанывала от натуги

Ей удалось сдвинуть тело на несколько футов. Руки Джейсона волочились по земле, голова запрокинулась назад.

Эмма передохнула, собралась с силами и протащила труп еще на несколько футов. Ноги парня с глухим стуком подпрыгивали на гладких корнях.

Сидни крепко зажмурилась. «Если бы я могла не слышать этих жутких звуков, — думала она. — Пыхтения Эммы, шороха листьев под ногами. Если бы я могла вычеркнуть из памяти весь этот кошмарный вечер!

Рядом хрустнула ветка.

Сидни приоткрыла глаза: Эмма волокла тело Джейсона в лес. Еще секунда — и она уже не могла ничего разглядеть.

Убийцы...Убийцы...

Дождь прекратился. Сидни слышала, как листья роняют тяжелые капли.

И тут тишину пререзал другой звук.

Громкий, переворачивающий душу всплеск

„Это Эмма бросила Джейсона в воду“, — с содроганием подумала Сидни и, борясь с тошнотой, еще крепче прижалась к дереву.

„Вск кончено, — твердила она себе. — Все кончено. Никто ничего не узнает“.

Дрожа от холода и нервного напряжения, Сидни ждала возвращения подруги.

„Эмма сейчас скажет, что все кончено, — успокаивала она себя, — и все будет хорошо“.

— Сидни! — послышался голос Эммы.

И девушка поняла: случилось что-то ужасное.

Потому что в голосе подруги была паника.

— Помоги мне! — кричала Эмма. — Помоги!.

Глава 17

— Сидни! — снова, на этот раз ближе, раздался испуганный голос Эммы. Она слышала где-то рядом ее натужное дыхание. — Помоги!

Девушка с трудом оторвалась от дерева. Ноги подкашивались, ее трясло и шатало. Чтобы не упасть, она снова прислонилась к стволу. И в этот момент на тропинке появилась Эмма.

— Что там? Что случилось?

Эмма согнулась, опершись руками о коло ми

— Джейсон... — задыхаясь от волнения и быстрого бега, проговорила она. — Не тонет! — Эмма выпрямилась и откинула за спину спутанные мокрые волосы. — Нужно привязать к телу какой-нибудь груз.

На Сидни нахлынула новая волна тошноты

— Я ничего не могу, — хрипло прошептали она. — Мне плохо, Эмма!

— Знаю. Я же сказала, что сама все сделаю. Просто помоги придумать, что привязать к труп.

«Господи, хоть бы Эмма замолчала, — думала Сидни, борясь с тошнотой. — Я не могу больше об этом слышать!»

— Можно привязать какой-нибудь тяжелый камень, — продолжала Эмма. — Только вот нет веревки. Слушай, можно я возьму это?

— Что?

— Твой пояс.

Сидни растерянно посмотрела на узкий красный ремешок на джинсах. От этого ей стало еще хуже.

— Так что, дашь? — повторила Эмма.

— Конечно, — еле слышно проговорила Сидни, окоченевшими пальцами пытаюсь справиться с застежкой. «Все, что угодно, — думала она, — лишь бы это поскорее кончилось!»

Онемевшие от холода пальцы не слушались, но наконец ей удалось расстегнуть пряжку и вытащить ремень.

— На, бери. Извини, Эмма. Прости, что не помогаю. Мне так плохо, что я даже думать не могу!

— Все нормально. Жди меня здесь, Сид. Я скоро вернусь, и мы поедем домой.

Подруга скрылась в лесу. Сидни снова прижалась к дереву. Едва она открывала глаза, как на нее накатывала тошнота и перед глазами расплывались черные круги.

Опустившись на колени, девушка нагнулась, и ее стало выворачивать так, что до боли сводило мышцы живота. На глаза навернулись слезы.

Когда наконец приступ прошел, Сидни, шатаясь, выпрямилась и снова, чтобы не упасть, схватилась за ствол и прижалась горячей щекой к влажной холодной коре. И тут ей показалось, что она слышит голоса.

Голоса двух людей.

Сердце бешено забило. «В лесу есть кто-то еще! Мы с Эммой... здесь не одни!»

Глава 18

Голоса доносились издалека, и Сидни не могла разобрать слов.

Но судя по всему, они приближались. «Уходи отсюда! — сказала себе Сидни. — Уходи, пока никто тебя не увидел!»

Она сделала шаг, другой и застыла на месте.

Эмма! Нельзя же бросить Эмму одну!

Пока Сидни раздумывала, что же делать, голоса стихли.

«Куда они пропали? — гадала она. — Не могли же просто исчезнуть!»

Сидни вздрогнула, услышав шорох листьев и хруст веток, и резко обернулась: к ней из леса бежала Эмма.

— Слава богу, ты здесь! — с облегчением воскликнула она. — Ты слышала голоса?

— Нет. — Эмма остановилась. Джинсы и волосы были в грязи. Все лицо и руки — в черных разводах. — Я ничего не слышала. Ничего.

Сидни огляделась по сторонам. Было тихо. Только поскрипывали колышущиеся на ветру ветви деревьев.

— Наверное, это от шока. Похоже, мне померещилось.

— Конечно. — Эмма заметно нервничала. — Надо выбираться отсюда.

— Да, но... — Сидни колебалась. — А ты?.. Джейсон?..

Эмма кивнула. Губы ее тронула мрачная усмешка.

— С ним все кончено.

* * *

Спустя двадцать минут Сидни остановила машину напротив дома Эммы. Часы на приборной панели показывали десять вечера.

Сидни все произошедшее казалось нереальным. Не верилось, что

несколько часов назад Сидни вот так же, как сейчас, подъехала к этому дому, думая, что они с Эммой едут в город.

— Пожалуй... — У Сидни пересохло во рту, язык онемел, За всю дорогу они с Эммой не сказали друг другу ни слова. — Пожалуй, я сразу поеду домой.

Подруга не ответила.

Сидни посмотрела на нее. В тусклом мерцании часов на панели она увидела, что по ее щекам текут слезы.

— Эмма? — тронула ее за руку Сидни. — Ты в порядке?

Эмма тряхнула головой.

— Я просто... — Она всхлипнула. — Я сделала это, Сид. — Я убила его!

Эмма разразилась рыданиями. Сидни обняла ее за плечи.

— Только теперь я начинаю это осознавать, — сквозь слезы говорила Эмма. — До этого я была не в себе. И только поэтому я смогла довести все до конца. А теперь... теперь...

Сидни кивнула. Ее тоже душили рыдания.

Эмма повернулась к Сидни. В глазах ее стоял страх.

— Я убила человека! А завтра — в школу! Как мы сможем идти туда и делать вид, будто ничего не случилось?

Сидни сжала ее плечо.

— Никому в школе и в голову не придет в чем-то нас подозревать, — сказала она. — К тому же у нас нет выбора. Единственное, что мы можем сделать, — это вести себя как обычно до тех пор, не найдут тело.

«Господи, послушать только, что я говорю! — поражалась сама себе Сидни. — Я рассуждаю о смерти Джейсона так, словно это обычное дело!»

— Наверное, ты права. — Эмма вытерла слезы и посмотрела на свой дом. — Я пойду. Надо привести себя в порядок до прихода мамы.

— Иди. — Сидни вздохнула. — Постарайся не волноваться, Эмма. Все будет хорошо.

Хорошо? Девушка и сама в это не верила. "Сначала мы присвоили чужие деньги, а теперь вот Джейсон мертв".

Убит.

Чего же хорошего?

* * *

Сидни осторожно повернула ключ в замке. На цыпочках пересекла холл и широкий коридор в западном крыле дома.

Из-за приоткрытой двери гостиной доносились приглушенные голоса родителей.

«Нельзя, чтобы они увидели меня в таком виде, — подумала Сидни. — Даже если бы я не была вся в грязи, по одному выражению моего лица они тут же догадаются: что-то случилось — и станут задавать миллионы вопросов. Но все равно нужно дать им знать, что я дома».

Сидни на цыпочках подбежала к лестнице, которая вела наверх, к спальням, остановилась и громко крикнула, стараясь, чтобы голос ее звучал как обычно:

— Я дома!

— Привет, милая, — отозвался папа. — Ты сегодня поздновато.

— Да, — Сидни тщетно пыталась придумать хоть какую-нибудь отговорку. — Извините.

— Что нового? — поинтересовалась мама.

— Ничего особенного. Приму ванну, а потом еще позанимаюсь. Спокойной ночи.

Боясь, что родители могут выйти из гостиной и застать ее врасплох, Сидни поспешила подняться к себе в комнату.

Как только она закрыла за собой дверь, ее снова бросило в дрожь. В памяти оживали образы и звуки: шелест листьев, шорох дождя. Глухой удар лопаты о затылок Джейсона. Белки закатившихся глаз. Неподвижное тело в месиве размякшей от дождя земли.

Сидни зашла в ванную, быстро разделась.

Горячая ванна с розовым маслом помогла снять напряжение. Девушка долго лежала в воде, заставляя себя не думать о случившемся. Потом она расстелила постель и юркнула под одеяло. Надо думать о контрольной по истории. Может, тогда удастся заснуть.

Закрыв глаза, Сидни пыталась вспомнить все, что ей было известно о гражданской войне, и незаметно для себя провалилась в тяжелый сон.

Вдруг что-то ее разбудило. Сидни машинально взглянула на часы — половина четвертого утра.

Со вздохом она перевернулась на спину.

У кровати кто-то стоял.

— Мама? — сиплым со сна голосом спросила Сидни. — Это ты?

Ответа не последовало.

Темная фигура шевельнулась. В этот момент на лицо незнакомца легла полоса лунного света.

Джейсон!

Этого не может быть! Это сон!

Но нет. У кровати стоял Джейсон и в упор смотрел на Сидни.

Рубашка перепачкана грязью и илом. С головы свисали водоросли, змеей обвиваясь вокруг шеи.

На волосах запеклась кровь, бурые пятна темнели на воротнике.

— Ты... ты же мертв! — дрожащим от страха голосом прошептала Сидни.

Но глаза Джейсона горели живым блеском.

И смотрели на Сидни с горечью и укором.

Глава 19

— Нет! — вскрикнула Сидни. — Ты мертв! Ты мертв!

Всхлипывая, она протянула руку к выключателю ночника, но промахнулась в темноте. Лампа закачалась на тумбочке и накренилась.

— Нет! — Сидни вскочила с кровати, успела подхватить падающий ночник и нащупала кнопку выключателя.

Прижавшись спиной к стене, она выставила лампу перед собой, морщась от яркого света.

Джейсон?.. Никого не было.

Никого:

— Сидни? — послышался из коридора встревоженный голос отца, раздался тихий стук в дверь. — Ты кричала. С тобой все в порядке?

— Я... Да, все нормально. — Голос Сидни дрожал. — Мне приснился страшный сон.

«Да, все происходило как наяву, но это был только сон», — сказала она себе.

— Сидни, ты уверена, что все в порядке? — беспокоился папа.

«Какое там, — невесело подумала Сидни. — Может быть, когда-нибудь и будет все в порядке... А может, никогда...»

— Конечно, — ответила она. — Извини, папочка, что разбудила. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, родная.

Сидни, шатаясь, поднялась на ноги. Сердце сих пор колотилось, руки тряслись. Она поставила лампу на тумбочку.

Она вдруг вспомнила про Эмму. «Жаль, что сейчас ей не позвонить. А то бы рассказала, что мне привиделось».

Сидни со вздохом посмотрела на часы: нельзя же будить людей среди ночи.

Кроме того, это всего лишь ужасный сон.

Иначе и быть не могло.

Джейсон мертв. Тело его покоится на дне озера Фиар-стрит.

Сидни снова легла, но свет выключать побоялась. Интересно, Эмме тоже снятся кошмары?

* * *

Тишина утра взорвалась громким электронным писком. Господи, до чего противный звук. Когда же это кончится!

Не открывая глаз, Сидни нащупала кнопку и выключила будильник.

«Как я устала, — сквозь сон подумала она, уткнувшись лицом в подушку. — Как я устала».

В этот миг девушка вспомнила все, что случилось накануне, и подскочила на кровати.

Джейсон!

Эмма убила Джейсона. Ударила его в лесу лопатой. Он умер, а она привязала к нему камень и утопила труп в озере Фиар-стрит. А потом приснился этот кошмарный сон.

Сидни медленно обвела взглядом комнату.

«Вон там ночью стоял Джейсон. Весь в грязи и крови. И смотрел на меня. Смотрел так, будто винит меня в своей смерти».

...В окно врывались солнечные лучи. В спальне было тепло, но Сидни била дрожь. Кутаясь в одеяло, она поджала ноги и обхватила руками колени.

Джейсон умер, — сказала она себе. — Это не сон, а реальность".

Пытаясь унять нервную дрожь, Сидни положила голову на колени и прерывисто вздохнула. "Неужели он будет являться мне каждую ночь?"

Снова пищал будильник. Девушка, вздрогнув от неожиданности, выключила его. Пора вставать, а опоздаешь в школу. Туда ей хотелось сейчас меньше всего на свете. Но Сидни понимала: чтобы не навлечь на себя подозрений, она должна вести себя как можно

естественнее.

Делать вид, что все замечательно. Притворяться, что она не знает о смерти Джейсона. Будто не видела, как он лежал под старой ивой лицом в грязи.

"Все, хватит! — приказала себе Сидни. — Хватит думать об этом!"

Откинув одеяло, она побежала в ванную. Вчерашняя одежда грудой лежала на плиточном полу. Девушка запихала ее в корзину для грязного белья.

Быстро сполоснувшись под душем, Сидни завернулась в белый махровый халат и встала перед зеркалом, разглядывая черные круги под глазами. Трясущейся рукой она расчесала мокрые волосы. В ванной парило от горячей воды, но ее все равно знобило.

Расческа путалась в волосах. Сидни в раздражении швырнула ее на тумбочку и вышла из ванной.

Они подошла к шкафу, открыла дверцу и, окинув взглядом длинный ряд вешалок, задумалась: что надеть? Джинсы? Юбку? Что-нибудь яркое? Или, наоборот, черное?

В самом деле, что надевают на следующий день после соучастия в убийстве своего парня?

"Прекрати! — снова осадил себя Сидни — Надевай что угодно и отправляйся в школу".

Она достала джинсы и цветастую блузку, обернулась и тут же застыла на месте.

Нет! Не может быть!

В ушах гудело, сердце учащенно билось. Тряхнув головой, Сидни шагнула к кровати.

Взгляд ее был прикован к пушистому бежевому коврику.

На нем были грязные следы. Следы ног Джейсона.

Глава 20

— Тебе все это приснилось, Сидни. — Эмма, захлопнув дверцу шкафчика, решительно потряхнула головой.

Сидни крутила на указательном пальце прядь волос.

— А как же следы, Эмма? — с жаром возразила она. — Джейсон исчез, а следы-то остались. Я видела их утром собственными глазами!

— Ш-ш! — шикнула Эмма, дернув Сидни за руку. — Хочешь, чтобы все услышали?

— Разумеется, нет. Но эти следы, Эмма... Не привиделось же мне! Я их видела, точно видела!

— Хорошо, пусть, — согласилась Эмма. — И я, кстати, могу объяснить, как они там появились.

— Как?

— Все очень просто. Мы ведь все были в лесу, так? Значит, эти следы... *твои*!

Сидни задумчиво посмотрела на подругу.

— Думаешь?

— Ну конечно! — убежденно заявила Эмма. — Я вот, например, когда вчера пришла домой, была в грязи с головы до ног. На одежду смотреть было страшно, а уж на ботинки — тем более. Хочешь сказать, ты была чище?

Сидни кивнула.

— К тому же, — продолжала Эмма, — не обращала внимания, где стоишь и где ходишь. Тебе хотелось поскорее снять с себя мокрую одежду, так?

— Так. Я была в истерике, — призналась Сидни. — Я почти ничего не помню, кроме того, что была в ванной. — Она прерывисто вздохнула. — Пожалуй, это и вправду *мои* следы.

— Твои, твои, — подтвердила Эмма. — Я понимаю: ты испугалась. Еще бы — приснилось такое. Но надо смотреть на вещи реально: сны не оставляют следов.

"Эмма, как всегда, права, — думала Сидни. — Права... наверное..."

* * *

— Привет! — с улыбкой окликнула Сидни Торн Джейсон, когда они после урока английского вместе выходили из класса. — А где Джейсон?

— Он... — Пульс у Сидни участился. Ее бросило в жар. — Я не знаю.

Тори скептически вздернула брови:

— Вы всегда вместе. И ты будто бы не знаешь, где он?

Она испытующе смотрела на Сидни, словно стремилась прочесть ответ в ее глазах. Наконец она тихо охнула:

— Только не говори, что вы с ним расстались!

«Нет, просто он умер», — с горечью подумала Сидни.

Перед глазами снова возник образ Джейсона — каким он явился ей ночью в спальне. Она тряхнула головой и заставила себя улыбнуться.

— Нет, мы не расстались, — сказала она. — Мы просто сегодня еще не виделись, вот и все. Наверное, он заболел.

Тори кивнула и пошла по коридору.

Сидни вздохнула и поплелась в другую сторону, к своему шкафчику.

Тори не единственная, кто спрашивал сегодня Джейсоне. Казалось, всем в школе вдруг срочно понадобилось знать, где он и почему они не вместе.

И каждый раз, когда ей в очередной раз задавали этот вопрос, сердце Сидни начинало колотиться, а щеки пылали. Сама она не поверила бы ни одному своему слову.

Кто-то тронул ее за плечо. Сидни вздрогнула от неожиданности.

Перед ней стоял Керт Уолтерс, парень вместе с ней ходивший на историю, он улыбался.

— Извини. Кажется, я тебя напугал?

— Немного.

Нервно засмеявшись, Сидни пошла дальше.

Керт пристроился рядом.

— Трудная сегодня была контрольная, а? Как думаешь, ты все правильно написала?

— Кажется, нет, — буркнула в ответ Сидни.

Хоть на этот раз она сказала правду! Все, что она знала о гражданской войне, после вчерашнего вылетело у нее из головы.

— Ну, значит, мы в одной команде, — пошутил Керт. — Эй, а где Джейсон?

«Господи, опять! — обреченно подумала девушка. — И зачем я только сегодня пришла?! Знала же, что все будет спрашивать, почему нет Джейсона!»

Керт выжидающе смотрел на нее.

— Он вообще в школе?

— Нет. — Сидни, закусив губу, старательно отводила взгляд, боясь, что Керт услышит глухие удары ее сердца. — Лично я его не видела. А ты?

— Если бы видел, не спрашивал.

— Да, и правда. — Сидни выдавила жалкую улыбку. — Наверное, он заболел.

— Наверное. — Керт с любопытством посмотрел на нее и пожал плечами. — Ладно, увидимся.

— Пока.

«Он понял, что я вру, — подумала Сидни вслед Керту. — Странно, как другие не догадались!»

Сидни вздохнула. Сама говорила Эмме, что нужно вести себя как обычно, но даже не ожидала, что это окажется настолько трудно.

«Хорошо хоть уроки закончились, — подумала она, подходя к шкафчику. — Теперь можно домой, залезть в ванну... И попытаться хоть на минуту забыть о Джейсоне».

Когда Сидни открыла дверцу, из шкафчика что-то выпало. Она машинально посмотрела на пол.

У ног ее лежал маленький конверт, сложенный пополам.

Странно. Может, школьная листовка или флаер на концерт?

Сидни нагнулась и подняла конверт с пола.

Он был мокрый.

И грязный. С одной стороны на бумаге бурые разводы.

Девушка вздрогнула, вспомнив следы на ковре.

«Не паникуй, — сказала она себе. — Утром шел дождь. Так что это просто в коридоре натоптано».

Сидни повертела конверт. Там было что-то твердое и тяжелое. Она нащупала предмет пальцами. Нет, это точно не флаер.

Сидни быстро надорвала конверт, заглянула внутрь. Что-то сверкнуло.

Девушка вытряхнула блестящий металлический предмет на дрожащую ладонь и молча воззрилась на него.

Кольцо. Именная печатка Шейдисайд-Хай с выгравированными инициалами владельца.

«Дж. Ф.»

Джейсон Филлипс.

Кольцо Джейсона.

Глава 21

В глазах потемнело. Закружилась голова.

Руки так тряслись, что Сидни, чтобы не выронить кольцо, пришлось сжать пальцы в кулак.

Вчера вечером это кольцо было на руке Джейсона! Я видела его собственными глазами! Оно сверкало у него на пальце, когда он выкапывал деньги!

Как же кольцо оказалось здесь?

Сидни медленно разжала пальцы.

На ладони поблескивала печатка Джейсона.

— Нет, — прошептала она, трясая головой. — Нет!

— Сидни, что с тобой?

Девушка испуганно обернулась, больно ударившись плечом о дверцу шкафчика. Рядом стояла Эмма и озадаченно смотрела на нее.

— А, это ты, — хриплым шепотом выдавила Сидни. — Ты не поверишь.

— Во что? — спросила Эмма, хмуря брови. — Что с тобой, Сидни? Ты стоишь тут, трясешь головой, что-то бормочешь себе под нос.

— Смотри! — Сидни протянула кольцо Эмме. — Это печатка Джейсона. Она лежала у меня в шкафчике в конверте. — Сидни показала подруге испачканный конверт, упавший на пол. — Видишь грязь? И еще он весь мокрый.

— Сид...

— Как кольцо Джейсона могло оказаться у меня шкафу? — прерывающимся голосом продолжала Сидни. — Я видела его, Эмма! Видела его у него на пальце, когда... в общем, вчера вечером!

— Сидни, успокойся, дай мне подумать! — раздраженно перебила ее Эмма. — Я не обратила внимания, было ли кольцо на руке Джейсона. А ты убеждена, что было?

— Да. Ну... почти.

— Тогда, может, тебе просто кажется, что ты видела его, — предположила Эмма. — А Джейсон сам положил его сюда. Он ведь и раньше оставлял у тебя в шкафчике свои вещи, да?

— Да, но...

— Смотри, спортзал прямо по коридору, должна рассуждать Эмма. — Так что он мог положить его сюда перед тренировкой... ну, знаешь, чтобы не потерять.

— Но, Эмма, я же заглядывала сегодня в шкафчик два раза, — возразила Сидни. — И никакого конверта не было!

— Ты уверена?

Сидни закрыла глаза, пытаясь вспомнить. Утром она открыла шкаф, повесила куртку, достала тетради. Потом после завтрака убрала тетради и взяла учебники для оставшихся уроков.

— Ну? — нетерпеливо спросила Эмма.

— Да, я уверена: его здесь не было, — ответила Сидни и добавила со вздохом: — Хотя знаешь, я... я уже ни в чем не уверена!

— Тогда могу поспорить, что кольцо все время лежало у тебя в шкафчике, — сказала Эмма. — Я его просто не заметила среди тетрадей.

— Думаешь?

— Господи, ну конечно! — воскликнула Эмма. — Другого объяснения нет.

Сидни нерешительно посмотрела на подругу.

— Сначала следы на ковре, — пробормотала она. — Потом это. Я уже подумала...

— Хватит думать. — Эмма крепко сжала ее руку. — Ты сводишь себя с ума, Сидни. Успокойся.

— Я пытаюсь! — вскричала Сидни. — Но все целый день спрашивают меня о... — спохватившись, она огляделась по сторонам и понизила голос, — о Джейсоне. «Где он? Почему он не со мной?» Мне кажется, я чокнусь! А теперь я нахожу в шкафу его кольцо!

— Я понимаю. Но кольцо точно лежало там со вчерашнего дня, а

ты его просто не замечала. — Эмма снова стиснула руку подруги. — Все нормально. Не устраивай истерики!

Сидни старалась дышать глубже. «Скорее всего, Эмма права насчет кольца, — думала она. — И насчет того, что у меня начинается нервный припадок».

«Соберись! — приказала себе Сидни. — Нужно, нужно собраться!»

Она сунула кольцо Джейсона в карман джинсов, и, пригладив волосы, заставила себя улыбнуться.

— Я уже успокоилась. Все в порядке. Вот и отлично, — засмеялась Эмма. — Пошли. Пора домой. Сегодня был самый трудный день. Дальше будет легче.

«Надеюсь, — подумала Сидни. — А то я долго так не выдержу».

Сидни взяла куртку и захлопнула шкафчик.

— Высадить тебя у «Сайнплекса»? — спросила она, когда они шагали по коридору к выходу.

— Не надо. Лучше отвези меня домой.

— Ты что, сегодня не работаешь? Я позвонила, сказала, что болит голова. — Эмма пощупала лоб и поморщилась. — Это не далеко от истины. Голова у меня и вправду раскалывается. Приеду домой — сразу лягу спать.

«И я тоже. Сначала в ванну, потом — отсыпаться. Думаю, Джейсон больше мне не приснится».

Небо было все так же затянуто тяжелыми тучами, но дождь прекратился. Перепрыгивая через лужи. Сидни с Эммой побежали к машине, припаркованной на школьной стоянке.

Эмма открыла дверцу и хотела положить рюкзак на заднее сиденье, но вдруг отскочила назад.

— О господи! — вскрикнула она.

— Что? Что там? — испугалась Сидни.

Лицо Эммы побледнело. Трясущейся рукой она указала на машину.

— Смотри сама!

Сидни заглянула в салон и похолодела от ужаса.

На заднем сиденье лежала лопата с засохшими комьями грязи.

Но не это заставило Сидни содрогнуться...

Пятна крови.

Еще свежие, не запекшиеся, кое-где смазанный темно-красные брызги, оставлявшие багровые потеки на светло-бежевом чехле сиденья.

Глава 22

— Ка... как она сюда попала? — с трудом выдавила Сидни.

— Не знаю! — простонала Эмма. — Не я ее сюда положила!

— Что?! — задохнулась Сидни. — Куда ты дела лопату? Ты что, ее не спрятала?

— погоди, дай вспомнить!

Эмма зажмурилась.

— Когда я ударила Джейсона, я бросила лопату на землю-.. — с закрытыми глазами медленно проговорила она. — Я... я о ней совсем забыла. Мне и в голову не пришло вернуться и забрать ее.

— И как же тогда она оказалась у меня в машине? — с раздражением спросила Сидни.

— Говорю тебе, не знаю! — воскликнула Эмма. Она перевела взгляд на лопату и громко охнула. — Сидни, нас, наверное, кто-то видел!

У Сидни от страха перехватило дыхание.

— Ты ведь слышала голоса в лесу, да? — рассуждала Эмма. — Когда я бросила Джейсона в озеро и вернулась, ты мне сказала, что где-то рядом раздавались негромкие голоса, помнишь?

— Помню. — Сидни крепко сжала челюсти, чтобы не стучали зубы.

— Я решила, что тебе просто показалось — ты ведь была сама не своя, — продолжала Эмма. — Но, видно, я ошиблась. Наверное, кроме нас в лесу был еще кто-то.

«За нами следили, — с содроганием подумала Сидни, — прятались в темноте и наблюдали за происходящим».

— Кто бы ни были те люди, они наверняка нашли лопату, Сид! — вскричала Эмма. — И специально подложили ее в твою машину, чтобы напугать нас!

— Напугать? Зачем? — хриплым шепотом спросила Сидни. — То есть ты хочешь сказать, что кто-то видел, как мы убили Джейсона? Или лопату нашли уже после того, как мы убежали?

Зачем они засунули лопату в мою машину? Что им надо? — От волнения голос ее дрожал и срывался.

— Я думаю, нам нужно успокоиться и ждать, что будет дальше, — сказала Эмма и вздрогнула. — Мне так страшно, Сид.

«Мне тоже, — подумала Сидни. — Но это даже не страх. Это дикий ужас».

Она еще раз заглянула в салон. Лопата лежала на заднем сиденье, пачкая светлый чехол грязью и кровью.

С воплем ярости Сидни схватила лопату за черенок, вытащила из машины и швырнула в багажник.

— Ну, и что нам теперь делать? — спросила она, переводя дыхание.

— Не знаю. — Эмма стряхнула грязь с сиденья и села в машину. — Мы сейчас слишком напуганы, чтобы мыслить здраво. Можем наделать глупостей. Давай поедem к тебе домой и попробуем успокоиться. Тогда и обсудим, как быть дальше.

— Хорошо.

Сидни дрожащей рукой вставила ключ в зажигание. Это у нее получилось только с третьей попытки и двигатель наконец завелся.

Выруливая со стоянки, девушка так резко дернула переключатель скоростей, что машина рванулась вперед, Сидни подбросило вверх, и она больно стукнулась головой о крышу.

— Эй, помедленнее! — осадила ее Эмма. — Сейчас нам только не хватало еще штрафа за превышение скорости!

«Это точно, — подумала Сидни. — Если нас сейчас остановят, у меня совсем сдадут нервы».

Сбавив скорость, она взглянула на Эмму:

— Может, лопату спрятать? Закопать где-нибудь? Или лучше смыть с нее кровь и отнести к нам в гараж?

— Нет, — покачала головой Эмма. — Нас же видели в лесу, забыла?

У сидни от этой мысли свело живот, сердце снова заколотилось, а взгляд машинально скользнул к зеркалу заднего вида.

Позади ехал голубой автомобиль. Интересно, давно он их преследует? Поглядывая в зеркало, Сидни свернула на Парк-драйв.

Голубая машина тоже повернула.

На лбу у Сидни выступил холодный пот. Крепко вцепишись в руль, она с трудом заставляла себя не давить на педаль.

Квартал.

Два квартала.

Голубой автомобиль следовал за ними.

Сидни свернула в Норт-Хиллз, богатый район Шейдисайда.

Преследователь не отставал.

«Кто это? — гадала Сидни. — Тот, кто видел нас в лесу?»

— Эмма, — наконец с дрожью в голосе сказала она, — видишь сзади ту голубую машину?

Эмма обернулась:

— Какую?

Сидни посмотрела в зеркало.

Позади — пустая дорога.

— Она была там! — растерянно пробормотала девушка.

— Я не сомневаюсь, — заверила ее Эмма. — Она что, висела у нас на хвосте?

— Да нет. Наверное, мне просто показалось. Я... я, кажется, схожу с ума. — Сидни вздохнула и, немного успокоившись, сбавила скорость.

Спустя десять минут она остановила машину у гаража, и вместе с Эммой они вошли в дом.

Родителей, слава богу, еще не было.

На столике в холле лежала свежая почта, разделенная на три стопки: для мамы, папы и Сидни.

Сидни взяла свою стопку и повела Эмму на кухню. Там она достала из холодильника две банки пепси:

— Идем. Поднимемся ко мне в комнату, пока никто не пришел.

Меньше всего на свете хочется сейчас рассказывать, как прошел день и как я написала контрольную по истории!

В спальне Сидни бросила рюкзак и почту на пол. Почта рассыпалась по ковру: журнал, счет за страховку машины и... белый конверт без обратного адреса.

Охваченная любопытством, Сидни поставила банку с пепси на тумбочку, подобрала конверт с пола и, усевшись на кровать, надорвала его.

Внутри был сложенный вдвое белый листок бумаги.

Сидни развернула его, прочитала короткий печатный текст и словно оцепенела.

— Что случилось? — испугалась Эмма. — Ты бледная как смерть.

Сидни облизнула губы, комкая письмо в руке.

— Сид? Что случилось? — повторила Эмма. Что там написано?

Сидни прокашлялась.

"Я видел тебя в лесу, — прочитала она осипшим голосом. — Я знаю, как тебя зовут. Твое имя—*Убийца*".

Глава 23

В ушах у Сидни стоял протяжный гул, похожий на завывание ветра. Письмо выпало у нее из рук. Она посмотрела на Эмму.

Эмма ответила ей испуганным взглядом.

Обе молчали.

Наконец Сидни прошептала:

— Это уже не сон. И я не сошла с ума. Все это наяву!

Эмма подобрала листок с пола и пробежала его глазами.

Сидни забралась с ногами на кровать и обхватила колени руками.

— Что же нам делать? — в сотый раз девушка задала все тот же вопрос. — Кто-то знает о том, что случилось, знает, что мы убили Джейсона!

Эмма провела рукой по волосам.

— Никто не сможет доказать, что его убили мы, уверенно заявила она. — Тело Джейсона пока не найдено. А когда его найдут, мы станем все отрицать.

— Но, Эмма, — с горечью воскликнула Сидни, если кто-то все видел, он знает, куда мы дели труп!

Подруга промолчала. Она скомкала письмо и бросила в мусорную корзину.

Сидни не могла сидеть спокойно. Она вскочила с кровати и принялась мерить шагами комнату, машинально накручивая на палец прядь волос.

— Не маячь перед глазами! Сядь! — прикрикнул на нее Эмма. — Ты меня раздражаешь!

— Я просто нервничаю. — Сидни шагнула к окну — И застыла на месте. — Мой ремень! — хрипло прошептала она.

— Что? Какой еще ремень?

— Которым ты привязала камень к Джейсону. Эмма, надо его вернуть, пока полиция не нашла труп!

— Ты что? — вскинулась подруга. — Нам нельзя возвращаться к озеру. Говорю тебе, Сид, кто бы ни прислал это письмо, он не знает, как все было на самом деле. Он — или они — просто блефуют!

— А ты уверена? — мрачно спросила Сидни.

— Я... Ну... — на мгновение замялась Эмма и наконец призналась: — Да, я не могу быть в этом уверена.

— Значит, надо возвратиться! — решила Сидни. — Нужно забрать мой ремень. И заодно перепрятать труп!

* * *

Полчаса спустя Сидни вслед за Эммой продирались сквозь заросли камышей и колючих кустов к озеру Фиар-стрит.

«В жизни мне не было так страшно, — думала она. — Страшно от одной мысли, что придется дотягиваться до Джейсона. Касаться его мертвого

Страшно от того, что их с Эммой могут поймать и обвинить в убийстве.

Что-то задело ее лицо. Взвизгнув, Сидни отпрянула назад.

Эмма оглянулась через плечо:

— Это просто ветка, Сид. Идем. Мы почти пришли.

Сидни с трудом заставляла себя переставлять ноги. „Неужели все это происходит со мной? Подумать только, во что я дала себя втянуть из-за каких-то дурацких денег!“

Эмма ушла далеко вперед. Она перелезла через толстый ствол упавшего дерева и исчезла в густом кустарнике.

Сидни, спохватившись, бросилась догонять подругу. Перемахнув через бревно, девушка пробралась сквозь кусты и наткнулась на Эмму.

Впереди серебрилась гладь озера.

Легкий ветерок гнал по поверхности рябь; на берег, зловеще шипя, набегали пенистые волны.

Вечерело. Небо было затянуто тяжелыми тучами. Лениво

плескались темные, холодные воды озера Фиар-стрит.

Сидни с замирающим сердцем огляделась вокруг.

— Ты уверена, что это то место? — тихо шепнула она.

Эмма кивнула:

— Я помню, как перелезала через бревно. И перетаскивала через него Джейсона. И еще — ты заметила, что там примята трава?

— Если честно — нет. — Сидни пожала плечами. — Не обратила внимания.

— Ладно. Приступим к делу. — Эмма, сделав глубокий вдох, подошла к кромке воды.

Сидни на дрожащих ногах последовала за ней.

— Далеко от берега? — спросила она.

— Нет, — не оборачиваясь, ответила Эмма. — Тут где-то рытвина. Не очень глубокая — всего-то пара футов. Я сбросила труп туда. Идем.

Сняв ботинки и носки, они подвернули джинсы и вошли в ледяную воду.

Сидни зябко поежилась, чувствуя, как обвиваются вокруг ног цепкие водоросли.

„Наверное, Джейсон тоже весь в водорослях, — вдруг подумалось ей. — А может, его уже съели рыбы? И он весь обглоданный и распухший, как трупы в детективных фильмах?“

„Не думай об этом, — приказала она себе. А то так и с ума сойти недолго“.

Сидни отряхнула с ноги приставшую водоросль и пошла дальше.

Вода доходила уже до колен. Тут Эмма остановилась.

— Здесь, — повернулась она к подруге, указывая рукой на торчащую из-под воды корягу. — Я хорошо помню это место. Это точно здесь.

— Ладно. Давай искать.

Сидни, закатав рукава, погрузила руки по локоть в воду — Она шарилась руками в иле, повсюду натываясь на скользкие водоросли.

Опустила руки глубже. Камни. Песок. Мох.

Тела Джейсона не было.

Она с надеждой взглянула на Эмму:

— Ну что, нашла?

— Пока нет.

Эмма низко наклонилась, длинные светлые волосы расплылись по поверхности воды. Через минуту она выпрямилась. С мокрых волос стекали струйки, руки сжимали лишь пучки водорослей.

— Он должен быть здесь! — крикнула она. — Я оставила его в этом месте.

Сидни стала искать глубже. Вода была уже на уровне бедер.

„Нужно вернуть мой ремень прежде, чем найдут тело Джейсона!“ — в отчаянии думала девушка.

— Не отходи так далеко! — крикнула ей Эмма» Он должен быть где-то здесь. Его не могло снести течением!

— Знаю. Мы найдем его. — Сидни упрямо стиснула зубы. — Должны найти!

Начинало смеркаться. Ноги у Сидни совсем заledenели. Руки онемели от холода.

— Ничего не понимаю, — тяжело вздохнула Эмма. — Не понимаю, почему мы не можешь найти его

Сидни, пытаясь унять дрожь, тщетно вглядывалась в мутную воду.

«Дальше искать бесполезно», — поняла она.

Джейсона здесь нет.

Труп исчез!

Глава 24

— Его кто-то вытащил, — уверенно заявила Эмма, когда они выехали из леса Фиар-стрит. — Это единственное объяснение.

Сидни включила обогреватель и крепче взялась за руль.

«Эмма права, — размышляла она. — Кто-то нашел труп Джейсона и вытащил его из озера. Но кто? И зачем?»

— Это не полиция, — сказала Эмма, будто прочитав ее мысли.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что полиция обязательно известила бы родителей. И все бы узнали, что Джейсон мертв. И нас стали бы допрашивать. Все логично. Кто видел его последним? Кого видели с ним? За нами давно бы уже пришли.

Сидни включила обогреватель на полную мощность. В машине стало жарко, но ее все равно продолжал бить озноб.

— Тогда это тот, кто видел нас той ночью, — пробормотала она сквозь зубы.

— Наверное. — Эмма, подавшись вперед, подставила руки под струю горячего воздуха. — Думаешь, кто-то охотится за нашими деньгами?

— Но ведь никто, кроме нас, о них не знает, — возразила Сидни. — Кто бы ни был тогда в лесу, он вряд ли видел деньги.

— А может, Джейсон кому-нибудь проболтался? — предположила Эмма. — Ты ведь сама все ему рассказала. Могу поспорить, что так и было, — помолчав, добавила подруга с горькой усмешкой. — Могу поспорить, что он не смог держать язык за зубами! А тебе как кажется, Сид?

— Не знаю, — задумчиво протянула Сидни. Я уже ничего не понимаю!

«Единственное, в чем я сейчас уверена, — подумала она, — это в том, что все паршиво».

Паршиво — дальше некуда.

Сидни завезла Эмму домой и поехала к себе. Голова была как в тумане. Она подъехала к гаражу, и сердце екнуло в груди.

Обе машины родителей были на месте.

«Нельзя показываться им на глаза, — подумали девушка. — Как я объясню, почему такая мокрая и в иле?»

Сидни завела машину в гараж, выключила двигатель и вышла.

Она не стала закрывать двери, чтобы лишний раз шумом не привлекать внимания родителей, а потом обошла гараж, обогнула пруд и оказалась у западного крыла дома.

Встав на мокром газоне, посмотрела на деревянную веранду под окнами своей спальни.

Снизу на веранду поднимались ступени, а спальню вела стеклянная дверь-вертушка.

«Господи, только бы она была не заперта!» мысленно молила Сидни.

На цыпочках девушка быстро поднялась по лестнице на веранду.

В доме зазвонил телефон.

Послышались шаги. Сидни затаила дыхание.

Из открытого окна донесся голос мамы.

«Разговаривает с бабушкой, — по обрывкам фраз догадалась Сидни. — Они будут болтать не меньше получаса. А папа, наверное, как обычно перед ужином, засел за компьютерные шахматы».

Сидни на цыпочках подкралась к двери и осторожно надавила на нее плечом.

Дверь бесшумно открылась. Вздохнув с облегчением, она проскользнула в комнату.

Не зажигая света, девушка сразу же прошла в ванную и, встав под душ, включила горячую воду.

Наконец-то согревшись, Сидни вытерлась полотенцем и накинула любимый махровый халат.

Не успела она выйти из ванной, как раздался тихий стук в дверь.

— Сидни? — послышался из коридора голос мамы. — Ты там?

— Да, я только что из душа.

Сидни машинально шагнула к двери, потом остановилась.

Она знала: можно спрятать от мамы мокрую одежду, но нельзя скрыть того, что творится в душе. По выражению ее лица она тут же догадается: что-то случилось.

— Я вошла через веранду: у меня ботинки были все в грязи.

— Ладно. Мы с папой идем на благотворительный ужин, — сказала мама. — Так что поешь без нас.

— Хорошо. — Девушку тошнило от одной только мысли о еде.

— Как контрольная?

Сидни не сразу поняла, о чем речь. Какая еще контрольная?

— Я уверена, ты справилась, — продолжала мама. — По истории у тебя всегда было «отлично».

Ах, да... История.

— Задания были трудные, — проговорила Сидни. — Но все равно, мама, я старалась. Я поваляюсь немного.

— Хорошо. Я скажу, когда мы будем уходить. «Слава богу, мама не из тех, кто сует нос в чужие дела, — с облегчением подумала она, понимая, однако, что не сможет прятаться в своей комнате вечно. — Ладно, подумаю об этом после, сказала себе Сидни. — Хватит на сегодня волнений».

Она нырнула под одеяло и выключила лампу.

Мягкий свет падал из окна на ворсистый зеленый плед и плюшевые игрушки на подушках.

Сидни протянула руку к Голди — смешному пузатому медвежонку, которого ей подарили в три года. За медвежонком потянулось что-то длинное и красное, привязанное к мохнатой лапе.

Сидни похолодела: она с первого взгляда поняла, что это.

«Мой ремень!

Мой красный ремешок!

Ремень, которым Эмма привязала камень к трупу Джейсона.

Как он здесь оказался? Кто принес его сюда и привязал к лапе Голди?»

Сидни дрожащими руками принялась отвязывать ремень. И тут в окно впорхнуло что-то белое и опустилось рядом на кровать.

Сложенный пополам белый лист бумаги.

У Сидни от страха и волнения пересохло во рту. Сердце бешено колотилось.

Она взяла листок, развернула.

Внутри от руки большими буквами было написано одно-единственное слово: «Убийца».

Сидни, оцепенев от ужаса, туда разглядывала записку.

Ей был знаком почерк.

Она знала, кто это написал.

Джейсон.

Глава 25

Сидни хотела закричать, но крик замер у нее в горле. Она вскочила на ноги.

Записка выскользнула у нее из рук и упала на пушистый плед. Прямо возле красного ремешка.

Сидни упала на кровать, терзаемая страхом и новым приступом тошноты. Падая, она рукой задел стоявший на тумбочке телефон.

«Эмма! — вспомнила девушка и снова вскочила. — Нужно срочно ей позвонить!»

Она схватила трубку. Пальцы дрожали, цифры расплывались перед глазами.

С третьей попытки ей удалось наконец набрать нужный номер.

— Алло? — раздался на другом конце провода усталый голос Эммы.

— Это я! — прерывающимся голосом крикнула: трубку Сидни.

— Сид, я так рада, что ты...

— Эмма, я знаю, в чем дело! Я знаю, кто прислал записку и подбросил мне в шкафчик кольцо! Я...

— Сид, не так быстро! — перебила подругу Эмма. Я не понимаю половины того, что ты говоришь.

Сидни нервно всхлипнула, сделала глубокий вдох и продолжала:

— Помнишь мой красный ремень? Тот, которым ты привязала камень к Джейсону?

— Да. Разумеется.

— Он здесь, у меня в комнате! Я только что нашла. Кто-то привязал его к лапе Голди.

— Кого? — не поняла Эмма.

— Голди. Это мой старый... Ах, какая разница! Главное, ремень здесь! И еще мне подбросили записку. В ней написано: «Убийца».

Эмма громко охнула.

— Кто-то принес ремень и записку в мою спальню, и... я знаю, кто! — выпалила Сидни.

— Кто?

— Джейсон.

Эмма шумно вздохнула:

— Господи, Сид...

— Подожди, дай сказать! Записка написана рукой Джейсона. Его почерк я узнаю из тысячи!

Эмма молчала.

— Неужели не понимаешь? — продолжала Сидни. — Это не кто-то там, кто случайно видел нас в лесу. Это сам Джейсон.

Голос ее срывался от волнения. Она почти кричала.

— Он ведь умер, правда? Да? Ты уверена, что он был мертв?

— Да. Уверена, — прошептала Эмма.

Сидни глубоко вздохнула.

— Ты веришь в привидения? — вдруг срывающимся от волнения голосом спросила она.

— Я сама только что собиралась тебе позвонить, — снова раздался в трубке голос Эммы. — Я тоже получила записку. И в ней тоже одно слово: «Убийца».

— Вот видишь! — воскликнула Сидни. — Это он, Джейсон! Кто же еще?

— Да наверняка кто-нибудь из школы, — сказала Эмма. — Джейсон точно кому-нибудь проболтался. Я как только увидела записку, сразу поняла.

— А почерк?

— Подделали. Вот что, Сид. Нужно вычислить, кто пытается нас запугать. Мне все это очень не нравится. Нельзя поддаваться панике. Надо хорошенько подумать.

— Не могу я думать! — заплакала Сидни. — Я и дышу-то с трудом. Чуть в обморок не грохнулась, когда увидела записку! Мне так страшно...

— Слушай, я сейчас к тебе заеду, — сказала Эмма. — Возьму машину у соседки. Всё — жди!

После того как подруга отключилась, Сидни еще долго держала трубку в руке, не обращая внимания на короткие гудки, потом, очнувшись, положила ее на место и снова принялась мерить шагами комнату.

Куда бы она ни смотрела, взгляд ее неизменно возвращался к красному ремню и белому листку бумаги на зеленом пледе возле золотистой лапы медвежонка

«Нужно выйти отсюда! — решила девушка. — Не могу больше здесь находиться».

Как была в халате, Сидни выскользнула на веранду и побежала в другой конец дома, к гаражам — встречать Эмму.

«Быстрее, быстрее! — мысленно торопила она подругу, ступая босыми ногами по шершавым мокрым булыжникам. — А то я больше не выдержу. Могу сорваться в любую секунду».

Наконец за углом дома вспыхнули огни фар. Напротив остановился бурый от грязи и ржавчины автомобиль, и из него вышла Эмма. Сидни бросилась к ней и порывисто обняла.

— Слава богу, ты здесь! — воскликнула она. — Мне было так страшно одной!

— Щ-ш, тише, — шепнула Эмма, отводя ее руки. — Сид, что ты здесь делаешь в таком виде? Ты босиком, и волосы мокрые.

— Я ждала тебя. Не могла сидеть дома. Я была в душе. Поэтому волосы мокрые, а потом... я нашла... нашла... ремень, и... — Сидни умолкла на полуслове.

Эмма сказала строго:

— Сид, прошу тебя, постарайся держать себя в руках.

— Я пытаюсь, — всхлипнула Сидни. — Но мне так страшно. А тебе? Сначала кольцо Джейсона. Теперь ремень... Кто мне подбросил ремень?

Ее передернуло.

— Ты веришь в привидения, Эмма? Я раньше не верила. Но теперь...

Эмма стиснула руку подруги.

— Крепись, Сид, — сказала она. Голубые глаза ее светились участием и тревогой. — Не сходи с ума. Выглядишь ты ужасно. И несешь полный бред.

— Я не могу...

— Надо! — Эмма положила Сидни руки на плечи и слегка встряхнула. — Пошли к тебе, ладно? Покажешь мне ремень и записку.

Девушка тяжело вздохнула:

— Хорошо. Только пройдем через веранду. Я не хочу столкнуться в дверях с родителями.

— Да уж, лучше не стоит, — согласилась Эмма. Она взяла Сидни за руку и повела к дому.

Поднявшись на веранду, она толкнула стеклянную дверь и потянула Сидни за рукав.

Девушка, помедлив, шагнула к двери и заглянула в комнату.

— Боже мой! Не может быть! — закричала она.

Глава 26

— Все исчезло! — Сидни бросилась к кровати. — Ремень... Записка! Где же они?

— Ты... ты оставила их на кровати? — не поверила Эмма.

Сидни молча кивнула. Взгляд ее скользнул по ковру.

Ничего.

Она встала на колени и заглянула под кровать.

Ни ремня, ни записки.

— Они лежали здесь! — плакала Сидни, в сильной ярости молотя кулаками по матрасу. — Эмма, они были здесь всего десять минут назад!

Подруга подошла к кровати и взяла в руки плюшевого медвежонка.

— Это Голди, — прошептала Сидни, — к его лапе был привязан ремень. Видишь грязь на пледе? Это от ремня.

Эмма покрутила медвежонка в руках.

— Не вижу никакой грязи.

Сидни выхватила у Эммы игрушку и со злостью швырнула медвежонка в угол. Он отскочил от стены и приземлился на полу возле двери.

— Этого не может быть, — горько вздохнула Сидни. — Я же видела все собственными глазами — и ремень, и грязь, и записку. Не могло же все исчезнуть само по себе.

В отчаянной попытке найти пропавшие улики она стала рыться в игрушках, сбрасывая их на пол, перевернула подушки, стянула с кровати зеленый плед.

— Сидни, прекрати, — попыталась остановить ее Эмма. — Они не могли оказаться под одеялом.

— Ремень должен быть где-то здесь. — Девушка скомкала плед и бросила его в кресло. — Он не мог раствориться в воздухе.

Задышавшись от гнева и разочарования, она сорвала простыни и

заглянула под матрас.

— Там ничего нет. И быть не может! — вразумляла подругу Эмма.

— Так, ладно. На кровати ничего нет. Будем искать дальше.

Перерыв еще раз груды плюшевых зверушек, Сидки направилась к шкафу. Она открыла дверцу и полезла внутрь.

— Остановись! — крикнула Эмма. — В шкафу его тоже быть не может!

— Да! — огрызнулась Сидни, чувствуя, что голова идет кругом. — Ремень ведь не мог сам собой вползти с кровати и повиснуть на вешалке!

С мрачной усмешкой на лице она обвела взглядом комнату.

— Но он был, и записка тоже. Значит, они должны быть здесь и сейчас.

Сидни снова шагнула к кровати, но Эмма схватила ее за руку:

— Сидни, хватит!

— Хватит — что?

— Ремня и записки здесь нет' ~~ сказала Эмма. — Вот и хватит их искать.

— Но они здесь *были*, — упрямо повторяла девушка. — Думаешь, я все придумала?

— Да нет же! Но, согласись> ты сейчас не можешь рассуждать здраво, — продолжала Эмма. — Ты не спишь и не ешь, тебя преследуют кошмары. Посмотри вокруг. Видишь, что ты натворила!

Сидни растерянно оглядела спальню. Разбросанные игрушки. Скомканные простыни на полу. С кресла свисает зеленый плед.

— Настоящий бедлам! — покачала головой Эмма. — И если бы я тебя не остановила, ты бы перевернула весь дом!

— Ремень и записка были здесь, — упрямо твердила Сидни. — Мне это не приснилось.

— Сидни, возьми себя в руки. Умоляю. — Эмма ласково погладила подругу по щеке. — Ты мне нужна. Мне нужна твоя помощь. Думаю, тебе надо поспать. Утро вечера мудренее —

правильно говорят.

— Я и сама рада бы уснуть, — вздохнула Сидни. — Но, боюсь, мне опять будут сниться кошмары.

— Не будут, — заверила ее Эмма. — Ты совсем вымоталась. Вот увидишь — отрубись на сутки без всяких сновидений.

«Сон без сновидений, — подумала Сидни. — Это было бы чудесно».

Эмма подобрала с пола смятые простыни.

— Я помогу тебе застелить кровать, ладно?

Сидни кивнула и испуганно вздрогнула: в дверь постучали.

— Дорогая, с кем ты говоришь? — послышался из коридора голос мамы. — По телефону?

— Не хочу, чтобы она меня видела! — в панике прошептала Сидни. — По моему лицу она тут же поймет: что-то не так.

— Здесь я, Эмма, миссис Шью! — крикнула Эмма. — Я заехала на минутку за тетрадкой по английскому. А Сидни в ванной.

— Хорошо, Эмма. До свидания. Передай Сидни, что мы уходим.

Когда шаги мамы стихли, девушка перевела дух.

В оцепенении стояла посреди комнаты, пока Эмма застилала кровать.

— Ну вот. — Подруга сложила игрушки, поправила плед и улыбнулась. — Ложишься?

Сидни задумчиво смотрела на кровать: ей не давал покоя красный ремень.

— Сид?

— Я провожу тебя вниз, — вздохнула Сидни. — Заодно возьму себе коки и чего-нибудь поесть.

— Поешь и сразу ляжешь спать, договорились? — Эмма окинула подругу испытующим взглядом.

— Конечно.

Внизу, в большом холле с мраморными полами, Эмма крепко обняла Сидни:

— Я так беспокоюсь за тебя!

Сидни заставила себя улыбнуться:

— Со мной все будет нормально. Правда.

— Выпей вместо коки горячего шоколада, — посоветовала Эмма. — Это поможет тебе уснуть.

— Хорошо.

Сидни проводила подругу и еще долго стояла на пороге, глядя ей вслед. У гаражей вспыхнул свет фар, послышалось урчание мотора, старенькая машина скрылась за углом дома. А девушка не уходила, погрузившись в свои мысли, потом, очнувшись от задумчивости, закрыла дверь и поднялась наверх.

Ей не хотелось шоколада.

И спать тоже не хотелось.

Ей хотелось найти ремень и записку.

«Они были. Я их видела. Я их найду».

Сидни открыла дверь спальни, нащупала на стене выключатель и зажгла свет.

У окна, прямо напротив двери, стоял Джейсон, глядя на Сидни мертвыми, ввалившимися глазами.

Глава 27

Сидни застыла на пороге, рука ее словно пришла к выключателю.

Сердце замерло в груди.

Она крепко зажмурилась, надеясь, что это всего лишь плод ее воображения.

Но когда девушка снова открыла глаза, Джейсон все так же стоял у окна.

Одежда его была вся в грязи и иле. Темная кровь запеклась на волосах, на светлом вороте рубашки

Кожа на лице и руках зеленоватая, с черным и потеками.

«Как заплесневевший хлеб, — невольно подумала Сидни. — Он разлагается! Вот откуда этот жуткий запах. Он мертв и разлагается!»

Губы Джейсона дрогнули. С подбородка сорвался ошметок гнилой кожи и упал на пол. Зубы его были все черные, в зеленоватой слизи.

— *Сидни*, — прохрипел Джейсон. Голос его был глухой, казалось, он доносился издалека.

Труп.

«Это *труп*! — в ужасе думала Сидни.

Это не сон.

И не галлюцинация.

Джейсон воскрес из мертвых!

— *Сидни*, — снова прохрипел Джейсон.

Сидни задыхалась от удушливого запаха гнили. Ей хотелось зажать нос. Но рука ее соскользнула с выключателя и безвольно повисла вдоль тела.

Джейсон смотрел на нее в упор. И в следующий миг шагнул к Сидни.

К его ноге было что-то привязано. Что-то длинное, грязное...

И красное.

„Мой ремень“, — догадалась Сидни.

При каждом движении Джейсона свободный конец ремня хлопал об пол. Сидни хотела убежать, но ноги не слушались. Чтобы не упасть, она прислонилась к косяку.

Джейсон сделал еще шаг.

— *Вы убили меня*, — медленно проговорил он.

„Нет!“ Сидни силилась закричать, но крик застрял у нее в горле. Она не могла шевельнуть ни рукой, ни ногой, не могла даже отвернуться.

— *Эмма убивала меня, а ты стояла и смотрела.* — Каждое слово Джейсона было словно пощечина. — *Эмма убила меня. А ты ей помогала.*

Всхлипывая и дрожа от страха, Сидни медленно осела по косяку на пол. Под руку ей попало что-то мягкое и пушистое.

Голди.

Она машинально подняла его и положила на колени, впиваясь ногтями в золотистый мех.

Джейсон приближался.

В воздухе стояло удушливое зловоние.

Стало холодно.

— *Эмма убила меня*, — хрипел Джейсон. — *Вы убили меня.*

Сидни забилась в угол, поджав под себя ноги.

— *Вы убили меня... Вы убили меня...*

Обеими руками стиснув плюшевого медвежонка, Сидни сжалась в комочек и затаила дыхание.

Джейсон был уже совсем рядом.

Сидни душили рыдания.

В ноздри бил мерзкий запах. В ушах стоял хриплый, безжизненный голос.

— *Вы убили меня...* — монотонно повторял он. — *Вы убили*

меня...

Над Сидни нависла черная тень.

Повеяло холодом.

Ледяным дыханием смерти.

Глава 28

Эмма топнула ногой и раздраженно обвела взглядом приемную больницы.

Несмотря на яркие картины на стенах и кресла веселого желтого цвета, помещение производило на удручающее впечатление. Эмма ненавидела больницы.

«Успокойся, — сказала она себе. — Терпи, тебе нужно быть здесь. Нужно узнать, есть ли надежда».

На чайных столиках сверкали гляncем журналы. Эмма взяла один, бегло пролистала его и положила на место.

Она слишком нервничала, чтобы читать.

Потом посмотрела на большие настенные часы. Прошло всего две минуты. Время тянулось ужасно медленно.

С прерывистым вздохом Эмма встала и стала ходить взад-вперед по маленькой приемной, заставляя не смотреть на часы.

Где-то на этаже пискнул звонок лифта.

Мимо, тихо переговариваясь, прошли две медсестры.

Почему так долго? Почему никто ничего не говорит?

«Коки пойти купить, что ли? — подумала Эмма. — По крайней мере, убью хоть минут пять».

Пока девушка рылась в рюкзаке в поисках мелочи, настежь распахнулась дверь напротив.

Эмма вскочила на ноги и с замирающим сердцем бросилась к коридору, надеясь перехватить кого-нибудь из врачей.

В дверях, спиной к ней, стоял врач в белом халате и, нагнув голову, с кем-то беседовал — с кем Эмма не разглядела.

— Мне казалось, что Сидни готова к встрече с вами, — говорил он. — Но она не в состоянии избавиться от навязчивой мысли, что вы мертвы. Извините.

Врач повернулся и вошел в приемную.

За ним появился Джейсон. Со свистом закрылись двери.

Врач положил руку на плечо Джейсона.

— Извините, — мрачным тоном повторил он.

— Я понимаю, — пробормотал Джейсон. Мне больно видеть ее в таком состоянии. Мы любили друг друга — Он вздохнул и уткнул взглядом в пол. — А теперь она считает меня чуть ли не зомби.

Потрепав Джейсона по плечу, врач сочувственно| улыбнулся, рассеянно кивнул Эмме и вышел.

Джейсон постоял, потупившись, потом посмотрел на Эмму грустными голубыми глазами:

— Пошли отсюда.

Не глядя друг на друга, они молча вышли из больницы и направились к автостоянке.

Джейсон открыл свою машину, оба сели.

Эмма откинула за спину светлые волосы и повернулась к Джейсону.

— Ну? — спросила она.

Джейсон усмехнулся, в глазах его не было и следа печали.

— Ты была права. Сидни совсем свихнулась!

Эмма облегченно вздохнула:

— Я знала, что это сработает. Я знала, что она спятит, как только увидит тебя и решит, что ты воскрес и пришел, чтобы отомстить.

— Ага. Сидни не выпускает из рук своего мишку и наматывает волосы на палец, как пятилетняя.

— Она всегда так делает, когда нервничает, — кивнула Эмма. — Ей всегда не хватало сдержанности.

— Ну, теперь с ней все кончено. Ей уже не выкарабкаться, — заявил Джейсон. — Запрут в психушке навсегда.

— Я же говорила, что у нас все получится.

Джейсон вставил ключ в зажигание и завел двигатель.

Когда они выезжали со стоянки, Эмма обернулась и посмотрела на кирпичные стены больницы.

Она знала, что родители скоро заберут Сидни отсюда. И поместят в какое-нибудь укромное местечко, с садами, прудами и комнатами — огромными, как у них дома. А потом Сидни вернется домой.

Но родители никогда не поверят ее бредням.

«Это будет стоить целого состояния, — думала Эмма. — Ну так что? Как будто они не могут себе этого позволить!»

Эмма понимала, что Сидни деньги не нужны. Она и так богата.

С самого начала девушка подозревала, что подруга не сможет хранить эту тайну.

Она ведь все больше чувствовала себя виноватой.

И наконец выложила бы все родителям. Или полиции.

А этого допустить никак нельзя.

Эмма нуждалась в этих деньгах. И знала, что Джейсон тоже от них не откажется.

Они уже давно тайно встречались, а чтобы Сидни ни о чем не догадалась, на публике притворялись, что ненавидят друг друга.

И теперь у них были деньги... и они могли встречаться открыто.

Эмма взглянула на Джейсона, усмехаясь в души. Когда она предложила свести Сидни с ума, Джейсон сразу же вызвался помочь...

— Эй, чего смеешься? — спросил он.

— Я просто подумала, как легко оказалось инсценировать твою смерть, — сказала Эмма. — Тогда, озеро, Сидни вела себя как круглая дура. Она даже не пощупала твой пульс. Поверила мне на слово.

— Нам сказочно повезло, — хмыкнул Джейсон.

— Да, это был самый опасный момент, — согласилась Эмма. — А после этого все пошло как по маслу.

Она покачала головой.

— Кстати, потом, когда я якобы утопила тебя озере, Сидни слышала, как мы говорили, и подумала, что в лесу был кто-то еще. Она так и не догадалась. — Эмма засмеялась. — Все было так

просто... так просто.

— Хватит трепаться, — оборвал ее Джейсон. — С Сидни покончили, так? Все прошло гладко, денег никто не хватился. Теперь поехали их выкапывать.

— Отличная идея! — воскликнула девушка. — А потом — сразу по магазинам! Это дело надо отпраздновать! В первый раз за всю жизнь я смогу ни в чем себе не отказывать!

* * *

Эмма стояла напротив большого зеркала в «Хайд-баунде», элитном магазине верхней одежды, и разглядывала свое отражение.

Кожаный жакет был мягкий и бархатистый, как щека ребенка, и сидел безупречно. И смотрелся дорого.

«Да, теперь я могу позволить себе дорогие удовольствия, — думала Эмма. — Мы богаты!»

Они с Джейсоном съездили в лес и выкопали мешок с деньгами. Эмма взяла две пачки. Одну сунула в карман джинсов, другую отдала Джейсону.

Потом они положили мешок в багажник — и отправились в поход по магазинам.

Она подмигнула своему отражению и посмотрела па свисающий с рукава ценник.

Шестьсот долларов.

Всего-то.

— Ну что, ты все? — нетерпеливо спросил Джейсон.

Эмма повернулась к нему:

— Пытаюсь решить, какой цвет взять — черный или коричневый.

Она покружилась перед зеркалом.

— А ты как думаешь?

Джейсон пожал плечами:

— Бери этот. Давай быстрее, а? В соседнем магазине крутые телевизоры.

— Ладно, ладно. — Эмма направилась к кассе. Она сняла жакет и положила его на прилавок. — Я возьму это, — сказала она.

Кассир, молодой парень с копной рыжих волос, в спортивном кожаном пиджаке, мельком взглянул на ценник.

— Прекрасный выбор, — сказал он. — Итальянская кожа. От лучших производителей.

Он поднял глаза на Эмму:

— Как будете платить?

— Наличными, — усмехнулась Эмма.

Она вся трепетала от радостного волнения. Как это здорово — быть богатой!

Достав из кармана пачку пятидесятидолларовых купюр, она отсчитала нужную сумму и протянула деньги кассиру.

Тот взял банкноты и начал было их пересчитывать.

Потом остановился... и засмеялся.

— Ч-что смешного? — нахмурилась Эмма.

— Вот это да! — давась от смеха, воскликнул кассир.

— Что? В чем дело?

Кассир вернул Эмме деньги, и они с Джейсоном принялись их разглядывать.

И не сразу заметили то, на что намекал рыжеволосый продавец, а когда Эмма поняла, что он имел в виду, то вспыхнула от стыда и досады. По верхнему краю купюр шла строка: «UNTIED STATES OF AMERICA».

Потом взгляд ее скользнул по портрету президента.

У Бенджамина Франклина были косые глаза, на кудрях парика — бейсболка.

Эмма была потрясена до глубины души. Чтобы не упасть, ей пришлось схватиться за прилавок. Она медленно подняла голову и встретилась взглядом рыжеволосым кассиром.

— Надеюсь, вы захватили с собой *настоящие* деньги? — пряча усмешку, спросил он.

Побег

Глава 1

Когда отец с матерью в тот вечер не вернулись домой, мы с Марком не слишком огорчились. Тем более что у нас была вечеринка.

Собственно, никакого веселья мы заранее не планировали. Просто нам было немного одиноко, и Марк пригласил Джин. Потом я позвала своих новых школьных подружек — Лайзу и Шэннон. Они пригласили еще каких-то ребят, и не успели мы оглянуться, как около двадцати человек собрались в большой гостиной, все еще такой непривычной и неудобной для нас с Марком.

Наша семья переехала в Темную Долину всего два месяца назад — в начале сентября, — как раз вовремя, чтобы мы успели пойти в школу. Новый дом был вдвое больше, чем прежний в Бруклине, однако более старый и запущенный.

Ребята, с которыми мы теперь учились в одной школе, всегда удивлялись, узнав, что мы поселились на Фиар-стрит (fear — страх). Они часто рассказывали нам истории об ужасных случаях, происходящих на этой улице, а также в густом лесу, который начинался сразу за домами. Это были истории об ужасных существах, необъяснимых исчезновениях, привидениях, о раздающемся порой в округе ужасном вое и других подобных вещах.

Мне кажется, Марк верил этим байкам. Он вообще верит всему, что ему говорят. Лично я всегда настроена более скептически, чем брат, хотя он на год меня старше.

Марк очень открытый и прямой. Да это и видно по нему. Он выглядит простым и недалеким парнем, с широкими плечами и мощной шеей; у него светлые волосы и зеленые глаза, на подбородке — симпатичная ямочка, впрочем, Марк не любит, когда о ней напоминают. Однако он вовсе не глуп. Просто верит людям. Сам никогда никого не обманывает и, по-моему, не замечает, когда другие вешают ему лапшу на уши.

Марк очень легко заводит друзей. Он обладает способностью быстро сходитьсь с людьми. У меня по-другому — думаю, что моя ирония и циничный взгляд на жизнь отталкивают некоторых ребят. Поэтому большинство из тех, кто собрался на вечеринку, были новые

друзья Марка, которыми он обзавелся за два месяца нашей жизни в Шэдисайд.

Сама я успела поближе сойтись с Лайзой и Шэннон, но закадычными подругами мы еще не стали. И тем более я пока не нашла парня, который бы меня заинтересовал, как это произошло у Марка с Джин Ролингс.

Собственно, именно Джин стала причиной крупной ссоры во время завтрака в то утро. Да, Марк здорово поскандалил с предками перед тем, как мы пошли в школу. Отцу с матерью просто не нравилась Джин, и они не хотели, чтобы Марк с ней встречался. А он делал это часто — каждый день. Если говорить прямо, они были неразлучны, ну прямо влюбленные. Марк вообще натура увлекающаяся, но я еще никогда не видела, чтобы он так интересовался какой-то девушкой.

Так вот, когда он спросил предков, что, собственно, им не нравится в Джин, а они ничего толком не смогли ему ответить, Марк вспылил. Пожалуй, у него были для этого основания. Наши родители — люди далеко не глупые и обычно умеют четко разъяснить, что имеют в виду. Какие же в этот раз они привели доводы против Джин?

— Встречи с ней будут мешать твоей учебе, — сказал отец.

Мог бы придумать что-нибудь получше. Оценки у Марка хорошие. Он учится гораздо усерднее, чем я. Впрочем, ко всему, что делает, брат подходит серьезно. Короче, я не могу винить Марка за то, что он не сдержался. Отец не остался в долгу и наговорил много такого, чего говорить не следовало. Марк от злости покраснел и тоже высказал много лишнего. Тут к схватке присоединилась мать, и поднялся такой крик, что, казалось, облупившиеся стены нашей кухни сейчас обрушатся.

Я вжалась в стул, глядя в свою тарелку с клубничным пирогом. Есть мне уже не хотелось. Я не в восторге от Джин, но, по-моему, предкам не стоило так наезжать из-за неё на Марка, по крайней мере, сейчас, когда мы все собрались к завтраку.

Такого скандала в нашей семье не было уже давно. В последний раз нечто подобное было еще в Бруклине, когда мы с Мирком одолжили машину у родителей, не предупредив их об этом. Они заявили в полицию, что машина угнана. Потом из-за этого маленького недоразумения мы пару месяцев считались наказанными.

В общем, ничего страшного. Однако на сей раз для Марка это было серьезно.

— Мне шестнадцать лет! Я знаю, что делаю, — кричал Марк.

Родители в ответ рассмеялись, и лучше бы они этого не делали. Марк пришел в бешенство. Он схватил свой пирог с явным намерением запустить им. Я уже представила, как он смачно врежется в стену. Однако Марк сдержался, швырнул пирог на тарелку и вылетел из кухни, со всей силы хлопнув дверью. Стекло в двери задрожало, но все же не вывалилось.

Отец с матерью побледнели, переглянулись через стол, покачали головой, но не произнесли ни слова.

Немного позже отец сказал мне:

— Вы опоздаете в школу.

Голос немного дрожал. Очевидно, ссора его сильно расстроила.

Наши родители вообще стали немного нервными в последнее время — с тех пор, как мы перебрались сюда. Я думаю, это связано с переездом и обустройством на новом месте, хотя они должны были бы привыкнуть. Из-за их работы мы постоянно переезжаем. Темная Долина — наше шестое пристанище за последние восемь лет. Все это нелегко для них, как, впрочем, и для нас с Марком. Мне трудно с кем-то по-настоящему подружиться, когда знаешь, что через год придется уехать и оставить друзей. Мама осуждает меня за то, что я склонна к одиночеству, но что прикажете делать? Зачем привязываться к людям, когда заранее известно, что общение будет непродолжительным?

Так вот, я взяла свою сумку с учебниками и выглянула в окно кухни на задний двор. Марк, с хмурым видом, выпускал из своего лука одну стрелу за другой в ни в чем не повинный, беззащитный клен.

Мой брат помешан на стрельбе из лука. Когда мы сюда приехали, первое, что он сделал — еще до того, как посмотреть свою комнату, — это отыскал на заднем дворе подходящее дерево, чтобы повесить мишень. Стреляет из лука Марк и вправду хорошо, что неудивительно, учитывая, как много времени он тратит на тренировки. Он всегда говорил мне, что стрельба из лука — самый хороший способ успокоить нервы. Сейчас это ему требовалось — он

явно был на взводе. Я заметила, как брат напряжен, выпускает одну стрелу за другой, даже не глядя, куда попадает.

Мама постоянно говорит, что когда-нибудь из-за своего лука Марк повредит себе глаз. Мне кажется, иногда она слишком уж старается выглядеть опытной матерью, однако у нее не очень получается. Она довольно молодая и к тому же не склонна воспринимать вещи слишком серьезно. Впрочем, когда она дома — что бывает не слишком часто из-за ее работы, — с ней приятно проводить время.

Отец у нас тоже в порядке. Хотя он очень серьезный и, как и Марк, держится довольно напряженно. Иногда мне кажется, что с ним достаточно сложно общаться. Такое впечатление, что он всегда чего-то не договаривает. А может, я просто слишком мнительная.

Так или иначе, у нас редко бывают ссоры вроде той, что случилась утром. Обычно мы неплохо ладим. А может, дело в том, что предки так много пропадают на работе и у нас нет времени на ругань.

Я взяла куртку и сумку Марка, вышла через заднюю дверь и потащила брата к автобусной остановке. С родителями мы даже не попрощались. Тогда мы и подумать не могли, что, возможно, видим их в последний раз.

— Послушай, чем им не угодила Джин? — спросил Марк.

Может, на их вкус, она слишком мала для тебя, — пошутила я. Джин на голову ниже Марка.

— Что?

— Шутка, — пробормотала я.

Ну почему всякий раз, когда я иронизирую, мне приходится объяснять это Марку.

Джин небольшого роста, но, честно говоря, это нечто. Она действительно хороша собой: прямые темные волосы до пояса, гладкая кожа цвета слоновой кости, прекрасные черные глаза, из-за которых парни сходят с ума. Все ребята в школе считают Джин очень сексапильной, да так оно и есть.

А теперь, в десять часов вечера, родителей не было дома, в гостиной всюю шла импровизированная вечеринка, а сексуальная

Джин сидела на диване — на коленях у брата.

Я вспомнила об утреннем скандале, взглянула на часы и подивилась, где же родители. Обычно они звонят, если задерживаются на работе.

Проигрыватель надрывался. Кто-то врубил какую-то металлическую группу на полную громкость. Приятель Лайзы — Кори — и какой-то парень, которого я раньше никогда не видела, пытались отнять друг у друга банку содовой. В конце концов банка не выдержала, и пена залила ковер.

О Господи, подумала я, лишь бы это веселье не вышло из-под контроля. С минуты на минуту должны прийти родители.

И тут...

Я посмотрела на диван, где сидели Марк с Джин. Она обвила руками его шею и целовала в губы. Ее глаза были закрыты. Тот еще поцелуй!

Я не собиралась на них глазеть, однако подумала, что это уж слишком. За такой поцелуй в некоторых штатах можно угодить под арест.

И тут я услышала звонок в наружную дверь.

В углу комнаты раздавался громкий смех. Марк и Джин оставались неподвижными. Все были заняты собой. Похоже, никто, кроме меня, звонка и не слышал.

Я подбежала к окну. У дома припарковался большой синий «Шевроле». Прижавшись лицом к стеклу, я разглядела в свете фонаря у крыльца высокого человека в темной рубашке и мятых брюках. Он заметил меня и показал мне полицейский жетон!

Посреди музыки, шума и смеха я вдруг оцепенела. Сердце как будто перестало биться. Все вокруг замерло. Я знала, зачем пришел полицейский.

С родителями случилось что-то ужасное!

Глава 2

Я открыла дверь в прихожую и остановилась перед второй стеклянной дверью. Полицейский улыбнулся.

— Добрый вечер, — сказал он, оглядывая меня с ног до головы.

Свет фонаря отражался в стекле и слепил меня, и потребовалось время, чтобы я смогла рассмотреть его лицо. Он был немолод. В его усах виднелась проседь. У него были холодные синие глаза, напоминавшие лед на замерзшем зимнем озере. Он внимательно рассматривал меня сквозь стекло.

— Я капитан Фэррадэй.

— Что случилось? — спросила я. — Папа с мамой, они...

— Ваши родители дома? — спросил полицейский и вновь улыбнулся, показав ряд ровных белых зубов.

— Нет, они...

— Так их нет?

— Нет. Думаю, они задержались на работе.

Его взгляд скользнул мимо меня в прихожую.

— Вы пришли не для того, чтобы сказать мне что-то о родителях? — спросила я, почувствовав некоторое облегчение.

— О родителях? — Казалось, капитан не понял вопроса. — Нет. Я тут по соседству расследую ограбление.

— Ограбление?

— Да, через три дома от вас. Теперь вот хожу по домам, опрашиваю, не заметил ли кто-нибудь что-то подозрительное. Ну, какую-нибудь подозрительную машину или что еще.

— А-а-а... Да нет, я ничего такого не видела.

В гостиной раздался взрыв смеха, сопровождаемый звоном разбитого стакана. Доносившаяся музыка казалась здесь, в прихожей, особенно громкой.

— Вы никого не заметили на улице, ну, кого раньше никогда не видели?

Теперь он смотрел мне прямо в глаза. Я отвела взгляд:

— Нет. Никого. Эта улица не очень людная. К тому же мы здесь недавно, поэтому...

— Твои родители скоро придут?

— Наверно. Я точно не знаю. Иногда они задерживаются на работе допоздна.

Мы посмотрели друг на друга. Затем Фэррадэй достал из кармана маленькую белую карточку.

— Вот, возьми. — Он приоткрыл стеклянную дверь и протянул карточку мне. — Это мой личный номер. Специальная прямая линия. Если заметишь что-то подозрительное, звони в любое время.

Я взяла визитку и поблагодарила его.

— Держи ее рядом с телефоном. На случай, если грабитель вновь решит наведаться в эти места.

Он повернулся и спустился с крыльца.

Я стояла и слушала, как скрипит гравий под его ботинками. Я видела, как капитан сел в свой старый, громоздкий «Шевроле», и удивилась, почему он не на полицейской машине. Подумала — видно, для того, чтобы ловить нарушителей на дорогах. Большая машина бесшумно тронулась и растворилась в ночи.

Я засунула карточку в карман джинсов и вернулась в гостиную. Когда я вошла, меня удивила стоявшая там тишина. Музыка выключили. Джин по-прежнему сидела на коленях у Марка, однако она повернулась и смотрела на меня. Они оба смотрели на меня.

— Мне очень жаль, Кэра, извини, — тихо сказал Кори Брукс, приятель Лайзы. Он выглядел очень расстроенным.

— Что случилось?

Что, черт возьми, происходит, подумала я, что здесь случилось, пока я говорила с капитаном Фэррадэем?

Мы тут дурачились с Дэвидом Мэткалфом, ну и потом... мне стало плохо... в общем, меня стошнило.

Я взглянула на Марка, но он зарылся лицом в волосы Джин.

Тут я увидела — отвратительная зеленовато-коричневая

блевотина на краю кофейного столика.

— Да уж, ты постарался, — пробормотал Дэвид, стоявший напротив у стены.

— Ой, меня сейчас тоже стошнит, — простонала незнакомая мне девушка, прикрывая рот рукой.

— Я помогу тебе прибраться, — сказал Кори. Вид у него был очень смущенный.

— Не напрягайся. Все в порядке. Просто принеси мне ложку, чтобы успела съесть это, пока не засохнет.

— О! Твой дурацкий розыгрыш не удался! — воскликнула Джин.

Я взяла фальшивую резиновую блевотину и швырнула её в Кори. Все рассмеялись. Сам Кори явно был разочарован, что розыгрыш провалился. Признаться, на самом деле сначала я на несколько секунд поверила, но, разумеется, не стала говорить об этом, чтобы не давать им повода посмеяться надо мной.

— Кори, ты поступил отвратительно, — сказала Лайза, сильно толкнув его в плечо.

Однако Кори парень здоровый, и толчок не сдвинул его с места.

— Это придумал Дэвид, — сказал он, смеясь, и запустил своей мерзкой резиновой игрушкой в приятеля.

— Думаю, на этой высокой ноте мы завершим нашу вечеринку, — сказала я.

В ответ раздались протестующие возгласы. Мой брат по-прежнему обнимал Джин, целуя ее в шею. Я поняла, что ждать от него помощи не приходится.

— Собирайтесь. Завтра в школу. К тому же здесь уже побывала полиция.

Мои слова вызвали всеобщее удивление. Они были так поглощены весельем, что не заметили прихода полицейского.

— Родители будут здесь с минуты на минуту.

Я надеялась, что это так. Я начинала волноваться за них. Было уже почти одиннадцать.

Ребята начали неохотно расходиться. Я попрощалась с Лайзой и Шэннон. Они были единственными, кого я лично пригласила на вечеринку, а у меня не оказалось и пары минут, чтобы поболтать с ними.

Я заметила большое мокрое пятно на краю ковра. В отличие от резиновой блевотины, пятно было настоящим. Ну что ж, подумала я, может, это пойдет коврику на пользу.

Стоя у выхода, я наблюдала, как ребята рассаживались по машинам, смеясь и обмениваясь шутками. Оставалось надеяться, что вечно недовольный сосед не возражает против криков и громкого смеха в такой поздний час.

Почувствовав, что становится холодно, я закрыла уличную дверь и вернулась в гостиную, опуская закатанные рукава свитера, чтобы согреться. Вошла — и не поверила своим глазам: Марк с Джин так и не сдвинулись с места. Пора привести их в чувство, подумала я.

— Эй, друзья! — обратилась я к ним, демонстративно глядя на свои часы.

Этот тонкий намек не произвел на двух голубков никакого впечатления. Они меня проигнорировали.

— Как Джин доберется домой? — спросила я.

— Я отвезу ее, — ответил Марк, наконец удостоив меня взглядом.

Его губы были измазаны помадой, и он походил на циркового клоуна.

— На чем? Ведь предки на машине поехали на работу. Ты что, забыл?

— А-а-а... — Его извилины заработали. На лице, обычно сохраняющем невинное выражение, появилась хищная ухмылка. — Тогда, видимо, она останется на ночь.

— Ах ты, свинья, — рассмеялась Джин и стала душить его бархатной диванной подушкой. Они затеяли возню, как будто меня вовсе не было в комнате.

Может быть, родители вот-вот появятся? Я почувствовала раздражение и одновременно зависть. Ну почему я одна и у меня нет парня, с которым бы я могла вот так же резвиться? Громкий стук в

дверь прервал мои мрачные размышления.

— Наверно, отец с матерью вернулись, — сказала я, скорее, для того, чтобы напугать Марка с Джин. Но это не сработало.

Зачем бы им стучать? — ответил Марк.

Я спустилась вниз, чтобы открыть дверь. На пороге стоял Кори Брукс.

— Я забыл свою блевотину, — смущенно пробормотал он.

Кори прошел за мной в гостиную. Немного поискав, он нашёл своё сокровище под стулом, аккуратно сложил и убрал в карман джинсовой куртки.

— Эй, Кори, подбросишь меня до дома? — Джин уже стояла, поправляя свой сбившийся свитер.

Конечно, если тебя устраивает сидеть сзади вместе с Мэткалфом.

Джин состроила гримасу:

— Пожалуй, я лучше прогуляюсь.

— Не напрягайся. Я свяжу его ремнями безопасности.

Джин, привстав на цыпочки, поцеловала Марка долгим, чувственным поцелуем и последовала за Кори к выходу.

Через несколько секунд мы с Марком наконец остались в доме одни.

— Ты бы стер с лица помаду, — посоветовала я ему, стараясь не рассмеяться. Он выглядел забавно. — Потом мы должны тут все прибрать.

Ничего не ответив, Марк поспешил в ванную, чтобы смыть следы преступления. Через пару минут вернулся. Вид у него был несколько ошеломленный. До сих пор у него еще не было с девушками таких отношений, как с Джин. Я собиралась сказать ему кое-что по этому поводу, но не стала. На самом деле братьям с сестрами трудно говорить на такие темы. Это только в телесериалах брат и сестра ведут длинные откровенные разговоры, потом обнимаются и идут на кухню перекусить. В жизни все не так. Если бы Марк когда-нибудь меня обнял, я бы вызвала врача.

— Ну и вечеринка, — покачал головой Марк. Мне показалось,

что вид у него был виноватый. — Как мы все это уберем?

— Быстро, — ответила я. — Пока не вернулись предки и не увидели все это.

— Не думаю, что они сегодня появятся, — заметил Марк, поднимая с пола раздавленные банки.

— Что? Конечно, появятся!

Такое уже случалось, — откликнулся Марк, и в его голосе послышались горькие нотки. — Пойду принесу из кухни пакет для мусора.

Я осталась стоять в гостиной, чувствуя накатившую усталость и слушая, как скрип старых половиц удаляется в сторону кухни. Я подумала, что Марк прав насчет предков — это не первый случай, когда они не приходят ночевать, задерживаясь либо на работе, либо на какой-то вечеринке. Как я уже говорила, отец с матерью довольно молоды и не всегда ведут себя так, как положено настоящим родителям. Не хочу сказать о них ничего плохого. Они хорошие родители, нам с ними легче общаться, чем многим другим детям со своими. Просто, в отличие от других, наши не воспринимают свои родительские обязанности всерьез. Они считают, что есть масса более важных вещей. К примеру, их работа. Я не очень понимаю, чем они занимаются. Знаю лишь, что они специалисты по компьютерам. Они заключают контракты с крупными компаниями на установку сложных компьютерных систем. На это уходят месяцы, иногда годы. Потом они переходят в другую корпорацию. Вот почему нам так часто приходится переезжать с места на место. И куда бы мы ни приехали, родители с головой окунаются в жизнь местного общества — всякие там клубы, мероприятия и тому подобное. Иногда мне бывает обидно, что они так быстро находят для себя все эти развлечения — как будто не хотят проводить больше времени дома с Марком и со мной. Правда, теперь, повзрослев, я понимаю, что обижаться из-за этого на родителей глупо и эгоистично. Они имеют право жить своей жизнью и делать то, что им нравится.

Но в конце концов они могли бы позвонить и сказать, что задерживаются!

Вернулся Марк с большим зеленым пластиковым пакетом.

— Я буду его держать, а ты кидай туда весь мусор, — сказал он, зевая.

— Почему-то держишь пакет всегда ты, а собирать мусор приходится мне, — пожаловалась я, впрочем, не всерьез.

— А если с ними что-то случилось? — В голосе Марка звучала тревога.

— Что?

— А если они попали в аварию или еще какой-нибудь несчастный случай?

— Если бы они попали в аварию, они бы нам позвонили. — Это была наша обычная шутка, но сейчас она звучала не очень смешно.

— А что, если машина заглохла где-нибудь на Фиар-стрит посреди леса, и они заблудились? Помнишь все эти истории про людей, которые пошли в лес и вышли оттуда другими, забыв, кто они такие...

— Кто тебе все это рассказывает? — поморщилась я.

— Кори Брукс. Он говорит, что это было в газете.

— Такой же розыгрыш, как и его резиновая блевотина. Он подшутил над тобой, Марк.

Какое-то время он молчал. На его лице появилось знакомое выражение — он был встревожен. Это часто бывает с ним. Такой человек есть в каждой семье — тот, кто взваливает на себя все тревоги и постоянно ожидает худшего. У нас это Марк.

— Перестань, — сказала я.

— Перестать что?

— Перестань делать такое лицо, или я тоже начну волноваться.

— Давай позвоним им, — предложил Марк.

— Конечно! — И как я раньше не додумалась?

Я пошла за Марком на кухню. Их номер был в блокноте, который лежал у телефона. Это был номер их офиса, который соединялся по прямой линии, а не через коммутатор, так что мы могли звонить им в любое время суток.

— Звони ты, — сказал Марк.

Он выглядел очень встревоженным.

Я нашла в блокноте их номер, взяла трубку и стала набирать. И вдруг застыла.

— В чем дело? — спросил Марк.

— Нет гудка!

Телефон молчал.

Глава 3

Мы стояли и смотрели на телефон, словно ожидали, что сейчас он заработает.

— Это странно, — наконец нарушил молчание Марк. — Почему он не работает? Ведь не было ни урагана, ни ветра. Все в порядке.

— По крайней мере, теперь ясно, почему отец с матерью не звонили нам. Они просто не могли дозвониться.

Я положила трубку. Мы оба улыбнулись, почувствовав, что тревога проходит. Марк начал что-то говорить, но вдруг замолк.

Мы оба слышали этот звук. Шаги над нами. Потолок поскрипывал. Кто-то ходил наверху. Я увидела испуг на лице Марка. Наверно, у меня было такое же лицо. Шаги между тем раздавались уже на лестнице. Кто-то направлялся к кухне. И вот он вошел. И мы увидели, что это всего лишь Роджер. Меня разобрал смех. Марк же еще не вполне оправился от испуга. Его лицо покрылось каплями пота и цветом напоминало выцветшие кухонные обои. Я расхохоталась еще сильнее. От недавнего испуга не осталось и следа.

Ну как мы могли забыть про Роджера? Хотя он всегда такой тихий и незаметный, почти невидимка, что немудрено про него забыть.

Роджер был дальним родственником матери и сейчас жил с нами. Он появился спустя несколько дней после того, как мы поселились на Фиар-стрит. Родители отдали в его полное распоряжение комнату на чердаке. Эта комната была настолько маленькая, что два человека с трудом могли бы там разойтись. Так что при всем желании никто второй там бы и не уместился.

Да и сам Роджер не слишком вписывался в ту комнату. Он был такой высокий, а потолок такой низкий и к тому же скошенный, что Роджеру, когда он вставал, приходилось наклонять голову. Тем не менее у него была кровать и стол, и он, казалось, был вполне доволен тем, что живет с нами.

Собственно говоря, показывался он нечасто. Мы с Марком пытались относиться к нему по-дружески. В конце концов это наш родственник, а других семейных связей мы не поддерживаем из-за

постоянных переездов.

Однако с Роджером сложно общаться. Он очень тихий. Наверно, самый застенчивый человек из всех, кого я встречала. При этом юноша по-настоящему красив. У него волосы песочного цвета и пронзительно-черные глаза. Роджер выглядит как фотомодель в модном журнале, но не думаю, что он знает о собственной привлекательности. Он слишком стеснительный. Роджер учится в колледже в соседнем городе и большую часть времени проводит в занятиях у себя на чердаке.

Я не знаю, почему родители взяли Роджера к нам. Уж наверняка не из-за тех копеек, которые он платит за комнату. В его деньгах мы точно не нуждаемся. Кстати, это не первый наш постоялец. Другие юноши раньше также снимали у нас жилье. Может, отцу с матерью просто нравится помогать студентам?

— Эй, Роджер! Ну ты нас напугал, — сказал Марк, лицо которого начало обретать нормальный цвет.

По красивому лицу Роджера скользнула тень тревоги:

— Извини. Я не хотел.

Мы с Марком пошли в гостиную, чтобы завершить уборку. Роджер последовал за нами.

— Когда ты пришел? — спросила я, собирая разбросанные по всей комнате банки из-под пива и содовой.

— Не так давно. Я слышал шум в гостиной и...

— Так присоединялся бы к нам, — сказал Марк, который с пакетом для мусора следовал за мной попятам.

— Да ладно, все в порядке. — Роджер явно был в замешательстве.

Наверно, тяжело быть таким застенчивым. Я не могла представить себе Роджера на вечеринке. Он такой скованный и напряженный. Наверно, никогда в жизни не танцевал.

Роджер наклонился и взял из тарелки горсть соленого печенья.

— Я собирался почитать, но мне надо кое-что спросить у ваших родителей.

— Их нет дома, — ответила я.

Роджер удивленно взглянул на часы.

— Они случайно не сказали тебе, что задержатся на работе? — спросила я его.

— Нет, — покачал тот головой. Потом почесал подбородок. — Ну ладно, мои дела подождут. Спрошу их потом.

Он отправил печенье себе в рот.

— У вас-то, ребята, все в порядке?

— Да, конечно, — ответила я.

Марк собрал несколько бумажных тарелок и бросил их в мусорный пакет.

— Родители часто задерживаются, — заметил он.

— Они звонили? — спросил Роджер, вновь потянувшись за печеньем.

— Нет. Телефон сломался.

— Да? Странно. А записки не оставили?

— Нет. Но я уверена, что они просто заработались. Иногда так увлекаются своими компьютерными делами, что просто забывают о времени.

— Порой они работают двадцать четыре часа в сутки, — добавил Марк, прихлебывая содовую из оставленной кем-то банки. Вода текла у него по подбородку.

— Ну ты и поросенок, — упрекнула я его.

— Брось, просто хочется пить.

— Так, значит, они не оставили никакой записки? — вновь спросил Роджер.

В его голосе слышались нетерпеливые нотки. Я удивилась, почему он задает столько вопросов. Это на него не похоже. Я подумала, что ему действительно важно повидаться с нашими родителями.

— Нет. Они могли пойти в один из своих клубов, — ответил Марк, сминая в руке банку из-под содовой и бросая в мусорный пакет.

— Обычно они заходят домой перед тем, как отправиться в клуб, — заметила я.

— А вы не заходили в их комнату? — спросил Роджер.

— Нет. Зачем?

Теперь необычное поведение Роджера насторожило Марка.

Роджер покраснел:

— Ну-у-у... Они могли оставить там записку.

— Записки они всегда оставляют на холодильнике, — заметила я. — Ты ведь знаешь наших предков. Они компьютерщики. Все делают по системе. Никогда не отступают от установленных правил.

Это действительно так. Родители воображают себя либерально мыслящими людьми. Но видели бы вы их реакцию, если я что-то положила в холодильнике не на то место.

Роджер зевнул и потянулся. Я подумала, что он красив, даже когда зевает.

— Пожалуй, поговорю с ними завтра.

Он взял еще горсть печенья из тарелки, почти опустошив ее, и направился к лестнице:

— Спокойной ночи.

— Пока, — откликнулись мы с Марком и переглянулись.

— Какой-то он странный, — сказал Марк.

— Ничего удивительного, ведь он мамин родственник, — попробовала пошутить я. Затем добавила, уже серьезно: — Несомненно, он очень нервничает.

— Точно. У него был такой вид, как будто он хотел попросить взаймы или что-то такое...

— Может, ты и прав.

Я почувствовала, что действительно устала.

— Куда это ты?

— Уже почти двенадцать. Пойду посмотрю «Звездный путь».

— Марк, ты уже видел все серии по десять раз.

— Нет, это новые, которые я смотрел лишь дважды.

Марк — фанатик этого сериала. Он не пропускает ни одного повтора, которые обычно крутят после двенадцати. Более того, хотя он не любитель читать, но проглатывает все новые издания «Звездного пути», как только они выходят. Когда никто не видит, он иногда копирует манеры героев этого шедевра. Как я уже говорила, с юмором у Марка не очень.

Может быть, нам лучше заглянуть в комнату родителей?

Марк взглянул на меня с удивлением:

— Ты в порядке?

— В порядке. Ты же знаешь, я не волнуюсь по пустякам. Но все это кажется мне странным.

— Ладно. Только гляну, какую серию они показывают.

Он плюхнулся на диван, взял пульт и включил ящик. Я тоже присела, чувствуя себя слишком уставшей, чтобы продолжать уборку. Через несколько минут начался «Звездный путь».

— Старая серия, — заметил Марк. — Хотя неплохая. Кирка, Ухуру и Чекова захватывают в плен. Им надевают собачьи ошейники и учат сражаться.

— Впечатляет.

Я не в курсе, что там происходит в этом сериале.

— А теперь пошли, посмотрим их комнату.

— Ладно.

Марк выключил ящик.

— Помоги встать.

Он протянул руки, словно ожидая, что я его подниму с дивана.

— Не выйдет. Ты вешишь тонну.

С тяжким стоном он поднялся. Мы оба действительно устали. Был почти час ночи, и через шесть часов нам уже надо было вставать, чтобы успеть в школу.

Я пошла за Марком вверх по лестнице. Ненавижу этот скрип старых ступенек. Родители собирались положить на лестницу ковер,

но у них все не доходят руки.

Наш прежний дом в Бруклине был совсем новым, поэтому трудно привыкнуть ко всем этим неприятным звукам старого дома. Вообще-то я спокойная. В нашей семье самый нервный Марк. Но здесь мне постоянно казалось, что кто-то посторонний находится в комнате, или спускается по лестнице, или крадется за мной. И все из-за странных звуков, которыми наполнен этот старый дом. Надеюсь, со временем я привыкну. Но, честно говоря, мне гораздо легче, когда папа с мамой дома. Где же они сейчас, снова подумала я.

Я открыла дверь и застыла от удивления. Лампа на ночном столике у кровати была включена.

А-а-а!

Крик вырвался у меня сам собой. Меня испугал какой-то звук. Но это была всего лишь штора, которую трепал залетавший в открытое окно ветер. Я взглянула на кровать и вновь закричала.

Я знала, что произошло что-то ужасное...

Глава 4

Я не понял, из-за чего вдруг спятила моя сестра. Что с ней такое? Она что, никогда раньше не видела неубранной постели? Конечно, предки помешаны на аккуратности и всегда утром ее застилают. Однако неубранная кровать — это еще не причина, чтобы сходить с ума и вопить, как будто случилось что-то ужасное.

Я привел Кэру в чувство обычным способом: прикрикнул на нее и приказал заткнуться. Я не видел ничего такого, из-за чего было бы нужно так распускаться. Считается, что в нашей семье я самый нервный. Кэра же, напротив, считается спокойной, собранной и сдержанной. Сейчас она явно была не на высоте.

— Извини, — пробормотала она и закусила нижнюю губу. — Я не хотела кричать. Но...

— Что — но?

Я не собирался позволить ей легко отделаться. На самом деле своим криком она меня порядком напугала.

Голос сестры дрожал:

— Наверно, меня напугал вид разобранной постели. Посмотри, одеяло свисает на пол, простыня сбита, как будто здесь была какая-то борьба.

— Успокойся, — сказал я, присаживаясь на край кровати. — Не понимаю, что тебя так напрягает. Можно подумать, что раньше предки никогда не задерживались допоздна.

Видя, что Кэра едва владеет собой, я решил демонстрировать полное спокойствие. На самом деле я тоже был немного встревожен, но не хотел этого показывать. Кроме того, несмотря на тревогу, я был даже доволен тем, что родителей сегодня вечером не было дома. Ведь я смог провести время с Джин, а она была сегодня потрясающей!

Сидя на неубранной кровати, я думал об утренней ссоре с родителями. В чем, собственно, проблема? Джин была красивой, умной. Мне она очень нравилась — и я ей тоже! Несколько дней назад я познакомился с отцом девушки. Нормальный мужик. Помоему, он врач. Так что же беспокоит предков? Почему мама и папа не хотят, чтобы я встречался с Джин? Странно, но они не смогли

ничего объяснить.

Отец с матерью любят все обосновывать. Обычно находят как минимум два-три довода в пользу своих поступков. Постоянно наезжают на нас с сестрой из-за того, что мы не всегда можем объяснить свои поступки. Как будто все в жизни поддается логическому объяснению!

Поэтому, когда я спросил их, почему, собственно, я не должен видиться с Джин, все, что они могли мне ответить, — это что они опытнее, и я просто должен им доверять. Ничего себе объяснение! Просто доверять!

Конечно, мне не следовало терять самообладание. Но они меня сегодня достали. И, в конце концов, я был прав.

Однако сейчас, сидя в их комнате, я чувствовал, что, если с родителями что-то случилось, я буду горько сожалеть о нашей ссоре. Я попытался прогнать тревожные мысли. Не стоит думать о плохом. Это не принесет никакой пользы.

— Родители и раньше задерживались на работе допоздна, — напомнил я Кэре.

— Они обычно звонят.

Ее тревога ничуть не уменьшилась. Она стояла передо мной, скрестив руки на груди.

— Да, знаю, что телефон не работает. Но они могли бы позвонить соседке, миссис Фишер, и попросить ее сказать нам.

— Кэра, перестань волноваться. Это на тебя не похоже.

Но сестра меня уже не слушала. Легко вскрикнув, она осталась стоять с открытым ртом, глаза расширились от ужаса. Я понял, что она смотрит мимо меня на окно.

— Марк... — прошептала Кэра.

Она наклонилась и схватила меня за плечо. Я почувствовал, как ее пальцы вцепились в мой свитер.

— Марк, там кто-то есть...

— Что?

Я почти не слышал, что она шепчет. Кэра толкнула меня в плечо,

и я повернулся. Сначала я не мог понять, что ее так напугало. Я видел полуоткрытое окно, темноту за ним и кусочек бледной луны. Шторы, слегка колыхавшиеся от ночного ветерка.

И тут я увидел их! Два ботинка высывались из-под длинных штор рядом с окном. Теперь я понял, что так встревожило сестру, и сам испугался. Я уставился на ботинки. Понял, почему топорщились шторы. Ветер был ни при чем. Кто-то прятался в комнате родителей!

Глава 5

Если бы я все обдумал, вероятно, я бы этого не сделал. Однако, как я уже говорил, я не всегда поступаю логично. Просто совершаю что-то, и все! И уже потом пытаюсь объяснить свои поступки, иногда когда уже слишком поздно.

Короче, я вскочил с кровати и ринулся к окну. Услышал предостерегающий крик Кэры. Но меня уже было не остановить. Не знаю, что я собирался сделать. Я был скорее разозлен, чем напуган. Какого черта кто-то прячется в комнате родителей? Что ему здесь надо? Может, это вор?

Я не думал о возможной опасности. Не думал, что меня могут ударить. Вообще не думал. Я подбежал к шторе — и остановился, когда из-за нее навстречу мне шагнул Роджер. Вид у него был смущенный.

— Это всего лишь я.

Думаю, выражение моего лица ясно говорило, насколько я разозлен. Он поднял руки, как бы сдаваясь.

— Роджер! Что ты здесь делаешь?! — воскликнула Кэра.

— Э-э-э... Просто смотрю в окно. Ну-у-у... мне показалась, что я что-то услышал на улице, но это, наверно, была собака или что-то еще.

— Но что ты делаешь в этой комнате? — спросил я.

Мое сердце еще продолжало учащенно биться и никак не хотело успокоиться.

— Ты нас сильно напугал, — сердито сказала Кэра, скрестив руки на груди.

Извините. Я просто зашел посмотреть, может, ваши родители оставили записку. Потом что-то зашумело на улице, и я подошел к окну. Не слышал, как вы вошли.

Я поверил ему, но у Кэры, похоже, оставались сомнения. Сестра никогда никому не верит на слово.

— Как ты мог нас не слышать? Ведь мы разговаривали.

— Ну-у-у... Эти шторы такие плотные. За ними ничего не слышно.

Роджер провел рукой по волосам. Я заметил капли пота на его лице. В комнате было тепло, но не жарко.

— Я не хотел вас напугать, — продолжал он, глядя мимо меня на Кэру. — Я просто беспокоился о ваших родителях и...

— Что это у тебя в руке? — прервала его Кэра.

— Это?

Роджер показал маленький черный футляр.

— Это мой плеер.

— Без наушников? — подозрительно спросила Кэра.

— Я оставил их наверху, — ответил Роджер, засовывая плеер в карман брюк.

Штора внезапно колыхнулась. Мы хором вскрикнули. Однако это был всего лишь ветер. Где-то в лесу раздался звериный вой. Внезапно я ощутил, как холодок пробежал у меня по спине. Ребята в школе рассказывали мне о волках, которые бродят в лесу недалеко от нашего дома.

— Я действительно сожалею, что напугал вас, — сказал Роджер, зевая. — Думаю, все мы очень устали.

Он направился к двери, но на полпути обернулся:

— Послушайте, не надо волноваться за родителей. Я уверен, что утром, когда вы проснетесь, они будут дома.

— Да, возможно, — сказала Кэра и тяжело вздохнула. — Извини, если и мы тебя напугали, — добавила она, как бы заключая мир с Роджером. — Мы не знали, что это ты.

— Спокойной ночи.

— Спокойной ночи.

Роджер вышел. Мы слышали, как он поднимается к себе на чердак. Потом Кэра упала на кровать и зарылась лицом в подушку. Я подошел к окну, чтобы закрыть его. На улице ветер гонял по двору опавшие листья. Внезапно мое внимание привлек серый фургон, припаркованный напротив нашего дома. Раньше я его здесь не видел.

Никаких надписей на фургоне не было. Слишком темно, чтобы разглядеть, есть ли кто-нибудь внутри. Зачем он здесь стоит?

Я плотно задвинул шторы.

— Ты думаешь, Роджер сказал правду? — спросила Кэра.

Ее голос звучал глухо, поскольку она все еще утыкалась лицом в подушку.

— Не знаю. Возможно. Зачем бы ему врать.

— Он выглядел смущенным.

— Он всегда выглядит смущенным. Он чувствовал себя неловко, вот и все.

Не знаю, почему я защищал Роджера. Я ничего не имел против него, но и горячей симпатии к нему не испытывал. Дело в том, что у нас не было ничего общего. Он не увлекался спортом, а я — английской литературой девятнадцатого века. Кроме того, на мой взгляд, Роджер был слишком красив. Подружки Кэры всегда начинали хихикать и заигрывать с ним, стоило ему войти в комнату. Возможно, я Роджеру немного завидовал.

Но, честно говоря, я не понимал, зачем он нам здесь нужен. Конечно, он наш дальний родственник. Но это ведь не значит, что он должен жить с нами. Я чувствую себя не очень комфортно, когда в доме постоянно находится посторонний человек. Эта старая развалюха и так была не слишком уютной, особенно по сравнению с аккуратным домом, в котором мы жили в Бруклине. И вообще, нам здесь не нужен какой-то студент, который прячется за шторами. Так что не знаю, почему я вступился за Роджера. Возможно, потому, что люблю поспорить с Кэрой.

— Что он здесь искал? — подала голос Кэра, перекатываясь на спину.

— Вероятно, то же, что и мы, — ответил я, присаживаясь на кровать.

— Но если он искал записку, ему незачем было прятаться за шторами и выглядывать в окно.

Я застонал. Иногда Кэра может утомить.

— Дай передохнуть. Он все объяснил. Чего ты хочешь от меня?

— Да, ты прав. Просто я устала.

Она закрыла глаза.

— Ты собираешься спать здесь?

Кэра зевнула:

— Уже встаю.

Она потянулась. На ее лице наконец-то появилась улыбка.

— Ну ладно, пока, — сказал я.

Мои мысли были уже заняты Джин. Может, еще не поздно ей позвонить?

Внезапно улыбка исчезла с лица Кэры. Она резко выпрямилась.

— В чем дело?

— Я что-то нашла под простыней.

Я увидел в ее руке какой-то маленький предмет. Он походил на крохотный белый череп. Я подошел ближе, чтобы рассмотреть его.

— Что это? Человеческий череп?

— Нет.

Кэра поднесла предмет поближе к лицу и пыталась рассмотреть его в тусклом свете настольной лампы.

— Это... это обезьяна.

— Что?

Теперь и я смог рассмотреть. Это была вырезанная из слоновой кости голова обезьяны размером с шарик для пинг-понга. В глазницы были вставлены кусочки горного хрусталя, сверкавшие в свете настольной лампы. Я взял безделушку у Кэры. Странно, на ощупь она была очень холодной.

На лице Кэры явственно отразился страх.

— В ней есть что-то мерзкое, — заметила сестра.

Я повернул обезьянку лицом к себе. Я смотрел в мерцавшие желтым светом глаза, и мне казалось, что она рассматривает меня. У нее были глубоко вырезанные ноздри, зубы обнажены в безобразной, наводящей страх ухмылке. Фигурка была очень гладкая и холодная.

А эти глаза из хрусталя, смотревшие прямо на меня, излучали... да, они излучали зло.

Возможно, события последних суток расшатали мои нервы. Возможно, я просто слишком устал. Возможно, я был расстроен, что папы с мамой нет дома. Но скользило что-то отвратительное, что-то злое в маленьком белом черепе, в странных, сверкающих глазах, в застывшей обезьяньей ухмылке.

Какое-то время я смотрел на нее как загипнотизированный. Потом почувствовал, что больше не могу, зажал обезьянку в кулаке и закрыл глаза. Странно, хотя я крепко ее сжимал, она оставалась холодной. Казалось, у меня в руке лежит кусочек льда. Я вернул ее Кэре. Она с отвращением взглянула на нее и бросила на ночной столик.

— Что это? Откуда это взялось?

Еще два вопроса, на которые я сегодня не мог ответить.

Глава 6

Несмотря на усталость, мне не спалось. Я лежал, наблюдая за игрой теней на потолке, и думал о Джин. Я вспоминал, как она сидела у меня на коленях, как мы целовались. Вспоминал запах и тепло ее тела. Мы как будто были в комнате одни, хотя там было полно народа.

И, конечно, я думал о родителях. Было непривычно сознавать, что их нет дома, что они не сидят у телевизора или не занимаются чем-то еще. Не то чтобы я боялся, просто это было странно.

Я сожалел об утренней ссоре. Но, утешал я себе, это не моя вина. Переворачиваясь с боку на бок, я все подбирал новые аргументы в нашем споре.

Я взглянул на часы. Они показывали 1:42, а сна ни в одном глазу. Я встал и подошел к окну. Сам не знаю зачем. Может, надеялся увидеть подъезжающую машину родителей. Я выглянул во двор. Фонарь у крыльца заливал желтым светом лужайку, на которой дрожали причудливые тени. Стоял густой туман. Я с трудом мог разглядеть фонарь на другой стороне улицы. А начинавшийся дальше лес вообще тонул в серой мгле.

Я прижался к оконному стеклу. Оно приятно холодило мое разгоряченное лицо. Где-то в лесу завыл какой-то зверь. Ему вторил другой. Я прислушался. Это не было похоже на собачий вой.

Я вновь посмотрел в окно. Серый фургон стоял на том же месте — на противоположной стороне улицы.

Вой между тем становился все громче и, похоже, приближался.

И тут я заметил, как кто-то бежит по лужайке к улице. Я тряхнул головой. Может, я все же засыпаю и мне это привиделось? Но нет. Это был Роджер. Я отчетливо видел его в желтом свете фонаря. Его коричневая куртка развевалась на ветру. Длинная тень легла поперек лужайки. Он бегом пересек улицу. Тут боковая дверь фургона отворилась, и чьи-то две руки помогли Роджеру забраться внутрь. Дверь тут же закрыли.

— Что происходит? — прошептал я.

Вновь выглянул в окно. Все тот же туман, темный фургон без

признаков жизни. Дрожащие тени на лужайке. Тьма стала еще более непроглядной.

Я почувствовал, что дрожу, и отошел от окна.

Что же это? Зачем Роджеру понадобилось наведываться в этот фургон глубокой ночью? С кем он там встречается?

Все еще ощущая дрожь, я направился к двери. Я решил разбудить Кэру. И тут мой взгляд упал на какой-то предмет рядом с кроватью. Что-то белело на ночном столике. Я двинулся туда, споткнулся и ударился мизинцем о ножку кровати.

— А-а!

Я прыгал на одной ноге, ожидая, когда боль утихнет. Потом направился, чертыхаясь, к столику.

Это была голова обезьянки! Глаза из хрусталя сверкали еще сильнее в свете лампы. Ее зубы были по-прежнему оскалены в насмешливой гримасе, словно она издевалась надо мной.

Неужели я принес ее к себе в комнату? Я этого не помнил. Впрочем, кроме меня, никому было это сделать. Я был очень уставшим, вот и забыл.

Я швырнул обезьянку на кровать и вновь подошел к окну. Фургон стоял на том же месте, не подавая признаков жизни. Роджер, видимо, по-прежнему в нем.

Происходит что-то странное, подумал я, чувствуя, что от сна не осталось и следа. Я решил воспользоваться отсутствием Роджера и осмотреть его комнату. Вдруг мне удастся найти ключ к разгадке его поведения. Сегодня он весь вечер вел себя странно, но его ночное посещение фургона — это уж слишком.

Натягивая рубашку, я все пытался найти разгадку. Может, он покупает наркотики? Да нет, это на него не похоже. Он слишком правильный. Я никогда не видел, чтобы он за вечер выпил больше полпинты пива. Так что это не наркотики.

Тогда что? Девушка?

Да, возможно, он встречается с девушкой. Хотя это тоже выглядит нелепо. Почему он не пригласил ее к себе? К тому же фургон стоит здесь уже много часов. Зачем бы Роджеру заставлять ее столько ждать?

Ясно, дожидался, пока Мы с Кэрой уснем. Что бы это ни было, он не хочет, чтобы мы знали. Но что же это?

Я направился по коридору к лестнице, ведущей на чердак. Под ногами скрипели половицы. У двери Кэры я остановился в нерешительности. Стоит ли ее будить? Решил, что не стоит. Я собирался лишь быстро осмотреть комнату Роджера — вдруг удастся найти что-нибудь интересное, — а затем вернуться к себе. Остальное может подождать до утра. По крайней мере, хоть Кэра выспится.

Я уже шагнул на первую ступеньку лестницы, когда услышал сзади голос Роджера:

— Эй, Марк, ты куда?

Глава 7

Я повернулся. Коридор был освещен лишь тусклым светом ночника, который пробивался из-под двери комнаты Кэры. Однако даже при слабом освещении были заметны капли пота на покрасневшемся лице Роджера.

— Ты напугал меня, — прошептал я.

— Извини. Похоже, сегодня ночью я только и делаю, что всех пугаю.

На его лице не было и тени улыбки.

— Куда ты направлялся?

— Я... шел в ванную.

— Ванная в другую сторону.

Я соображал, что бы еще мне сказать.

— Послушай, а где ты был?

— Не мог заснуть, — ответил он, утирая пот с лица. — Наверно, перезанимался. Вот и решил немного пройтись, чтобы проветрить голову.

Он врал. Он ходил к фургону.

— На улице так тепло, — продолжал он. — Даже не верится, что ноябрь.

Он прошел мимо меня и стал быстро подниматься на свой чердак, как бы спеша скрыться от меня и моих вопросов.

— Спокойной ночи, — прошептал я.

Я не стал ловить его на лжи, не стал говорить, что видел, как он залезал в фургон. Я слишком устал и слишком во всем этом запутался. Я решил, что сначала расскажу все Кэре, а потом мы решим, что делать с Роджером. У меня теперь было к нему много вопросов. Они крутились у меня в мозгах, как белье в стиральной машине. Я почувствовал, что голова стала очень тяжелой. Я побрел в свою комнату и рухнул на кровать, даже не сняв рубашку. Потом все-таки заснул и видел странные и тревожные сны.

Один сон был про то, как я оказался в полном одиночестве на огромной автостоянке. Вокруг меня, насколько хватало взора, тянулись бесконечные ряды серых машин. Я не знал, куда мне идти. Не знал, какая из этих машин моя. Не знал, где искать выход. Не знал, кто оставил меня здесь. Не знал, что мне делать.

Когда в семь часов меня разбудил звон будильника, я чувствовал себя паршиво. Все мышцы ныли. Голова была тяжелой. Сон про стоянку оказался единственным, который я запомнил, но я почему-то знал, что другие тоже были плохими, и это не улучшало настроения.

— Оставьте меня в покое!

Мой возглас был обращен не к кому-то конкретному, а к миру в целом. Я потянулся и повернулся на бок. И мой взгляд упал на обезьянью голову, лежащую на столике рядом с часами. И вновь мне показалось, что она смотрит на меня и зловеще ухмыляется, сверкая хрустальными глазами.

Я схватил ее и с размаху швырнул об стену. Она отлетела на ковер.

— Будешь знать, как пялиться на меня, — громко сказал я.

Тут я подумал, что отец с матерью, возможно, уже дома, и заставил себя подняться. Я, как обычно, принял душ, надел джинсы и рубашку, которая, на мой взгляд, была еще достаточно чистой, и вышел из комнаты. На лестнице я столкнулся с Кэрой.

— Привет.

Кэра не ответила.

— Эй, папа, мама, где вы? — крикнула она.

Мы бегом спустились в кухню. Пусто. Оставшаяся со вчерашнего дня грязная посуда горой высилась рядом с мойкой.

— Не очень-то мы вчера прибрались, — заметила Кэра.

— Черт с ним. Где родители?! — завопил я.

— Не ори на меня! Я не знаю!

Я не ору, — ответил я.

Вечно она ко мне придирается.

— Может, они спят? — предположила Кэра. — Я пойду

посмотрю.

— Я с тобой.

Не знаю, зачем я пошел за ней. Конечно же, достаточно было и одного из нас. Видимо, не мог собраться с мыслями. Это из-за нервов.

Я остановился у лестницы и смотрел, как Кэра направилась к комнате родителей. В голову мне приходили разные ужасы, которые могли приключиться с ними. Не ведь если бы случилось что-то серьезное, полиция наверняка уже связалась бы с нами, успокаивал я сам себя. От этой мысли мне немного полегчало. Но я знал, что полностью не успокоюсь, пока не узнаю, где они.

— Ну что, они там? — крикнул я Кэре, когда она показалась наверху лестницы.

Кэра отрицательно покачала головой. Я заметил, что она не причесана. Это так на нее не похоже.

— Их нет дома.

Вдруг у меня заурчало в животе, и я почувствовал, что голоден. Найдется ли в доме что-нибудь на завтрак? В следующий миг мне стало стыдно, что я думаю о еде, когда судьба родителей остается неизвестной.

В скверном настроении мы с Кэрой спустились в кухню. Она нашла кукурузные хлопья, но молока не было. Поэтому мы залили их кока-колой.

— Начинать день следует с питательного завтрака, — попыталась пошутить Кэра.

Впрочем, на вкус было неплохо. Я уже собирался допить остатки колы, как вдруг вскочил с места. Я вдруг вспомнил про серый фургон.

— Эй, ты куда? — окликнула меня Кэра.

Я ринулся в гостиную и уставился в окно. На улице еще царил полумрак. Солнце лишь робко пыталось пробиться сквозь тучи. Фургона не было.

— Марк, что ты делаешь? — спросила Кэра, которая последовала за мной в гостиную.

Я усадил ее на диван и рассказал о событиях минувшей ночи.

Ты точно видел, как Роджер садился в серый фургон? Тебе не приснилось?

Это так похоже на Кэру. Всегда во всем сомневается.

— Нет, мне не приснилось.

— А ты уверен, что он действительно залез в фургон, а не прошел мимо него? Может, тебе показалось, что дверь открыта? Это могла быть тень или что-то еще.

Она чуть было не заставила меня усомниться в том, что я действительно все это видел.

— Нет. Все было так, как я тебе рассказал. Роджер залез в фургон, и дверь закрылась.

— Ты уверен, что он врал, когда говорил тебе, что просто вышел прогуляться?

— Кэра, ты меня достала!

Я едва сдерживался. Она успокаивающе махнула руками:

— Ладно, ладно. Извини. Просто, если мы собираемся потребовать от Роджера объяснений, мы должны быть уверены в фактах.

— На улице и в самом деле было темно, и лежал туман. Но я уверен, что Роджер сел в фургон.

— Тогда пошли, — сказала Кэра, поднимаясь с дивана. — Мы спросим его прямо: Роджер, что ты делал этой ночью в сером фургоне?

— Да, наверно, так.

Но Кэра уже назадавала мне столько вопросов, что я начал сомневаться: а не приснилось ли мне все это. А может, я просто не хотел связываться с Роджером.

— Послушай, Кэра, — начал я, когда мы подымались по лестницё. — А может то, чем Роджер занимался этой ночью, нас не касается? В конце концов, он имеет право на личную жизнь.

Кэра вдохнула и пристально посмотрела на меня:

— Марк, пропали наши родители.

— Ну, они не пришли вчера ночевать.

— И до сих пор не объявились. А Роджер со вчерашнего вечера ведет себя очень странно. Согласен?

— Да, пожалуй.

— Поэтому мы имеем право потребовать от него объяснений.

— Ладно.

Я был вынужден согласиться с Кэрой. Я никогда не могу ее переспорить, если не начинаю кричать. А в это утро у меня просто не было сил. Кроме того, на этот раз она была права.

Мы поднялись на чердак. Там было градусов на десять жарче, чем у нас. Дверь была закрыта.

— Мы его разбудим, — спросил я шепотом, — или подождем, пока он проснется?

Сестра взглянула на меня с презрением:

— Конечно, разбудим. Или ты сегодня вообще не собираешься в школу?

Я легонько постучал в дверь. Потом сильнее. Тишина.

И вновь я ощутил холодок на спине и судороги в желудке. Случилось что-то ужасное, подумал я. Тряхнул головой, чтобы отбросить ненужные мысли. А то и крыша может поехать. Вновь постучал. Опять без ответа. Я открыл дверь и вошел.

Комната была пуста. Кровать застелена. Роджер уже ушел.

— Странно. — Кэра явно была разочарована.

— У него утренние занятия, — сказал я, посторонившись, чтобы она могла войти в комнату.

— Так рано у него нет занятий, — отозвалась она. — Ладно, раз уж мы сюда зашли, давай посмотрим.

На столе Роджера лежали его тетради и учебники. Кэра наклонилась и посмотрела под кроватью.

— Что там? — почему-то шепотом спросил я.

— Только пыль.

Книжная полка была почти пустая, не считая нескольких книг и журналов, а также карандашей и фломастеров.

— Мрачное место, — заметил я.

— Да. Мог бы повесить на стены хоть какие-то картинки.

Я посмотрел на голые серые стены. Комната напоминала скорее одиночную камеру, чем жилище студента.

Кэра начала просматривать вещи на столе Роджера.

— Я там уже смотрел.

Я чувствовал себя неудобно и хотел побыстрее отсюда убраться. Что, если Роджер вернется и увидит, как мы роемся в его вещах?

— Эй! Гляди-ка.

Кэра протянула мне пустой блокнот.

— Ну и что? Пустой блокнот.

— Правильно! Посмотри, Марк, — сказала она, взяв другой. — И этот пустой!

Действительно, не написано ни слова.

— Просто он их пока не использовал.

Кэра просматривала учебники Роджера.

— Взгляни, ничего не подчеркнуто, как будто их вообще не раскрывали.

— Значит, он ничего в книгах не подчеркивает. Кстати, я тоже. По-моему, это ничего не значит.

— Но это странно.

Внезапно я услышал какой-то звук. Взглянул на Кэру. Понял, что и она его слышала. Мы застыли. Тишина. Я подошел к двери и приоткрыл ее. Никого. Просто скрипят балки старого дома.

Когда я повернулся, Кэра уже просматривала ящики стола. Поскольку в комнате не умещался шкаф, Роджер держал одежду в ящиках стола. Один из них был полностью заполнен бельем.

— Ну, хватит! — Мне все это уже надоело. — Мы ничего интересного не найдем. Такое впечатление, будто Роджера вообще не существует.

Она взглянула на меня:

— Вот именно. Тебе не кажется, что это странно?

— Нет!

Она выдвинула нижний ящик.

— Пошли. Только потеряли время.

— Постой, Марк! О Господи!

Я повернулся. Она вынула из ящика белье. Под ним лежал пистолет!

Глава 8

Он взял оружие в руки.

— Марк! Не трогай! Положи! — закричала я.

— Заряжен.

— Не направляй его на меня!

— Я никуда его не направляю. Лучше положу обратно.

— Осторожнее.

Он аккуратно опустил пистолет на место. Сверху я положила белье Роджера и задвинула ящик.

— Зачем, по-твоему, он хранит заряженный пистолет? — На его лице отразился сложный мыслительный процесс.

— Может, он палит из него по тараканам, — попыталась пошутить я.

Марк моей шутки явно не понял.

— Ладно, давай линять отсюда, — сказала я, выталкивая его из комнаты.

Мы вернулись в кухню. Я взглянула на часы. 7:40. Если мы скоро не выйдем, то наверняка опоздаем в школу.

— Телефон. Может, уже заработал.

Мы оба кинулись к трубке. Я успела первой. Тишина.

— Нужно позвонить на телефонную станцию, — сказал Марк. — Может, мама с папой всю ночь пытались до нас дозвониться.

— Правильно. Я схожу к соседке, миссис Фишер.

Я взяла телефонный блокнот:

— Позвоню родителям, а потом на станцию.

Пошел бы с тобой, но миссис Фишер меня недолюбливает. Она как-то проходила мимо, когда я стрелял из лука. По-моему, решила, что я ненормальный.

— Так и есть.

И я быстро выбежала на улицу. Люблю, когда последнее слово остается за мной.

На улице все еще было прохладно. Солнцу пока не удалось пробиться сквозь облака. Впрочем, дом миссис Фишер расположен недалеко. Тем не менее я перешла на бег.

Звонок у нее не работал, поэтому я воспользовалась дверным молотком. Она сразу же отозвалась. Это была привлекательная женщина, хотя и немолодая — лет за сорок, — одетая в вельветовые штаны и мужскую рубашку. Темные волосы были перетянуты сзади резинкой.

По-моему, она удивилась, узрев меня.

— Кэра?

— Доброе утро, миссис Фишер. Извините за беспокойство.

Она придержала дверь, пока я входила.

— Для меня это не рано. Я всегда встаю в шесть.

В доме пахло кофе и табаком.

— У вас все в порядке?

Задавая этот вопрос, она почему-то смотрела на улицу мимо меня. Да и сам ее тон заставил меня насторожиться. Хотя, конечно, я сама в это утро выглядела странно.

— У вас телефон работает? А то у нас отключился...

— Да, конечно. Работает. Пару минут назад говорила с сестрой. Странно, что ваш не в порядке.

— Можно, я позвоню?

— Да.

Я проследовала за ней через комнату, заставленную массивной старой мебелью, и оказалась в кухне.

— Сначала позвоню родителям, — сказала я, разыскивая номер в блокноте.

— Родителям?

Я взглянула на нее. И то, что я увидела, мне не понравилось. Это было даже не удивление. Как будто она знала что-то, чего не знала я.

Впрочем, заметив мой взгляд, она стерла это выражение, взяла сигарету и закурила. Но рука ее дрожала.

Наверно, они задержались на работе. — пояснила я. — Их до сих пор нет дома.

Может, мне лишь привиделся этот ее странный взгляд.

Продолжая курить, она подошла к мойке и стала перемывать какие-то тарелки.

— Так они не звонили?

— Не могли. Ведь телефон был неисправен.

— Да, конечно. А где они работают?

Она спрашивала, не оборачиваясь ко мне. А тарелки, которые оттирала женщина, на вид были вполне чистыми.

— Это называется «Крэнфорд индастриз».

— А-а-а, Крэнфорд. Они работают на авиапромышленность или что-то похожее. Я слышала. Выполняют правительственные заказы...

— Честно говоря, не знаю. Родители там устанавливают компьютерные системы.

— Интересно.

Она вытерла руки и повернулась. Положила сигарету в пепельницу, но потом опять нервно закурила.

— Крэнфорд отсюда не близко. Почему твои родители поселились здесь, в Темной Долине?

— Не знаю. Никогда об этом не думала. Может, они решили, что здесь лучше школа. Ну, для нас с Марком...

— Кэра... — начала она, но вдруг остановилась.

— Что?

— Да нет. Забыла, что хотела сказать. Пожалуй, не буду тебе мешать. Ты же должна позвонить.

Она поспешно вышла, оставив в пепельнице непотушенную сигарету.

Что случилось, подумала я. До сих пор, когда я ее видела, она была такой спокойной. Да и вообще это была единственная соседка,

которая с нами иногда общалась. Все остальные нас просто не замечали.

Я набрала прямой номер родителей. Никто не подходит. Коммутатор тоже не отзывался. Слишком рано, решила я. Никого нет на работе.

Почувствовав слабость, я облокотилась на стол. Все же я до сих пор надеялась, что они на работе. Что теперь? Что делать? Кому звонить?

У нас здесь нет родственников. Мы живем в этом городе лишь пару месяцев. Мы тут никого не знаем!

Я не могу идти в школу, не зная, что с папой и мамой.

Почувствовала спазмы в желудке. Может, не стоило заливать кукурузные хлопья кока-колой.

Я тупо смотрела на телефон, и вдруг до меня дошло, что надо делать. Нам с Марком надо ехать в «Крэнфорд индастриз». Там мы разыщем родителей. На чем ехать? Может, возьмем такси? Или туда ходит автобус?

Да, так и сделаем. Черт с ней, со школой. Если с родителями все в порядке, пусть объяснят, почему от них не было вестей. А если не в порядке... Нет! Они наверняка на работе.

— Спасибо, миссис Фишер! — крикнула я.

Ответа не было, и я выбежала на улицу. И тут сообразила, что не позвонила на телефонную станцию. Пришлось вернуться.

— Вообще нет сигнала? — переспросил приветливый женский голос на другом конце линии. — Странно. Из вашего района никаких жалоб не поступало. Ладно, скажу ребятам, чтобы проверили.

— Спасибо.

Я положила трубку, громко поблагодарила миссис Фишер, которая так и не появилась, и поспешила домой, спеша поделиться с Марком идеей наплевать на школу и отправиться на поиски родителей.

Когда я проходила мимо нашего гаража, что-то привлекло мое внимание. Что-то было не так. Я заглянула в окно.

Да, машина родителей — синяя «Тойота», на которой они

ежедневно ездили на работу, — стояла в гараже.

Глава 9

Марк открыл дверь гаража, и мы уставились на машину, как будто никогда ее раньше не видели.

— Как же они уехали на работу? — спросил Марк, входя внутрь и заглядывая в окно машины.

Конечно, оба мы думали о другом: а уехали они вообще на работу? Был единственный способ выяснить это.

— Мы поедem в Крэнфорд. Прямо сейчас, — сказала я.

Марк пнул ногой заднюю шину:

— Я не могу. У меня сегодня контрольная по математике. И мне надо повидаться с Джин...

Он умолк, поняв, что сморозил глупость. Все это ничего не значило по сравнению с папой и мамой.

— Черт! Я не знаю, что делать! — закричал он, со злостью ударив кулаком по стене.

Сейчас он походил на капризного ребенка.

— Проклятье!

Он ушиб руку.

— Прекрати. Ты психуешь. Я тоже. Нам надо что-то предпринять, иначе мы свихнемся.

— Да, да, — пробормотал он. — Только не читай мне нотаций. Давай возьмем ключи от машины и куртки и поедem. Хоть есть на чем добраться.

Мы вновь посмотрели на машину. Я почувствовала слабость и отвернулась. Я знала, что ее здесь быть не должно. Что-то не так. Случилось что-то страшное.

Может, родителей кто-то подвез на работу, — заметил Марк, когда мы возвращались в дом. — Их срочно вызвали и прислали машину.

— Может быть.

Но мы оба этому не верили.

Я взяла куртку, запасные ключи от машины и дорожный справочник. Мы спустились во двор. Погода была хмурая. Солнце, похоже, оставило попытки пробиться сквозь тучи. День был серый и очень ветреный. Ноябрь наконец-то вошел в свои права.

В конце квартала Марк вдруг резко нажал на тормоза:

— Фургон!

Действительно, перед нами был серый фургон. На кузове никаких надписей. За рулем сидел мужчина с коротко подстриженными светлыми волосами. Марк остановился рядом с ним. Водитель смотрел прямо перед собой, демонстративно нас не замечая. Марк опустил стекло и высунул голову:

— Эй, вы ждете Роджера?

Мужчина в фургоне тоже опустил стекло.

— Простите, у меня включено радио. Я не слышал, что вы спросили.

Он широко улыбнулся, обнажив блестящие белые зубы. Пожалуй, он даже был привлекательным. Но очень светлые волосы, белая кожа и ослепительные зубы делали его похожим на альбиноса.

— Вы ждете Роджера? — повторил Марк.

— Кого?

— Роджера?

Мужчина в фургоне отрицательно покачал головой:

— Извините, вы ошиблись. Не знаю никакого Роджера.

Марк недоуменно уставился на него:

— Извините.

— Без проблем, — ответил мужчина и поднял стекло.

Марк нажал на газ, и мы с ревом рванулись с места.

— Он лжет, — сказал брат.

— Откуда ты знаешь?

— Понял по его улыбке.

Мы оба рассмеялись, хотя смешно нам не было. Это была

нервная разрядка. Потом мы замолчали.

Обогреватель в машине был включен, но мне было холодно. Возможно, это из-за нервов. Я с ужасом предполагала, что нам могут сказать в «Крэнфорд индастриз».

Марк вел машину одной рукой, смотря прямо перед собой. Он напоминал робота. Я почувствовала, что больше не вынесу тишины.

— Что самое худшее они могут нам сказать?

Брат не ответил. Я не могла понять, обдумывает ли он ответ или просто меня не слышит.

— Самое худшее? — наконец откликнулся он. — Самое худшее, это если они скажут: ваши родители ушли с работы во вторник в обычное время, и мы не знаем, почему они не появились вчера.

Я не хотела об этом думать, но Марк был прав. Это было бы самым ужасным.

— А что хорошее мы можем услышать? — тупо спросила я.

— Ну, это просто. Нам скажут: да вот ваши папа с мамой. Просто они заработались.

Мне хотелось бы надеяться, что так и будет. Но, честно говоря, верилось слабо. Я не думала, что наши родители окажутся у себя в офисе и извинятся, что не смогли нас предупредить. Но полагала, что кто-то сможет предложить нам хоть какое-то логичное объяснение их отсутствия. Но какое могло быть логичное объяснение?

Я старалась не думать, не представлять всех ужасов, которые могли с ними приключиться. Но запретить себе думать невозможно. В таких случаях в голову всегда приходят самые страшные, самые ужасные мысли.

Следуя дорожным указателям, мы подъехали к зданию корпорации. Это было большое трехэтажное белое строение, на вид не такое современное, как я предполагала, окруженное аккуратно подстриженным газоном и вечнозелеными деревьями. Мы не знали, где можно оставить машину, а вокруг никого не было. Наконец мы нашли большую автостоянку позади здания. Когда мы туда въезжали, из небольшой будки вышел вооруженный охранник и приказал нам остановиться.

— Пропуск, сказал он, протягивая руку к окну машины.

— Простите? Вы позволите нам проехать?

— У вас есть пропуск? — настойчиво повторил охранник.

— Нет, — ответил Марк. — Но нам нужно проехать.

Охранник раскрыл блокнот:

— Ваши имена.

— Нас нет в списке, — сказала я. — Нам не назначено. Мы приехали к родителям.

— Как их зовут? — Он продолжал просматривать свой список.

— Баррафсы. Люси и Грэг Баррафсы.

— В моем списке их нет, — сказал охранник, подозрительно разглядывая нас.

— Они здесь работают недавно.

Мужчина наклонился и внимательно осмотрел меня с Марком и все содержимое машины.

— Ладно, паркуйтесь на стоянке 24-6. Потом идите к центральному входу. Там вас впустят.

— Спасибо, — благодарно вздохнули мы с Марком.

Мне казалось, что я сдала какой-то сложный экзамен. Хотя почему такие строгости для двух подростков, которые приехали повидать родителей. Короче, мы припарковались и пошли через центральный вход, как нам и велел охранник.

— Эй, не беги так.

Я едва успевала за Марком. Он остановился и подождал меня.

— А здание солидное.

— Да, не маленькое, — отозвалась я, толкая стеклянную дверь. — И как только люди находят здесь друг друга.

Еще один охранник — очень молоденький и с пушком на верхней губе, который со временем должен был превратиться в усы, — приблизился к нам, как только мы вошли.

— Это вы те самые посетители? — спросил он, осматривая нас так же пристально, как и предыдущий.

— Да.

— Баррафсы.

Значит, охранник на стоянке сообщил ему по связи.

— Стойте спокойно. Ничего страшного.

Он провел по нам металлоискателем, как это бывает в аэропортах. Мы с Марком переглянулись. Явно, думали мы об одном и том же. Что же это за странная контора?

— Ладно, — сказал охранник. — Идите за мной.

Он повел нас через просторный вестибюль, который, казалось, тянулся через все здание. Обстановка была роскошная. Кожаные столы и кресла. На стенах картины. Медная лестница, ведущая наверх. Мы едва поспевали за охранником. Я взглянула на Марка. Он выглядел обеспокоенным.

Наконец мы дошли до пункта назначения. Мне лично показалось, что мы прошли несколько миль. За столом у лестницы сидела молодая женщина. Охранник, не говоря ни слова, покинул нас и вернулся на свой пост. Мы стояли и ждали, пока она закончит что-то рассматривать в своем блокноте. Женщина была эффектная — это было видно с первого взгляда. Русые волосы, зачесанные назад, элегантный костюм.

Она отложила свой блокнот. На ее лице появилась профессиональная улыбка:

— Чем я могу вам помочь?

— Мы хотели бы увидеть своих родителей...

— Они здесь работают?

Мы не успели ответить. На ее столе зазвонил телефон. Она подняла трубку и стала говорить, время от времени посматривая на нас. Чем дольше это продолжалось, тем больше я нервничала. Почувствовала боль в животе, кроме того, закружилась голова. Наконец она положила трубку. И тут телефон опять зазвонил. Она опять с кем-то беседует, а мы с Марком ждем, чувствуя себя идиотами.

Я стала разглядывать всех, кто проходил мимо. Большинство из них были люди в официальных костюмах и начищенных до блеска

ботинках. Я подумала, может, сейчас появятся папа с мамой.

И вдруг мне показалось, что я их увидела. Они шли прямо к нам по вестибюлю, рука об руку.

— Папа, мама, — закричала я.

Мы с Марком кинулись к ним. Они, казалось, нас не видели.

— Эй! Это мы, — радостно закричала я.

И вдруг поняла, что ошиблась. Мы с Марком замерли. Мужчина с женщиной немного походили на наших родителей, но не настолько, чтобы так ошибиться. Воображение сыграло со мной злую шутку. Они прошли мимо нас и стали подниматься по лестнице. Мы с братом чувствовали себя полными дураками и старались не глядеть друг на друга.

— Извини, — сказала я.

Он не ответил. Мы вернулись к столу служащей, которая, наконец, завершила свои телефонные переговоры.

— Так кого вы хотите увидеть?

— наших родителей, — сказала я — Их зовут Люси и Грэг Баррафсы.

Она нажала клавиши своего компьютера:

— Как фамилия по буквам?

Я назвала по буквам, и она набрала на клавиатуре. На экране появился список фамилий, и она медленно провела по нему пальцем. Потом подняла глаза:

— Таких у меня нет.

— Не может быть, — сказал Марк.

Он вдруг рассердился.

— Знаете, возможно, вы попали не в то здание.

— Не в то?

— Это «Крэнфорд индастриз». Видите ли, здесь много других офисов. Может, вы ошиблись...

— Нет, — настаивал на своем Марк. — Наши родители работают именно в «Крэнфорд индастриз».

— Они начали здесь работать лишь в сентябре, — добавила я. — Может, их просто нет в вашем списке.

— Ну-у-у... — Она задумалась. — Вообще-то данные обновляются каждую неделю. Вы не знаете, в каком отделе они могли бы работать?

— По компьютерам, — сказала я. — Они устанавливают компьютерные системы.

— Компьютеры? — Она нахмурилась. — Пожалуй, лучше поговорить с мистером Блюменталем. Он у нас менеджер по кадрам.

Мы с Марком хором сказали «Спасибо». Но чувствовала я себя неуютно. Почему родителей нет в списке сотрудников компании? И тут, пока женщина звонила этому мистеру Блюменталю, я все поняла. Все просто. Родители не штатные сотрудники компании. Они приглашены сюда по особому контракту и не числятся ни в каком из отделов.

Мне немного полегчало. Хотя я, конечно, все еще нервничала, а люди, которые все шли мимо нас, заставляли меня тревожно оглядываться. Между тем женщина говорила по телефону с Блюменталем, но от нас она отвернулась, и ничего расслышать было нельзя. Когда она повесила трубку и повернулась, на ее лице было тревожное выражение. Она вновь набрала какой-то номер.

— Я звоню по поручению мистера Блюменталю. Могу я поговорить с мистером Маркусом?

Кто такой Маркус, подумала я.

Женщина вновь отвернулась, и я опять не слышала, что она говорит. Наконец она повернулась к нам:

— Мистер Маркус примет вас через несколько минут.

— А кто это?

По взгляду я поняла, что этот вопрос лишил меня остатков ее уважения.

— Мистер Маркус — наш главный исполнительный менеджер. А вы пока присядьте.

Она указала на два огромных кожаных кресла напротив стола. И снова взяла телефонную трубку.

Мы подошли к креслам, но садиться не стали. Нам хотелось одного — поскорее покончить с этим.

— Почему нас примет такой большой босс? — шепотом спросил Марк.

Я пожала плечами. Ход его мыслей мне совсем не нравился.

Через несколько минут по лестнице спустилась молодая женщина. Она представилась как секретарь мистера Маркуса и провела нас в его офис. Мистер Маркус положил телефонную трубку и улыбнулся нам. Это был довольно молодой человек. Каштановые волосы зачесаны назад, на носу массивные очки.

— Рад вас видеть, — сказал он, жестом приглашая присаживаться напротив его стола. — Школу сегодня прогуливаем...

— Да, — сухо ответил Марк.

Мистер Маркус рассмеялся, но его смех замер, когда он взглянул на наши напряженные лица.

— У нас проблемы. Мы хотели бы увидеть своих родителей, — сказала я.

— Хорошо, сейчас их вам вызовем. Я вижу, ребята, что вы расстроены. Какие-то проблемы дома?

— Да нет, просто нужно их повидать.

— Сейчас найдем, — сказал мужчина, улыбаясь.

Этот человек мне сразу понравился. Я могла понять, как он сделал карьеру в таком молодом возрасте. Он выглядел таким надежным, внушал доверие.

— Как зовут ваших родителей?

— Баррафсы. Люси и Грэг Баррафсы.

Мистер Маркус снял очки, чтобы тут же их обратно надеть, и уставился в компьютер.

— Баррафсы...

— Они работают у вас с сентября, — сказала я, и мой голос дрогнул. — Устанавливают компьютерную систему.

Он оторвал взгляд от монитора.

— Компьютеры?

— Да, они специалисты по компьютерам...

— Но у нас сейчас не устанавливают компьютеров. Мистер Маркус выглядел смущенным. Взглянул на

Марка, потом на меня.

— Не устанавливают?

— Нет. Ничего похожего.

— А наши родители?

Он встал и оказался гораздо выше, чем я думала.

— Ребята, а вы уверены, что ваши родители работают именно здесь?

— Да.

Этот вопрос уже стал мне надоедать.

— Ну, извините. Я ничем не могу вам помочь. Он вновь взглянул на экран:

Никакие Баррафсы у нас не работают. Нет таких.

Глава 10

Мы что, бредем? — спросил я. — Какой-то ужасный сон. Все нереально!

Кэра кивнула.

— И у меня такое же ощущение. Мне кажется, этот Маркус действительно был удивлен нашим приходом. И главное, что он сказал: никто по фамилии Баррафс у них не работает.

Мы с Кэрой сидели за школой в парке, который заканчивался у реки на окраине города. В это осеннее время народу здесь не было. Листва с деревьев уже опала, погода была хмурая. Я сидел на пне, а Кэра прямо на земле, натянув куртку до подбородка. Ветер трепал ее светлые волосы.

Мы оба были потрясены. Нужно было еще освоиться с мыслью, что наши родители лгали нам. Что они не работали там, где мы предполагали. Что они нас оставили.

Сначала мы не поверили мистеру Маркусу — думали, он что-то перепутал. Но он три раза проверил по компьютеру и связался с отделом кадров, чтобы выяснить, что нет никакой ошибки.

Все правильно. Люди с такой фамилией в компании никогда не работали.

Мистер Маркус пытался нам помочь. Он видел, что мы в полном отчаянии. Но что можно было сделать!

Из офиса мы буквально выбежали. Мы чувствовали, что больше не можем там находиться. Я рванул машину с места мимо охранника стоянки, не обращая внимания на его попытку нас остановить.

И вот теперь мы сидели в холодном парке, думая, что же делать. Напротив нас, в траве, две малиновки что-то клевали, но, по-моему, с завтраком у них ничего не получалось. Куда ни посмотри, все плохо.

— Что дальше? — спросил я.

— Наверно, надо звонить в полицию.

— Пожалуй.

— Зачем они нам ввали?! — вдруг закричала Кэра.

— Не знаю. Ничего не понимаю.

Я уставился на скачущих по траве малиновок. Смотреть на Кэру мне было тяжело. Мне хотелось сохранить хоть остатки хладнокровия.

— Давай подумаем, — сказала сестра. — Давай попытаемся собрать воедино все, что знаем.

— Зачем? — мрачно спросил я.

— Может, нам удастся что-то понять.

— Ладно.

Но что тут было понимать. Наши родители ввали, а потом бросили нас. Стоп, сказал я себе. Этого не может быть. Нельзя так думать.

— Ну давай, собирай все воедино.

— Какой сегодня день?

— Ты сегодня в прекрасной форме, — саркастически заметил я. — Сегодня среда.

— Значит, вчера был вторник. Вчера утром отец с матерью поехали на работу.

— Только мы не знаем, действительно ли они поехали на работу, потому что их машина оказалась в гараже, — напомнил я сестре. — И мы не знаем, где они работают — если они вообще работают! — Я сорвался на крик.

— Ладно, успокойся. Давай сосредоточимся на том, что нам известно. Мы знаем, что они вчера вечером не вернулись домой.

— Неужели?

— Оставь свой сарказм. От него никакой пользы.

Я признал, что она права.

— Затем мы нашли эту белую обезьянью головку у них в спальне, — продолжала она. — Ты не думаешь, что это какой-то ключ к разгадке?

— Может быть. И не забудь, что Роджер шарил в спальне родителей.

— Он был у окна. Что он мог там делать?

Мы напрягли извилины.

— Знаю, — сказал я. — Он мог подать сигнал парню в фургоне.

Кэра кивнула:

— Может, ты и прав. А что мы знаем про фургон?

— Ничего.

— Кроме того, что он стоял напротив нашего дома большую часть ночи и ты видел, как Роджер зачем-то туда ходил.

— Но парень со светлыми волосами сказал нам, что не знает никакого Роджера.

— Наверно, он врал. И не забудь, что мы нашли в комнате Роджера пистолет. Это еще один ключ.

— Ну есть у нас пара ключей. И что с ними делать? — нетерпеливо спросил я.

— Мы должны поговорить с Роджером до того, как звонить в полицию. В конце концов, он наш родственник. Может, у него неприятности.

— Ладно, — согласился я, — поговорим с Роджером, а потом звоним в полицию.

Мы взглянули на школу и увидели выбегающих оттуда ребят. Наверно, время ленча. Можно попытаться позвонить из школы Роджеру.

У двери мы наткнулись на Кори Брукса и Дэвида Мэткалфа.

— Эй, ребята, вы сегодня проспали? — весело спросил Кори.

— Отличная вчера была вечеринка, — добавил Мэткалф. — Повторим сегодня?

— По-моему, с них достаточно вчерашнего. Ты только посмотри на них...

Они рассмеялись.

— Пока.

И пошли к школьной стоянке.

Мы подошли к платному аппарату у кабинета директора. По нему говорила какая-то девушка. Пришлось подождать.

— Вдруг родители уже дома. И мать сейчас поднимет трубку.

— А может, рыбы научились говорить, — откликнулся я.

Кэра меня пихнула, и я налетел на девушку, которая сердито взглянула на нас. Когда телефон наконец освободился, я взял трубку и опустил монетку. Набрал домашний номер. Раздались длинные гудки.

— Телефон работает.

— Что?

В коридоре было так шумно, что она меня не расслышала. Я подождал восемь гудков и уже хотел положить трубку, когда ее подняли.

— Алло?

Я сразу узнал голос.

— Роджер?

— Да, Марк. Ты где?

— В школе. Телефон заработал?

— Да, как видишь.

— Отлично! Наши родители дома?

— Нет. Пока нет.

— От них никаких известий?

— Никаких.

— Слушай, Роджер, нам нужно поговорить. Есть вопросы...

— Я должен срочно уходить. Я как раз шел к двери, когда ты позвонил. Давай позже.

— Но...

— Вы с Кэрой в порядке?

— Да, нормально. Но...

— Ладно. Поговорим после. Не беспокойтесь.

Он положил трубку.

— Хоть телефон заработал, — сказал я Кэре.

— Надо бы поесть. Проголодалась, — ответила она.

Мы пошли в буфет. Кэра присоединилась к Лайзе и Шэннон. Я огляделся в поисках Джин, но не увидел ее. Странно. Я побродил вокруг, но ее нигде не было. Наверно, осталась дома. Может, заболела? Мне хотелось с ней поговорить.

Несколько следующих часов я мечтал о ней. Возможно, так я пытался не думать о родителях. Я вспоминал, как мы с Джин сидели на диване, какой она была! Может, я влюбился? Раньше я тоже мечтал о других девушках, но сейчас это было по-другому.

Я позвонил ей, как только вернулся домой. Сначала, конечно, я проверил, не вернулись ли родители. Их не было. Как и Роджера.

Настроение было паршивое. Я решил поговорить с Джин, а потом пойти на задний двор и вдоволь пострелять из лука.

К телефону долго никто не подходил. Наконец Джин ответила. Уже по тому, как девушка сказала «Алло», я понял, что что-то не так. Ее голос дрожал, а может быть, она плакала.

— Привет, Джин. Это я. Почему тебя сегодня не было в школе? С тобой все в порядке?

И тут она начала говорить и при этом плакала. Голос ее звучал странно. Джин была чем-то расстроена и испугана. Сначала я толком не понимал, что она говорит. А может, не хотел понимать.

— Этого не может быть!

Казалось, мое сердце выскочит из груди. В висках застучало.

Послушай, Джин, ты же несерьезно! Но почему! Я не верю! Почему ты это делаешь?

Глава 11

Я вернулась домой в пять часов. В доме темно. Ни души. Какой ужасный день. Самый плохой день в моей жизни. Я совсем упала духом. Если бы только папа и мама вернулись. Так странно, что я уже два дня не говорила с ними. Мысль о том, что, возможно, я никогда больше не смогу поговорить с ними, чуть не заставила меня расплакаться.

Но где же Марк?

Я бросила сумку в кухне. На всякий случай взглянула на холодильник в поисках записки. Пусто. Чувствуя себя совсем несчастной, я вошла в гостиную.

— Эй!

Кто-то сидел в темноте на диване.

— Это я, — откликнулся Марк.

Он продолжал сидеть совершенно неподвижно.

— Ты до смерти меня напугал! Почему сидишь в темноте?

Молчание.

— В чем дело?

Опять нет ответа.

Моей первой мыслью было, что он узнал что-то ужасное о папе с мамой. Я включила свет. Марк отвернулся, и мне не было видно его лица.

— Да что же, черт возьми! Папа с мамой...

— Нет, — сказал он, не поворачиваясь.

— Ты что-то о них узнал?

— Нет.

Мне стало легче. Я подошла к дивану и стала напротив него.

— Уйди! — сказал он, глядя в пол. — Пойди прогуляйся!

— Марк, что случилось?!

Он тяжело вздохнул и взглянул на меня. По-моему, он плакал. Не знаю. Я никогда не видела его плачущим с тех пор, как ему было лет восемь или девять. Но сейчас лицо его было опухшим, а глаза красными.

— Ты в порядке?

Я присела на диван.

— Уйди.

— Ну хватит. Что случилось?

— Ладно, но когда я тебе скажу, оставь меня в покое. Джин порвала со мной.

Я подумала, что ослышалась.

— Джин что?...

— Понимаешь по-английски? Джин порвала со мной! Она больше не хочет меня видеть!

Я вспомнила сцену на этом же диване прошлым вечером. Джин, сидевшую у Марка на коленях. Их объятия, несмотря на полную комнату гостей.

Я уставилась на Марка, а он вновь отвернулся от меня.

— Не смотри на меня так.

— Извини. Не знаю, что и сказать.

— Ничего не говори!

Когда Марк сердится, достается тому, кто оказывается под рукой. Я решила, что, если он решил на мне отыграться, ладно, пусть так и будет.

— Когда она тебе сказала?

— Я позвонил ей сразу, как вернулся из школы. Она сегодня не была на занятиях.

— И...

— Она вела себя странно. Как будто была испугана. Не знаю... Была не похожа на себя.

— Джин сказала, что хочет расстаться с тобой?

— Она сказала, что больше не может со мной видеться!

— Не может или не хочет?

— Оставь меня в покое!

— Но послушай! Ведь это важно! Джин хоть что-нибудь объяснила?

— Нет, ничего. Просто сказала, чтобы я больше не звонил, не пытался с ней говорить в школе или где-то еще.

— Странно все это. И что же ты сделал?

— Пошел к ее дому.

— И что она тебе сказала?

Марк резко встал и подошел к окну. Он стоял спиной ко мне, глядя в сгущающийся сумрак.

— Я ее не видел. Дверь открыл отец.

— Ну и?...

— Он был весьма любезен со мной! Разъяснил, что Джин очень расстроена и потому не пошла сегодня в школу. Я сказал, что хотел бы просто поговорить с ней. Но он ответил, что она не хочет меня видеть.

— И что ты сделал?

Марк резко обернулся и сердито взглянул на меня:

— А что мне было делать? Я вернулся домой, а потом явилась ты и начала меня доставать.

— Ничего подобного. Я просто спросила, почему ты сидишь в темноте.

— Ну ладно. Теперь ты все знаешь, — с горечью сказал он.

Наверно, следовало бы закончить разговор, но я никогда не умею вовремя прикусить язычок.

— Послушай, но это какая-то ерунда. По-моему, ты действительно нравишься Джин. Прошлым вечером...

— Заткнись про прошлый вечер!

— Извини. Просто я хочу сказать, что вы ведь не ссорились или

что-то такое...

— Ничего, — ответил он, меряя комнату шагами. — Да я с ней знаком-то всего три недели. У нас и времени не было поссориться.

— Так какого же черта?...

— Не знаю. Просто загадка.

— Но вы с ней...

— Я больше не желаю об этом говорить.

Он еще быстрее заходил взад-вперед по комнате.

— Марк, я думаю, нам следует позвонить в полицию прямо сейчас.

Он повернулся ко мне. За окном уже было темно. В ноябре темнеет рано. Люстра светила слабо, что делало эту комнату со старой мебелью еще более мрачной. Почему-то мне вдруг стало зябко.

Да, Кэра, ты права. Извини, что так набросился на тебя. Просто мне вдруг показалось, что все вокруг рушится.

— Понимаю, — мягко ответила я.

Мы пошли на кухню, чтобы позвонить. По пути я включала все лампы. В темноте этот дом наводил на меня страх.

— Давай я позвоню, — сказал Марк, снимая трубку. — Наверно, в 911?

— Наверно... погоди!

Я вдруг вспомнила про полицейского, который приходил прошлым вечером. Он оставил мне свою карточку. Куда же я ее засунула? Она нашлась, несколько помятой, в кармане джинсов.

— Что это? — подозрительно спросил Марк.

— Полицейский, который был вчера здесь. Капитан Фэррадэй. Его прямой номер.

— Ладно. Тогда лучше звонить тебе.

Марк уступил мне место у телефона. Я подумала, неужели я выгляжу такой же опустошенной, как он. По его лбу стекали капельки пота.

— Ты в порядке?

— Нет! Почему, собственно, я должен быть в порядке?!

Брат нахмурился. Я взяла маленькую карточку и набрала номер. Ответили сразу.

— Полиция. Капитан Фэррадэй слушает.

— Здравствуйте.

— Кто говорит?

— Это Кэра Баррафс. Помните меня?

— Да, конечно, Кэра. Вечеринка все еще продолжается?

— Нет. Я звоню из-за родителей...

Его тон сразу стал серьезным:

— Родители? Что с ними?

— Ну...

У меня вдруг появилось ощущение нереальности происходящего. Неужели я действительно звоню в полицию, чтобы сказать, что мои родители исчезли?

— Папа с мамой вчера не вернулись домой, и их до сих пор нет.

Он помолчал:

— Странно.

Его голос звучал тихо и сочувственно.

Они вам звонили? Хотя какие-то сообщения от них?...

— Нет. Хотя какое-то время не работал телефон... Но мы с братом до сих пор не имеем от них никаких вестей.

— Так, Кэра, записываю твою информацию. Хотя не думаю, что стоит волноваться. Кстати, случалось ли раньше, что они не возвращались домой ночевать.

— Бывало иногда. Особенно когда начинали работать на новом месте. Но они всегда предупреждали нас.

— Ясно. А вы позвонили им на работу?

— В том-то и дело!

Я рассказала ему о нашей утренней поездке и о том, что сказал нам мистер Маркус.

— А вот это уже странно, — заметил капитан Фэррадэй, явно продолжая записывать мои показания. — Впрочем, не сомневаюсь, мы это быстро проясним.

Его голос звучал спокойно и уверенно, и я пожалела, что не позвонила ему раньше.

— Подожди-ка, я тут кое-что посмотрю.

В трубку я слышала, как шуршат бумаги.

— У меня нет сообщений об авариях. И о серьезных преступлениях тоже. Так что не надо воображать разные ужасы. С ними ничего страшного не случилось.

— Слава Богу, — ответила я.

Марк схватил меня за плечо:

— Он знает, где они?

Я отмахнулась от него и покачала головой.

— Они не попали в аварию и не числятся как жертвы преступлений, — прошептала я.

— Я догадываюсь, что вы думали, — продолжал капитан Фэррадэй, шурша бумагами. — Представили себе что-то ужасное.

— Да, так и было. А что нам делать теперь?

— Вот что...

В трубку я услышала, как где-то на том конце начали переговариваться по полицейской рации.

— Я прямо сейчас поставлю на это дело нескольких моих парней. Одного, может быть, отправлю в Крэнфорд, чтобы наверняка убедиться, что нет никакой ошибки.

— Спасибо.

— Шэдисайд — городок небольшой. Думаю, мы скоро найдем твоих родителей.

Вы со мной свяжетесь? — спросила я.

— Да, либо перезвоню сам, либо пошлю кого-нибудь на

патрульной машине.

— Спасибо, капитан. Теперь я чувствую себя гораздо спокойнее.

— Главное, не волнуйтесь. А когда я разыщу ваших родителей, я им здорово всыплю, чтобы не бросали таких хороших детей.

— Да нет, мы...

— Главное — сохранять спокойствие. Если бы случилось что-то серьезное, мне бы уже давно сообщили.

— Спасибо вам. До свиданья.

Я уже вешала трубку, когда услышала щелчок. И сразу поняла, что это было. Роджер был наверху и подслушивал по спаренному телефону. Мне стало не по себе. Почему он просто не спустился вниз, чтобы узнать, как обстоят дела. Почему он шпионит?!

Глава 12

- Роджер следит за нами, — сказала Кэра, вешая трубку.

— Что?

— Он подслушивал разговор по спаренному телефону наверху.

— Ты уверена?

— Эй, Роджер!

Она побежала по лестнице наверх. Я двинулся за ней. Сверху, с чердака, уже спускался Роджер.

— Да?

— Почему ты шпионишь за нами?

Ее тон был весьма агрессивным.

Роджер выглядел уставшим и каким-то помятым. Его свитер был в пятнах. Волосы, обычно аккуратно причесанные, сейчас торчали дыбом.

— Что ты сказала, Кэра? Я только что вернулся. Поднялся к себе наверх.

— Я знаю, что ты был наверху. И подслушивал мой телефонный разговор, — сердито сказала Кэра, глядя на Роджера.

Он ответил ей удивленным взглядом. Провел рукой по волосам:

— Я? Нет. Я поднялся к себе, чтобы переодеться. Испачкал свой свитер...

— Я слышала щелчок параллельного телефона.

Кэра твердо решила получить от него объяснения, и я был на ее стороне. Роджер вел себя слишком подозрительно с тех пор, как пропали папа с мамой. Пришло время прояснить ситуацию.

— В телефонной трубке может щелкать что угодно, — ответил Роджер.

Он остановился посредине лестницы и не спешил спускаться к нам:

— Кэра, я не подслушивал. Я так не поступаю.

— Роджер, мы с Марком хотим задать тебе кое-какие вопросы. — Кэра начала переходить к главному.

Удивительно, но Роджер ее перебил:

— Кэра. Ты говорила по телефону... Это были твои родители?

— Нет. И ты сам это знаешь, — настаивала Кэра.

— Но я действительно не подслушивал, — возразил Роджер, перегнувшись через перила. — И почему, собственно, ты меня подозреваешь?

— Есть причины, — вступил я в разговор. — Я видел, как ты выходил вчера ночью.

— Вчера ночью? Да, я действительно выходил. Я же сказал тебе, когда вернулся, что не мог заснуть и решил прогуляться.

— Но я видел, как ты залез в фургон.

Он удивился:

— В фургон? Ты это сам видел, Марк? Ты уверен, что это был я?

— Конечно. Кто же еще!

Я чувствовал, что теряю самообладание.

— Тебе это не приснилось? — продолжал между тем Роджер. — Я действительно видел какой-то фургон недалеко от дома. Но зачем мне в него садиться?

— Вот это мы и хотели бы узнать, — со злостью сказала Кэра.

— И, кстати, для чего ты держишь в своей комнате пистолет? — добавил я.

Он разинул рот:

— Что? Пистолет?

— Да, в нижнем ящике стола.

Он сел на ступеньку:

— Вы обыскивали мою комнату?!

— Да. Но мы...

— Вы обыскивали мою комнату, а теперь обвиняете меня в том, что это я шпионю за вами!

Он выглядел оскорбленным и расстроенным.

— Роджер, мы лишь... — начала Кэра.

— Кто дал вам право копаться в моих вещах?

— Никто, — ответил я. — Просто ты в последнее время ведешь себя очень странно, вот мы и решили проверить.

— Я не веду себя странно. Это вы себя так ведете. Конечно, я могу понять. Вы расстроены из-за родителей. Но вынюхивать что-то у меня в комнате, предъявлять мне идиотские обвинения, видеть в бреду каких-то людей в фургонах... Вряд ли такие поступки помогут вам найти отца с матерью.

— Пистолет мы видели явно не в бреду, — заметил я.

— Да, у меня есть пистолет, — вызывающе ответил Роджер. — Так получилось, что эта вещь дорога мне.

— А именно?

— Пистолет принадлежал моему отцу. Он был полицейским. Подарил мне его на восемнадцатилетие. Сказал, чтобы я всегда хранил оружие при себе. Хотя и надеялся, что мне оно никогда не понадобится. А через несколько недель отца застрелили во время облавы на наркоманов.

Роджер отвернулся:

— Этот пистолет, по сути, единственное, что у меня осталось от отца.

— Прости, Роджер. Мне жаль, что мы входили в твою комнату, — извинился я.

— Мне тоже, — тихо сказала Кэра.

— Ладно, — сказал Роджер, вставая. — Просто мы должны держаться вместе. Должны доверять друг другу. Согласны?

— Конечно, — откликнулся я.

— Нельзя паниковать и начинать подозревать всех вокруг...

— Я позвонила в полицию, — вдруг прервала его Кэра.

— Очень правильно, — одобрил Роджер. — Надо было сразу это сделать.

Он взглянул на часы:

— О, я опаздываю. Должен бежать. Когда вернусь, поговорим. Ладно?

Кэра молча направилась к кухне:

— Увидимся.

Я махнул Роджеру и последовал за сестрой.

— Он не умеет врать, — прошептала Кэра после того, как мы услышали его шаги на чердаке.

— С чего ты взяла, что он врет? — удивился я. — Он выглядит приятным парнем.

— У тебя кругом одни приятные парни, — язвительно заметила Кэра. — Лично я ничуть не поверила в эту слезливую историю про пистолет. А потом, если он хранит его лишь в память об отце, почему он заряжен?

Моя сестра вообще отличается цинизмом. Я-то поверил истории Роджера. Он выглядел таким печальным, когда говорил об отце.

— Послушай, надо бы перекусить, — переменила тему Кэра. — Интересно, в доме есть какая-нибудь еда?

Мы начали рыскать по кухне в поисках съестного. Я нашел в хлебнице кусок белого хлеба, правда немного зачерствевшего. Кэра обнаружила банку с арахисовым маслом. Его было на донышке, но если распределить экономно, то хватало на два сэндвича.

— Ну просто пир, — не удержался я от сарказма и добавил: — Может, найдется хоть что-то на десерт.

Кэра открыла холодильник и нашла банку виноградного желе. Она мне что-то ответила, но я не расслышал. Я думал о Джин. Я как будто вновь слышал ее голос, слышал, как она мне говорит, что мы не можем больше встречаться. Что произошло? Почему она так поступила?

— Ты не слушаешь, что я тебе говорю, — донесся до меня голос Кэры.

— Угу, — мрачно ответил я.

— Бедный Марк.

Я взглянул на нее, ожидая увидеть усмешку на ее лице, но она была серьезна.

— Мне кажется, что я в один миг потерял всех близких мне людей.

— Не надо так говорить. Пока ты никого не потерял. Нельзя так думать. Лучше съешь бутерброд. Ты почувствуешь себя лучше.

— Ты сейчас говоришь совсем как мама.

Мы переглянулись и молча принялись за бутерброды. Арахисовое масло — не самая вкусная еда, особенно когда ты расстроен и не слишком голоден. Оно слипается во рту, прилипает к зубам, и его трудно прожевать. Мы молча работали челюстями, не глядя друг на друга.

Едва я справился с очередным куском, как услышал, что Роджер сбежал по лестнице вниз и за ним захлопнулась дверь. Кэра вскочила.

— Пошли!

— Что?!

— Мы должны проследить за ним. Я хочу знать, куда он отправился.

— Нет, — сказал я, пытаюсь усадить ее на место. — По- моему, это плохая идея.

— Если не хочешь идти, я пойду одна.

— Но ведь кто-то должен быть в доме на случай, если позвонят из полиции.

— Скажи уж прямо, что ты хочешь позвонить Джин, — ответила Кэра, натягивая куртку.

— Да, и это тоже, — признался я. — Но я все равно не вижу смысла...

— Пока.

Она выбежала из дома.

— Тоже мне, сыщик! — громко сказал я.

Дом ответил тишиной.

Роджер, наверно, пошел к какому-нибудь приятелю, чтобы

вместе с ним позаниматься. Наверняка он с кем-то познакомился в колледже. Хотя он никогда ни о ком не говорил и никого не приводил к себе. И почти не говорил по телефону. Но какие-то знакомые у него должны быть.

С чего Кэра разыгрывает из себя детектива? Наверно, она решила, что это легче, чем сидеть без дела в этом мрачном доме в ожидании телефонного звонка.

И как только я об этом подумал, зазвонил телефон.

— Алло, — сказал я, ожидая услышать капитана полиции, с которым говорила Кэра.

— Марк?! Это я...

Я не сразу узнал голос Джин. Она явно было чем-то до смерти напугана.

— Джин! Что случилось?

Я не могу сейчас говорить. Я должна сказать тебе... Это очень важно... чтобы ты...

— Джин! Джин?!

Донеслись звуки какой-то борьбы. Мне показалось что я услышал крик. Потом в трубке раздался щелчок.

— Джин! Джин! Ты меня слышишь?! — закричал я. Бесполезно. Связь прервалась.

Глава 13

Самый короткий путь к дому Джин был через лес рядом с Фиар-стрит. Конечно, ребята в школе рассказывали мне про этот лес разные ужасы. Но сейчас мне было наплевать на все. Главное, как можно скорее попасть к ней.

Я надел куртку и взял фонарь. Я знал, что если идти от нашего заднего двора через лес по прямой, то я выйду как раз к ее дому. Мы даже иногда шутили с Джин, как я однажды ночью прокрадусь через лес и вскарабкаюсь по стене в спальню. Сейчас я был готов так поступить. И это уже не было шуткой.

Судя по голосу, Джин действительно испугана. Она хотела мне что-то сказать. И, по-моему, кто-то решил во что бы то ни стало этому помешать.

Неужели ей угрожает опасность? Или у меня разыгралось воображение? В любом случае я должен все выяснить!

Я вышел из дома и удивился, как холодно оказалось на улице. От моего дыхания шел пар. Я обошел дом. Земля морозно скрипела у меня под ногами. Днем трава была покрыта росой и сейчас, похоже, замерзла. Кругом было тихо, неестественно тихо. Лишь земля поскрипывала под ногами.

Я бегом направился к лесу. Я знал, что если буду точно сохранять направление, то скоро увижу огни на другой стороне, а там уже смогу выйти к заднему двору дома Джин. Проблема была в том, чтобы двигаться по прямой. Это не так-то легко в лесу. Тем более что никакой тропинки там не было, и к тому же постоянно приходилось обходить упавшие деревья и разросшийся кустарник.

В лесу холод показался мне еще более пронизывающим. Земля была покрыта ковром опавших скользких листьев. Я постоянно спотыкался о корни и камни и был вынужден замедлить шаг. Между тем свет фонаря слабел. Теперь он был не белым, а желтым и таким тусклым, что я видел не больше чем на метр перед собой.

Что-то зашуршало у меня под ногами. Я испуганно вздрогнул. Заметил, как взметнулись листья.

— Эй! — зачем-то крикнул я.

Ну подумаешь. Ничего страшного. Какой-нибудь зверек. Я заставил взять себя в руки и двинулся дальше.

Внезапно я вспомнил одну историю про лес, которую рассказал мне парень из нашей школы по имени Эрни Тобин. Про то, как пять ребят пошли в лес, чтобы доказать свою смелость. Это было что-то вроде пари. Они поспорили с приятелями, что смогут провести в лесу ночь.

Установили они к ночи в лесу две палатки, развели костер и собирались готовить ужин. Следующее, что известно всем, — это то, что они в ужасе выбежали из леса, с воплями стучась во все двери. Они рассказывали, что на них напали какие-то чудовища. Описать их ребята толком не могли. По их словам, это были кто-то вроде морских свинок или крыс, но огромных размеров. Чуть ли не с лошадь!

Как мне рассказывал Тобин, этим пятерым испуганным парням мало кто поверил. Полицейские развезли их по домам и тоже не приняли их рассказы всерьез.

На следующий день ребята — естественно, в сопровождении родителей — пришли на место своего лагеря, чтобы забрать брошенные вещи. И тут некоторые поверили им! Брезентовые палатки были изорваны — а может, изгрызены — в клочья. Вся их еда пропала, включая неоткрытые консервные банки. Вот так!

Пожалуй, зря я вспомнил эту историю. Теперь я начал оглядываться на каждый звук, ожидая увидеть огромную крысу с оскаленными клыками, которая вот-вот сожрет меня.

Я остановился и прислушался. Тихо. Встряхнул фонарь, надеясь, что он станет ярче светить, и посветил им на заросли кустарника вокруг меня. Никакого движения. Окружающая тишина казалась теперь неестественной и наводила страх. Мне захотелось услышать собачий лай или уханье филина — хоть какой-то знакомый звук. Ощущение было такое, словно я очутился на Луне или на какой-то необитаемой планете.

И тут я вдруг понял, что сбился с пути! В каком направлении дом Джин? А мой собственный?

Я выключил фонарь. Пока он бесполезен, лучше побережь батарейки. Я подождал, надеясь, что глаза привыкнут к темноте. Потом огляделся — вдруг где-нибудь замечу огоньки. Кругом

непроглядная тьма. Заблудился. От этой мысли меня проняла дрожь, но тут я заметил, что стало как будто светлее. Я поднял голову. Из-за туч вышла луна. Я с благодарностью смотрел на нее. Когда я вошел в лес, луна была от меня справа. Теперь было ясно, в каком направлении идти.

Я почувствовал себя увереннее. Проверил фонарь. Он совсем сдох. Я продолжил свой путь, ориентируясь по луне. Я двигался довольно быстро, иногда переходя на бег. Оказывается, в лесу по ночам вполне можно что-то различать. Мои глаза уже приспособились к темноте.

Тут я услышал шаги! И сразу понял, что кто-то двигался за мной! В лесу было так тихо, что каждый звук был отчетливо слышен.

Я остановился и прислушался. Теперь я действительно испугался. Ноги сделались слабыми. Я попытался понять по звуку шагов: существо, которое крадется за мной, на четырех или на двух ногах? Однако определить этого не смог. В моем воображении возникла огромная белая крыса. Интересно, как звучат ее шаги, когда она настигает добычу?

Добычу?!

Я стряхнул оцепенение и побежал, пытаясь при этом сверять направление по луне. Я бежал со всех ног, стараясь руками защищать лицо от хлеставших веток. Но по шагам, которые раздавались за мной, понимал, что меня настигают. Кто бы — или что бы — ни преследовало меня, оно приближалось. Я подумал, может, стоит остановиться и встретить опасность лицом к лицу. Но сразу отбросил эту мысль.

И вдруг под моими ногами оказалась пустота. Я падал куда-то вниз.

— Помогите!

Я понял, что попался в западню!

Глава 14

Роджер быстро шел по улице, и мне приходилось спешить, чтобы не упустить его из виду. Он не оглядывался. На улице было темно, фонари на Фиар-стрит, как обычно, были выключены, а луна скрылась за тучами. Ключья холодного влажного тумана пробирали до костей.

Я уже запыхалась, стремясь не отстать от Роджера. Однако его спешка еще больше усилила мои подозрения.

Он свернул на Милл-роад и еще прибавил шагу. Внезапно появившаяся машина ослепила меня своими фарами. Я юркнула за дерево и подождала, пока машина скрылась. Когда я вновь вышла на дорогу, Роджер был совсем далеко. Я перешла на бег. Я не собиралась упустить его в этой темноте.

Земля была влажной и заглушала мои шаги. Единственными звуками было завывание северного ветра и шум машин, иногда пронесившихся мимо.

Роджер свернул на Хоторн-драйв и осмотрелся. Я спряталась за изгородью, надеясь, что он меня не заметил. Когда я решилась выглянуть, он исчез.

Недалеко было маленькое кафе под названием «Альма на Хоторне». Там обычно собирались студенты: вместе занимались и пили кофе. Возможно, Роджер направлялся туда.

Когда я подошла поближе, то вновь заметила в темноте его высокую, быстро движущуюся фигуру. Да, он шел в кафе. Но зачем? Заниматься он явно не собирался. При нем не было ни книг, ни тетрадей.

Наверно, у него здесь просто встреча с приятелем. А я напрасно теряю время, бегая за ним по улицам этой холодной, сырой ночью. Вот уж Марк посмеется надо мной. Я подумала о Марке, который сидит один дома и ждет звонка от капитана Фэррадэя. Бедный братик. Он и так был расстроен из-за родителей. А уж разрыв с Джин его почти доконал. Наверно, не следовало оставлять Марка одного. Ко теперь уже поздно.

После того как Роджер вошел в кафе, я выждала несколько

минут. Потом подошла к окну и заглянула внутрь. Народу было немного. Студенты да несколько пожилых людей, в одиночестве наслаждающихся кофе. Роджера не было. Видимо, он в одной из задних или боковых кабинок, которые мне не видны. Стоит ли мне входить внутрь?

Я решила, что если уж притащилась сюда, то глупо было бы не выяснить, чем занят здесь Роджер. Подняв капюшон, чтобы скрыть свое лицо, я вошла в кафе. Там было тепло и пахло поджаренным беконом. Не снимая капюшона, я медленно двинулась вдоль кабинок. Так и есть, в одной из них сидел Роджер. Он с кем-то оживленно разговаривал. Нужно было сделать еще несколько шагов, чтобы увидеть его собеседника.

Блондин. Тот самый, из фургона. Они увлеклись беседой, причем вид у них был недовольный и раздраженный. Мужчина из фургона все время постукивал пальцами по столу.

Итак, подумала я, Роджер лгал. И моя сегодняшняя прогулка оказалась не пустой тратой времени. Роджер лгал про фургон, возможно, соврал он и про пистолет. О чем же они сейчас сговариваются? Я почему-то не сомневалась, что это имеет отношение к моим родителям.

Роджер между тем вынул из кармана лист бумаги и начал на нем что-то рисовать. Он рисовал и указывал собеседнику на отдельные детали рисунка. Что он рисует? Может, это карта? Мне не было видно, но если бы я подошла ближе, меня наверняка бы заметили. Тем более что в поднятом капюшоне я и так выглядела подозрительно.

Я решила выбираться отсюда. Я видела достаточно, чтобы узнать, что Роджер врал нам. Надо скорее сообщить обо всем этом капитану Фэррадэю, подумала я.

Я повернулась и двинулась к выходу, как вдруг чья-то рука опустилась мне на плечо.

— Эй, Кэра.

— А! — вскрикнула я.

Между тем рука впилась в мое плечо, словно пытаясь пригвоздить меня к полу. Я обернулась и увидела Роджера.

— Опять шпионишь за мной?

Он по-прежнему не отпускал моего плеча. Я взглянула ему в глаза. Он опасен, подумала я. Раньше мне никогда не приходило это в голову. Но теперь я была уверена: его надо бояться.

— Роджер, отпусти, мне же больно!

Я откинула назад капюшон. Тоже мне маскировка.

Он убрал руку с моего плеча, однако выражение его лица оставалось враждебным.

— Извини, я не хотел.

Как же, подумала я. Наверняка желал причинить мне боль.

Я взглянула мимо Роджера на его компаньона. Тот внимательно разглядывал меня. Лицо его было напряженным, губы плотно сжаты.

Тут, неожиданно для меня, Роджер улыбнулся, видимо сумев овладеть собой. Заметив, что я смотрю на его приятеля, он взял меня за локоть и повел в кабинку.

— Э-э-э... Кэра, познакомься. Это доктор Мердох. Он... мой научный руководитель.

Продолжай заливать, Роджер, подумала я. Такой же научный руководитель, как я английская королева.

— Очень приятно, — сказала я, впрочем не пытаясь изобразить на лице радость по поводу знакомства.

Так называемый «доктор» Мердох ответил мне широкой и насквозь фальшивой улыбкой.

— Мы здесь обсуждали мою курсовую работу, — продолжал врать Роджер.

Заметив, что мой взгляд остановился на листе с рисунком, он сложил его и убрал в карман. Глаза его вновь стали холодными.

— А ты что здесь делаешь?

— Договорилась встретиться с подругой, — моя история была не лучше его. — Но, похоже, она уже не придет. Так что пока.

Было приятно познакомиться, — кивнул мне «доктор».

Я поспешила из кафе, чуть не сбив двух входящих парней, которые рассмеялись. Я припустилась бегом по темной улице. Стало еще холоднее. Накапывал мерзкий дождик. Я вновь натянула

капюшон — на этот раз для тепла. Сердце в груди колотилось. Я чувствовала себя идиоткой, надо же так попасться!

Так. Первое, что я сделаю дома, — это поднимусь в комнату Роджера, возьму пистолет и где-нибудь спрячу.

Роджер меня сегодня напугал по-настоящему. А мысль о том, что он хранит в доме заряженный пистолет, напугала еще больше. Теперь я точно знала, что мамин родственник лгал нам. Как и этот его «доктор» Мердох. Он ведь сказал нам с Марком, что не знает Роджера.

Я бежала к дому, чувствуя, как страх все сильнее овладевает мной. Я понимала, что и дома я не буду в полной безопасности. Родители исчезли. А мы с Марком живем в одном доме с лжецом, у которого есть оружие. Если бы мы знали кого-нибудь в городе, к кому можно обратиться, каких-нибудь родственников, или место, куда можно прийти.

До дома оставалось недалеко, как вдруг я поняла, что за мной следует машина.

Глава 15

Спокойно, Марк, сказал я себе. Не паникуй. Глубоко вздохни и успокойся.

Это была нехитрая западня. Просто глубокая яма, прикрытая сверху ветками. Глубиной более шести футов и шириной футов двенадцать.

Ничего страшного. Только без паники. Ты здесь не навечно. Отсюда можно вылезти. Просто ухватись руками за край и подтянись. У тебя получится.

Еще раз глубоко вздохни, подымайся на ноги и попробуй.

Вот так я себя успокаивал, дожидаясь, пока сердце восстановит нормальный ритм.

Однако, когда я вылез из ямы и выпрямился, все еще нетвердо стоя на ногах, я понял, что поспешил. Существо, следовавшее за мной по пятам, прыгнуло на меня. В темноте я не мог разобрать, что это такое. Лишь услышал приглушенное рычание, ощутил на лице горячее зловонное дыхание, почувствовал, как две мощные лапы толкнули меня в грудь, и вновь полетел в яму.

— На помощь!

Крик вырвался у меня непроизвольно, поскольку вокруг не было ни души.

Я лежал на спине на дне ямы. Снова рычание, и существо спрыгнуло прямо на меня. Я почувствовал, как челюсти сомкнулись на моей руке. Несмотря на страх, я уже начал соображать. На меня напала крупная собака, возможно, овчарка.

Лежать! А ну лежать! Место!

Я не узнал своего голоса — это был голос испуганного мальчишки.

Собака между тем и не собиралась меня слушаться. Я с трудом вырвал руку из пасти и отполз в угол ямы. Собака начала приближаться ко мне, угрожающе рыча.

Самая большая собака, какую я когда-либо видел, подумал я,

вжимаясь спиной в стенку ямы. Как она здесь оказалась? Может, это дикая собака? А я — ее ужин?

Нет, она — не дикая собака. Я увидел на ней ошейник, с которого что-то свисало.

— Лежать! Ты же хорошая собачка.

«Хорошая собачка» вновь зарычала, обнажив клыки — длинные и, видимо, острые. В жизни не забуду этот ряд белых, блестящих клыков.

— Хорошая собачка, хорошая собачка. Место!

Я повторял эти слова как слабоумный, но собака не собиралась отправляться на место. Это и было ее место. Лес у Фиар-стрит был домом твари. И она собиралась защищать его. От меня!

Никогда нельзя показывать собаке, что ты боишься! Я почему-то вспомнил поучения отца. По-моему, это самая большая глупость, какую я когда-либо слышал. Как ты объяснишь собаке, что не боишься ее, если стоишь на коленях в углу ямы, весь трясешься и дрожащим голосом просишь «хорошую собачку» идти на место?

Впрочем, собака не дала мне времени для дальнейших размышлений на эту тему. Со злобным рычанием она прыгнула на меня. Я растянулся плашмя, и она пролетела мимо, скользнув по моей спине. Я вскочил и попытался выбраться из ямы, но сорвался и упал прямо на собаку. Рыча, она попыталась выбраться из-под меня, но я зажал руками ее голову и стал изо всех сил тянуть назад.

Шерсть была влажной, с острым характерным запахом псины. Мне было тяжело дышать, я ощутил приступ тошноты. Собака извивалась всем телом, пытаясь вырваться. Но я вцепился в нее изо всех сил, все больше заводя голову назад. Рычание перешло в визг, з котором слышалась боль. Я продолжал удерживать животное, но мои руки скользили по влажной шерсти, и хватка ослабевала. Внезапно она сильно рванулась, я тоже дернулся, мое колено уперлось ей в спину, и я из последних сил рванул назад.

Раздался громкий хруст. Пораженный, я отпустил животное и привалился спиной к стенке. Я сломал собаке шею.

Она перестала скулить. Смотрела на меня, и в глазах были боль и удивление. Потом веки закрылись.

Я глядел на нее, тяжело дыша после недавней борьбы. Потом вытер лоб. Чувствовалось, что все тело покрыто липким потом, а от рук разило псиной.

Наверно, я долго простоял, привалившись к стене ямы и глядя на мертвую собаку. В ушах все еще стоял ужасный треск ломающихся шейных позвонков. Я не мог забыть этот взгляд, полный боли, удивления и безнадежности.

Я нагнулся, чтобы убедиться, что собака действительно мертва. Задержав дыхание, я перекатил тяжелое тело на спину, и стало ясно, что к ошейнику прикреплен какой-то предмет. Это была белая голова обезьяны.

От неожиданности я вздрогнул.

Чушь какая-то! Я взял фигурку в руку, чтобы убедиться, что мне не мерещится. Каким образом эта штука, которую я нашел в спальне родителей, оказалась посреди леса на ошейнике собаки.

Что-то еще привлекло мое внимание. Это обрывок цепочки на ошейнике. Последнее звено было порвано. Собака, очевидно, сорвалась с привязи.

Выбравшись из ямы, я увидел в нескольких метрах от себя врытый в землю деревянный столб. Я подошел к нему, не сомневаясь, что обнаружу там вторую часть цепочки. Так и есть. Значит, собака была привязана рядом с западной. Она сорвалась с цепи незадолго до моего появления. Увидела, что я направляюсь в сторону ее места, и погналась за мной.

При этом она не лаяла! Очевидно, была натаскана преследовать человека и нападать молча.

Кто-то не хочет, чтобы люди бывали в этой части леса. Но почему?

Все мои мышцы еще болели от недавней борьбы. Вспомнив о ней, я содрогнулся. Наверно, я уже никогда не смогу этого забыть.

Оглядываясь вокруг и пытаюсь собраться с мыслями, я вдруг заметил, что стою около большой круглой поляны. Луна вдруг ярко осветила ее, и я увидел на мягкой земле следы десятков башмаков. Как будто недавно здесь побывало много людей.

Очевидно, западня и сторожевая собака как-то с этим связаны.

Но как?

— Нужно отсюда убираться, — громко сказал я, чувствуя, что напуган.

Я знал, что на краю леса есть дома, но сейчас мне казалось, что вблизи нет никакой цивилизации. Сделай несколько шагов в этот лес, и может случиться что угодно. Это другой мир — мир без правил.

Надо было срочно избавиться от этих мрачных мыслей.

Джин! Думай о Джин. Как она была напугана, когда звонила мне!

Теперь я, наконец, вспомнил, как оказался здесь.

Я должен увидеть Джин, поговорить с ней. Должен выяснить, почему прервался наш разговор. Мы должны все снова наладить между собой.

Я подумал о Кэре, которая отправилась отслеживать Роджера. Дурацкая идея. Интересно, она уже дома? А может, нашлись родители или полиция что-нибудь узнала о них.

— Позвоню Кэре от Джин! — громко сказал я.

Наконец я продолжил свой путь. Поначалу ноги еще

были ватные, однако постепенно я почувствовал себя уверенней. И тут сквозь ветви деревьев я заметил огонек, слабый, он был похож на мерцание светлячка.

Дом. Я побежал на свет, Не обращая внимания на корни под ногами, ветки деревьев и какие-то колючки. Вскоре я уже стоял на заднем дворе дома Джин. Оказалось, это было не очень далеко от загадочной поляны. Пытаясь отдышаться, я смотрел на мягкий свет, пробивавшийся из-за штор окна ее спальни на втором этаже. Я не знал, у себя ли она. Свет горел и в гостиной, я мог различить мерцание экрана телевизора. Мимо окна прошел отец Джин. Я придвинулся ближе, стараясь в то же время оставаться в тени гаража.

Ее отец стоял перед телевизором и прихлебывал что-то из банки. Затем он отошел и сел на диван.

Я снова взглянул на окно Джин. Смогу ли я туда взобраться? Я перевел взгляд на высокие деревянные шпалеры для роз, которые как раз тянулись от земли до окна.

Самих цветов уже, конечно, не было, но длинные колючие стебли остались.

Я подошел к шпалерам, ухватился на них. Они казались достаточно прочными. Пожалуй, мой вес выдержат.

Я взялся за шпалеры руками, стараясь избегать колючек, и поставил ногу на нижнюю перекладину. Осторожно глянул в окно гостиной, чтобы убедиться, что отец Джин еще там. Он по-прежнему сидел на диване. Я начал взбираться. Осторожно, шаг за шагом. Шпалеры тряслись, но держали.

И когда я проделал уже треть пути, рука моя соскользнула, и я сорвался вниз.

Глава 16

Продолжая бежать в сторону дома, я явственно слышала, как машина приближается. Свет ее фар уже был виден на дороге передо мной. Я замедлила бег, ожидая, пока машина обгонит меня. Но она не собиралась этого делать.

Марк был прав! Мне не следовало выходить сегодня вечером из дома.

Я побежала быстрее, и автомобиль тоже явно прибавил скорость.

Что происходит? Я обернулась, но ничего не могла разглядеть. Свет фар слепил меня.

Я не знала, что делать. Почему меня преследует какая-то машина? Если это кто-то из знакомых, почему они не подъедут ко мне, не посигналят?

Я решила побежать в обратную сторону — мимо машины. Я рассчитывала, что, пока машина будет разворачиваться, мне удастся скрыться. Я повернулась и побежала, щуря глаза от яркого света фар. Машина резко затормозила.

— Кэра! Эй, Кэра, остановись!

Голос показался мне знакомым. Я остановилась. С водительского места из машины вылез мужчина. Я узнала большой голубой «Шевроле». Затем я узнала капитана Фэзрадэя.

— Слава Богу, капитан! — крикнула я, чувствуя огромное облегчение.

— Я не был уверен, что это ты, — ответил он, приближаясь. — Надеюсь, я тебя не напугал? Я как раз направлялся к вам.

У вас есть какие-то новости о моих родителях?

Свет фонарей отразился в его глубоких синих глазах. Он выглядел очень усталым.

— Нет, пока нет, — покачал он головой. — Я думал, может, вы что-то узнали.

— Тоже нет, — вздохнув, ответила я.

— Ну-ну, — попытался он меня успокоить. — Ведь у нас пока

нет плохих новостей, верно?

— Верно, — пробормотала я. — Но нет и хороших.

Его рука в перчатке легла мне на плечо. Он повел меня к машине.

— Тебе не следует думать о плохом. Мои парни занимаются этим делом. Думаю, твои родители скоро найдутся.

Я промолчала, не пытаясь скрыть глубокое разочарование.

— Мне нужны фотографии. Мы их разошлем во все полицейские участки штата. Может, у тебя есть еще какие-то мысли или информация, которая может помочь в их розыске?

— Ну-у-у... Мне надо подумать.-

— Давай я подброшу тебя до дома, а ты по дороге подумаешь. И заодно дашь мне фотографии родителей. Кстати, кроме полиции я подключил к этому делу газетчиков. Иногда люди предпочитают сообщать частную информацию именно им.

Он раскрыл переднюю дверь, и я проскользнула внутрь. Я никогда не сидела в полицейской машине и была разочарована, когда увидела, что машина капитана была на вид самой обычной. Внезапно ожила рация, выдав какую-то информацию для полиции. Это был единственный признак того, что машина принадлежит полицейскому.

Пока мы ехали, я рассказала капитану про Роджера, про его пистолет, про Мердоха и серый фургон. Я ожидала, что это его очень заинтересует, но он продолжал молча смотреть на дорогу.

— Вам не кажется, что Роджер может что-либо знать про моих родителей? — прервала я затянувшееся молчание.

— Возможно. Я проверю этого Роджера и второго... как там его? Роджер назвал его доктор Мердох.

— Ну вот, и его проверим. Что-нибудь еще, Кэра? Что-то такое, что может помочь нам?

Мы подъехали к дому. Света в окнах не было. Фонарь перед дверью также был выключен, из-за чего я рассердилась на Марка.

— Больше ничего не могу придумать, совсем ничего, — ответила я капитану Фэррадэю, отпирая дверь. — Впрочем, постойте!

Есть еще одна штука!

— Что?

— Мы нашли какой-то странный предмет в спальне родителей. Это маленькая белая голова обезьяны с глазами из горного хрусталя. Может быть, это ключ к разгадке?

— Может быть, — тихо ответил он, не проявляя энтузиазма. — Пока это мне ни о чем не говорит, но, возможно, тут что-то есть. Спрошу у ребят в участке. Она у тебя? Пожалуй, стоило бы отдать ее в лабораторию. Пусть разбираются.

Я поспешила в дом. Марка не было. Я побежала наверх и достала из альбома относительно новую фотографию папы с мамой. Потом стала искать обезьянью голову, но фигурки нигде не было. Жаль, не спросила Марка, куда он ее дел.

Спустившись вниз, я отдала капитану снимок:

— Спасибо за то, что подвезли. И за все, что вы делаете.

— Тебе надо поспать, — сказал он. — Я понимаю, все это тяжело, но сон помогает.

— Попытаюсь, — ответила я.

— Я извещу тебя, как только что-нибудь узнаю. Кстати, Кэра, у тебя остался мой номер? Звони в любое время суток. Если будет хоть малейшая причина, обязательно свяжись со мной.

— Спасибо, так я чувствую себя уверенней.

— Ну и прекрасно. — Мне показалось, что его губы под густыми усами дрогнули в подобии улыбки.

Я вернулась в дом, заперла дверь и позвала:

— Марк, ты где?

Тишина.

— Марк, ты наверху?

По-прежнему нет ответа. Я обошла все комнаты. Пусто. Меня охватил ужас. Сначала исчезли родители. Теперь Марк. Что с ним?

Я подумала, может, он оставил записку. Посмотрела на холодильнике, в блокноте у телефона. Ничего.

Все, Марк пропал, подумала я. Да нет же, наверняка он пошел к Дясин. Так и есть! Я уже взяла трубку, чтобы позвонить Джин, но передумала. Марку наверняка не понравится, что его младшая сестра звонит Джин для того, чтобы проверить, там ли он. Да и потом, мне нечего ему сказать про родителей.

Я решила дождаться Марка и пошла в гостиную посмотреть телик. Может, это меня отвлечет.

И тут я увидела, как по стене медленно ползут два пятна света. Я не сразу поняла, что это свет автомобильных фар. Кто-то въезжал на стоянку перед домом.

Может, вернулся Марк? Или папа с мамой?

Глава 17

Я знал, что падаю. Отчаянно пытался уцепиться за шпалеры, но мои руки натыкались на острые шипы, которые порезали левую ладонь.

У меня не было времени закричать. Я упал и так ударился о землю спиной, что у меня прервалось дыхание. Мне почудилось, я умер. Ужасное ощущение, когда не можешь вздохнуть. Кажется, что никогда уже не будешь дышать. Возможно, на какое-то время я отключился. Точно не знаю. Перед глазами плавали яркие красные и желтые круги.

Не знаю, сколько я пролежал; возможно, не так долго. Пятна перед глазами постепенно прошли, и я понял, что снова могу дышать. В левой руке пульсировала боль. Я поднес ее к лицу, чтобы получше рассмотреть. Шипы прочертили на ладони два глубоких пореза, из которых шла кровь.

Я глянул вверх. В комнате Джин по-прежнему горел свет. Надо снова попробовать взобраться туда. Тем более что Джин может найти, чем перевязать мне руку.

Джин была близко. Мне так хотелось ее увидеть! Я подумал о прекрасных черных волосах, об улыбке, вспомнил тепло тела, когда она сидела у меня на коленях. Все эти мысли заставили меня вновь начать восхождение, и хотя сперва я продвигался медленно, постепенно движения становились все более уверенными.

Окно Джин было в каком-то футах над шпалерами. Око было закрыто, но было неясно, заперто ли на задвижку. Я легонько постучал в стекло, ожидая, что девушка подойдет.

Шпалеры подо мной угрожающе затрещали. Теперь я не был уверен, что они меня выдержат. Где же Джин? Я снова постучал, на этот раз громче. Безрезультатно.

Я наклонился вперед и толкнул окно, оно не поддалось. Я оказался в ловушке: проникнуть в дом было невозможно, а шпалеры могли в любую минуту рухнуть, и я вместе с ними.

Задержав дыхание, я снова наклонился вперед и обеими руками со всей силы толкнул оконную раму. На этот раз она сдвинулась на

несколько дюймов. Слава Богу! Окно не заперто!

Спустя несколько секунд я проник в спальню Джин. Возможно, это получилось у меня не слишком романтично, но я все же это сделал.

— Джин, — прошептал я.

Комната была слабо освещена одной лампой на туалетном столике. Девушки в комнате не было. Вообще у спальни был нежилой вид — слишком все аккуратно. Постель застелена. Стол в идеальном порядке, ручки и тетрадки аккуратно разложены по местам. Ковер выглядел так, как будто его только что пропылесосили. Мои следы на нем оказались единственными.

Я подошел к двери стенного шкафа, которая снизу доверху была увешана фотографиями. Там были сотни снимков: Джин с отцом; ее мать, которая живет под Детройтом; масса незнакомых мне людей; портреты кинозвезд, вырезанные из журналов. Я с удовольствием обнаружил свою собственную фотографию, которую я ей недавно подарил. Я висел рядом с Томом Крузом.

Внезапно накатила усталость. Пришлось присесть на краешек постели, стараясь не испачкать покрывало кровью. Где же Джин? Если ее нет, почему горит лампа? Уже поздно, наверно, она скоро поднимется, подумал я. Надо дождаться. Но потом я решил, что это глупо. Я не могу просто сидеть и ждать. Хотя бы потому, что нужно как-то остановить кровь.

Я направился к шкафу, выдвинул один ящик. В нем было белье, чулки и прочее... Я взял шерстяной чулок и несколько раз обернул им руку. Подумал, что Джин не будет возражать.

Но где же она сама?

Когда девушка звонила мне, у нее был такой странный, испуганный голос. Не может быть, чтобы она сейчас спокойно смотрела с отцом телевизор.

Потуже затянув чулок на руке, я вновь подошел к стенному шкафу и открыл его. Там царил образцовый порядок. Все платья аккуратно развешаны, все кофточки и свитера ровно сложены на верхней полке. Я и не знал, что она просто помешана на аккуратности.

Я закрыл шкаф и отправился на прежнее место. Тут что-то

привлекло мое внимание. Я заметил какой-то маленькой предмет на ковре у кровати. Я поднял его, подошел к лампе... И не поверил своим глазам. Это была голова обезьяны — в точности такая же, как другие. Сверкающие хрустальные глаза уставились прямо на меня. Зубы оскалены в зловещей ухмылке.

Что это за штука? Почему всюду мне попадается? Внезапно мороз пробежал у меня по коже. Я подумал, что, если это одна и та же фигурка, значит, она меня преследует!

Я вспоминаю, как проснулся утром и увидел такую голову около своей кровати, но не помню, чтобы приносил ее к себе. А вдруг эта — та же самая?

Брось, Марк, сказал я себе. Ты просто насмотрелся фильмов ужасов.

Однако тут время для размышлений истекло. Я услышал шаги в коридоре. Они быстро приближались.

Я сунул обезьянку в карман джинсов и осмотрелся, куда бы спрятаться. Негде!

Шаги уже раздавались у самой двери.

— Джин, — прошептал я, надеясь, что это действительно она.

В комнату вошел ее отец.

Мужчина изумленно уставился на меня, а я — на небольшой блестящий пистолет, который он сжимал в руке.

Глава 18

— Марк! — воскликнул он, отбросив пистолет на кровать. — Я же мог тебя застрелить! Я думал, сюда забрался вор.

— Извините, — едва смог выговорить я.

Доктор Ролингс очень крупный мужчина — настолько крупный, что заслонил собой весь дверной проем. На нем был тренировочный костюм, наверно, самого большого размера. У него черные волосы, как у Джин, но спереди они поредели, отчего его лоб над черными кустистыми бровями казался особенно большим.

Теперь, стоя в растерянности перед ним, я заметил, что он не только крупный, но и мускулистый. Под курткой явно обозначены огромные бицепсы. Раньше я всего этого не замечал.

Между тем, судя по выражению лица, его злость сменилась замешательством.

У меня неприятности, подумал я. Насколько серьезные?

Он шагнул ко мне. В какой-то момент я подумал, что он начнет меня бить. Какая только чушь не приходит в голову, когда ты в панике.

Потом я понял, что доктор рассматривает белый чулок, обернутый вокруг моей руки. В некоторых местах он уже пропитался кровью и выглядел отвратительно. Я отвел руку назад.

Марк... Извини меня. Этот пистолет. Господи! Я ведь мог застрелить тебя! Почему ты не сказал мне, что находишься здесь?

— Доктор Ролингс... — тут я запнулся, потому что не знал, что, собственно, ответить. — Простите. Не хотел вас пугать. Я хотел поговорить с Джин...

— Что у тебя с рукой? — спросил он меня.

Вообще-то голос у него очень звучный, говорит он громко, часто кричит, но не от злости, а от избытка энергии. Но сейчас голос звучал так мягко и тихо, что мне трудно было его расслышать. Видимо, доктор действительно переживал из-за того, что чуть не застрелил меня.

Я неохотно приподнял свою позрежденную руку:

— Я порезался. Послушайте, я хочу объяснить...

— Ты пришел увидеть Джин?

Доктор Ролингс тяжело опустился на кровать. Под его тяжестью матрас прогнулся чуть ли не до пола. Он взял пистолет и снова отложил.

— Да, она позвонила и...

— Джин очень огорчена, Марк, — прервал он меня, рассматривая потолок. — Я же сказал тебе, когда ты приходил сюда в прошлый раз.

— Знаю, я тоже огорчен.

Это была суцкая правда.

— Да, в юности мы все такие влюбчивые, — вздохнул доктор Ролингс, качая головой.

Потом он быстро поднялся. Несмотря на свои габариты, двигался мужчина очень легко.

— Извини, Марк, не думай, будто я подшучиваю над тобой. Понимаю, что для тебя и Джин это серьезно. Но ты все равно не должен был тайком пробираться сюда.

— Да, конечно, извините. Но... А где Джин? — задал я наконец мучивший меня вопрос.

— Она была так расстроена, что решила уехать. Она отправилась к родственникам.

— Это к тем, что живут на ферме?

Доктор кивнул. Мой взгляд упал на сумку, с которой она всегда ходила в школу.

— И она не взяла с собой школьную сумку?

Я был настолько обескуражен, что вряд ли понимал, что говорю. Доктор Ролингс усмехнулся:

— Я же тебе объясняю, она была очень огорчена. Не думаю, чтобы ее интересовала школьная сумка.

Он подошел и положил свою большую руку мне на плечо:

— Пошли, я взгляну на твою руку. Я ведь действительно доктор.

Я отодвинулся в сторону:

— Нет-нет, спасибо. Ничего серьезного. Я перевяжу руку дома.

Я вдруг почувствовал, что хочу выбраться отсюда, оказаться дома и все обдумать.

Я посмотрел на окно. Оно все еще было широко распахнуто. Доктор Ролингс смотрел туда же. Теперь он знает, как я сюда проник, если, конечно, не догадался раньше. Я чувствовал себя неловко. Вломился к нему в дом, а он так мягко со мной обошелся.

— Пойдем на этот раз через входную дверь, — сказал доктор, взяв меня за плечо и направляя к лестнице.

— Мне очень жаль. Я не должен был...

Он сжимал мое плечо, возможно не рассчитывая свои силы:

— Не стоит извиняться. Все в порядке. Я ведь понимаю. И сожалею. Мне жаль тебя и Джин. Она иногда бывает такой непредсказуемой. Надеюсь, я не очень напугал тебя этим пистолетом.

— Вы расскажете моим родителям?

Мои родители? Я забыл о них! И о Кэре! Сколько же сейчас времени? Она, наверно, уже вернулась, а я не оставил ей записки.

— Нет, пока не буду, — ответил между тем Доктор Ролингс и добавил: — Думаю, я с ними как-нибудь увижусь.

Я снова извинился перед ним и вышел в холодную ночь.

— Будь осторожен, Марк, — мягко сказал он на прощанье, пожимая мне руку.

— Спасибо.

Больше мне сказать было нечего. Я чувствовал себя не в своей тарелке. Я повернулся и быстро зашагал. Поврежденная рука ныла, белый чулок пропитался кровью. Я твердо решил, что домой пойду обычной дорогой.

Глава 19

Я услышала, как кто-то приблизился к дому. Подошла к двери, сделала глубокий вдох и отворила ее.

— А-а-а, это ты.

— Спасибо, Кэра, за радушное приветствие, — отозвалась Лайза Блюм.

— Извини, — ответила я, все еще не в силах скрыть разочарования.

— А кого ты ожидала увидеть? Тома Круза? спросила она в свойственной ей ироничной манере.

— Не. Просто... Да ты заходи. Я действительно рада тебя видеть.

— Заметно. — В ее голосе звучал сарказм. — Я думала, мы могли бы вместе повторить задания по истории. Но если сейчас неподходящее время...

— Да, время действительно неподходящее, — подтвердила я, решив все рассказать Лайзе. — Но хорошо, что ты пришла.

Я провела ее в гостиную. Она плюхнулась на диван, вынула из сумки тетрадь, а сумку бросила на пол.

Хоть мы с ней и подруги, а вместе смотримся странно, подумала я. Мы очень разные. Я блондинка и выгляжу еще очень юной, а у нее прекрасные черные волосы и эта лукавая улыбка человека, который уже знает о жизни все. По-моему, она похожа на Шер. Теперь я была рада, что она заглянула. Мне было тяжело находиться одной, а у нее характер веселый и ироничный — именно то, что мне сейчас надо, чтобы отвлечься от тяжелых мыслей.

Что вчера вечером нашло на твоего брата и Джин Ролингс? — спросила Лайза. Ее черные глаза округлились в недоумении. — Я едва могла поверить тому, что видела вчера у тебя в гостиной. Они так себя вели...

— Ну, сейчас ты удивишься еще больше. Сегодня она с ним порвала.

Теперь Лайза изумилась по-настоящему:

— Что? Повтори еще раз!

— То, что ты слышала. Она с ним порвала.

— Но почему?

Я пожала плечами:

— Марк очень расстроен. Не говори ему, что ты знаешь. Он побежал к ней. По крайней мере, я так думаю.

Лайза запустила руку в свои густые волосы:

— Странно. Очень странно.

— Да. Марк не может ничего понять.

На лице Лайзы отражался напряженный мыслительный процесс.

— Странно, — повторила она и вдруг спросила: — Слушай, Марк в тот вечер жевал жевачку?

— Ты имеешь в виду, на вечеринке?

— Да.

— Откуда я знаю! И вообще, при чем здесь это?

— Я вспомнила об одной девчонке, с которой была знакома. Ее звали Шана, и она одно время гуляла с парнем по имени Рик. Так вот, этот Рик все время жевал резинку, и как-то раз, когда они целовались, жвачка попала в рот Шане.

— Неужели?

— Да, и она навсегда с ним порвала и никогда больше не сказала ему ни слова.

— Гениальная история! — Я попыталась вложить в свои слова весь сарказм, который сумела перенять от Лайзы.

— Вот я и подумала, может, и тут все дело в жевачке.

Я вздохнула:

— К сожалению, у меня есть более серьезные проблемы, чем любовные страсти Марка.

— Ясно. У тебя собственные любовные страсти, — иронически заметила она.

— Нет, я серьезно.

— Я тоже.

— Мои родители пропали, — выпалила я.

Лайза не поверила:

— Ладно, потом расскажешь мне, что отрастила вторую голову. Так и быть, поверю.

— Нет, правда, Лайза.

Думаю, по моему лицу она поняла, что я не шучу. Она уставилась на меня, подперев голову рукой.

— Они пропали? Ты имеешь в виду, что они сегодня вечером не пришли домой?

— И вчера тоже.

— И не позвонили.

— Нет.

С ее лица мигом исчезло всякое подобие иронии, как будто она сняла маску, и впервые открылось ее настоящее серьезное лицо.

— Ты звонила в полицию?

— Да, капитану Фэррадэю.

— И он не нашел их?

Я отрицательно покачала головой. Я опять почувствовала себя такой несчастной. Мне казалось, что после того, как я поделюсь с Лайзой, станет легче. Но вместо этого я еще больше себя растравила.

— Давай ты сегодня переночуешь у меня, — предложила Лайза.

Вид у нее был очень расстроенный.

— Нет, спасибо. К тому же Марк...

— У нас хватит места на всех.

Я была ей признательна за предложение. Тем более что мы были знакомы совсем недолго и не были, что называется, закадычными подругами. Я еще раз поблагодарила ее и объяснила, что нам с Марком будет спокойнее дожидаться родителей здесь. Но где же Марк? Я взглянула на часы. Уже поздно. Я подумала, может, они с

Джин помирились. Тогда он может отсутствовать довольно долго.

Я услышала шум автомобиля и вскочила. Но машина проехала мимо. Кэра, успокойся, мысленно прикрикнула я на себя. Не будешь же ты вскакивать каждый раз, когда мимо проезжает машина.

Лайза, казалось, была огорчена не меньше, чем я. На ее лице появилось мрачное выражение.

— С ними и раньше такое случалось, — сказала я.

— Да? Они пропадали по двое суток и не звонили?

— Звонили, — ответила я, вставая. — Сейчас принесу свою тетрадку и позанимаемся историей.

— Ты уверена?

Лайзе явно было не по себе.

— Да. Это отвлечет меня от ненужных мыслей, и, может быть, я перестану поминутно смотреть на часы.

Я пошла за своей тетрадью, Лайза последовала за мной.

— Знаешь, мне кажется, ты нравишься Гэри Брандту, — сказала вдруг она.

— Неужели?

— Да. Так я слышала.

— От кого?

Я нашла в сумке свою тетрадь и вытащила ее, остальные вывалились на пол, но я даже не стала их подбирать.

— Он сказал одному моему знакомому, что хотел бы, чтобы ты была его девчонкой. Шустрый парень!

— Кто? Гэри?

— Именно.

— Нормальный.

Почему-то я не хотела показывать, что мне приятно об этом узнать. Гэри был симпатичным парнем.

— Если мои родители не объявятся, я, может, устрою еще одну вечеринку, — съязвила я.

Лайза натянуто засмеялась.

— Да, смешного мало. Просто стараюсь взбодриться.

— Если бы мои родители исчезли, я бы свихнулась, — заметила Лайза.

— А я, наверно, свихнусь, когда они вернутся.

Если они вернутся, добавила я про себя и содрогнулась. А вдруг я уже сирота и просто пока не знаю об этом? С кем мы с Марком будем тогда жить? С тетей Дороти? Нет, она слишком стара. Бабушка Эдна? Она еще старше и к тому же терпеть не может ни меня, ни Марка. Или нас как несовершеннолетних отправят в приют?

— О чем ты задумалась? — прервала мои размышления Лайза.

— Да так, всякая чушь лезет в голову, — ответила я с вымученной улыбкой.

Мы начали заниматься историей, однако я была слишком взвинчена. Все время посматривала на часы, думая, почему до сих пор нет Марка, и вздрагивала каждый раз, когда мимо проезжала машина. Наконец мы поняли, что история нам сейчас до лампочки. Мы немного перемыли косточки нашим знакомым, после чего Лайза отправилась домой, вновь напомнив, что мы с Марком можем переночевать у нее. Еще она попросила меня позвонить, как только будут какие-нибудь новости.

На некоторое время мне стало легче. Было приятно знать, что у тебя есть настоящий друг.

Я вновь взглянула на часы. Был уж двенадцатый час. Где же Марк?

Я собрала свои тетрадки, бесцельно побродила по комнатам, потом направилась на кухню за содовой.

И вдруг остановилась как вкопанная. Пистолет Роджера! Как я могла забыть о нем? Надо подняться наверх, забрать пистолет и спрятать его. Я вообще не хочу, чтобы Роджер оставался в нашем доме. Но вряд ли удастся так сразу его выставить. А вот заряженный пистолет оставлять ему точно не следует.

Я побежала на чердак.

— Роджер, ты здесь?

Он ходит так тихо, что вполне мог прийти, пока мы болтали с Лайзой.

Однако никто не откликнулся. Я позвала его еще раз, и снова безрезультатно.

Я поднялась по узким ступенькам и вошла в комнату. Двигаясь на ощупь, добралась до стола и включила лампу. В комнате никого не было. На кровати валялись рубашка и брюки. Все остальное было по-прежнему. Я нагнулась и выдвинула нижний ящик стола.

И услышала какой-то скрип. В доме кто-то ходит? Может, вернулся Роджер?

Я замерла и прислушалась. Вновь что-то заскрипело. Да нет, это просто звуки дурацкого старого дома.

По-прежнему напряженно прислушиваясь, я приподняла белье и засунула руку, нащупывая оружие. Ничего не нашла, наклонилась пониже и внимательно осмотрела содержимое ящика. Непроизвольно вскрикнула, когда до меня дошло, что пистолет исчез.

Глава 20

Четверг для нас начался словно в каком-то тумане. Мы с Марком безумно устали и слишком глубоко погрузились в собственные мысли и переживания. Поэтому за завтраком не перемолвились и парой слов. Тем не менее все же заставили себя пойти в школу. Но хотя я и присутствовала там, мысли мои были далеко.

После школы мы поехали домой. Марк с мрачным видом рассказал мне о своих приключениях в лесу, о западне рядом с поляной и о собаке, которую натаскали беззвучно нападать на людей.

— Я... я убил ее, наверно, свернул ей шею.

Было очевидно, что он до сих пор в шоке.

Потом он рассказал мне об отце Джин, как тот чуть было его не застрелил. Я, в свою очередь, поведала ему о встрече Роджера и Мердоха в кафе и про то, что пистолет из стола Роджера исчез.

— Мы должны рассказать Фэррадэю про Роджера, — сказал Марк, заруливая на стоянку перед нашим домом. — Роджер теперь точно знает, что мы его подозреваем. Поэтому он может быть еще более опасен.

— Я уже говорила Фэррадэю.

— Позвони ему еще. — В голосе Марка слышалась безысходность. — Может, он хоть что-то узнал.

Я пошла в дом, чтобы позвонить Фэррадэю, а Марк направился на задний двор. Я поняла, что он сейчас будет стрелять из лука до полного изнеможения. Я бросила сумку с учебниками и направилась к лестнице, прислушиваясь, дома ли Роджер. Потом решила действовать более решительно.

— Роджер, ты здесь?

Не услышав ответа, я почувствовала себя спокойнее и пошла на кухню позвонить капитану Фэррадэю. И со злостью швырнула трубку, когда поняла, что телефон опять не работает.

— Марк, этот дурацкий телефон снова сломался! — крикнула я из окна кухни.

Брат меня не услышал или сделал вид, что не слышит. Марк выдавал одну стрелу за другой, не отрывая глаз от мишени. Я вышла к нему. Он как раз выпустил последнюю стрелу.

— Полегчало? — спросила я.

— Нет, — мрачно ответил он.

Мы поехали в закусочную и съели по пицце. Говорить не хотелось. Когда вышли на улицу, уже стемнело. Было душно, в воздухе висела сырость.

На полпути к дому я вспомнила что-то очень важное!

— Уолли!

Марк вел машину одной рукой, не отрывая глаз от дороги.

— Что?

— Уолли!

— Я слышал, что ты сказала. Может, пояснишь?

— Вспомнить бы его фамилию, — сказала я, тщетно напрягая свою память.

Я была взволнована. Знала, что это важно. Надо успокоиться и вспомнить.

— Да что за Уолли?

Марк свернул на Фиар-стрит, и вокруг стало еще темней. Фонари здесь не горели.

— Ну, знакомый родителей! Уолли Вилберн!

Несмотря на темноту, я увидела, как Марк в изумлении раскрыл рот:

— Это который с работы! Он часто им звонит! Да, Кэра, ты права, так его и зовут, Уолли Вилберн.

Он резко затормозил перед домом.

— Мы сейчас найдем его номер в их телефонной книжке. Он наверняка там есть.

Мы сломя голову побежали в дом.

— Этот Уолли, он сможет подтвердить, что они действительно

работают в «Крэнфорд индастриз». А если мы это выясним, то... — Я замолчала, потому что не знала, что, собственно, мы будем делать дальше.

— Давай сначала ему позвоним, — резонно заметил Марк.

Мы прошли на кухню, и Марк взял телефонную книжку:

— Посмотрим...

Он перелистывал страницы:

— Ну вот. Уолли Вилберн.

— Адрес есть?

Марк помрачнел:

— Нет. Только номер телефона.

Я подняла телефонную трубку. Линия по-прежнему молчала.

— Не страшно. Возьмем телефонный справочник и по нему узнаем адрес.

— Если только его номер зарегистрирован.

— Хватит каркать! Ты слишком быстро сдаешься!

Я взяла с полки толстый телефонный справочник и уже через несколько секунд нашла фамилию Вилберн.

— Он живет на Плам Ридж, 231.

— Где это? Никогда не слышал.

— Сыщик из тебя, Марк, никудышный, — не могла удержаться я от издевки.

— А я никогда не собирался быть сыщиком, — проворчал он.

Я раскрыла карту. Улица Плам Ридж оказалась в соседнем городке на полпути между нами и «Крэнфорд индастриз».

— Поехали, — подтолкнула я Марка к выходу. — Я знаю, как туда добраться.

— Уолли Вилберн, — пробормотал он. — Может, все наконец прояснится.

До соседнего городка Уэйнсбридж мы доехали за двадцать минут. Нельзя сказать, чтобы он производил приятное впечатление:

длинные улицы с коробками одинаковых домов прилепились на склонах пологих холмов. Я выключила радио и начала вглядываться в дорожные указатели.

— А о чем мы спросим этого мужика? — вдруг забеспокоился Марк.

— Ну, я думаю, не нужно сразу говорить, что наши родители уже трое суток не появляются дома. Сначала послушаем, что он нам скажет. Короче, не будем с ходу его пугать.

— Пожалуй, ты права.

— И давай говорить буду я.

Марк согласно кивнул.

— Плам Ридж, — прочитала я указатель. — Найти было нетрудно. Теперь направо.

— Ты видишь номера домов? — спросил брат, сбавляя скорость.

— Да. Они здесь на дверях. Наверно, наш в следующем квартале.

Дом Вилберна оказался на углу. На стоянке перед домом стоял «Форд мустанг», мы припарковались на улице и по узкой бетонной дорожке прошли к дому. Сырой воздух источал аромат грязи и удобрений.

Из дома доносились голоса и музыка: видимо, работал телевизор. Я громко постучала в дверь, потом, заметив кнопку звонка, позвонила. Телевизор замолк, слышались шаги, и дверь открыл круглолицый мужчина среднего возраста.

— Вы что-нибудь продаете? — спросил он.

У него был приятный голос и дружелюбная улыбка. Его голова была практически лишена растительности, за исключением кустиков волос над ушами и пышных черных усов.

— Мистер Вилберн? — спросила я, вдруг осознав, что не знаю, о чем с ним говорить,

— Именно. Так меня и зовут. Правда, обычно меня называют Уолли. А вы кто? Раньше я вас здесь не видел.

— Да. Мы живем в Шздисайд, — ответил Марк, явно нервничая.

Вроде бы мы с ним договорились, что вести беседу буду я.

Хотелось надеяться, что Марк не запсихует.

— Если вы хотите продать мне лотерейный билет, то вы напрасно забрались так далеко, — рассмеялся Уолли, явно довольный своей шуткой.

Нет. Мы ничего не продаем. Я Кэра Баррафс. А это мой брат Марк.

— Баррафс!

Было ясно, что он сразу узнал фамилию. Он широко распахнул дверь:

— Вы дети Грэга и Люси?!

Мы кивнули.

— Как поживают ваши родители? И, кстати, где они? Я не видел их на работе на этой неделе.

— Не видели?! — не сдержался Марк.

— Нет. Мне пришлось все эти дни проторчать в отделе «Си» в подвале. Была срочная работа. А что, ваши родители обо мне вспоминали?

Мы с Марком не знали, что ответить, поэтому я попыталась сменить тему.

— Мы тут приехали к знакомым и решили по пути воспользоваться вашим телефоном, если вы позволите. Мы не предупредили родителей. Они, наверно, все еще в офисе.

— В это время? — Уолли удивленно взглянул на часы. — Да они просто помешаны на своей работе.

В комнату вошла худенькая блондинка в джинсах и футболке. Удивилась, увидев незнакомых.

— Это дети Грэга и Люси, — представил нас Уолли. — А это Марджи, моя лучшая половина.

— Очень приятно, — хором сказали мы с Марком, чувствуя себя несколько неловко.

— Здравствуйте, — тепло улыбнулась нам Марджи. — А где ваши родители?

— Ребята как раз заскочили к нам, чтобы позвонить им на

работу, — откликнулся Уолли.

— У вас есть их прямой номер? — спросила я. — А то мы до сих пор его не запомнили.

— Конечно. Я часто работаю дома, поэтому взял себе справочник служебных телефонов.

Уолли перебирал кипы журналов на столе:

— Да вот он.

Уолли наконец нашел книгу в желтой обложке. Я прочла: «Телефонный справочник „Крэнфорд индастриз“. Надеюсь, было не заметно, как дрожат мои руки, когда искала нашу фамилию. Нашла. И номер напротив нее. Так, значит, наши родители все же работают на „Крэнфорд“. Они нам не лгали. А вот этот тип Маркус лгал! Теперь доказательство в наших руках. И мы можем сообщить об этом капитану Фэррадэю, чтобы он вытряс всю правду из этого Маркуса.

Я молча показала страницу Марку, который стоял у меня за спиной. Думала, может, попросить Уолли одолжить нам телефонный справочник. Решила, что это будет выглядеть подозрительно. Да и потом, мы убедились, что телефонный номер существует. Капитан Фэррадэй, если нужно, всегда сможет найти его здесь.

— Большое спасибо, — сказала я, возвращая книгу и направляясь к двери.

— Спасибо, — механически повторил Марк, следуя за мной.

— Эй, вы ничего не забыли? — рассмеялся Уолли.

Мы непонимающе уставились на него.

— Вы же собирались позвонить родителям!

— Да, конечно!

Вот идиоты!

Я подошла к телефону и набрала их прямой номер. Послушала несколько гудков.

— Никто не отвечает. Наверно, они уже уехали домой.

Попрощавшись и поблагодарив за помощь, мы наконец вышли на улицу.

— Думаю, мы показались им довольно странными, — заметил

Марк, садясь за руль.

— Наплевать. Главное, теперь мы знаем, что родители нам не врали. Они действительно работают в „Крэнфорде“.

— Значит, администратор в офисе нам солгала?

— Не думаю. По-моему, фамилии родителей действительно не было в ее компьютере. А вот этот Маркус, похоже, врал.

— Зачем? — спросил Марк, выруливая на дорогу.

— Не знаю. Но надеюсь, что теперь это выяснит полиция.

Я чувствовала возбуждение от того, как удачно мы только что провернули расследование.

— Давай сразу поедem к капитану Фэррадэю. Нам есть, что ему рассказать.

Обратные двадцать минут пути в Шэдисайд казались томительно долгими. Наконец доехали. С Миллроад Марк внезапно свернул на Фиар-стрит.

— Давай на минутку заскочим домой. Может, этот Фэррадэй оставил какое-нибудь сообщение на автоответчике или еще что-то...

— Ладно, — согласилась я.

— О, черт! Кэра! Видишь?!

Я проследила за его взглядом. Серый фургон был припаркован за несколько домов от нас.

— Опять появился, — сказал Марк, проезжая мимо.

Я не смогла разглядеть, был ли внутри Мердох.

Мы подъехали к дому.

— Странно, — сказала я. — Наверху горит свет. Я его не включала.

— Я тоже, — напряженно ответил Марк. — Пойдем и посмотрим, что там, черт возьми, происходит. Может, всего лишь вернулся Роджер.

Мы осторожно вошли через заднюю дверь. Я ее аккуратно прикрыла. Мы подошли к лестнице.

— Роджер! Ты дома?

Мы поднимались по ступенькам. Свет на чердаке горел.

— Роджер! Ты здесь? — снова крикнула я.

Тишина.

— Он мог забыть выключить свет, — сказал Марк.

— С ним раньше никогда такого не было, — откликнулась я. — Давай поднимемся и посмотрим.

Я шла впереди, Марк следовал за мной.

— Эй, Роджер! Ты здесь?

Да, свет был включен в его комнате. Дверь полуоткрыта. Душно. Я открыла дверь пошире и вошла первая. И первая же увидела Роджера! Я попыталась закричать, но голос меня не слушался. Я чуть не упала в обморок. Перед глазами на несколько секунд все побелело, но потом краски вернулись.

Роджер сидел за столом, уронив голову, руки беспомощно свисали. Из шеи торчала стрела. Рубашка пропиталась кровью.

Я машинально отступила в сторону, чтобы Марк мог войти в комнату. Чуть не поскользнулась. Посмотрела на пол. Ковер был пропитан кровью. Я стояла в крови.

Нет! Нет! — закричал Марк, схватившись за мое плечо, видимо, не для того, чтобы поддержать меня, а чтобы не упасть самому.

У меня дрожали колени, а сердце, казалось, выскочит из груди. На пропитанном кровью ковре валялись стрелы.

— Его убили! Но почему?! — в истерике закричал Марк.

Мы все еще стояли у двери, и внезапно она резко дернулась, сильно ударив нас с Марком. Из-за двери выступил капитан Фэррадэй. Все это время он стоял там. В руках у него был лук Марка. Он обошел нас, загородил выход и сурово посмотрел на брата:

Это ведь твой лук, сынок? Зачем ты убил его?

Глава 21

Я взглянул на Кэру, пытаюсь понять, что происходит. На миг подумалось, что капитан шутит. Но он продолжал сурово смотреть на меня, сжимая в руке мой лук, и я понял, что он говорит серьезно. Он обвиняет меня в убийстве Роджера!

— Пойдите! Вы же не можете...

Я почувствовал, что вот-вот упаду. Стены вокруг завертелись. Я постарался посмотреть вниз. На полу была кровь.

Капитан Фэррадэй опустил свою тяжелую руку мне на плечо:

— Лучше помолчи, сынок. Я зачитаю тебе твои права.

Я видел, как его губы шевелятся, понимал, что он что-то говорит, но не слышал ни слова. Я был в каком-то трансе.

— Марк не убивал Роджера! — ворвался наконец в мой мозг сердитый крик Кэры. — Не будьте идиотом!

— Конечно, я не убивал! — теперь и я смог что-то сказать. — Не убивал! Зачем мне это делать!

Рука Фэррадэя по-прежнему лежала на моем плече. Лук капитан бросил на пол.

— Спокойно, — сказал он, выводя меня из комнаты. — Давайте все успокоимся. Но учтите, здесь было совершено убийство.

Он взглянул на Кэру, как будто ожидая получить от нее какой-то ответ.

— Убийство было совершено оружием Марка...

— Это не оружие! — закричал я.

И не узнал своего голоса. Наверно, со мной случилась истерика.

— Идемте вниз. Сядем и спокойно поговорим.

Пока он вел меня вниз, в голове был полный бардак. Мысли крутились, но сосредоточиться на чем-либо я не мог. Так Роджер действительно мертв? И его убили из моего лука? Кто это сделал? И почему хотят подставить меня?

Мы с Кэрой уже садились на диван, когда дверь гостиной распахнулась, и в комнату ворвался Мердох с пистолетом в руке. Он изумленно уставился на Фэррадэя.

— Кто ты такой, черт возьми! — закричал он, размахивая пистолетом. — Все к стене! Быстро!

— Это он! — крикнула Кэра. — Тот, кто встречался с Роджером.

Фэррадэй хладнокровно выхватил пистолет и трижды выстрелил. Все три пули попали Мердоху в грудь. Его рот искривился в беззвучном крике, и он рухнул на пол лицом вниз.

— Нет! — закричала Кэра, закрыв лицо руками.

Капитан подошел к ней и ласково обнял ее за плечи.

— Теперь все в порядке, — мягко сказал он.

Я чувствовал себя как во сне. Пол кружился под ногами. Два мертвых человека. В нашем доме! Убиты! И кровь, кровь под ногами.

Фэррадэй обнял нас обоих за плечи и повел к дивану.

— Успокойтесь, — повторял он.

Мы с Кэрой сели на диван — по разным углам. Сестра все еще закрывала лицо руками. Я взглянул на капитана Фэррадэя. Видел его не слишком четко. Комната все еще кружилась перед глазами. В ушах вновь и вновь звучали выстрелы. Я помнил беззвучный крик Мердоха и удар его простреленного тела об пол.

— Сидите спокойно и постарайтесь прийти в себя, — мягко сказал Фэррадэй.

Он задумчиво почесал подбородок и убрал пистолет в кобуру. Потом подошел к Мердоху, нагнулся, перевернул на спину, провел по нему руками, видимо обыскивая, и внимательно взгляделся в лицо.

— Так это тот парень, которого ты видела с Роджером?

— Да, — ответила Кэра, уставившись в пол. — Они сидели вместе.

Ну вот теперь мы попытаемся сложить всю мозаику и выяснить, что же случилось с вашими родителями, — сказал Фэррадэй, распрямляясь.

Он подошел к столу и взял телефонную трубку.

— Позвоню своим парням, — пояснил он. — Через минуту будут здесь и наведут порядок. А вы сидите спокойно и глубже дышите, станет легче. Кстати, сынок, на самом деле я не считал тебя убийцей.

Капитан Фэррадэй соединился с полицейским участком:

— Да, Шмидт, это я. На Фиар-стрит. Записал? Да. Бар-графсы. Требуется помощь. Два покойника. Пришлось стрелять. «Скорой» уже не нужно. Быстрей отправляй их. У меня все.

Он положил трубку и подошел к нам. Поскольку мы сидели, он показался мне еще более высоким. Кэра сидела, уткнувшись головой в колени. А я все еще пытался остановить кружение комнаты перед глазами.

— Вам, ребята, туго пришлось, — сказал Фэррадэй, глядя на нас сверху вниз. — Но все самое худшее позади. Теперь мы точно разберемся до конца. Как вы себя чувствуете?

— Плохо, — честно ответила Кэра. — Я никогда не видела убитых...

Я поднялся, придерживаясь за спинку дивана.

— Ты куда? — спросил капитан Фэррадэй.

— На кухню. Хочется пить. Принесу из холодильника воды.

— Да, и мне тоже, — откликнулась Кэра.

— Ладно, но возвращайся сюда. Мне еще нужно вас кое о чем спросить.

Выходя из комнаты, я видел, как капитан подошел к окну и выглянул на улицу.

— Где же мои парни? — недовольно пробормотал он.

Я вошел в кухню, и что-то показалось мне странным.

Когда я понял, что именно, я ощутил озноб. Я остановился, посмотрел еще раз. Потряс головой, надеясь, что мне померещилось и сейчас это пройдет. Нет! Все так и есть.

Трубка телефона в кухне не лежала на аппарате!

Я поднял ее. Тишина. Сигнала нет. Телефон не работает.

Этот Фэррадэй притворялся, что звонил в полицейский участок.

Глава 22

Так, значит, Фэррадэй нам врал! Возможно, он вообще не полицейский! И он вовсе не звонил в участок за помощью. Сейчас он в доме! На наших глазах он убил этого Мердоха. А может, и Роджера? А что будет с нами? Что ему надо? Кто он?! Что происходит?!

Я был как в тумане и, конечно, не мог ответить на все эти вопросы. Положил трубку на аппарат и тупо уставился на нее. Все кругом мертво. Мертвый телефон, мертвые люди.

Мне надо как-то предупредить Кэру. Что Фэррадэй не тот, за кого выдает себя. Он врет. И он опасен!

— Эй, Марк, где ты? — раздался голос Фэррадэя.

Я подумал, может, попытаться удрать через задний ход и позвать на помощь, но тут он сам появился на кухне:

— Ну что, напился?

— Еще нет, сейчас...

Я налил воды, сделал несколько глотков и, как обещал, понес стакан Кэре. Фэррадэй довел меня до дивана. Кэра взяла воду. Я скосил глаза на Фэррадэя, пытаюсь намекнуть сестре о том, что мы попали в переплет.

— Не могли бы мы с Кэрой пару минут поговорить наедине на кухне? — спросил я, надеясь, что мой голос звучит вполне безобидно.

Мне показалось, что его ноздри расширились, как у животного, почувствовавшего опасность.

Не думаю, что в этом есть необходимость, — сказал он с улыбкой, усаживаясь напротив нас на стул. — Мы еще должны многое выяснить.

Кэра непонимающе посмотрела на меня. Я ответил многозначительным взглядом, но до нее не дошло.

— Хочу задать вам обоим несколько вопросов, — продолжал Фэррадэй с сочувственной улыбкой. — Я уверен, мы докажем, что Марк не причастен к убийству наверху. Как только мы установим

личность этого типа, — он кивнул на Мердоха, — а также того, что на чердаке, мы выйдем на след настоящего убийцы.

Я попытался незаметно привлечь внимание Кэры, но она во все глаза смотрела на Фэррадэя.

— Кто они? Это связано с исчезновением родителей?

— Выясним, — пожал плечами Фэррадэй.

— А что вы делали в нашем доме? — спросил я, пытаюсь намекнуть Кэре, что подозреваю Фэррадэя.

Мне нужно было объяснить ей, что на самом деле Фэррадэй не полицейский. Но как это сделать?!

— Я зашел, чтобы поговорить с вами, — ответил он, почесывая щеку. — Увидел свет наверху. Мне это показалось подозрительным. Решил посмотреть, в чем дело. Обнаружил этого парня, — как его, Роджер? — со стрелой в шее. Услышал чьи-то голоса и спрятался за дверь.

Он говорил так уверенно. Казался настоящим полицейским. Весь его облик внушал доверие. Я оглянулся на Кэру, вновь попытавшись привлечь ее внимание. Сестра на меня не смотрела.

— Вы оба прошли через такой кошмар, — продолжал Фэррадэй. — Вы в силах ответить мне сейчас на пару вопросов?

— Да, пожалуй, — ответила Кэра.

Ну как мне заставить ее понять, что мы в западне?!

— Где вы были до того, как пришли домой, — спросил Фэррадэй, глядя в окно, будто бы ожидая увидеть подъезжающие полицейские машины, которые он якобы вызывал.

— Мы ездили повидать человека, который знает наших родителей, — ответила сестра.

— Кэра! Нет! Ничего ему не говори!

Внезапно я почувствовал, что у меня не остается выбора. Все зашло слишком далеко, и я должен что-то сделать. Я прыгнул на Фэррадэя, и он упал со стула.

Ты что? — злобно закричал капитан.

— Марк, в чем дело?! — Это был уже крик Кэры.

Я навалился на Фэррадэя, пытаюсь схватить его пистолет, но он вывернулся и вскочил на ноги. Пистолет остался в его руке.

— Неплохо, сынок. Совсем неплохо. Но со мной такие номера не проходят. Поэтому спокойно садись на диван.

Он махнул пистолетом. Теперь уже сопротивляться было бы совсем глупо.

— Марк! Какого черта?! — крикнула Кэра, которая пока еще ничего не понимала и смотрела на меня как на ненормального.

Между тем с лица Фэррадэя вмиг исчезло сочувственное выражение. Глаза стали холодными, а оружие было направлено на нас.

— Значит, вы знаете что-то, о чем пока не осведомлен я. Самое время начать говорить.

Кэра остолбенела.

— Что?!

— Ты слышала, что я сказал! — хлестнул нас его резкий окрик. — Начнем с главного вопроса. Где ваши родители? Отвечайте быстро, и вы избежите больших неприятностей.

— Но мы же не знаем, где они! — закричала Кэра.

Я обнял ее, пытаюсь успокоить.

— Детские игры закончены, — сказал Фэррадэй, сочувственно вздохнув. Впрочем, сочувствие было явно фальшивым. — Вы что, не понимаете, что дело куда как серьезно. Я сегодня убил в вашем доме двух человек. Может, думаете, что не смогу прикончить еще двух?

— Так вы... Вы не полицейский? — наконец дошло до Кэры.

— Ну почему же, — как мне показалось, с горечью ответил Фэррадэй. — По крайней мере, я был полицейским шестнадцать лет. Но ваши родители...

— Что наши родители?! — закричал я.

— А вот это я и хочу узнать, — раздраженно откликнулся он. — Мне пришлось много помотаться по свету, чтобы напасть на их след. Давно хотелось с ними свидеться. Где они?!

— Не знаю, — честно ответил я.

— Зачем вы убили Роджера? — невпопад крикнула Кэра.

— Он все что-то вынюхивал, что-то подозревал. Мне удалось на время обмануть вас, но с ним возникли проблемы. Поэтому я его и шлепнул.

Фэррадэй взглянул на меня:

— Хорошо, что ты предоставил такое оружие. Никто и не догадается. А бедняга Роджер даже обернуться не успел. И не узнал, кто его убил. Земля ему пухом.

Фэррадэй пожал плечами. И вновь поднял руку с пистолетом:

— Я потратил на вас слишком много времени. Ну и кто мне наконец поведает, где ваши родители?

— Но Марк сказал вам правду! Мы не знаем, где они! — в отчаянии закричала Кэра.

— Не верю, — он прицелился Кэре в голову. — Говори, что знаешь. Думаю, если пристрелю одного из вас, другой сразу вспомнит, где скрываются мама и папа. Попробуем?

— Нет! — раздался отчаянный крик Кэры.

Теперь пистолет был нацелен на меня.

— Кто-то из вас все равно должен мне сказать.

— Но наши родители пропали! — закричал я. — Мы правда не знаем, где они!

— Кого же из вас мне придется застрелить? Мне жаль, но выбора у меня нет. Кто-то из вас сейчас умрет.

Пистолет в его руке направлялся то на меня, то на Кэру, но в конце концов остановился на мне.

— Пожалуй, я застрелю Марка.

— Нет! — закричала Кэра. — Мы ничего не знаем!

— Прощай, Марк, — сказал он.

Дуло его пистолета было направлено мне в голову. Я закрыл глаза и ждал. Секунда. Две. Три...

Будет больно? Что я почувствую? Я пойму, когда меня убьют?

Четыре секунды. Пять. Шесть. Или, может, я медленно считаю?

Выстрела нет. Я открыл глаза. Он медленно опускал пистолет.

У меня кружилась голова. Мне не хватало воздуха. Виделось все вокруг, словно в тумане. Но я разглядел, что Фэррадэй больше не смотрит на меня. Он глядит мимо. И то, что он видит, ему явно не нравится.

— Брось пистолет! — раздался голос у меня за спиной.

Изумленный, я обернулся.

— Джин!!!

Ее вид поразил меня. Волосы растрепаны. Свитер в каких-то пятнах. Лицо покраснелось, а глаза припухшие, словно она много плакала. В руках Джин держала охотничье ружье, которое показалось мне огромным. И ружье это было направлено на Фэррадэя.

— Кто ты такая, черт возьми?! И что ты здесь делаешь?!

Фэррадэй был удивлен не меньше нашего. Он опустил пистолет, но бросать его не стал. Джин на его вопрос не обратила внимания.

— Марк, Кэра, пошли со мной! У нас мало времени! Собрание вот-вот начнется! Надо спешить!

— Собрание?

— Ни с места! — закричал Фэррадэй. — Стойте, где стоите!

Он начал поднимать пистолет. Джин выстрелила. Пуля ударила в стену над головой Фэррадэя. Он вскрикнул и бросил пистолет. Его лицо стало белым как мел.

— Еще раз дернешься, я тебя застрелю, — предупредила Джин. — Я сделаю это, мне сейчас все равно.

Она по-прежнему держала его на мушке. Наверно, вид у меня был совершенно растерянный.

— Марк, не стоит так удивляться. Отец брал меня на охоту с четырех лет.

— Джин! Где ты была?

— На разговоры нет времени. Надо спешить. А вот что делать с ним? — спросила она, кивнув на Фэррадэя.

— Можем запереть его в гараже, — откликнулась Кэра. — Там прочная дверь с надежным замком.

Это была хорошая идея. Мы вышли во двор — Джин продолжала держать Фэррадэя под прицелом — и втолкнули его в гараж.

Оказывается, на улице уже шел снег. Земля была белой, и на нее продолжали падать мягкие, влажные хлопья.

— Вы пожалеете об этом, — злобно бросил нам Фэррадэй.

Я закрыл и запер дверь гаража.

Возьмите свои куртки. Быстрее! Мы и так можем опоздать! — крикнула Джин, наконец опуская ружье.

Минуту спустя мы уже спешили через задний двор, стараясь не поскользнуться на мокром снегу.

— Побежим через лес, — сказала Джин, переходя на бег.

Мы следовали за ней.

— Что случилось? Где ты была? — спросил я.

— У родственников, — ответила она.

При каждом слове изо рта у нее вырывались клубочки пара. Мы уже были в лесу. Сильный ветер с завыванием раскачивал ветви деревьев, которые зловеще потрескивали.

— Отец хотел, чтобы я на некоторое время уехала отсюда. Но я вернулась на попутной машине. Потом все объясню. Надо спешить. Надеюсь, мы не опоздаем.

— Но куда мы бежим? Я должен знать!

— Дело в ваших родителях! Мы должны успеть, иначе...

Дальше я не расслышал. Вой ветра заглушил ее слова.

Ветер был холодный, я чувствовал, что лицо у меня замерзло и обветрилось. Я вспомнил, как прошлой ночью бежал через это лес к дому Джин. Неужели это было всего лишь прошлой ночью? Я вспомнил западню, в которую провалился, огромную собаку, которая набросилась на меня; вспомнил, как мы отчаянно боролись. Хруст шейных позвонков и этот удивленный взгляд умирающего животного.

Надо сказать, что выпавший снег не сделал лес менее жутким местом. Я знал, что здесь могут быть еще собаки, натасканные на

человека. И другие опасности, более страшные. Какая из них подстерегает нас впереди? И что это за собрание, на которое так боится опоздать Джин?

Мы продолжали бежать, и мне уже казалось, что мои легкие сейчас разорвутся. Наконец мы перешли на быстрый шаг, пробираясь между низко свисающих ветвей и покрытого снегом кустарника.

— Я устала, — сказала Кэра. — Больше не могу...

— Тихо, — прошептала Джин. — Мы почти пришли.

Впереди между деревьев я вдруг заметил маленькие движущиеся огоньки. Сначала я подумал, что это светлячки, но, конечно же, зимой никаких светлячков не бывает. Тут я догадался.

— Это свечи! — вскрикнул я.

Джин жестом приказала мне молчать.

— Нельзя, чтобы они нас заметили, — пояснила она шепотом.

— Но где мы? — спросила Кэра.

Я узнал это место. Мы были рядом с круглой поляной, где я видел следы ног. Теперь поляна была заполнена людьми, каждый из которых держал свечу.

— Собрание еще не началось, — прошептала Джин. — Мы успели вовремя.

— Какое собрание, — вновь спросил я и вновь не получил ответа.

— Пошли за мной. Мой дом вон за теми деревьями. Я знаю, где мой отец хранит балахоны.

Балахоны? Свечи и балахоны?

— Стоп, — сказал я. — Больше не сделаю ни шага, пока ты не объяснишь, что происходит.

Она взяла меня за руку. Несмотря на холод, ее ладонь была горячей:

Марк, пожалуйста! Ты ведь хочешь, чтобы твои родители вернулись!

Глава 23

Я буквально ощущала пульсацию зла вокруг нас. И, наверно, это вернуло мне силы. Когда мы бежали через лес, мне казалось, что я вот-вот упаду, настолько я чувствовала себя истощенной и напуганной. Но, увидев между деревьев огоньки, увидев бесформенные фигуры со свечами, я позабыла про усталость.

Мы не решились подобраться поближе. Но между деревьями можно было различить, что по поляне беспорядочно бродят несколько десятков человек. Они были одеты в темные балахоны наподобие монашеской рясы. На головы накинута капюшоны, и лица разглядеть невозможно. Каждый держал в руке длинную черную свечу.

Неужели мои родители среди них?

Джин жестом вновь приказала нам вести себя тихо. Пригнувшись, мы вслед за ней обошли поляну. Покрывший землю снег скрывал наши шаги. Я слышала негромкую музыку, похоже, флейта. Наверно, играл магнитофон.

— Когда прекратится музыка, начнется собрание, — прошептала Джин.

Мы осторожно проскользнули к ее дому.

— Балахоны в подвале, — по-прежнему шепотом сказала Джин. — Но мы сглупили, что оставили пистолет того мужика.

Держась в тени, мы обошли дом и спустились в подвал. Сверху раздавались голоса и смех. И еще едва слышно доносилась музыка с поляны.

Подвал был оборудован основательно и состоял из одной большой комнаты и нескольких поменьше. Одна из небольших комнат была чуть ли не вся заставлена ружьями. Джин провела нас к чулану. Мы забрались туда и прикрыли дверь, прежде чем включить свет. Чулан был почти пуст. Если не считать стопки коричневых балахонов.

Лицо Джин покрылось бледностью. Она порывисто схватила Марка за руку. В ее глазах были боль и страх.

— Я и раньше знала, что отец состоит в Братстве. Но я не знала, что они убивают людей!

Братство? Убивают людей?

— Когда я узнала, что затевает Братство, отец приказал мне позвонить и порвать с тобой, — сказала Джин Марку. — А затем заставил уехать из города к родственникам. Не хотел, чтобы я вмешивалась. Он против убийства. Но слишком запуган, чтобы помешать этому.

— Но я не понимаю, — прошептала я. — При чем здесь мои родители? Они...

— Тише. Надо выбираться отсюда.

Мы услышали шаги. Кто-то спускался в подвал. Джин схватила три балахона.

— Быстро надевайте.

Балахон оказался тяжелым, от него пахло нафталином и потом.

— Поднимите капюшоны так, чтобы не было видно ваших лиц, — приказала Джин, надевая на голову свой и подвязывая балахон веревкой. — И делайте то, что будут делать все.

— А твое ружье... — начала я.

— Мне не удастся его пронести незаметно, — ответила Джин, пряча его в чулане под балахонами. — Они бы заметили его, и все для нас было бы кончено. Нужно придумать что-то другое. Пошли.

Что же теперь? Зачем нам нужно проникнуть на это собрание? Что мы там будем делать?

Мы едва успели выйти из чулана, как в подвал спустились двое мужчин. Я старалась, чтобы мое лицо было в тени.

— Добрый вечер, — добродушно приветствовал нас один из них.

Мы молча прошли мимо, поднялись наверх, быстро пересекли двор и вышли через лес к поляне. Снегопад прекратился. Было ясно и холодно. Кругом ни огонька, кроме маленьких светящихся точек от свечей. Я старалась держаться поближе к Марку, чтобы не потеряться, поскольку все казались одинаковыми. Люди бродили, переговариваясь между собой. Однако расслышать, о чем они говорят, мне не удалось.

Мне было страшно. Ноги едва слушались меня. Но я заставила себя прохаживаться, держась поближе к краю поляны. Внезапно Джин сунула мне в руку тонкую черную свечу. Я старалась держать ее твердо, но рука тряслась. Я молила Господа, чтобы никто этого не заметил.

Вдруг музыка стихла. Я так и не заметила, откуда она раздавалась. Все разговоры смолкли, и фигуры в балахонах в полной тишине направились в лес.

Как давно Братство проводит свои собрания в этом лесу? Наверно, это его приверженцы придумали все эти ужасные истории, чтобы отпугнуть отсюда посторонних? И что произойдет здесь этой ночью?

Я постаралась перестать мучить себя этими вопросами, но это было выше моих сил.

Порыв ветра сбросил с моего лица капюшон, и я поспешно натянула его обратно.

— Делайте, как все, — шепнула Джин.

Я схватила Марка за руку, боясь его потерять. Его рука была холодна как лед. Между тем фигуры в балахонах выстроились в две линии, после чего развернулись и двинулись, образуя круг. Все это происходило в полной тишине в свете трепещущих огоньков свеч.

Две фигуры вышли в центр круга. Они держали свечи близко у своих лиц, и я чуть не вскрикнула, когда увидела, что на них были маски.

Белые обезьяньи маски, оскалившиеся в зловещей ухмылке. Они были совсем как та маленькая голова обезьяны, которую мы с Марком нашли в спальне родителей.

Вперед выступила еще одна фигура, ее лицо было скрыто в тени капюшона.

Все молчали. Даже ветер стих.

Третий приблизился к двум фигурам в масках и вдруг резким движением сорвал с них обе маски.

В колеблющемся свете свечей я сразу узнала папу и маму! Взглянула на Марка. Он тоже их узнал. И по его взгляду я поняла — он думает то же, что и я.

Наши родители возглавляют Братство!

Глава 24

Наверно, это лишь сон, ночной кошмар. Ночь. Заснеженный лес. Люди в темных балахонах. Лида скрыты капюшонами. Круг слабо трепещущих огоньков свечей. Белые обезьяньи маски. И отец с матерью в центре круга.

Я взглянул на Кэру. Ее лицо словно застыло. Сознание отказывалось все это воспринять. Все слишком странно, невероятно, нереально.

Так из-за этого родители бросили нас? Чтобы уйти в этот лес и возглавить эту дьявольскую секту? Значит, когда они говорили, что по четвергам вечером отправляются в клуб, они шли сюда, надевали свои балахоны и маски, а потом... Что потом? Что они делали? Занимались колдовством или чем-то еще?

Я подумал о том, как часто мы переезжали с места на место. Почти каждый год — новый город, новый дом. Наверно, это нужно им, чтобы вербовать все новых приверженцев своей секты. Родители не были специалистами по компьютерам. Это — лишь прикрытие. На самом деле они — вожди секты.

Мне казалось, что я схожу с ума. Вся наша жизнь была сплошной ложью. Наши родители все время нам лгали. И, в конце концов, оставили, не сказав ни слова. Бросили ради своего Братства!

Я вновь взглянул на Кэру. Она смотрела прямо перед собой, ее глаза были полны ужаса.

Что будет с нами? Зачем Джин привела нас сюда? И что мы должны делать?

Люди сдвинулись ближе к центру круга, и мы приблизились вместе с ними. Теперь я заметил в центре большой гладкий пень. Человек в балахоне, который сорвал маски с родителей, подвел их к этому пню. Налетевший порыв ветра сорвал с него капюшон. Я увидел короткие темные волосы, очки в массивной оправе и сразу узнал его. Это был тот самый начальник из Крэнфорда, мистер Маркус.

Так вот почему он врал нам, подумал я. Видимо, так приказали ему отец с матерью. Они больше не хотели нас видеть. Они решили

целиком посвятить себя служению этому сатанинскому культу.

— Итак, мы готовы! — воскликнул Маркус, не заботясь о том, чтобы натянуть капюшон обратно. — Мы, служители Белой обезьяны, готовы вернуть себе Америку, которая по праву принадлежит нам. Слишком долго мы стояли в стороне, пока другие распоряжались судьбой нашей страны. Довольно! Скоро мы выступим и силой вернем себе то, что должно быть нашим.

Он воздел руки к небу:

— Правительство отдало страну в руки преступников, но мы все изменим! Отмщение будет неотвратимым, и в стране воцарится порядок Братства. Наша армия силой искоренит преступность в обществе и в стране.

Раздались крики всеобщего одобрения. Лишь отец с матерью хранили молчание.

— Долой коррумпированные суды! Долой беспомощную полицию! Да здравствует Братство! — закричал Маркус, и лес огласился новыми одобрительными возгласами.

Когда вновь наступила тишина, Маркус опустил руки, и взгляд его остановился на наших родителях.

— А эти, которые предали нас, — они первыми ощутят на себе наше возмездие!

Предали? Что это значит?

Маркус вновь воздел руки. Теперь я увидел в одной из них нож с длинным лезвием.

— Братство Белой обезьяны всегда беспощадно к изменникам, и возмездие свершается быстро! — воскликнул он, и толпа вновь одобрительно зашумела.

Налетевший порыв ветра чуть не сорвал с меня капюшон, и я придержал его руками. Между тем на поляну выступил еще один человек, лицо которого скрывал капюшон, и заставил отца стать на колени. Голову его он прижал к пню.

— Надо что-то делать, — прошептала мне Кэра. — Еще немного, и будет поздно.

Маркус поднес нож к горлу отца:

— Жертва будет принесена! Вот так мы будем исполнять правосудие!

У меня вырвался едва слышный всхлип. Я чувствовал, как в голове бешено пульсирует кровь. Холодок ужаса пробежал по позвоночнику.

Ну почему я сразу не понял, что мои родители вовсе не вожди Братства! Наоборот, они его жертвы! И они не могут бежать или драться — человек в капюшоне направил на них пистолет.

Маркус взмахнул ножом.

— Признаешься ли ты, что предал Белую обезьяну? — проревел он.

— Признавайся! — потребовала толпа.

Кэра сжала мою руку.

— Марк, — прошептала она, — что же делать?

— Он не хочет признаваться, — завопил Маркус. — Так пусть познает нашу месть.

Он вновь приставил нож к горлу отца.

— Нет! Не надо! — раздался отчаянный крик мамы.

Она кинулась к Маркусу и попыталась схватить его руку с ножом. Он отшвырнул маму, а другой человек крепко ее обхватил, удерживая на месте. Маркус вновь повернулся к отцу.

— Час мести пробил! — провозгласил он.

Я знал, что больше медлить нельзя. Но что же делать? У меня нет никакого оружия. Если я попытаюсь броситься на Маркуса, меня либо схватят, либо застрелят.

— Марк... — простонала Кэра.

По ее лицу текли слезы. Она тесно прижалась ко мне, и я почувствовал, как что-то в кармане джинсов надавило мне на ногу. Я быстро сунул руку в карман и вытащил голову обезьяны. Ту самую, что я подобрал в комнате Джин. Она была холодной и тяжелой.

Как раз в этот момент Маркус повернулся ко мне. Его капюшон по-прежнему был откинут. Лицо открыто. Отлично!

Я не раздумывал. Я с размаху, не целясь, со всей силы швырнул

обезьянью голову в Маркуса. Если бы я попал ему между глаз, то мог бы его оглоушить, и родители получили бы шанс бежать.

Фигурка, просвистев в воздухе, попала Маркусу в плечо. Я промахнулся всего на несколько дюймов!

— Кто это сделал?! — прорычал он, глядя прямо на меня.

Глава 25

Я видела, как Маркус повернулся, и брат что-то бросил в него. Видела, как мужчина направился к нам. Очевидно, Марк промахнулся.

— Кто кинул в меня?! — закричал Маркус.

Он сделал еще несколько шагов в сторону Марка. Тот отступил назад. Все внимание было теперь приковано к этим двоим, и родителям этого оказалось достаточно.

Мать внезапно вырвалась из рук человека, который ее держал, пистолет упал на землю. Отец прыгнул на Маркуса сзади и сильно толкнул его в спину. Тот, вскрикнув от неожиданности, упал лицом в снег, выронив нож. Все остальные на мгновение застыли в неподвижности, явно ошеломленные происходящим. Потом некоторые вдруг начали разбегаться в стороны, но большинство так и продолжало стоять.

Отец быстро поднял с земли пистолет и приставил его к голове Маркуса:

— Всем стоять, или я вышибу ему мозги! ФБР! Вы все арестованы!

Не слушая его, приверженцы Братства разбежались в стороны, исчезая в лесу. Мы с Марком, откинув капюшоны, побежали к родителям. Мама первой увидела нас:

— Вы! Вы здесь!

Она кинулась навстречу нам и обняла нас обоих:

— Не может быть! Как вы здесь оказались? С вами все в порядке?

Иди в дом. Надо вызвать подкрепление. Их тут оказалось слишком много, — сказал отец маме, продолжая прижимать пистолет к голове Маркуса.

— Пап, все остальные уже разбежались, — крикнул я.

— Ничего. Я всех их знаю. Так что далеко не уйдут.

Мама подняла нож и поспешила к дому.

Папа повернулся к Марку.

— Мог бы кинуть и пометче, — сказал он.

— Извини, — смущенно ответил Марк, но лицо его прояснилось, когда на лице отца показалась улыбка.

— Ты спас нам жизнь, Марк.

— На самом деле это сделала Джин, — ответил брат, обнимая девушку за плечи.

К нам медленно направлялся крупный мужчина в балахоне. Он шел с поднятыми вверх руками. Это был доктор Ролингс, отец Джин.

— Я пытался остановить их, Грэг, — сказал он. — Я сделал, что мог. Но я боялся их. Боялся за Джин, да и за себя. Единственное, что мне удалось, это убедить их не трогать твоих детей.

— Я учту это, — сказал отец, сохраняя бесстрастное выражение лица. — Однако сейчас я должен вас арестовать. Как вы, Ролингс, вообще связались с этим Братством?

Тот тяжело вздохнул:

— Сначала я верил тому, что говорили Маркус и другие. Я считал, что надо что-то делать, чтобы ликвидировать преступность, чтобы жизнь стала безопасной. Но я не знал, что они намерены накапливать запасы оружия, хотят взять закон в свои руки... убивать людей. Я хотел уйти от них, Грэг, но боялся, что они расправятся со мной.

— Ты трус, Ролингс, — промычал Маркус, сплевывая на снег. — За свою трусость ты умрешь. Месть Белой обезьяны будет быстрой.

Не обращая внимания на слова Маркуса, отец повернулся к Джин:

— Я должен извиниться перед тобой. За то, что пытался разлучить тебя с Марком.

Он подтолкнул Маркуса:

— Двигайся. Мне хочется побыстрее снять этот балахон. Всегда терпеть не мог носить халат.

Мы направились к дому.

— Простите нас с мамой, — сказал вдруг нам отец. — Вы

наверняка все эти дни ужасно переживали.

— Было немножко, — скромно признала я.

Где-то слышался вой полицейской сирены. Значит, мать вызвала подкрепление.

— Где Роджер? — спросил отец. — Он не с вами?

— Э-э-э... Роджер мертв, — ответила я.

Папа остановился как вкопанный. Нахмурился. Покачал головой.

— О Господи! Роджер был одним из наших лучших агентов. После того как Братство разоблачило нас, я опасался, что они возьмутся за вас с Роджером.

— И еще убит человек по фамилии Мердох, — добавила я.

Отец еще больше помрачнел:

— Мердох был нашим руководителем в этой операции. Значит, Братство убило и его.

— Это не Братство. Их обоих убил некий Фэррадэй.

— Кто?! Фэррадэй?

На его лице отразилось удивление. Он смотрел мимо меня, о чем-то напряженно размышляя.

— Фэррадэй... Он здесь? Видимо, вышел из тюрьмы. Что он здесь делает?

— Пап, кто он? — спросила я.

— Когда-то он был полицейским. Плохим полицейским. Мы с Люси посадили его за рэкет. Значит, это он убил Роджера и Мердоха...

— Мы думали, он настоящий полицейский. У него в машине рация...

— Любой может достать рацию и настроиться на полицейскую волну, — объяснил папа.

— Фэррадэй искал вас с мамой, — сказал я. — Мы заперли его в гараже.

Мне показалось или в его глазах действительно стояли слезы? Никогда прежде я не видела папу таким.

— Я очень виноват перед вами, — сказал он. — Все бы отдал, чтобы вы не были втянуты в это дело.

— Теперь уже все закончилось.

Я надеялась, что это так.

Мы вошли в дом доктора Ролингса, испытывая чувство облегчения и в то же время несколько смущенные.

Глава 26

Постарайтесь понять, что мы были в очень сложном положении, — объясняла нам с Марком мама. — Конечно же, мы не хотели вам лгать, но и не хотели вовлекать вас в наши дела. Мы боялись, что вы будете очень волноваться за нас, если узнаете, что мы агенты ФБР.

Наконец-то мы были у себя дома, вчетвером. Полиция забрала Фэррадэя из гаража и унесла тела Роджера и Мер-доха. Мы остались одни. Папа приготовил горячий шоколад. Мы сидели на кухне и говорили.

— Так вы никогда не были специалистами по компьютерам? — поинтересовалась Кэра.

Вид у нее все еще был растерянный.

— Да нет же, — ответил папа. — Мы действительно разбираемся в компьютерах. Но еще лучше мы разбираемся в преступниках.

Мама вздохнула:

— Это не самая приятная работа. Вы сами могли убедиться в этом сегодня ночью.

— Так именно из-за вашей работы мы так часто переезжали с места на место? — догадался я.

— Увы, — кивнула мама. — Мы старались, чтобы у вас было нормальное детство. Поэтому скрывали от вас правду.

— До сих пор нам это удавалось, — добавил папа.

— Зато сегодня нам удалось остаться в живых, — заметила мама.

— Да, но это первый случай, когда нас раскрыли. Эти чертовы «белые обезьяны» действительно собирались нас прикончить.

— Но почему все эти люди так слушались Маркуса?

— Это человек с очень сильной волей, настоящий лидер, который умеет подчинять себе людей, — ответил папа. — К тому же он говорил то, что им хотелось услышать. Он смог убедить их, что действительно ведет их к лучшей жизни.

— Где же вы были все это время? — поинтересовался я.

— Маркус три дня держал нас в подвале крэнфордского офиса, — ответила мама. — Он дожидался их очередного собрания, чтобы публично казнить нас.

— А вы действительно работали в Крэнфорде?

— Да. Именно там мы смогли внедриться в Братство. Маркус и его шайка намеревались полностью захватить Крэнфорд. Тогда бы они получили доступ к закрытой правительственной информации, в том числе по секретному оружию.

— Они бы применили это оружие, получи они такую возможность, — добавил папа.

— Спасение пришло от семьи Баррафсов, — рассмеялась мама, и мы присоединились к ней.

— Теперь, Марк, понимаешь, почему мы не хотели, чтобы ты встречался с Джин, — сказал папа, накрыв мою руку своей. — Мы собирали доказательства, чтобы арестовать членов Братства, и мы знали, что ее отец — один из них. Я пытался предостеречь тебя, но, конечно, не мог объяснить подлинную причину.

— По-моему, Джин удивила всех, — заметил я.

— Интересно, что она сейчас делает?

— Она очень храбрая девушка, — признал папа.

— А Роджер? Он нам никакой не родственник? Он работал на вас? — спросила Кэра.

— Да, он был одним из наших агентов.

— Он вел себя так странно после того, как вы пропали. Мы не знали, что и думать.

— Наверняка они с Мэрдохом делали все возможное, чтобы найти нас, — заметил папа, а мама заметно погрузнела.

Мы допили свой шоколад. Говорить больше было не о чем. На все вопросы получены ответы. Ну, почти на все.

— Что же дальше? — спросил я.

— Дальше будет новое дело, — откликнулась мама. — Но теперь, видимо, все будет иначе. Наше прежнее прикрытие рухнуло.

В субботу родители уже заканчивали паковать вещи. Мы

готовились к очередному переезду. Едва мы позавтракали, как раздался звонок в дверь. Это была Джин. На улице ее ожидало такси.

— Привет. Заходи.

— Не могу. Заехала к тебе по пути в аэропорт.

— Куда ты едешь?

— В Детройт, буду жить с мамой. Пока папа... ну, ты же знаешь...

Я взял ее за руку.

— Ты в порядке?

— Да, наверно. Потребуется время, чтобы примириться со всем этим. Знаешь, я буду по тебе скучать.

— И мы переезжаем, — несколько невпопад ответил я. — Даже не знаю, куда теперь направимся. Но я напишу.

— Ладно. Я тоже буду писать тебе.

Водитель такси посигналил, торопя свою пассажирку. Джин привстала на цыпочки и поцеловала меня. Ее лицо было прохладным, а губы теплыми. Долгий нежный поцелуй. Его я не забуду никогда.

Джин сунула мне в руку маленький сверток и быстро, не оборачиваясь, пошла к такси. Я стоял на крыльце. Она скользнула в машину, махнула мне рукой, и такси тронулось.

Я развернул сверток. Там была маленькая коробочка, вроде тех, где хранят драгоценности. Я открыл ее. Внутри лежала маленькая белая голова обезьяны с глазами из горного хрусталя.

Станный подарок, подумал я, вынимая обезьянку из коробочки. Что-то было вложено в оскаленную обезьянью пасть. Небольшой клочок бумаги. Я развернул.

Адрес Джин в Детройте и небольшая приписка: «Открою тебе свой секрет. Я тебя люблю. Джин».

Я свернул бумажку и вложил ее обратно в пасть обезьянки. Подержал фигурку в руке. Впервые она показалась мне теплой. Я подбросил ее на ладони и засунул в карман джинсов.

И без обезьянки я не забуду Джин и все то, что пережил на Фиар-стрит. И тем не менее я ее сохраню — этот сувенир.